

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СТИХОТВОРЕНІЙ
Н. А. НЕКРАСОВА

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ

1873—1877

СЕДЬМОЕ ИЗДАНИЕ

СЪ ПОРТРЕТОМЪ, ФАКСИМИЛЕ И БІОГРАФИЧЕСКИМЪ ОЧЕРКОМЪ

ТОМЪ ВТОРОЙ

И выстраданный стихъ, пронзительно унылый,
Ударить по сердцамъ съ невѣдомою силой...

А. Пушкинъ.

Примиритесь же съ Музой моею!
Я не знаю другого напѣва.
Кто живетъ безъ печали и гнѣва,
Тотъ не любитъ отчизны своей...

Н. Некрасовъ.

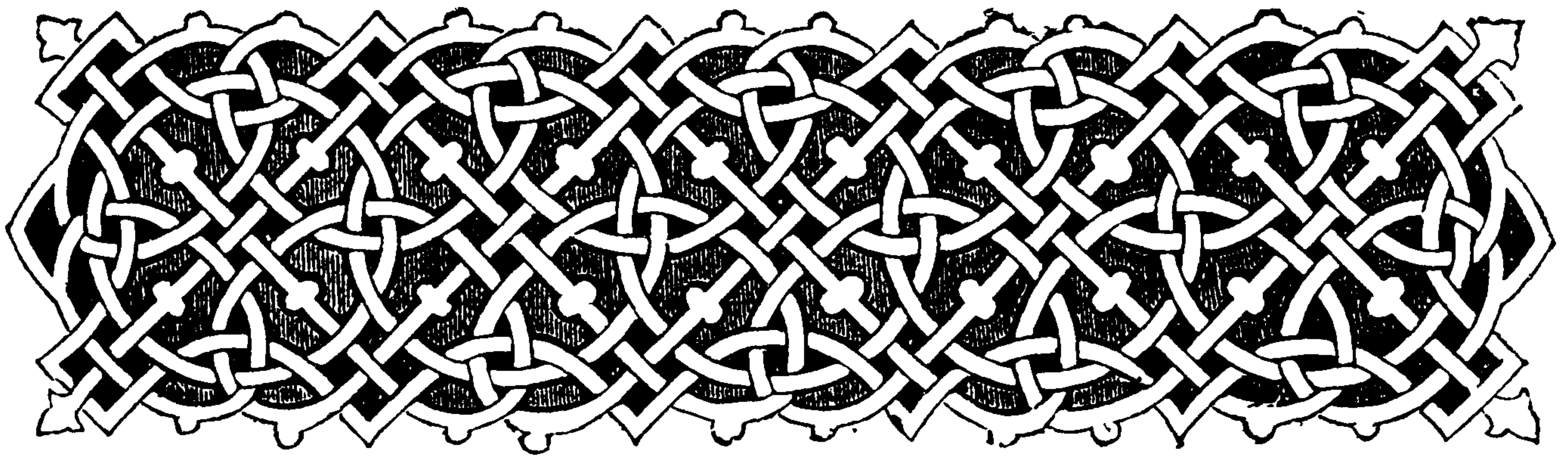

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1899

КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО.

ПРОЛОГЪ.

Въ какомъ году — разсчитывай,
Въ какой землѣ — угадывай,
На столбовой дороженькѣ
Сошлись семь мужиковъ:
Семь временно-обязанныхъ
Подтянутой губерніи,
Уѣзда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Изъ смежныхъ деревень:
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горѣлова, Неѣлова,
Неурожайка-тожъ, —
Сошлись — и заспорили:
Кому живется весело,
Вольготно на Руси?

Романъ сказаль: помѣщику,
Демьянъ сказаль: чиновнику,
Лука сказаль: попу.
Бупчинѣ толстопузому!
Сказали братья Губины,
Иванъ и Митродоръ.
Старикъ Пахомъ потужился
И молвилъ, въ землю гляючи:
Вельможному боярину,
Министру государеву;
А Провъ сказаль: царю.

Мужикъ, что быкъ: втемяшится
Въ башку какая блажь,
Коломъ ее оттудова
Не выбьешь: упираются,
Всякъ на своемъ стоять!
Такой ли споръ затѣяли,
Что думаютъ прохожіе —
Знать, кладъ нашли ребятушки
И дѣлятъ межъ собой...
По дѣлу всякъ по своему
До полдня вышелъ изъ дому:
Тотъ путь держаль до кузницы,
Тотъ шелъ въ село Иваньково
Позвать отца Прокофія —
Ребенка окрестить.
Пахомъ соты медовые
Несъ на базаръ въ Великое;
А два братана Губины
Такъ просто съ недоуздоркомъ
Ловить коня упрямого
Въ свое же стадо шли.

Давно пора бы каждому
Вернуть своей дорогою —
Они рядкомъ идутъ!
Идутъ, какъ будто гонятся
За ними волки сѣрые,
Что далъ — то скорѣй.
Идутъ — перекоряются,
Кричатъ — не образумятся;
А времячко не ждетъ.

За споромъ не замѣтили,
Какъ сѣло солнце красное,
Какъ вечеръ наступилъ.
Навѣрно-бъ ночку цѣлую
Такъ шли, куда — не вѣдая.
Когда-бъ имъ баба встрѣчная,
Корявая Дурандиха,
Не крикнула: «почтенные!
Куда вы, на ночь гляючи,
Надумали идти?..»

Спросила, засмѣялася,
Хлестнула, вѣдьма, мерина
И укатила вскачь...

— Куда?.. Переглянулись
Тутъ наши мужики;
Стоять, молчать, потупились...
Ужъ ночь давно сошла,
Зажглися звѣзды частыя
Въ высокихъ небесахъ;
Всплылъ мѣсяцъ, тѣни черныя
Дорогу перерѣзали

Ретивымъ ходокамъ.
Ой, тѣни! тѣни черныя!
Кого вы не нагоните?
Кого не перегоните?
Васъ только, тѣни черныя,
Нельзя поймать — обнять!

На лѣсъ, на путь-дороженьку
Глядѣль, молчалъ Пахомъ,
Глядѣль — умомъ раскидывалъ
И молвилъ наконецъ:

— «Ну! лѣшій шутку славную
Надъ нами подшутилъ!
Никакъ, вѣдь мы безъ малаго
Версть тридцать отошли!
Домой теперь ворочаться
Устали — не дойдемъ,
Присядемъ, — дѣлать нечего
До солнца отдохнемъ!..»

Сваливъ бѣду на лѣшаго,
Подъ лѣсомъ, при дороженькѣ,
Усѣлись мужики.
Зажгли костеръ, сложилися,
За водкой двое сбѣгали,
А прочіе покудова
Стаканчикъ изготовили,
Бересты понадравъ.
Приспѣла скоро водочка,
Приспѣла и закусочка —
Пируютъ мужички!
Косушки по три выпили,

Поѣли — и заспорили
Опять: кому жить весело,
Вольготно на Руси?
Романъ кричитъ: помѣщику,
Демьянъ кричитъ: чиновнику,
Лука кричитъ: попу;
Купчинъ толстопузому,
Кричатъ братаны Губины,
Иванъ и Митродоръ;
Пахомъ кричитъ: свѣтлѣйшему,
Вельможному боярину,
Министру государеву;
А Провъ кричитъ: царю!

Забрало пуще прежняго
Задорныхъ мужиковъ,
Ругательски ругаются,
Не мудрено, что вцѣплятся
Другъ другу въ волоса...

Гляди — ужъ и вцѣпилися...
Романъ тузитъ Пахомушку,
Демьянъ тузитъ Луку,
А два братана Губины
Утюжатъ Прова дюжаго —
И всякъ свое кричитъ!

Проснулось эхо гулкое,
Пошло гулять-погуливать,
Пошло кричать-покрикивать,
Какъ будто подзадоривать
Упрямыхъ мужиковъ.
Царю! направо слышится,

Налѣво отзывается:
 Попу! попу! попу!
 Весь лѣсъ переполошился,
 Съ летающими птицами,
 Звѣрями быстроногими
 И гадами ползущими,
 И стонъ, и ревъ, и гулъ!

Всѣхъ прежде зайка сѣренькій
 Изъ кустика сосѣдняго
 Вдругъ выскочилъ, какъ встрепанный,
 И на утекъ пошелъ!
 За нимъ галчата малые
 Вверху березы подняли
 Противный, рѣзкій пискъ.
 А тутъ еще у пѣночки
 Съ испугу птенчикъ крохотный
 Изъ гнѣздышка упалъ;
 Щебечеть, плачетъ пѣночка,
 Гдѣ птенчикъ?—не найдетъ!
 Потомъ кукушка старая
 Проснулась и надумала
 Кому-то куковать;
 Разъ десять принималася,
 Да всякій разъ сбивалася
 И начинала вновь...
 Кукуй, кукуй, кукушечка!
 Заколосится хлѣбъ,
 Подавишься ты колосомъ —
 Не будешь куковать *)!

*) Кукушка перестаетъ куковать, когда заколосится хлѣбъ—«подавившись колосомъ», говоритъ народъ.

Слетѣлися семь филиновъ,
Любуются побоищемъ
Съ семи большихъ деревъ:
Хохочуть, полуночники!
А ихъ глазищи желтые
Горятъ, какъ воску яраго
Четырнадцать свѣчей!
И воронъ, птица умная,
Приспѣлъ, сидитъ на деревѣ
У самага костра,
Сидитъ, да чорту молится,
Чтобъ до смерти ухлопали
Котораго-нибудь!
Корова съ колокольчикомъ,
Что съ вечера отбилася
Отъ стада, чуть слышала
Людскіе голоса —
Пришла къ костру, уставила
Глаза на мужиковъ,
Шальныхъ рѣчей послушала
И начала, сердечная,
Мычать, мычать, мычать!

Мычитъ корова глупая,
Пищатъ галчата малые,
Кричатъ ребята буйные,
А эхо вторить всѣмъ.
Ему одна заботушка:
Честныхъ людей поддразнивать,
Пугать ребятъ и бабъ!
Никто его не видывалъ,
А слышать — всякій слыхивалъ,

Безъ тѣла — а живетъ оно,
Безъ языка — кричить!

Сова, — замоскворѣцкая
Княгиня, — тутъ же мечется:
Летаетъ надъ крестьянами,
Шарахаясь то о землю,
То о кусты крыломъ...

Сама лисица хитрая,
По любопытству бабьему,
Подкралась къ мужикамъ,
Послушала, послушала,
И прочь пошла, подумавши:
«И чортъ ихъ не пойметъ!»
И вправду: сами спорщики
Едва ли знали, помнили —
О чемъ они шумятъ...

Намявъ бока порядочно
Другъ другу, образумились
Крестьяне наконецъ;
Изъ лужицы напилися,
Умылись, освѣжились;
Сонъ началъ ихъ кренить...

Тѣмъ часомъ птенчикъ крохотный,
По малу, по полсаженки,
Низкомъ перелетаючи,
Къ костру подобрался.
Поймалъ его Пахомушка,
Поднесъ къ огню, разглядывалъ,
И молвилъ: «Пташка малая,

А ноготокъ востеръ!
Дыхну — съ ладони скатишься,
Чихну — въ огонь укаатишься,
Щелкну — мертва покатишься,
А все-жь ты, пташка малая,
Сильнѣе мужика!
Окрѣпнуть скоро крылышки —
Тю-тю! куда ни вздумаешь,
Туда и полетишь!
Ой, ты, пичуга малая!
Отдай свои намъ крылышки:
Все царство облетимъ,
Посмотримъ, поразвѣдаемъ,
Поспросимъ — и дознаемся:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?»

— «Не надо бы и крылышекъ,
Кабы намъ только хлѣбушка
По полупуду въ день, —
И такъ бы мы Русь-матушку
Ногами перемѣряли!»

Сказалъ угрюмый Провъ.

— «Да по ведру бы водочки»,
Прибавили охочіе
До водки братья Губины,
Иванъ и Митродоръ.

— «Да утромъ бы огурчиковъ
Соленыхъ по десяточку»,
Шутили мужики.

— «А въ полдень бы по жбанчику
Холоднаго кваску».

— «А вечеромъ по чайничку
Горячаго чайку...»

Пока они гуторили,
Вилась, кружилась пѣночка
Надъ ними: все прослушала
И сѣла у костра.
Чивикнула, подпрыгнула
И человѣчьимъ голосомъ
Пахому говорить:

— «Пусти на волю птенчика!
За птенчика за малаго
Я выкупъ дамъ большой».

— А что ты дашь?

— «Дамъ хлѣбушка

По полупуду въ день,
Дамъ водки по ведерочку,
Поутру дамъ огурчиковъ,
А въ полдень квасу кислаго,
А вечеромъ чайку!»

— А гдѣ, пичуга малая,
Спросили братья Губины,
— Найдешь вина и хлѣбушка
Ты на семь мужиковъ?

— «Найти — найдете сами вы,
А я, пичуга малая,
Скажу вамъ, какъ найти».
— Скажи!

— «Идите по лѣсу,
Противъ столба тридцатаго
Прямехонько версту:
Придете на поляночку,
Стоять на той поляночкѣ
Двѣ старыя сосны,
Подъ этими подѣ соснами
Закопана коробочка.
Добудьте вы ее,—
Коробка та волшебная,
Въ ней скатерть самобранная:
Когда ни пожелаете,
Накормить, напоить!
Тихонько только молвите:
— *Эй! скатерть самобранная!*
Попотчуй мужиковъ!
По вашему хотѣнію.
По моему велѣнію,
Все явится тотчасъ,
Теперь — пустите птенчика!»

— Пстой! мы люди бѣдные,
Идемъ въ дорогу дальнюю,
Отвѣтилъ ей Пахомъ:
Ты, вижу, птица мудрая:
Уважь — одѣжу старую
На насъ заворижи!

— Чтобъ армяки мужицкіе
Носились, не сносились!
Потребовалъ Романъ.

— Чтобъ липовые лапотки
Служили, не разбились,
Потребовалъ Демьянъ.

— Чтобъ вошь, блоха паскудная,
Въ рубахахъ не плодилася,
Потребовалъ Лука.

— Не прѣли бы онученьки...
Потребовали Губины...

А птичка имъ въ отвѣтъ:
— «Все скатерть самобранная
Чинить, стирать, просушивать
Вамъ будетъ... Ну, пусти!..»

Раскрывъ ладонь широкую,
Пахомъ птенца пустилъ.
Пустилъ — и птенчикъ крохотный,
По малу, по полсаженки,
Низкомъ перелетаючи,
Направился къ дуплу.
За нимъ взвилася пѣночка
И на лету прибавила:
— Смотрите, чуръ одно!
Съѣстного сколько вынесетъ
Утроба — то и спрашивай,
А водки можно требовать
Въ день ровно по ведру.
Если вы больше спросите,
И разъ и два исполнится
По вашему желанію,
А въ третій — быть бѣдѣ!»

И улетѣла пѣночка
Съ своимъ родимымъ птенчкомъ,
А мужики гуськомъ
Къ дорогѣ потянулись
Искать столба тридцатаго.
Нашли! — Молчкомъ идутъ
Прямехонько, вѣрнехонько
По лѣсу, по дремучему,
Считаютъ каждый шагъ.
И какъ версту отмѣряли,
Увидѣли поляночку —
Стоять на той поляночкѣ
Двѣ старыя сосны...

Крестьяне покопалися,
Достали ту коробочку,
Открыли — и нашли
Ту скатерть самобранную!
Нашли — и разомъ вскрикнули:
«Эй, скатерть самобранная!
Попотчуй мужиковъ!»

Глядь — скатерть развернулася,
Откудова ни взялися
Двѣ дюжія руки,
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлѣбушка,
И спрятались опять.

— А что же нѣтъ огурчиковъ?

— Что нѣтъ чайку горячаго?

— Чтò нѣтъ кваску холоднаго?
Все появилось вдругъ...

Крестьяне распоясались,
У скатерти усѣлися,
Пошелъ тутъ пиръ горой!
На радости цѣлуются,
Другъ дружкѣ обѣщаются
Впередъ не драться зря,
А съ толкомъ дѣло спорное
По разуму, по-божески,
По чести повести —
Въ домишки не ворочаться,
Не видѣться ни съ женами,
Ни съ малыми ребятами,
Ни съ стариками старыми,
Покуда дѣлу спорному
Рѣшенья не найдутъ,
Покуда не довѣдаютъ
Какъ ни на есть — доподлинно,
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?

Зарокъ такой поставивши,
Подъ утро, какъ убитые,
Заснули мужики...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

ПОПЪ.

Широкая дороженька
Березками обставлена,
Далеко протянулася,
Песчана и глуха.
По сторонамъ дороженьки
Идутъ холмы пологіе,
Съ полями, съ сѣнокосами,
А чаще съ неудобною,
Заброшенной землей;
Стоять деревни старыя,
Стоять деревни новыя,
У рѣчекъ, у прудовъ...
Лѣса, луга поемные,
Ручьи и рѣки русскіе
Весною хороши.
Но вы, поля весеннія!
На ваши всходы бѣдныя
Не весело глядѣть!
«Не даромъ зиму долгую
(Толкуютъ наши странники)
Снѣгъ каждый день валилъ:
Пришла весна — сказался снѣгъ!
Онъ смиренъ до поры:
Летитъ — молчитъ, лежитъ молчитъ,
Когда умретъ, тогда реветъ.
Вода — куда ни глянь!
Поля совсѣмъ затоплены,
Навозъ возить — дороги нѣтъ,

А время ужъ не раннее —
Подходить мѣсяцъ май!»
Не любо и на старыя,
Большѣй того на новыя
Деревни имъ глядѣть.
Ой, избы, избы новыя!
Нарядны вы, да строить васъ
Не лишняя копѣчка,
А кровная бѣда!..

Съ утра встрѣчались странникамъ
Все больше люди малые:
Свой братъ крестьянинъ-лапотникъ,
Мастеровые, нищѣ,
Солдаты, ямщики.
У нищихъ, у солдатиковъ
Не спрашивали странники,
Какъ имъ — легко ли, трудно ли
Живется на Руси?
Солдаты шиломъ брѣются,
Солдаты дымомъ грѣются,
Какое счастье тутъ?..

Ужъ день клонился къ вечеру,
Идутъ путемъ-дорогою,
На встрѣчу ѣдетъ попъ.
Крестьяне сняли шапочки,
Повыстроились въ рядъ
И мерину саврасому
Загородили путь.
Священникъ поднялъ голову,
Глядѣлъ, глазами спрашивалъ:
Чего они хотятъ?

— Небось! мы не грабители!
Сказалъ попу Лука.
(Лука—мужикъ присадистый
Съ широкой бородищею,
Упрямъ, рѣчисть и глупъ.
Лука похожъ на мельницу:
Однимъ не птица мельница,
Что какъ ни машеть крыльями,
Небось, не полетитъ).

— Мы мужики степенные,
Изъ временно-обязанныхъ,
Уѣзда Терпигорева,
Пустопорожней волости
Окольныхъ деревень:
Заплатова Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горѣлова, Неѣлова,
Неурожайка-тожъ.
Идемъ по дѣлу важному:
У насъ забота есть,
Такая ли заботушка,
Что изъ домовъ повыжила,
Съ работою раздружила насъ,
Отбила отъ ѣды.
Ты дай намъ слово вѣрное
На нашу рѣчь мужицкую
Безъ смѣху и безъ хитрости,
По совѣсти, по разуму,
По правдѣ отвѣчать;
Не то съ своей заботушкой
Къ другому мы пойдёмъ...

— «Даю вамъ слово вѣрное:
 Коли вы дѣло спросите,
 Безъ смѣху и безъ хитрости,
 По правдѣ и по разуму,
 Какъ должно отвѣчать,
 Аминь!..»

— Спасибо. Слушай же!

Идя путемъ-дорогою,
 Сошлись мы невзначай;
 Сошлись и заспорили:
 Кому живется весело,
 Вольготно не Руси?
 Романъ сказалъ: помѣщику,
 Демьянъ сказалъ: чиновнику,
 А я сказалъ: попу.
 Купчинъ толстопузому,
 Сказали братья Губины,
 Иванъ и Митродоръ.
 Пахомъ сказалъ: свѣтлѣйшему,
 Вельможному боярину,
 Министру государеву;
 А Провъ сказалъ: царю...
 Мужикъ, что быкъ: втемяшится
 Въ башку какая блажь —
 Коломъ ея оттудова
 Не выбьешь: какъ ни спорили,
 Не согласились мы!
 Пospоривши — повздорили,
 Повздоривши — подралися,
 Подравшись — одумали:
 Не расходиться врозь,
 Въ домишки не ворочаться,

Не видѣться ни съ женами,
Ни съ малыми ребятами,
Ни съ стариками старыми,
Покуда спору нашему
Рѣшенья не найдемъ,
Покуда не довѣдаемъ
Какъ ни на есть — доподлинно:
Кому жить любо-весело,
Вольготно на Руси?
Скажи-жь ты намъ по-божески:
Сладка ли жизнь поповская?
Ты какъ — вольготно, счастливо
Живешь, честной отецъ?..

Потупился, задумался,
Въ телѣжкѣ сидя, попъ,
И молвилъ: «Православные!
Роптать на Бога грѣхъ,
Несу мой крестъ съ терпѣніемъ,
Живу... а какъ? Послушайте!
Скажу вамъ правду-истину,
А вы крестьянскимъ разумомъ
Смекайте!»

— Начинай.

«Въ чемъ счастье по вашему?
Покой, богатство, честь,
Не такъ ли, други милые?»

Они сказали «такъ»...

«Теперь посмотримъ, братія,
Каковъ попу *покой?*
Начать, признаться, надо бы
Почти съ рожденья самаго,

Какъ достается грамота
 Поповскому сынку,
 Какой цѣной поповичемъ
 Священство покупается,
 Да лучше помолчимъ!

.

Дороги наши трудныя,
 Приходь у насъ большой;
 Болящій, умирающій,
 Рождающійся въ міръ
 Не избирають времени:
 Въ жнитво и въ сѣнокось,
 Въ глухую ночь осеннюю,
 Зимой, въ морозы лютыя,
 И въ половодье вешнее
 Иди — куда зовуть!
 Идешь безотговорочно,
 И пусть бы только косточки
 Ломались однѣ, —
 Нѣтъ! всякій разъ намается,
 Переболить душа.
 Но вѣрьте, православныя,
 Привычкѣ есть предѣль:
 Нѣтъ сердца, выносящаго
 Безъ нѣкоего трепета
 Предсмертное хрипѣніе,
 Надгробное рыданіе,
 Сиротскую печаль!
 Аминь!.. Теперъ подумайте,
 Каковъ попу покой?

Крестьяне мало думали;
Давъ отдохнуть священнику,
Они съ поклономъ молвили:
— Чтò скажешь намъ еще?
«Теперь посмотримъ, братія,
Каковъ попу *почетъ*?
Задача щекотливая,
Не прогнѣвить бы васъ?..

Скажите, православные,
Кого вы называете
Породой жеребьячьею?
Чурь! отвѣчать на спрось!»
Крестьяне позамялися,
Молчать — и пошь молчить...

«Съ кѣмъ встрѣчи вы боитесь,
Идя путемъ-дорогою?
Чурь! отвѣчать на спрось!»

Крехтятъ, переминаются,
Молчать!

«О комъ слагаете
Вы сказки балагурныя,
И пѣсни непристойныя,
И всякую хулу?..

«Мать-попадью степенную,
Попову дочь безвинную,
Семинариста всякаго —
Какъ чувствуете вы?
Кому въ догонъ, злорадствуя,
Кричите: го-го-го?..»

Потупились ребятушки,
Молчать — и попъ молчить...
Крестьяне думу думали,
А попъ широкой шляпою
Въ лицо себѣ помахивалъ
Да на небо глядѣлъ.
Весной, что внуки малые
Съ румянымъ солнцемъ-дѣдушкой
Играють облака:
Вотъ правая сторонушка
Одной сплошною тучею
Покрылась — затуманилась,
Стемнѣла и заплакала!
Рядами нити сѣрыя
Повисли до земли.
А ближе, надъ крестьянами,
Изъ небольшихъ, разорванныхъ,
Веселыхъ облачковъ
Смѣется солнце красное,
Какъ дѣвка изъ сноповъ.
Но туча передвинулась,
Попъ шляпой накрывается,
Быть сильному дождю.
А правая сторонушка
Уже свѣтла и радостна,
Тамъ дождь перестаетъ;
Не дождь, тамъ чудо божіе:
Тамъ съ золотыми нитками
Развѣшаны мотки...

«Не сами... по родителямъ
Мы такъ-то»... братья Губины
Сказали наконецъ.

И прочіе поддакнули:
«Не сами, по родителямъ!»
А поць сказалъ: «Аминь!
Простите, православные!
Не въ осужденье ближняго,
А по желанью вашему
Я правду вамъ сказалъ.
Таковъ почетъ священнику
Въ крестьянствѣ. А помѣщики...
— Ты мимо ихъ, помѣщиковъ!
Извѣстны намъ они!

«Теперь посмотримъ, братія,
Откудова *богачество*
Поповское идетъ?
Во время недалекое
Имперія російская
Дворянскими усадьбами
Была полнымъ-полна,
И жили тамъ помѣщики,
Владѣльцы именитые,
Какихъ теперь ужъ нѣтъ!
Плодились и множились
И намъ давали жить.
Что свадебъ тамъ игралось,
Что дѣтокъ нарождалось
На даровыхъ хлѣбахъ!
Хоть часто крутонравные,
Однако доброхотные
То были господа;
Прихода не чуждались:
У насъ они вѣнчались,
У насъ крестили дѣтушекъ,

Къ намъ приходили каяться,
Мы отпѣвали ихъ.
А если и случалось,
Что жилъ помѣщикъ въ городѣ,
Такъ умирать навѣрное
Въ деревню пріѣзжалъ.
Коли умретъ нечаянно,
И тутъ накажетъ накрѣпко
Въ приходѣ схоронить.
Глядишь, ко храму сельскому
На колесницѣ траурной,
Въ шесть лошадей, наследники
Покойника везутъ—
Попу поправка добрая,
Мірянамъ праздникъ праздникомъ...
А нынѣ ужъ не то!
Какъ племя іудейское,
Разсѣялись помѣщики
По дальней чужеземщинѣ
И по Руси родной.
Теперь ужъ не до гордости
Лежать въ родномъ владѣніи,
Рядкомъ съ отцами, съ дѣдами;
Да и владѣнья многія
Барышникамъ пошли.
Ой, холеня косточки
Россійскія, дворянскія!
Гдѣ вы не позакопаны?
Въ какой землѣ васъ нѣтъ?..
«Потомъ, статья... раскольники...
Не грѣшенъ, не живилъ я
Съ раскольниковъ ничѣмъ.
По счастью, нужды не было:

Въ моемъ приходѣ числится
Живущихъ въ православіи
Двѣ трети прихожанъ.
А есть такія волости,
Гдѣ сплошь почти раскольники,
Такъ тутъ какъ быть попу?

«Все въ мірѣ перемѣнчиво,
Прейдетъ и самый міръ...
Законы, прежде строгіе
Къ раскольникамъ, смягчились,
А съ ними и поповскому
Доходу мать пришель.
Перевелись помѣщики,
Въ усадьбахъ не живутъ они
И умирать на старости
Уже не ѣдутъ къ намъ.
Богатыя помѣщицы,
Старушки богомольныя, —
Которыя повымерли,
Которыя пристроились
Вблизи монастырей.
Никто теперь подрясника
Попу не подарить,
Никто не вышьетъ воздуховъ...
Живи съ однихъ крестьянъ,
Сбирай мірскія гривенки,
Да пироги по праздникамъ,
Да яйца о Святой.
Крестьянинъ самъ нуждается
И радъ бы далъ, да нѣчего...

«А то, еще не всякому
И милъ крестьянскій грошъ.

Угоды наши скудныя—
Пески, болота, мхи,
Скотинка ходить въ проголодь,
Родится хлѣбъ самъ-другъ;
А если и раздобрится
Сыра земля-кормилица,
Такъ новая бѣда:
Дѣваться съ хлѣбомъ некуда!
Припретъ нужда, продашь его
За сущую бездѣлицу,
А тамъ — неурожай!
Тогда плати въ три-дорога,
Скотинку продавай.
Молитесь, православные!
Грозитъ бѣда великая
И въ нынѣшнемъ году:
Зима стояла лютая,
Весна стопть дождливая,
Давно бы сѣять надобно,
А на поляхъ — вода!
Умилосердись, Господи!
Пошли крутую радугу
На наши небеса! *)
(Снявъ шляпу, пастырь крестится
И слушатели тожь).
«Деревни наши бѣдныя,
А въ нихъ крестьяне хворые
Да женщины печальницы,
Кормилицы, поилицы,
Рабыни, богомолицы
И труженицы вѣчныя:

*) Крутая радуга — къ вѣдру; пологая — къ дождю.

Господь, прибавь имь силу!
Съ такихъ трудовъ копѣйками
Живиться тяжело!
Случается, къ недужному
Придешь: не умирающій,—
Страшна семья крестьянская
Въ тотъ часъ, какъ ей приходится
Кормильца потерять!
Напутствуешь усопшаго
И поддержать въ оставшихся,
По мѣрѣ силу, стараешься
Духъ бодръ! А тутъ къ тебѣ
Старуха, мать покойника,
Глядь, тянется съ костлявою,
Мозолистой рукой.
Душа переверотится,
Какъ звякнуть въ этой рученькѣ
Два мѣдныхъ пятака!
Конечно, дѣло чистое—
За потребу воздаяніе;
Не брать—такъ нѣчѣмъ жить;
Да слово утѣшенія
Замретъ на языкѣ,
И словно какъ обиженный
Уйдешь домой... Аминь...»

Покончилъ рѣчь—и мерина
Хлестнулъ легонько попъ.
Крестьяне разступились,
Низенько поклонились,
Конь медленно побрель,
А шестеро товарищей,

Какъ будто сговорилися,
Накинулись съ упреками,
Съ отборной, крупной руганью
На бѣднаго Луку.

— Чтѣ взялъ? башка упрямая!
Дубина деревенская!
Туда же, лѣзетъ въ споръ!
«Дворяне колокольные—
Попы живутъ по-княжески.
Идутъ подъ небо самое
Поповы терема,
Гудитъ попова вотчина—
Колокола горластые—
На цѣлый божій міръ...»
— Три года я, ребятушки,
Жилъ у попа въ работникахъ:
Малину—не житье!
Попова каша съ маслицомъ,
Поповъ пирогъ—съ начинкою,
Поповы щи—съ снѣткомъ!
Жена попова толстая,
Попова дочка бѣлая,
Попова лошадь жирная,
Пчела попова сытая,
Какъ колоколь гудѣтъ!
— Ну, вотъ тебѣ хваленое,
Поповское житье!..
Чего оралъ, куражился!
На драку лѣзъ, анаѣема?
Не тѣмъ ли думалъ взять,
Что борода лопатою?
Такъ съ бородой козелъ

Гулялъ по свѣту ранѣе,
Чѣмъ праотецъ Адамъ,
А дуракомъ считается
И по сей часъ козелъ!..

Лука стоялъ, помалчивалъ,
Боялся, не наклали бы
Товарищи въ бока.
Оно бы такъ и сталося,
Да, къ счастію крестьянина,
Дорога позагнулася —
Лицо попово строгое
Явилось на бугрѣ...

ГЛАВА II.

СЕЛЬСКАЯ ЯРМОНКА.

Не даромъ наши странники
Поругивали мокрую,
Холодную весну.
Весна нужна крестьянину
И ранняя, и дружная,
А тутъ — хоть волкомъ вой!
Не грѣть землю солнышко,
И облака дождливыя,
Какъ дойныя коровушки,
Идутъ по небесамъ.
Согнало снѣгъ, а зелени
Ни травки, ни листа!
Вода не убирается,
Земля не одѣвается
Зеленымъ яркимъ бархатомъ,

И, какъ мертвецъ безъ савана,
Лежить подъ небомъ пасмурнымъ
Печальна и нага.

Жаль бѣднаго крестьянина,
А пуще жаль скотинушку;
Скормивъ запасы скудные,
Хозяинъ хворостиною
Прогналъ ее въ луга,
А что тамъ взять? Чернехонько!
Лишь на Николу вешняго
Погода поуставилась,
Зеленой, свѣжей травушкой
Полакомился скоть.

День жаркій. Подъ березками
Крестьяне пробираются,
Гуторятъ межъ собой:
«Идемъ одной деревнею,
«Идемъ другой, — пустехонько!
А день сегодня праздничный.
Куда пропалъ народъ?..»
Идутъ селомъ — на улицѣ
Одни ребята малые,
Въ домахъ — старухи старыя,
А то и вовсе заперты
Калитки на замокъ.
Замокъ — собачка вѣрная:
Не лаетъ, не кусается,
А не пускаетъ въ домъ!

Прошли село, увидѣли
Въ зеленой рамѣ зеркало:

Съ краями полный прудъ.
Надъ прудомъ рѣютъ ласточки;
Какіе-то комарики,
Проворные и тощіе,
Въ припрыжку, словно по суху,
Гуляютъ по водѣ.
По берегамъ, въ ракитинѣ,
Коростели скрипятъ.
На длинномъ, шаткомъ плотикѣ,
Съ валькомъ поповна толстая
Стоитъ, какъ стогъ подщипанный,
Подтыкавши подоль.
На этомъ же на плотикѣ
Спитъ уточка съ утятами...
Чу! лошадиный храпъ!
Крестьяне разомъ глянули
И надъ водой увидѣли
Двѣ головы: мужицкую,
Курчавую и смуглую,
Съ серьгой (мигало солнышко
На бѣлой той серьгѣ),
Другую — лошадиную
Съ веревкой сажень въ пять.
Мужикъ беретъ веревку въ ротъ,
Мужикъ плыветъ — и конь плыветъ,
Мужикъ заржалъ — и конь заржалъ.
Плывутъ, орутъ! Подъ бабою,
Подъ малыми утятами
Плотъ ходитъ ходенѣмъ.

Догналъ коня — за холку хватъ!
Вскочилъ и на лугъ выѣхалъ
Дѣтина: тѣло бѣлое,

А шея — какъ смола;
Вода ручьями катится
Съ коня и съ сѣдока.

— А что у васъ въ селеніи
Ни стараго, ни малаго,
Какъ вымеръ весь народъ?
«Ушли въ село Кузьминское:
Сегодня тамъ и ярмонка,
И праздникъ храмовой».
— А далеко Кузьминское?

«Да будетъ версты три».

— Пойдемъ въ село Кузьминское,
Посмотримъ праздникъ-ярмонку!
Рѣшили мужики;
А про себя подумали:
Не тамъ ли онъ скрывается,
Кто счастливо живетъ?

Кузьминское — богатое,
А пуще того — грязное
Торговое село,
По косогору тянется,
Потомъ въ оврагъ спускается,
А тамъ опять на горочку —
Какъ грязи тутъ не быть?
Двѣ церкви въ немъ старинныя:
Одна старообрядская,
Другая — православная,
Домъ съ надписью: училище —
Пустой, забитый на-глухо,

Изба въ одно окошечко,
Съ изображеньемъ фельдшера,
Пускающаго кровь.
Есть грязная гостинница,
Украшенная вывѣской
(Съ большимъ носатымъ чайникомъ
Подносъ въ рукахъ подносчика,
И маленькими чашками,
Какъ гусыня гусятами,
Тотъ чайникъ окружень),
Есть лавки постоянныя,
Въ подобіе уѣзднаго
Гостинаго двора...

Пришли на площадь странники:
Товару много всякаго
И видимо-невидимо
Народу! Не потѣха ли?
Кажись, нѣтъ ходу крестнаго,
А словно предъ иконами
Безъ шапокъ мужики.
Такая ужъ сторонущка!
Гляди, куда дѣваются
Крестьянскіе шлыки:
Помимо складу виннаго,
Харчевни, рестораціи,
Десятка штофныхъ лавочекъ,
Трехъ постоялыхъ двориковъ,
Да «ренсковаго погреба»,
Да пары кабаковъ,
Одиннадцать кабачниковъ
Для праздника поставили
Палатки на селѣ.

При каждой пять подносчиковъ;
Подносчики — молодчики,
Наметанные, дошлые,
А все имъ не поспѣть,
Со сдачей не управиться!
Гляди, что протянулося
Крестьянскихъ рукъ, со шляпами,
Съ платками, съ рукавицами.
Ой, жажда православная,
Куда ты велика!
Лишь окатить бы душеньку,
А тамъ добудутъ шапочки,
Какъ отойдетъ базаръ.

По пьянымъ по головушкамъ
Играетъ солнце вешнее...
Хмельно, горласто, празднично,
Пестро, красно кругомъ!
Штаны на парняхъ плисовы,
Жилетки полосатыя,
Рубахи всѣхъ цвѣтовъ;
На бабахъ платья красныя,
У дѣвокъ косы съ лентами,
Лебедками плывутъ!
А есть еще затѣйницы,
Одѣты по столичному —
И ширится, и дуется
Подоль на обручахъ!
Заступишь, — расфуфырятся!
Вольно же, новомодницы,
Вамъ снасти рыболовныя
Подъ юбками носить!
На бабъ нарядныхъ гляючи,

Старообрядка злющая
Товаркѣ говорить:
«Быть голоду! быть голоду!
Дивись, что всходы вымокли,
Что половодье вешнее
Стоить до Петрова!
Съ тѣхъ поръ, какъ бабы начали
Рядиться въ ситцы красные, —
Лѣса не поднимаются.
А хлѣба хоть не сѣй!»

— Да чѣмъ же ситцы красные
Туть провинились, матушка?
Ума не приложу!

«А ситцы тѣ французскіе —
Собачьей кровью крашены!
Ну... поняла теперь?..»

По конной потолкалися,
По взгорью, гдѣ навалены
Косули, грабли, бороны,
Багры, станки телѣжные,
Ободья, топоры.
Тамъ шла торговля бойкая,
Съ божбою, съ прибаутками,
Съ здоровымъ, громкимъ хохотомъ, —
И какъ не хохотать?
Мужикъ какой-то крохотный
Ходилъ, ободья пробовалъ:
Погнулъ одинъ — не нравится,
Погнулъ другой, потужился,
А ободъ какъ распрямится —
Щолкъ по лбу мужика!

Мужикъ реветъ надъ ободомъ,
«Вязовою дубиною»
Ругаетъ драчуна.
Другой пріѣхалъ съ разною
Подѣлкой деревянною —
И вывалилъ весь возъ!
Пьяненокъ! Ось сломалася,
А сталъ ее удѣлывать —
Топоръ сломалъ! Раздумался
Мужикъ надъ топоромъ,
Бранить его, корить его,
Какъ будто дѣло дѣлаеть:
«Подлецъ ты, не топоръ!
Пустую службу, плевую
И ты не сослужилъ.
Всю жизнь свою ты кланялся,
А ласковъ не бывалъ!»

Пошли по лавкамъ странники:
Любуются платочками,
Ивановскими ситцами,
Шлеями, новой обувью,
Издѣльемъ кимряковъ.
У той сапожной лавочки
Опять смѣются странники:
Тутъ башмачки козловые
Дѣдъ внучкѣ торговалъ,
Пять разъ про цѣну спрашивалъ,
Вертѣлъ въ рукахъ, оглядывалъ:
Товаръ — первѣйшій сортъ!
— Ну, дядя! два двугривенныхъ
Плати, не то проваливай!
Сказалъ ему купецъ.

«А ты постой!» Любуется
Старикъ ботинкой крохотной,
Такую держать рѣчь:
«Мнѣ зять — плевать, и дочь смолчить,
Жена — плевать, пускай ворчить!
А внучку жаль! Повѣсилась
На шею, егоза:
Купи гостинчикъ, дѣдушка,
Купи! — Головкой шелковой
Лицо щекочеть, ластится,
Цѣлуетъ старика.
Постой, ползунья босая!
Постой, юла! Козловыя
Ботиночки куплю...
Расхвастался Вавилушка,
И старому, и малому
Подарковъ насулилъ,
А пропился до грошика!
Какъ я глаза безстыжіе
Домашнимъ покажу?

«Мнѣ зять — плевать, и дочь смолчить,
Жена — плевать, пускай ворчить!
А внучку жаль!..» Пошелъ опять
Про внучку! Убивается!..

Народъ собрался, слушаетъ,
Не смѣючись, жалѣючи;
Случись, — работой, хлѣбушкомъ
Ему бы помогли,
А вынуть два двугривенныхъ, —
Такъ самъ ни съ чѣмъ останешься.
Да былъ тутъ человѣкъ,

Павлуша Веретенниковъ
(Какого роду, званія —
Не знали мужики,
Однако, звали «бариномъ».
Гораздъ онъ былъ балясничать,
Носилъ рубаху красную,
Поддевочку суконную,
Смазные сапоги;
Пѣлъ складно пѣсни русскія
И слушать ихъ любилъ.
Его видали многіе
На постоялыхъ дворикахъ,
Въ харчевняхъ, въ кабакахъ).
Такъ онъ Вавилу выручилъ —
Купилъ ему ботиночки.
Вавило ихъ схватилъ
И былъ таковъ! — На радости
Спасибо даже барину
Забылъ сказать старикъ;
За то крестьяне прочіе
Такъ были разутѣшены,
Такъ рады, словно каждаго
Онъ подарилъ рублемъ!

Была тутъ также лавочка
Съ картинами и книгами:
Офени запасались
Своимъ товаромъ въ ней.
— А генераловъ надобно?
Спросилъ ихъ купчикъ-выжига.
«И генераловъ дай!
Да только ты по совѣсти,
Чтобъ были настоящіе —
Потолще, погрознѣй».

— Чудные! какъ вы смотрите!
Сказалъ купецъ съ усмѣшкою:
— Тутъ дѣло не въ комплекціи...
«А въ чемъ же? шутишь, другъ!
Дрянъ, что ли сбыть желательно?
А мы куда съ ней дѣнемся?
Шалишь! Передъ крестьяниномъ
Всѣ генералы равные,
Какъ шишки на ели:
Чтобы продать невзрачнаго
Попастъ на доку надобно,
А толстаго да грознаго
Я всякому всучу...»

— А статскихъ не желаете?
«Ну, вотъ еще со статскими!»
(Однако, взяли — дешево! —
Какого-то сановника
За брюхо съ бочку винную
И за семнадцать звѣздъ).
Купецъ — со всѣмъ почтеніемъ,
Что любо, тѣмъ и потчуетъ
(Съ Лубянки — первый воръ!).
Спустилъ по сотнѣ Блюхера,
Архимандрита Фотія,
Разбойника Сипко,
Сбылъ книги: «Шутъ Балакиревъ»
И «Англійскій милордъ»...
Легли въ коробку книжечки,
Пошли гулять портретики
По царству всероссійскому,
Покамѣстъ не пристроятся
Въ крестьянской лѣтней горенкѣ,

На невысокой стѣночкѣ...
 Чортъ знаетъ для чего!

Эхъ! эхъ! придетъ ли времячко,
 Когда (приди желанное!..)
 Дадутъ понять крестьянину,
 Что розъ портретъ портретику,
 Что книга книгѣ розъ?
 Когда мужикъ не Блюхера
 И не милорда глупаго —
 Бѣлинскаго и Гоголя
 Съ базара понесетъ?
 Ой, люди, люди русскіе!
 Крестьяне православные!
 Слыхали ли когда-нибудь
 Вы эти имена?
 То имена великія:
 Носили ихъ, прославили
 Заступники народные!
 Вотъ вамъ бы ихъ портретики
 Повѣсить въ вашихъ горенкахъ,
 Ихъ книги прочитатъ...
 «И радъ бы въ рай, да дверь-то гдѣ»
 Такая рѣчь врывается
 Въ лавченку неожиданно.

— Тебѣ какую дверь?
 «Да въ балаганъ. Чу! музыка!..»
 — Пойдемъ, я укажу!

Про балаганъ прослышавши,
 Пошли и наши странники
 Послушать, поглазѣть.

Комедию съ Петрушкою,
Съ козою съ барабанщицей
И не съ простой шарманкою,
А съ настоящей музыкой
Смотрѣли тутъ они.
Комедія не мудрая,
Однако и не глупая,
Хожалому, квартальному
Не въ бровь, а прямо въ глазъ!
Шалашъ полнымъ полнѣшенекъ,
Народъ орѣшки щелкаетъ,
А то два-три крестьянина
Словечкомъ перекинутся —
Гляди, явилась водочка:
Посмотрятъ да попьютъ!
Хохочутъ, утѣшаются
И часто въ рѣчь Петрушкину
Вставляютъ слово мѣткое,
Какого не придумаешь,
Хоть проглоти перо!

Такіе есть любители —
Какъ кончится комедія
За ширмочки пойдутъ,
Цѣлуются, братаются,
Гуторятъ съ музыкантами:
— Откуда, молодцы?
«А были мы господскіе,
Играли на помѣщика,
Теперь мы люди вольные,
Кто поднесетъ-попотчуетъ,
Тотъ намъ и господинъ!»

— И дѣло, други милые,
Довольно баръ вы тѣшили,
Потѣшите мужиковъ!
Эй! малый! сладкой водочки!
Наливки! чаю! пòлпива!
Цимлянскаго — живѣй!..

И море разливанное
Пойдетъ, щедрѣе барскаго
Ребятокъ угостятъ.

Не вѣтры вѣютъ буйные,
Не мать-земля колышется —
Шумить, поеть, ругается,
Качается, валяется
Дерется и цѣлуется
У праздника народъ!
Крестьянамъ показалось,
Какъ вышли на пригорочекъ,
Что все село шатается,
Что даже церковь старую
Съ высокой колокольнею
Шатнуло разъ-другой! —
Тутъ трезвому, что голому,
Неловко... Наши странники
Прошлись еще на площади
И къ вечеру покинули
Бурливое село...

ГЛАВА III.

ПЬЯНАЯ НОЧЬ.

Не ригой, не амбарами,
Не кабакомъ, не мельницей,
Какъ часто на Руси,—
Село кончалось низенькимъ
Бревенчатымъ строеніемъ,
Съ желѣзными рѣшотками
Въ окошкахъ небольшихъ.
За тѣмъ этапнымъ зданіемъ
Широкая дороженька,
Березками обставлена,
Открылась, тутъ какъ тутъ.
По буднямъ малолюдная,
Печальная и тихая,
Не та она теперь!

По всей по той дороженькѣ
И по окольнымъ тропочкамъ,
Докуда глазъ хваталъ,
Ползли, лежали, ѣхали,
Барахталися пьяные,
И стономъ стонъ стоялъ!

Скрипятъ телѣги грузныя,
И какъ телячьи головы,
Качаются, мотаются
Побѣдныя головушки
Уснувшихъ мужиковъ!

Народъ идетъ — и падаетъ,
Какъ будто изъ-за валковъ

Картечью непріатели
Палятъ по мужикамъ!
Ночь тихая спускается,
Ужъ вышла въ небо темное
Луна; ужъ пишетъ грамоту
Господь червоннымъ золотомъ
По синему по бархату,
Ту грамоту мудреную,
Которой ни разумникамъ,
Ни глупымъ не прочесть.

Дорога стоголосая
Гудить! Чтò море синее,
Смолкаетъ, подымается
Народная молва.

«А мы полтинникъ писарю:
Прошенье изготовили
Къ начальнику губерніи...»

— Эй! съ возу куль упалъ!

«Куда же ты, Олёнушка?
Постой! еще дамъ пряничка,
Ты, какъ блоха проворная,
Наѣлась — и упрыгнула,
Погладить не далась!» —
— Добра ты, царска грамота,
Да не при насъ ты писана...

«Посторонись, народъ!»
(Акцизные чиновники
Съ бубенчиками, съ бляхами
Съ базара пронеслись).

— А я къ тому, теперича:
И вѣникъ дрянъ, Иванъ Ильичъ,
А погуляетъ по полу,
Куда какъ напылить!

«Избави Богъ, Парашенька,
Ты въ Питеръ не ходи!
Такіе есть чиновники:
Ты день у нихъ кухаркою,
А ночь у нихъ сударкою,
Такъ это наплевать!»

— «Куда ты скачешь, Савушка?»
(Кричитъ священникъ сотскому
Верхомъ, съ казенной бляхою).
— Въ Кузьминское скачу,
За становымъ. Оказія:
Тамъ впереди крестьянина
Убили...— «Эхъ!.. грѣхи!..»

— Худа ты стала, Дарьюшка!
«Не веретенце, другъ!
Вотъ тò, чѣмъ больше вертится
Пузатѣе становится,
А я, какъ день-деньской...»

«Эй! парень, парень глупенькій,
Оборванный, паршивенькій,
Эй, полюби меня!
Меня, простоволосую,
Хмельную бабу, старую,
Зааа-паааа-чканую!..»

Крестьяне наши трезвые,
Поглядывая, слушая,
Идутъ своимъ путемъ.

Средь самой средь дороженьки
Какой-то паренъ тихонькѣй
Большую яму выкопалъ:
— Что дѣлаешь ты тутъ?
«А хороню я матушку!»

— Дуракъ! какая матушка!
Гляди поддѣвку новую
Ты въ землю закопалъ!
Иди скорѣй, да хрюкаломъ
Въ канаву лягъ, воды испей!
Авось, соскочить дурь!

— «А ну, давай потянемся!»

Садятся два крестьянина,
Ногами упираются,
И жиятся и тужатся,
Крехтятъ — на скалкѣ тянутся,
Суставчики трещать!
На скалкѣ не понравилось:
«Давай теперь попробуемъ
Тянуться бородой!»
Когда порядкомъ бороды
Другъ дружкѣ поубавили,
Вцѣпились за скулы!
Пыхтятъ, краснѣютъ, корчатся,
Мычатъ, визжатъ, а тянутся!
— «Да будетъ вамъ, проклятые!»

Не разольешь водой!
Въ канавѣ бабы ссорятся
Одна кричитъ: домой идти
Тошнѣе, чѣмъ на каторгу!
Другая: врешь, въ моемъ дому
Похуже твоего!
Мнѣ старшій зять ребро сломалъ,
Середній зять клубокъ укралъ,
Клубокъ — плевокъ, да дѣло въ томъ —
Полтинникъ былъ замотанъ въ немъ;
А младшій зять все ножъ беретъ,
Того гляди убьетъ, убьетъ!..
— «Ну, полно, полно миленькій!
Ну, не сердись!» За валикомъ
Неподалеку слышится:
«Я ничего... пойдёмъ!»
Такая ночь бѣдовая!
Направо ли, налѣво ли
Съ дороги поглядишь:
Идутъ дружененько парочки,
Не къ той ли рощѣ правятся?
Та роща манитъ всякаго:
Въ той рощѣ голосистые
Соловухи поютъ...
Дорога многолюдная
Чтò позже — безобразнѣе:
Все чаще попадаютъ
Избитые, ползущіе,
Лежащіе пластомъ.
Безъ ругани, какъ водится,
Словечко не промолвится,
Шальная, непотребная
Слышнѣй всего она!

У кабаковъ смятеніе,
Подводы перепутались,
Испуганныя лошади
Безъ сѣдоковъ бѣгутъ;
Тутъ плачутъ дѣти малыя,
Тоскуютъ жены, матери:
Легко ли изъ питейнаго
Дозваться мужиковъ?..

У столбика дорожнаго
Знакомый голосъ слышится;
Подходятъ наши странники
И видятъ: Веретенниковъ
(Что башмачки козловые
Вавилѣ подарилъ)
Бесѣдуетъ съ крестьянами.
Крестьяне открываются
Милягѣ по душѣ:
Похвалить Павелъ пѣсенку —
Пять разъ споютъ, записывай!
Понравится пословица —
Пословицу пиши!
Позаписавъ достаточно,
Сказалъ имъ Веретенниковъ:
«Умны крестьяне русскіе,
Одно не хорошо,
Что пьютъ до одурѣнія:
Во рвы, въ канавы валятся —
Обидно поглядѣть!»

Крестьяне рѣчь ту слушали,
Поддакивали барину.
Павлуша что-то въ книжечку

Хотѣлъ уже писать,
Да выискался пьяненькій
Мужикъ,— онъ противъ барина
На животѣ лежалъ,
Въ глаза ему поглядывалъ,
Помалчивалъ,— да вдругъ
Какъ вскочить! Прямо къ барину —
Хватъ карандашъ изъ рукъ!
«Постой, башка порожняя!
Шальныхъ вѣстей, безсовѣстныхъ
Про насъ не разноси!
Чему ты позавидовалъ?
Что веселится бѣдная
Крестьянская душа?
Пьемъ много мы по времени,
А больше мы работаемъ,
Насъ пьяныхъ много видится,
А больше трезвыхъ насъ.
По деревнямъ ты хаживалъ?
Возьмемъ ведерко съ водкою,
Пойдемъ-ка по избамъ;
Въ одной, въ другой навалятся,
А въ третьей не притронутся —
У насъ на семью пьющую
Непьющая семья!
Не пьютъ, а такъ же маются;
Ужъ лучше-бъ пили, глупые,
Да совѣсть такова...
Чудно смотрѣть, какъ ввалится
Въ такую избу трезвую
Мужицкая бѣда, —
И не глядѣлъ бы! Видывалъ
Въ страду деревни русскія?

Въ питейномъ, что-ль, народъ?
У насъ поля обширныя,
А не гораздо щедрыя;
Скажи-ка, чьей рукой
Съ весны они одѣнутся,
А осенью раздѣнутся?
Встрѣчалъ ты мужика
Послѣ работы вечеромъ?
На пожнѣ гору добрую
Поставилъ, съѣлъ съ горошину:
— Эй! богатырь! соломенкой
Сшибу, посторонись! —

«Сладка ѣда крестьянская!
Весь вѣкъ пила желѣзная
Жуетъ, а ѣсть не ѣсть!
Да брюхо-то не зеркало,
Мы на ѣду не плачемся...
Работаешь одинъ,
А чуть работа кончена,
Гляди, стоятъ три дольщика...
А есть еще губитель-тать
Четвертый, злѣй татарина,
Такъ тотъ и не подѣлится,
Все слопаешь одинъ!
У насъ присталъ третьеводни
Такой же баринъ плохонькій,
Какъ ты, изъ-подъ Москвы:
Записываетъ пѣсенки,
Скажи ему пословицу,
Загадку загани...
А былъ другой — допытывалъ,
На сколько въ день сработаетъ,

По малу ли, по многу ли
Кусковъ пихаешь въ ротъ!
Иной угодыя мѣряетъ,
Иной въ селеньѣ жителей
По пальцамъ перечтетъ;
А вотъ, не сосчитали же,
По скольку въ лѣто каждое
Пожаръ пускаетъ на вѣтеръ
Крестьянскаго труда?..

«Нѣтъ мѣры хмелю русскому!
А горе наше мѣряли?
Работѣ мѣра есть?
Вино валить крестьянина,
А горе не валить его?
Работа не валить?
Мужикъ бѣды не мѣряетъ,
Со всякою справляется,
Какая ни приди.
Мужикъ, трудясь, не думаетъ,
Что силы надорветъ;
Такъ неужли надъ чаркою
Задуматься, что съ лишняго
Въ канаву угодишь?
А что глядѣть зазорно вамъ,
Какъ пьяные валяются, —
Такъ погляди, поди,
Какъ изъ болота волокомъ
Крестьяне сѣно мокрое,
Скосивши волокутъ:
Гдѣ не пробраться лошади,
Гдѣ и безъ ноши пѣшему
Опасно перейти,

Тамъ рать-орда крестьянская
По кочкамъ, по зажинамъ
Ползкомъ-ползеть съ плетюхами, —
Трещить крестьянскій пупъ!

«Подъ солнышкомъ, безъ шапочекъ,
Въ поту, въ грязи по макушку,
Осокою изрѣзаны,
Болотнымъ гадомъ-мошкою
Изъѣденные въ кровь, —
Небось, мы тутъ красивѣе?
Жалѣть — жалѣй умѣючи:
На мѣрочку господскую
Крестьянина не мѣрь!
Не бѣлоручки нѣжные,
А люди мы великіе
Въ работѣ и въ гульбѣ!..

«У каждаго крестьянина
Душа, что туча черная —
Гнѣвна, грозна — и надо бы
Громамъ гремѣть оттудова,
Кровавымъ лить дождямъ,
А все виномъ кончается.
Пошла по жиламъ чарочка —
И размѣялась добрая
Крестьянская душа!
Не горевать тутъ надобно,
Гляди кругомъ, — возрадуйся!
Ай парни, ай молодушки,
Умѣютъ погулять!
Повымахали косточки,
Повымотали душеньку,

А удаль молодецкую
Про случай сберегли!..»

Мужикъ стоялъ на валикѣ,
Притопывалъ лаптишками
И, помолчавъ минуточку,
Прибавилъ громкимъ голосомъ,
Любуясь на веселую,
Ревущую толпу:
«Эй! царство ты мужицкое,
Безшапочное, пьяное,
Шуми — вольнѣй шуми!..»

Какъ звать тебя, старинушка?
«А что? запишешь въ книжечку?
Пожалуй, нужды нѣтъ!
Пиши: *«Въ деревнѣ Босовѣ
Якимъ Нагой живетъ,
Онъ до смерти работаетъ,
До полусмерти пьетъ!»*

Крестьяне разсмѣялися
И рассказали барину,
Каковъ мужикъ Якимъ.

Якимъ — старикъ убогонькій,
Живалъ когда-то въ Питерѣ,
Да угодилъ въ тюрьму:
Съ купцомъ тягаться вздумалось!
Какъ липочка ободранный,
Вернулся онъ на родину
И за соху взялся.
Съ тѣхъ поръ лѣтъ тридцать жарится
На полосѣ подъ солнышкомъ,
Подъ бороной спасается

Отъ частаго дождя,
Живеть — съ сохою возится,
А смерть придетъ Якимушкѣ —
Какъ комъ земли отвалится,
Что на сохѣ присохъ...

Съ нимъ случай былъ: картиночекъ
Онъ сыну накупилъ,
Развѣшалъ ихъ по стѣночкамъ
И самъ не меньше мальчика
Любилъ на нихъ глядѣть.
Пришла немилость Божія —
Деревня загорѣлася —
А было у Якимушки
За цѣлый вѣкъ накоплено
Цѣлковыхъ тридцать пять;
Скорѣй бы взять цѣлковые,
А онъ сперва картиночки
Сталъ со стѣны срывать;
Жена его тѣмъ временемъ
Съ иконами возилася,
А тутъ изба и рухнула —
Такъ оплошалъ Якимъ!
Слились въ комокъ цѣлковики,
За тотъ комокъ дають ему
Одиннадцать рублей...
«Ой, братъ Якимъ! не дешево
Картинки обошлись!
За то и въ избу новую
Повѣсилъ ихъ, небось?»

— Повѣсилъ — есть и новыя,
Сказалъ Якимъ — и смолкъ.

Вглядѣлся баринъ въ пахаря:
Грудь впалая; какъ вдавленный
Животъ; у глазъ, у рта
Излучины, какъ трещины
На высохшей землѣ;
И самъ на землю-матушку
Похожъ онъ: шея бурая,
Какъ пластъ сухой, отрѣзанный;
Кирпичное лицо,
Рука — кора древесная,
А волосы — песокъ.

Крестьяне какъ замѣтили,
Что не обидны барину
Якимовы слова,
И сами согласилися
Съ Якимомъ: «Слово вѣрное:
Намъ подобаетъ пить!..
Пьемъ — значить: силу чувствуемъ!
Придетъ печаль великая,
Какъ перестанемъ пить!..
Работа не свалила бы,
Бѣда не одолѣла бы,
Насъ хмель не одолить!
Не такъ ли?

«Да, Богъ милостивъ!»

— Ну, выпей съ нами чарочку!

Достали водки, выпили.
Якому Веретенниковъ
Два шкалика поднесъ.

«Ай, баринъ! не прогнѣвался,
 Разумная головушка!
 (Сказалъ ему Якимъ):
 Разумной-то головушкѣ
 Какъ не понять крестьянина?
 А свиньи ходять по земли —
 Не видять неба вѣкъ!..»

Вдругъ пѣсня хоромъ грянула
 Удалая, согласная:
 Десятка три молодчиковъ,
 Хмельненьки, а не валятся,
 Идутъ рядкомъ, поють,
 Поють про Волгу-матушку,
 Про удаль молодецкую,
 Про дѣвичью красу.
 Притихла вся дороженька,
 Одна та пѣсня складная
 Широко, вольно катится,
 Какъ рожь подъ вѣтромъ стелется,
 По сердцу по крестьянскому
 Идетъ огнемъ-тоской!..

Подъ пѣсню ту удалую
 Раздумалась, расплакалась
 Молодушка одна:
 «Мой вѣкъ — что день безъ солнышка,
 «Мой вѣкъ — что ночь безъ мѣсяца,
 «А я млада-младешенька,
 «Что борзый конь на привязи,
 «Что ласточка безъ крыль!
 «Мой старый мужъ, ревнивый мужъ
 «Напился пьянь, храпомъ храпитъ,

«Меня младу-младешеньку
«И сонный сторожить!

Такъ плакалась молодушка
Да съ возу вдругъ и спрыгнула!
«Куда?» кричитъ ревнивый мужъ,
Привсталъ — и бабу за косу,
Какъ рѣдъку за вихорь!

«Ой! ночка, ночка пьяная!
Не свѣтлая, а звѣздная,
Не жаркая, а съ ласковымъ
Весеннимъ вѣтеркомъ!
И нашимъ добрымъ молодцамъ
Ты даромъ не прошла!
Струстнулось имъ по женушкамъ,
Оно и правда: съ женушкой
Теперь бы веселѣй!
Иванъ кричитъ: «я спать хочу»,
А Марьюшка: «и я съ тобой!»
Иванъ кричитъ: «постель узка»,
А Марьюшка: «уляжемся!»
Иванъ кричитъ: «ой! холодно»,
А Марьюшка: «угрѣемся!»
Какъ вспомнили ту пѣсенку,
Безъ слова — согласились
Ларецъ свой попытать.

Одна, зачѣмъ — Богъ вѣдаетъ,
Межъ полемъ и дорогою
Густая липа выросла;
Подъ ней присѣли странники
И осторожно молвили:

«Эй! скатерть самобранная,
Попотчуй мужиковъ!»

И скатерть развернулася,
Откудова ни взялися
Двѣ дюжія руки:
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлѣбушка
И спрятались опять.

Крестьяне подкрѣпилися,
Романъ за караульнаго
Остался у ведра,
А прочіе вмѣшались
Въ толпу — искать счастливаго:
Имъ крѣпко захотѣлося
Скорѣй попасть домой...

ГЛАВА IV.

СЧАСТЛИВЫЕ.

Въ толпѣ горластой, праздничной
Похаживали странники,
Прокликивали кличъ:
«Эй! нѣтъ ли гдѣ счастливаго?
Явись! Коли окажется,
Что счастливо живешь,
У насъ ведро готовое:
Пей даромъ, сколько вздумаешь —
На славу угостимъ!..»
Такимъ рѣчамъ неслыханнымъ
Смѣялись люди трезвые.

А пьяные, да умные
Чуть не плевали въ бороду
Ретивымъ крикунамъ.
Однако, и охотниковъ
Хлебнуть вина бесплатнаго
Достаточно нашлось.
Когда вернулись странники
Подъ липу, кличь прокликавши,
Ихъ обступилъ народъ.
Пришелъ дьячекъ уволенный,
Тощой, какъ спичка сѣрная,
И ласы распустилъ,
Что счастье не въ пажитяхъ,
Не въ соболяхъ, не въ золотѣ,
Не въ дорогихъ камняхъ...
— А въ чемъ же?

«Въ благодушествовѣ!

Предѣлы есть владѣніямъ
Господь, вельможь, царей земныхъ,
А мудраго владѣніе —
Весь вертоградъ Христовъ!
Коль обогрѣетъ солнышко,
Да пропущу косушечку,
Такъ вотъ, и счастливъ я!»
— А гдѣ возьмешь косушечку?
«Да вы же дать сулилися...

— Проваливай! шалишь!..

Пришла старуха старая,
Рябая, одноглазая,
И объявила, кланяясь,
Что счастлива она:

Что у нея до осени
Родилось рѣпъ до тысячи
На небольшой грядѣ:
«Такая рѣпа крупная,
Такая рѣпа вкусная,
А вся гряда—сажени три,
А въ поперечь—аршинъ!»
Надъ бабой посмѣялися,
А водки капли не дали:
«Ты дома вышей, старая,
Той рѣпой закуси!»

Пришелъ солдатъ съ медалями,
Чуть живъ, а выпить хочется:
«Я счастливъ!» говорить.

— Ну, открывай, старинушка,
Въ чемъ счастье солдатское?
Да не таись, смотри!
«А въ томъ, во-первыхъ, счастье,
Что въ двадцати сраженіяхъ
Я былъ, а не убитъ!
А во-вторыхъ, важнѣй того,
Я и во время мирное
Ходилъ ни сытъ, ни голоденъ,
А смерти не дался!
А въ-третьихъ — за провинности,
Великія и малыя,
Нещадно бить я палками,
А хоть пощупай — живъ!»

— На! выпивай, служивенькій,
Съ тобой и спорить нечего:
Ты счастливъ — слова нѣтъ!

Пришелъ съ тяжелымъ молотомъ
Каменотесъ олончанинъ,
Плечистый, молодой:
«И я живу — не жалуясь»,
Сказалъ онъ: «съ женкой, съ матушкой,
Не знаемъ мы нужды!»

— Да въ чемъ же ваше счастье?

«А вотъ, гляди (и молотомъ,
Какъ перышкомъ махнулъ):
Коли проснусь до солнышка
Да разогнусь о полночи,
Такъ гору сокрушу!
Случалось, не похвастаю,
Щебенки наколачивать
Въ день на пять серебромъ!»
Пахомъ приподнялъ «счастье»
И, крякнувши порядочно,
Работнику поднесъ:
— Ну, вѣско! а не будетъ ли
Носиться съ этимъ счастьемъ
Подъ старость тяжело?..
«Смотри, не хвастай силою»,
Сказалъ мужицъ съ одышкою,
Разслабленный, худой
(Носъ вострый, какъ у мертваго
Какъ грабли, руки тощія,
Какъ спицы, ноги длинныя,
Не человекъ — комаръ).
«Я былъ — не хуже каменьщикъ,
Да тоже хвасталъ силою,
Вотъ, Богъ и наказалъ!

Смекнулъ подрядчикъ, бестія,
Что простоватъ дѣтинушка,
Учалъ меня хвалить,
А я-то съ дуру радуюсь,
За четверыхъ работаю!
Однажды ношу добрую
Наклатъ я кирпичей;
А тутъ его, проклятаго,
И нанеси нелегкая;
«Что это? говоритъ,
«Не узнаю я Трифона!
«Идти съ такою ношею
«Не стыдно молодцу?»
— А коли мало кажется,
Прибавь рукой хозяйскою!
Сказалъ я, осердясь.
Ну, съ полчаса, я думаю,
Я ждалъ, а онъ подкладывалъ,
И подложилъ, подлець!
Самъ слышу — тяга страшная,
Да не хотѣлось пятиться.
И внесъ ту ношу чертову
Я во второй этажъ!
Глядитъ подрядчикъ, дивится,
Кричитъ, подлець, оттудова:
«Ай, молодець, Трофимъ!
Не знаешь самъ, что сдѣлалъ ты:
Ты снесъ одинъ по крайности
Четырнадцать пудовъ!»
Ой, знаю: сердце молотомъ
Стучить въ груди, кровавые
Въ глазахъ круги стоятъ,
Спина какъ-будто треснула...

Дрожать, ослабли ноженьки...
Зачахъ я съ той поры!..
Налей, братъ полстаканчика!»

— Налить? Да гдѣ-жъ тутъ счастье?»
Мы потчуетъ счастливаго,
А ты что рассказалъ?
«Дослушай! будетъ счастье!»

— Да въ чемъ же, говори!

«А вотъ въ чемъ. Мнѣ на родинѣ,
Какъ всякому крестьянину,
Хотѣлось умереть.
Изъ Питера, разслабленный,
Шальной, почти безъ памяти,
Я на машину сѣлъ.
Ну, вотъ, мы и поѣхали.
Въ вагонѣ лихорадочныхъ,
Горячечныхъ работничковъ
Насъ много набралось;
Всѣмъ одного желалось,
Какъ мнѣ: попасть на родину,
Чтобъ дома помереть.
Однако, нужно счастье
И тутъ: мы лѣтомъ ѣхали;
Въ жарыщѣ, въ духотѣ,
У многихъ помутилися
Въ конецъ больныя головы,
Въ вагонѣ адъ пошелъ:
Тотъ стонетъ, тотъ катается,
Какъ оглашенный, по полу,
Тотъ бредитъ женкой, матушкой...

Ну, на ближайшей станці
Такого и долой!
Глядѣлъ я на товарищѣй,
Самъ весь горѣлъ, подумывалъ —
Не сдобровать и мнѣ.
Въ глазахъ кружки багровые,
И все мнѣ, братецъ, чудится,
Что рѣжу пѣуновъ
(Мы тоже пѣунятники:
Случалось въ годъ откармливать
До тысячи зобовъ).
Гдѣ вспомнились, проклятые!
Ужъ я молиться пробовалъ,
Нѣтъ! все съ ума нейдутъ!
Повѣришь ли? вся партія
Передо мной трепещетъ!
Гортани перерѣзаны,
Кровь хлещетъ, а поютъ!
А я съ ножомъ: «Да полно вамъ!»
Ужъ какъ Господь помиловалъ,
Что я не закричалъ?
Сижу, крѣплюсь... по счастью,
День кончился! а къ вечеру
Похолодало, — сжалился
Надъ сиротами Богъ!
Ну, такъ мы и доѣхали,
И я добрель на родину,
А здѣсь, по божьей милости,
И легче стало мнѣ...»
— Чего вы тутъ расхвастались
Своимъ мужицкимъ счастьемъ?
Кричитъ разбитый на ноги
Дворовый человѣкъ:

А вы меня попотчуйте:
Я счастливъ, видить Богъ!
У перваго боярина,
У князя Переметьева,
Я былъ любимый рабъ.
Жена — раба любимая,
А дочка вмѣстѣ съ барышней
Училась и французскому,
И всякимъ языкамъ;
Садиться позволялось ей
Въ присутствіи княжны...
Ой! какъ кольнуло!.. батюшки!..
(И началъ ногу правую
Ладонями тереть).
Крестьяне разсмѣялися.
— Чего смѣтеть, глупые!
Озлившись неожиданно,
Дворовый закричалъ:
Я боленъ; а сказать ли вамъ,
О чемъ молюсь я Господу,
Вставая и ложась?
Молюсь: «Оставь мнѣ, Господи,
Болѣзнь мою почетную:
По ней я дворянинъ!»
Не вашей подлой хворостью,
Не хрипотой, не грыжею —
Болѣзнью благородною,
Какая только водится
У первыхъ лицъ въ имперіи,
Я боленъ, мужичьё!
По-да-грой именуется!
Чтобъ получить ее —
Шампанское, бургонское,

Токайское, венгерское
 Лѣтъ тридцать надо пить...
 За стуломъ у свѣтлѣйшаго
 У князя Переметьева
 Я сорокъ лѣтъ стоялъ,
 Съ французскимъ лучшимъ трюфелемъ
 Тарелки я лизалъ,
 Напитки иностранные
 Изъ рюмокъ допивалъ...
 Ну, наливай!

— Проваливай!

У насъ вино мужицкое,
 Простое, не заморское —
 Не по твоимъ губамъ!

Желтоволоосый, сгорбленный
 Подкрался робко къ странникамъ
 Крестьянинъ-бѣлоруссъ.
 Туда же, къ водкѣ тянется:
 «Налей и мнѣ маненечко,
 Я счастливъ!» говорить.

— А ты не лѣзь съ ручищами!
 Докладывай, доказывай
 Сперва, чѣмъ счастливъ ты?
 «А счастье наше — въ хлѣбушкѣ:
 Я дома, въ Бѣлорусси,
 Съ мякиною, съ кострикою
 Лчменный хлѣбъ жевалъ;
 Бывало, вопишь голосомъ,
 Какъ роженица корчишься,
 Какъ схватить животы.

А нынѣ, милость Божія!—
До-сыта у Губонина
Даютъ ржаного хлѣбушка,
Жую — не нажуюсь!»

Пришелъ какой-то пасмурный
Мужикъ, съ скулой свороченной,
Направо все глядитъ:
«Хожу я за медвѣдями,
И счастье мнѣ великое:
Троихъ моихъ товарищей
Сломали мишуки,
А я живу, Богъ милостивъ!»

— А ну-ка, влѣво глянь!

Не глянулъ, какъ ни пробовалъ,
Какія рожи страшныя
Ни корчилъ мужичекъ:
«Свернула мнѣ медвѣдица
Маненечко скулу!»
— А ты съ другой помѣряйся:
Подставь ей щеку правую —
Поправить... — Посмѣялися,
Однако, поднесли.

Оборванные нищѣ,
Послышавъ запахъ пѣннаго, —
И тѣ пришли доказывать,
Какъ счастливы они:
«Насъ у порога лавочникъ
Встрѣчаетъ подаяніемъ,
А въ домъ войдемъ, такъ изъ дому
Проводятъ до воротъ...»

Чуть запоемъ мы пѣсенку,
 Бѣжить къ окну хозяйшка
 Съ краюхою, съ ножомъ,
 А мы-то заливаемся:
 «Давай, давай — весь каравай
 Не мнется и не крошится,
 Тебѣ скорѣй, а намъ спорѣй...»

Смекнули наши странники,
 Что даромъ водку тратили,
 Да кстати и ведерочку
 Конецъ. «Ну, будетъ съ васъ!
 Эй, счастье мужицкое!
 Дырявое съ заплатами,
 Горбатое съ мозолями,
 Проваливай домой!»

«А вамъ бы, други милые,
 Спросить Ермилу Гирина»,
 Сказалъ, подсѣвши къ странникамъ,
 Деревни Дымоглотова
 Крестьянинъ Оедосей:
 «Коли Ермилъ не выручить,
 Счастливецемъ не объявится,
 Такъ и шататься нечего...»

— А кто такой Ермилъ?
 Князь, что ли, графъ сіятельный?
 «Не князь, не графъ сіятельный,
 А просто онъ — мужикъ!»
 — Ты говори толковѣе,
 Садись, а мы послушаемъ,
 Какой такой Ермилъ?

«А вотъ какой: сиротскую
Держалъ Ермило мельницу
На Унѣжѣ. По суду
Продать рѣшили мельницу:
Пришелъ Ермило съ прочими
Въ палату на торги.
Пустые покупатели
Скоренько отвалилися,
Одинъ купецъ Алтынниковъ
Съ Ермилой въ бой вступилъ.
Не отстаеть, торгуется,
Наносить по копѣчкѣ;
Ермило, какъ разсердится —
Хвать сразу пять рублей!
Купецъ опять копѣчку;
Пошло у нихъ сраженіе:
Купецъ его копѣйкою,
А тотъ его рублемъ!
Не устоялъ Алтынниковъ!
Да выпла тутъ оказія:
Тотчасъ же стали требовать
Задатковъ третью часть,
А третья часть — до тысячи.
Съ Ермиломъ денегъ не было:
Ужъ самъ ли онъ сплосалъ,
Схитрили ли подъячіе,
А дѣло вышло дрянъ!
Повеселѣлъ Алтынниковъ:
«Моя, выходитъ, мельница!
— «Нѣтъ!» говоритъ Ермиль.
Подходить къ предсѣдателю:
«Нельзя-ли вашей милости
Помѣшкать полчаса?»»

— Чтò въ полчаса ты сдѣлаешь?

«Я деньги принесу!»

— А гдѣ найдешь? въ умѣ-ли ты?
Версть тридцать пять до мельницы,
А черезъ часъ присутствію
Конецъ, любезный мой!

«Такъ полчаса позвольте?»

— Пожалуй, часъ промѣшкаемъ!
Пошелъ Ермилъ; подъячіе
Съ купцомъ переглянулись,
Смѣются, подлецы!
На площадь на торговую
Пришелъ Ермило (въ городѣ
Тотъ день базарный былъ),
Сталь на возъ, видимъ: крестится,
На всѣ четыре стороны
Поклонъ,— и громкимъ голосомъ
Кричить: «Эй, люди добрые!
Притихните, послушайте,
Я слово вамъ скажу!»
Притихла площадь людная,
И тутъ Ермилъ про мельницу
Народу рассказалъ:
«Давно купецъ Алтынниковъ
Присватывался къ мельницѣ,
Да не плошалъ и я;
Разъ пять справлялся въ городѣ,
Сказали: съ переторжкою
Назначены торги.
Безъ дѣла, сами знаете,
Возить казну крестьянину

Проселкомъ не рука:
Пріѣхалъ я безъ грошика,
Анъ глядь — они спроворили
Безъ переторжки торгъ!
Схитрили души подлыя,
Да и смѣются, нехристи:
«Что часомъ ты подѣлаешь?
Гдѣ денегъ ты найдешь?»
Авось, найду, Богъ милостивъ!
Хитры, сильны подъячіе,
А міръ ихъ посильнѣй;
Богатъ купецъ Алтынниковъ,
А все не устоятъ ему
Противъ мірской казны —
Ее, какъ рыбу изъ моря,
Вѣка ловить — не выловить.
Ну, братцы! видитъ Богъ,
Раздѣлаюсь въ ту пятницу!
Не дорога мнѣ мельница,
Обида велика!
Коли Ермила знаетъ,
Коли Ермилу вѣрите,
Такъ выручайте, что-ль!..»

И чудо сотворилося:
На всей базарной площади
У каждаго крестьянина,
Какъ вѣтромъ полу лѣвую
Заворотило вдругъ!
Крестьянство раскошелося,
Несутъ Ермилу денежки,
Даютъ, кто чѣмъ богатъ.

Ермило парень грамотный,
Да некогда записывать, —
Успѣй пересчитать!
Наклали шляпу полную
Цѣлковиковъ, лабанчиковъ,
Проженной, битой, трепаной
Крестьянской ассигнаціи;
Ермило бралъ — не брезговалъ
И мѣднымъ пятакомъ.
Еще бы сталъ онъ брезговать,
Когда тутъ попадалася
Иная гривна мѣдная
Дороже ста рублей!

Ужъ сумма вся исполнилась,
А щедрота народная
Росла: «бери Ермиль Ильичъ,
Отдашь, не пропадетъ!»
Ермиль народу кланялся
На всѣ четыре стороны,
Въ палату шелъ со шляпою,
Зажавши въ ней казну.
Сдвинулись подъячіе,
Позеленѣлъ Алтынниковъ,
Какъ онъ сполна всю тысячу
Имъ выложилъ на столъ!..
Не волчій зубъ, такъ лисій хвостъ, —
Пошли юлить подъячіе,
Съ покупкой поздравлять!
Да не таковъ Ермиль Ильичъ:
Не молвилъ слова лишняго,
Копѣйки не далъ имъ!

Глядѣть весь городъ съѣхался,
Какъ въ день базарный — пятницу,
Черезъ недѣлю времени,
Ермилъ на той же площади
Разсчитывалъ народъ.
Упомнить гдѣ же всякаго?
Въ ту пору дѣло дѣлалось
Въ горячкѣ, второцяхъ!
Однако, споровъ не было,
И выдать гроша лишняго
Ермилу не пришлось.
Еще — онъ самъ разсказывалъ —
Рубль лишній, чей — Богъ вѣдаетъ!
Остался у него.
Весь день съ мошной раскрытою
Ходилъ Ермилъ, допытывалъ,
Чей рубль? да не нашель.
Ужъ солнце закатилося,
Когда съ базарной площади
Ермилъ послѣдній тронулся,
Отдавъ тотъ рубль слѣпымъ...
Такъ вотъ каковъ Ермилъ Ильичъ».

Чудёнъ! сказали странники:
Однако, знать желательно —
Какимъ же колдовствомъ
Мужикъ надъ всей округою
Такою силу взялъ?

«Не колдовствомъ, а правдою.
Слыхали про Адовщину,
Юрлова князя вотчину!»

— Слыхали, ну, такъ что-жь?

«Въ ней главный управляющій
Былъ корпуса жандармскаго
Полковникъ, со звѣздой;
При немъ пять-шесть помощниковъ,
А нашъ Ермило писаремъ
Въ конторѣ состоялъ.

«Лѣтъ двадцать было малому;
Какая воля писарю?
Однако, для крестьянина
И писарь человѣкъ.
Къ нему подходишь къ первому,
А онъ и посовѣтуетъ,
И справку наведетъ;
Гдѣ хватить силы — выручить,
Не спросить благодарности.
И дашь, такъ не возьметъ!
Худую совѣсть надобно
Крестьянину съ крестьянина
Копѣйку вымогать.

«Такимъ путемъ вся вотчина
Въ пять лѣтъ Ермилу Гирина
Узнала хорошо,
А тутъ его и выгнали...
Жалѣли крѣпко Гирина,
Трудненько было къ новому,
Халугѣ привыкать;
Однако, дѣлать нечего,
По времени приладились
И къ новому писцу.

Тотъ ни строки безъ трешника,
Ни слова безъ семишника,
Проженный, изъ кутейниковъ —
Ему и Богъ велѣлъ!

«Однако, волей Божіей,
Недолго онъ поцарствовалъ! —
Скончался старый князь,
Приѣхалъ князь молоденькій,
Прогналъ того полковника,
Прогналъ его помощника,
Контору всю прогналъ;
А намъ велѣлъ изъ вотчины
Бурмистра избрать.
Ну, мы не долго думали:
Шесть тысячъ душъ, всей вотчиной
Кричимъ: «Ермилу Гирина!»
Какъ человѣкъ единъ!
Зовутъ Ермилу къ барину.
Поговоривъ съ крестьяниномъ,
Съ балкона князь кричитъ:
«Ну, братцы! будь по вашему!
Моей печатью княжеской
Вашъ выборъ утверждень:
Мужикъ проворный, грамотный,
Одно скажу: не молодъ ли?..»

А мы: «нужды нѣтъ, батюшка,
И молодъ, да уменъ!»
Пошелъ Ермило царствовать
Надъ всей княжою вотчиной, —
И царствовалъ же онъ!
Въ семь лѣтъ мірской копѣчки

Подъ ноготь не зажалъ;
 Въ семь лѣтъ не тронулъ праваго,
 Не попустилъ виновному,
 Душой не покривилъ...»

— Стой! крикнулъ укорительно
 Какой-то попикъ сѣденькій
 Разсказчику — грѣшишь!
 Шла борона прямехонько,
 Да вдругъ махнула въ сторону —
 На камень зубъ попалъ!
 Коли взялся разсказывать,
 Такъ слова не выкидывай
 Изъ пѣсни: или странникамъ
 Ты сказку говоришь?..
 Я зналъ Ермилу Гирина...

— «А я, небось, не зналъ!
 Одной мы были вотчины,
 Одной и той же волости,
 Да насъ перевели...»
 — А коли зналъ ты Гирина,
 Ты зналъ и брата Митрія;
 Подумай-ка, дружокъ.
 Разсказчикъ призадумался
 И, помолчавъ, сказалъ:
 — «Совралъ я: слово лишнее
 Сорвалось на маху!
 Былъ случай, — и Ермилъ мужикъ
 Свихнулся: изъ рекрутчины
 Меньшого брата Митрія
 Повыгородилъ онъ.
 Молчимъ: тутъ спорить нечего,

Самъ баринъ брата старосты
Забрить бы не велѣлъ;
Одна Ненила Власьева
По сынѣ горько плачется,
Кричитъ: не нашъ чередъ!
Извѣстно, покричала бы,
Да съ тѣмъ бы и отъѣхала.
Такъ что же? Самъ Ермилъ,
Покончивши съ рекрутчиной,
Сталъ тосковать, печалиться,
Не пьетъ, не ѣстъ: тѣмъ кончилось,
Что въ денникѣ съ веревкою
Засталъ его отецъ. —

Тутъ сынъ отцу покаялся:
«Съ тѣхъ поръ, какъ сына Власьевны
Поставилъ я не въ очередь,
Постылъ мнѣ бѣлый свѣтъ!»
А самъ къ веревкѣ тянется.
Пытали уговаривать
Отецъ его и братъ,
Онъ все одно: «преступникъ я!
Злодѣй! вяжите руки мнѣ,
Ведите въ судъ меня!»
Чтобъ хуже не случилось,
Отецъ связалъ сердечнаго,
Приставилъ карауль.

«Сошелся мѣръ, шумить, галдитъ:
Такого дѣла чуднаго
Во вѣкъ не приходило
Ни видѣть, ни рѣшать.
Ермиловы семейные
Ужъ не о томъ старались,
Чтобъ мы имъ помирволили,

А строже разсуди —
Верни парнишку Власьевнѣ,
Не то Ермилъ повѣсится,
За нимъ не углядишь!
Пришелъ и самъ Ермилъ Ильичъ,
Босой, худой, съ колодками,
Съ веревкой на рукахъ;
Пришелъ, сказалъ: «была пора,
Судилъ я васъ по совѣсти,
Теперь я самъ грѣшнѣе васъ:
Судите вы меня!»
И въ ноги поклонился намъ.
Ни дать, ни взять — юродивый,
Стойтъ, вздыхаетъ, крестится;
Жаль было намъ глядѣть,
Какъ онъ передъ старухою,
Передъ Ненилой Власьевной,
Вдругъ на колѣни палъ!
«Ну, дѣло все обладилось!
У господина сильнаго
Вездѣ рука: сынъ Власьевны
Вернулся, сдали Митрія,
Да, говорятъ, и Митрію
Не тяжело служить:
Самъ князь о немъ заботится;
А за провинность съ Гирина
Мы положили штрафъ:
Штрафныя деньги — рекруту,
Часть небольшая — Власьевнѣ,
Часть — міру на вино...
«Однако, послѣ этого
Ермилъ не скоро справился,
Съ годъ какъ шальной ходилъ.

Какъ ни просила вотчина, —
Отъ должности уволился,
Въ аренду снялъ ту мельницу
И сталъ онъ пуще прежняго
Всему народу любъ:
Бралъ за помоль по совѣсти,
Народу не задерживалъ —
Приказчикъ, управляющій,
Богатые помѣщики
И мужики бѣднѣйшіе —
Всѣ очереди слушались,
Порядокъ строгій велъ!
Я самъ ужъ въ той губерніи
Давненько не бывалъ,
А про Ермилу слыхивалъ:
Народъ имъ не нахвалится!
Сходите вы къ нему».

— Напрасно вы проходите,
Сказалъ ужъ разъ заспорившій,
Сѣдоволосый попъ:
Я зналъ Ермилу Гирина;
Попалъ я въ ту губернію
Назадъ тому лѣтъ пять.
Я въ жизни много странствовалъ,
(Преосвященный нашъ
Переводить священниковъ
Любилъ)... Съ Ермилой Гиринымъ
Сосѣди были мы.
Да! былъ мужикъ единственный!
Имѣлъ онъ все, что надобно
Для счастья: и спокойствіе,
И деньги, и почетъ,

Почетъ завидный, истинный,
 Не купленный ни деньгами,
 Ни страхомъ: строгой правдою,
 Умомъ и добротой!
 Да только, повторяю вамъ,
 Напрасно вы проходите:
 Въ острогѣ онъ сидитъ...

— Какъ такъ?

— «А воля Божія!

Слыхалъ ли кто изъ васъ,
 Какъ бунтовалась вотчина
 Помѣщика Обрубкова,
 Испуганной губерніи,
 Уѣзда Недыханьева,
 Деревня Столбняки?..
 Какъ о пожарахъ пишется
 Въ газетахъ (я ихъ читывалъ):
 «Осталась неизвѣстною
 Причина» — такъ и тутъ
 До сей поры невѣдомо
 Ни земскому исправнику,
 Ни высшему правительству,
 Ни Столбнякамъ самимъ,
 Съ чего стряслась оказія,
 А вышло дѣло дрянъ.
 Потребовалось воинство;
 Самъ государевъ посланный
 Къ народу рѣчь держалъ:
 То руганью попробуетъ
 И плечи съ эполетами
 Подыметъ высоко,

То ласкою попробуетъ, —
 Да брань была тутъ лишняя,
 А ласка непонятная:
 «Крестьянство православное!
 Русь матушка! царь батюшка!»
 И больше ничего!
 Побившись такъ достаточно,
 Хотѣли ужъ солдатикамъ
 Скомандовать: пали!
 Да волостному писарю
 Пришла тутъ мысль счастливая:
 Онъ про Ермилу Гирина
 Начальнику сказалъ:
 «Народъ повѣритъ Гирину,
 Народъ его послушаетъ...»
 — Позвать его живѣй!

.

Вдругъ крикъ: «ай, ай! помилуйте!»
 Раздавшись неожиданно,
 Нарушилъ рѣчь священника.
 Всѣ бросились глядѣть:
 У валика дорожнаго
 Сѣкутъ лакея цыанаго —
 Попался въ воровствѣ!
 Гдѣ пойманъ, тутъ и судъ ему;
 Судей сошлось десятка три
 Рѣшили дать по лозочкѣ,
 И каждый далъ лозу!
 Лакей вскочилъ и, шлепая
 Худыми сапожишками,
 Безъ слова тягу далъ.

«Вишь, побѣжалъ, какъ встрепаный!»
 Шутили наши странники,
 Узнавши въ немъ балясника,
 Что хвастался какою-то
 Особенной болѣзнію
 Отъ иностранныхъ винъ!
 «Откуда прыть явилася!
 Болѣзнь ту благородную
 Вдругъ сняло, какъ рукой!»

— Эй, эй! куда-жъ ты, батюшка!
 Ты доскажи исторію
 Какъ бунтовалась вотчина
 Помѣщика Обрубкова,
 Деревня Столбняки?
 «Пора домой, родимые.
 Богъ дастъ, опять мы встрѣтимся,
 Тогда и доскажу!»

Подъ утро поразѣхалась,
 Поразбрелась толпа.
 Крестьяне спать надумали;
 Вдругъ тройка съ колокольчикомъ
 Откуда ни взялась,
 Летить! а въ ней качается
 Какой-то баринъ кругленькій,
 Усатенькій, пузатенькій,
 Съ сигарочкой во рту.
 Крестьяне разомъ бросились
 Къ дорогѣ, сняли шапочки,
 Низенько поклонились,

Повыстроились въ рядъ
И тройкѣ съ колокольчикомъ
Загородили путь...

ГЛАВА V.

ПОМѢЩИКЪ.

Сосѣдняго помѣщика
Гаврилу Аѳанасьича
Оболта-Оболдуева
Та троечка везла.
Помѣщикъ былъ румяненькій,
Осанистый, присадистый,
Шестидесяти лѣтъ;
Усы сѣдые, длинные,
Ухватки молодецкія,
Венгерка съ бранденбурами,
Широкіе штаны.
Гаврило Аѳанасьевичъ,
Должно быть, перетрусился,
Увидѣвъ передъ тройкою
Семь рослыхъ мужиковъ:
Онъ пистолетикъ выхватилъ,
Какъ самъ, такой же толстенъкій,
И дуло шестиствольное
На странниковъ навелъ:
— Ни съ мѣста! Если тронетесь,
Разбойники! грабители!
На мѣстѣ уложу!..
Крестьяне размѣялися:
— «Какіе мы разбойники!
Гляди — у насъ ни ножика,

Ни топоровъ, ни виль!»

— Кто-жь вы? чего вамъ надобно?

— «У насъ забота есть,
Такая ли заботушка,
Что изъ домовъ повыжила,
Съ работой раздружила насъ,
Отбила отъ ѣды.

Ты дай намъ слово крѣпкое
На нашу рѣчь мужицкую,
Безъ смѣху и безъ хитрости,
По правдѣ и по разуму,
Какъ должно отвѣчать,
Тогда свою заботушку
Повѣдаемъ тебѣ...»

— Извольте: слово честное,
Дворянское даю!
«Нѣтъ, ты намъ не дворянское,
Дай слово христіанское!
Дворянское съ побранкою,
Съ толчкомъ да съ зуботычиной, —
То не пригодно намъ!»

— Эге! какія новости!
А, впрочемъ, будь по вашему!
Ну, въ чемъ же ваша рѣчь?
— «Спрячь пистолетикъ! выслушай!
Вотъ такъ, мы не грабители,
Мы мужики смиренные,
Изъ временно-обязанныхъ
Подтянутой губерніи,
Пустопорожней волости,

Изъ разныхъ деревень —
Несытова, Неѳлова,
Заплатова, Дырявина,
Горѣлокъ, Голодухина,
Неурожайка-тожь.
Идя путемъ-дорогою,
Сошлись мы невзначай,
Сошлись мы — и заспорили:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?
Романъ сказалъ: помѣщику,
Демьянъ сказалъ: чиновнику,
Лука сказалъ: попу.
Купчинъ толстопузому,
Сказали братья Губины,
Иванъ и Митродоръ.
Пахомъ сказалъ: свѣтлѣйшему,
Вельможному боярину,
Министру государеву;
А Провъ сказалъ: царю...

«Мужикъ, что быкъ: втемяшится
Въ башку какая блажь —
Коломъ ее оттудова
Не выбьешь! Какъ ни спорили,
Не согласились мы!
Поспоривши, повздорили,
Повздоривши — подралися,
Подравшись, одумали:
Не расходиться врозь,
Въ домишки не ворочаться,
Не видѣться ни съ женами,
Ни съ малыми ребятами,
Ни съ стариками старыми,

Покуда спору нашему
 Рѣшенья не найдемъ,
 Покуда не довѣдаемъ
 Какъ ни на есть — доподлинно,
 Кому жить любо-весело,
 Вольготно на Руси?

«Скажи-жъ ты намъ по-божески,
 Сладка ли жизнь помѣщичья?
 Ты какъ — вольготно, счастливо,
 Помѣщичекъ, живешь?»

Гаврило Аѳанасьевичъ
 Изъ тарантаса выпрыгнулъ,
 Къ крестьянамъ подошелъ,
 Какъ лекарь, руку каждому
 Пощупалъ, въ лица глянулъ имъ,
 Схватился за бока
 И покатился со смѣху...
 Ха-ха! ха-ха! ха-ха! ха-ха!
 Здоровый смѣхъ помѣщичій
 По утреннему воздуху
 Раскатываться сталъ...

Нахохотавшись до-сыта,
 Помѣщикъ не безъ горечи
 Сказалъ: «Надѣньте шапочки,
 Садитесь, *господа!*»

— Мы господа не важные,
 Передъ твоею милостью
 И постопмъ...

— «Нѣтъ, нѣтъ!

Прошу садиться, *граждане!*»
Крестьяне поупрямились,
Однако, дѣлать нечего,
Усѣлись на валу.

— «И мнѣ присѣсть позволите?
Эй, Прошка! рюмку хересу,
Подушку и коверъ!»
Расположась на коврикѣ
И выпивъ рюмку хересу,
Помѣщикъ началъ такъ:

— «Я далъ вамъ слово честное
Отвѣтъ держать по совѣсти,
А не легко оно!
Хоть люди вы почтенные,
Однако, не ученые:
Какъ съ вами говорить?
Сперва понять вамъ надо бы,
Что значить слово самое:
Помѣщикъ, дворянинъ.
Скажите, вы, любезные,
О родословномъ деревѣ
Слыхали что-нибудь?»

— Лѣса намъ не заказаны —
Видали древо всякое!
Сказали мужики.

— «Попали пальцемъ въ небо вы!..
Скажу вамъ вразумительнѣй!
Я роду именитаго:
Мой предокъ Оболдуй
Впервые поминается
Въ старинныхъ русскихъ граматахъ.

Два вѣка съ половиною
 Назадъ тому. Гласить
 Та грамота: «Татарину
 «Оболту-Оболдуеву
 «Дано суконце доброе,
 «Цѣною въ два рубля:
 «Волками и лисицами
 «Онъ тѣшилъ государыню
 «Въ день царскихъ именинъ,
 «Спускалъ медвѣдя дикаго
 «Съ своимъ, и Оболдуева
 «Медвѣдь тотъ ободралъ...»
 — Ну, поняли, любезные?»
 — Какъ не понять! Съ медвѣдями
 Не мало ихъ шатается,
 Прохвостовъ, и теперь.

«Вы все свое, любезные!
 Молчать! ужъ лучше слушайте,
 Къ чему я рѣчь веду:
 Тотъ Оболдуй, потѣшившій
 Звѣрями государыню,
 Былъ корень роду нашему,
 А было то, какъ сказано,
 Съ залишкомъ двѣсти лѣтъ.
 Прапрадѣдъ мой по матери
 Былъ и того древнѣй:
 «Князь Щепинъ съ Васькой Гусевымъ»
 (Гласить другая грамота):
 «Пыталъ поджечь Москву,
 «Казну пограбить думалъ,
 «Да ихъ казнили смертію».
 А было то, любезные,

Безъ мала триста лѣтъ.
«Такъ вотъ оно, откуда
То дерево дворянское
Идетъ, друзья мои!»

— А ты, примѣрно, яблочко
Съ того выходишь дерева?
Сказали мужики.

— «Ну, яблочко, такъ яблочко!
Согласенъ! Благо, поняли
Вы дѣло наконецъ.
Теперь — вы сами знаете —
Чѣмъ дерево дворянское
Древнѣй, тѣмъ именитѣе,
Почетнѣй дворянинъ.
Не такъ ли, благодѣтели?»

— Такъ! отвѣчали странники:
— Кость бѣлая, кость черная,
И поглядѣть, такъ разныя, —
Имъ разный и почетъ!

— «Ну, вижу, вижу: поняли!
Такъ вотъ, друзья, — и жили мы,
Какъ у Христа за пазухой,
И знали мы почетъ.
Не только люди русскіе, —
Сама природа русская
Покорствовала намъ.
Бывало, ты въ окружности
Одинъ, какъ солнце на небѣ;
Твои деревни скромныя,

Твои лѣса дремучіе,
Твои поля кругомъ!
Пойдешь ли деревенькою —
Крестьяне въ ноги валятся;
Пойдешь лѣсными дачами —
Столѣтными деревьями
Преклонятся лѣса!
Пойдешь ли пашней, нивою, —
Вся нива спѣлымъ колосомъ
Къ ногамъ господскимъ стелется
Ласкаетъ слухъ и взоръ!
Тамъ рыба въ рѣчкѣ плещется:
«Жирѣй-жирѣй до времени!»
Тамъ заяцъ лугомъ крадется:
«Гуляй-гуляй до осени!»
Все веселило барина,
Любовно травка каждая
Шептала: «я твоя!»

«Краса и гордость русская,
Бѣлѣли церкви Божіи
По горкамъ, по холмамъ,
И съ ними въ славѣ спорили
Дворянскіе дома.
Дома съ оранжереями,
Съ китайскими бесѣдками
И съ англійскими парками;
На каждомъ флагъ игралъ,
Игралъ-манилъ привѣтливо,
Гостепріимство русское
И ласку обѣщаль.
Французу не привидится
Во снѣ — какіе праздники,

Не день, не два — по мѣсяцу
Мы задавали тутъ.
Свои индейки жирныя,
Свои наливки сочныя,
Свои актёры, музыка,
Прислуги — цѣлый полкъ!

«Пять поваровъ, да пѣкаря,
Двухъ кузнецовъ, обойщика,
Семнадцать музыкантиковъ
И двадцать-два охотника
Держаль я... Боже мой!..»

Помѣщикъ закручинился,
Упалъ лицомъ въ подушечку,
Потомъ привсталъ, поправился:
— Эй, Прошка! закричалъ.
Лакей по слову барскому,
Принесъ кувшинчикъ съ водкою.
Гаврило Аѳанасьевичъ,
Откушавъ, продолжалъ:
— «Бывало, въ осень позднюю,
Лѣса твои, Русь-матушка,
Одушевляли громкіе
Охотничьи рога.
Унылые, поблекшіе,
Лѣса полураздѣтые
Жить начинали вновь;
Стояли по опушечкамъ
Борзовщики-разбойники,
Стоялъ помѣщикъ самъ;
А тамъ, въ лѣсу, выжлятники
Ревѣли, сорви-головы,

Варили-варомъ гончія.
 Чу! подзываютъ рогъ!..
 Чу! стая воетъ! сгрудилась!
 Никакъ по звѣрю красному
 Погнали?.. улю-лю!
 Лисица чернобурая,
 Пушистая, матѣрая,
 Летитъ, хвостомъ метѣтъ!
 Присѣли, притаилися,
 Дрожа всѣмъ тѣломъ, рьяные,
 Догадливые псы:
 Пожалуй, гостя жданная,
 Поближе къ намъ, молодчикамъ,
 Подальше отъ кустовъ;
 Пора! Ну, ну! не выдай, конь!
 Не выдайте, собаченьки!
 Эй! улю-лю!.. родимыя!
 Эй — улю-лю!.. а-ту!..»
 Гаврило Аѳанасьевичъ,
 Вскочивъ съ ковра персидскаго.
 Махалъ рукой, подпрыгивалъ,
 Кричалъ! Ему мерещилось,
 Что травить онъ лису...

Крестьяне молча слушали,
 Глядѣли, любовались,
 Посмѣивались въ усъ...

— «Ой, ты — охота псовая!
 Забудутъ все помѣщики,
 Но ты, исконно-русская
 Потѣха, не забудешься
 Ни вѣ-вѣки вѣковъ!

Не о себѣ печалимся:
Намъ жаль, что ты, Русь-матушка,
Съ охотою утратила
Свой рыцарскій, воинственный,
Величественный видъ!
Бывало, насъ по осени
До полусотни съѣдется
Въ отъѣзжія поля;
У каждаго помѣщика
Сто гончихъ въ напускѣ;
У каждаго по дюжинѣ
Борзовщиковъ верхомъ;
При каждомъ съ кашеварами,
Съ провизіей обозъ.
Какъ съ пѣснями да съ музыкой
Мы двинемся впередъ, —
На что кавалерійская
Дивизія твоя!
Летѣло время соколомъ,
Дышала грудь помѣщичья
Свободно и легко.
Во времена боярскія,
Въ порядки древне-русскіе
Переносился духъ!
Ни въ комъ противорѣчія:
Кого хочу — помилую,
Кого хочу — казню.
Законъ — мое желаніе!
Кулакъ — моя полиція!
Ударъ искросыпительный,
Ударъ зубодробительный,
Ударъ скуловоррротъ!..»
Вдругъ, какъ струна порвалася,

Осѣклась рѣчь помѣщичья.
Потутился нахмурился,
— Эй, Прощка! закричалъ.
Глонулъ — и мягкимъ голосомъ
Сказалъ: «Вы сами знаете,
Нельзя же и безъ строгости?
Но я караль — любя.
Порвалась цѣпь великая —
Теперь не бьемъ крестьянина,
Зато ужъ и отчески
Не милуемъ его.
Да, былъ я строгъ по времени,
А, впрочемъ, больше ласкою
Я привлекалъ сердца.

«Я въ Воскресенье Свѣтлое
Со всей своею вотчиной
Христосовался самъ!
Бывало, накрывается
Въ гостиной столъ огромнѣйшій:
На немъ и яйца красныя,
И пасха, и куличъ!
Моя супруга, бабушка,
Сынишки, даже барышни
Не брезгуютъ, цѣлуются
Съ послѣднимъ мужикомъ.
«Христось воскресъ!» — «Во-истину!»
Крестьяне разговляются,
Пьютъ брагу и вино...

«Предъ каждымъ почитаемымъ
Двунадесятымъ праздникомъ
Въ моихъ парадныхъ горницахъ

Попъ всенощну служилъ,
И къ той домашней всенощной
Крестьяне допускалися:
Молись — хоть лобъ разбей!
Страдало обоняніе,
Сбивали послѣ съ вотчины
Бабъ отмывать полы, —
Да чистота духовная
Тѣмъ самымъ сберегалася,
Духовное родство!
Не такъ ли, благодѣтели?»

— Такъ! отвѣчали странники,
А про себя подумали:
«Коломъ сбиваль ихъ, что ли, ты
Молиться въ барскій домъ?..»

— «Зато скажу, не хвастая:
Любилъ меня мужикъ!
Въ моей сурминской вотчинѣ
Крестьяне все подрядчики:
Бывало, дома скучно имъ, —
Всѣ на чужую сторону
Отпросятся съ весны...
Ждешь — не дождешься осени,
Жена, дѣтишки малыя
И тѣ гадаютъ, ссорятся:
«Какого имъ гостинчику
Крестьяне принесутъ!»
И точно: поверхъ барщины,
Холста, яицъ и живности,
Всего, что на помѣщика
Сбиралось искони, —

Гостинцы добровольные
Крестьяне намъ несли!
Изъ Кіева — съ вареньями,
Изъ Астрахани — съ рыбою,
А тотъ, кто подостаточнѣй, —
И съ шелковой матеріей:
Глядь, чмокнулъ руку барынѣ
И свертокъ подаетъ!
Дѣтямъ игрушки, лакомства,
А мнѣ, сѣдому бражнику,
Изъ Питера вина!
Толкъ, признали, разбойники:
Небось, не къ Кривоногову, —
Къ французу забѣжить.
Тутъ съ ними разгуляешься,
По братски побесѣдуешь,
Жена рукою собственной
По чаркѣ имъ нальетъ,
А дѣтки тутъ же малыя
Посасываютъ прянички,
Да слушаютъ досужіе
Разказы мужиковъ —
Про трудные ихъ промыслы,
Про чуже-дальни стороны,
Про Петербургъ, про Астрахань,
Про Кіевъ, про Казань...

«Такъ вотъ какъ, благодѣтели,
Я жилъ съ моею вотчиной,
Неправда-ль, хорошо?..

— Да, было вамъ, помѣщикамъ,
Житье куда завидное,
Не надо умирать!

— «И все прошло! все минуло!...
Чу! похоронный звонъ!..»

Прислушались странники,
И точно: изъ Кузьминскаго
По утреннему воздуху
Тѣ звуки, грудь щемяще,
Неслись: «Покой крестьянину
И царствіе небесное!»
Проговорили странники
И покрестились всѣ...

Гаврило Аѳанасьевичъ
Снялъ шапочку — и набожно
Перекрестился тожъ:
«Звонятъ не по крестьянину!
По жизни по помѣщичьей
Звонятъ!.. Ой, жизнь широкая!
Прости — прощай на вѣкъ!
Прощай и Русь помѣщичья!
Теперь не та ужъ Русь!
Эй, Прощка!» (выпилъ водочки
И посвисталъ)...

«Не весело
Глядѣть, какъ измѣнилось
Лицо твое, несчастная
Родная сторона!
Сословье благородное
Какъ будто все попряталось,
Повымерло! Куда
Ни ѣдешь, попадаются
Одни крестьяне пьяные,

Акцизные чиновники,
Поляки пересыльные
Да глупые посредники,
Да иногда пройдет
Команда. Догадаешься:
Должно быть, взбунтовалось,
Въ избыткѣ благодарности,
Селенье гдѣ-нибудь!
А прежде что тутъ мчалось
Колясокъ, бричекъ троечныхъ,
Дормезовъ шестерней!
Катить семья помѣщичья —
Тутъ маменьки солидные,
Тутъ дочки милостивыя
И рѣзвые сынки!
Поющихъ колокольчиковъ,
Воркующихъ бубенчиковъ
Наслушаешься всласть.
А нынче чѣмъ разсѣешься?
Картиной возмутительной
Что шагъ — ты пораженъ:
Кладбищемъ вдругъ повѣяло,
Ну, значитъ, приближаемся
Къ усадьбѣ... Боже мой!
Разобранъ по кирпичику
Красивый домъ помѣщичій,
И аккуратно сложены
Въ колонны кирпичи!
Обширный садъ помѣщичій,
Столѣтьями взлелѣянный,
Подъ топоромъ крестьянина
Весь легъ, — мужикъ любитъся,
Какъ много вышло дровъ;

Черства душа крестьянина:
Подумаетъ ли онъ,
Что дубъ, сейчасъ имъ сваленный,
Мой дѣдъ рукою собственной
Когда-то насадилъ?
Что вонъ подъ той рябиною
Рѣзвились наши дѣтушки,
И Ганичка, и Вѣрочка,
Аукались со мной?
Что тутъ, подъ этой липою,
Жена моя призналась мнѣ,
Что тяжела она
Гаврюшей, нашимъ первенцемъ
И спрятала на грудь мою,
Какъ вишня, покраснѣвшее,
Прелестное лицо?..
Ему была бы выгода —
Радехонекъ помѣщицьи
Усадьбы изводить!
Деревней ѣхать совѣстно:
Мужикъ сидитъ — не двинется,
Не гордость благородную —
Желчь чувствуешь въ груди!
Въ лѣсу не рогъ охотничій,
Звучитъ — топоръ разбойничій:
Шалютъ!.. а что подѣлаешь?
Къмъ лѣсъ убережешь?..
Поля — не доработаны,
Посѣвы — не досѣяны,
Порядку — нѣтъ слѣда.
О, матушка! о, родина!
Не о себѣ печалимся,
Тебя, родная, жаль.

Ты, какъ вдова печальная,
 Стоишь съ косою распущенной,
 Съ неубраннымъ лицомъ!
 Усадьбы переводятся!
 Взамѣнъ ихъ распложаются
 Питейные дома!..

Поютъ народъ распущенный,
 Зовутъ на службы земскія,
 Сажаютъ, учатъ грамотѣ,—
 Нужна ему она!

На всей тебѣ, Русь-матушка,
 Какъ клейма на преступникѣ,
 Какъ на конѣ тавро,
 Два слова нацарапаны:

«На выносъ и распивочно».

Чтобъ ихъ читать, крестьянина
 Мудреной русской грамотѣ,
 Не стоитъ обучать!..

«А намъ земля осталася...

Ой, ты, земля помѣщичья!

Ты намъ не мать, а мачиха

Теперь... «А кто велѣлъ»,

Кричатъ писаки праздные,

«Такъ вымогать, насиловать

Кормилицу свою!»

А я скажу: а кто же ждалъ?

Охъ, эти проповѣдники!

Кричатъ: «довольно барствовать!

Проснись, помѣщикъ заспанный!

Вставай! — учись! трудись!..»

«Трудись! Кому вы вздумали
 Читать такую проповѣдь?

Я не крестьянинъ-лапотникъ —
Я божіею милостью
Россійскій дворянинъ!
Россія — не нѣмецина:
Намъ чувства деликатныя,
Намъ гордость внушена!
Сословья благородныя
У насъ труда не учатся:
У насъ чиновникъ плохонькій —
И тотъ половъ не вымететь,
Не станетъ печь топить...
Скажу я вамъ, не хвастая:
Живу почти безвыѣздно
Въ деревнѣ сорокъ лѣтъ,
А отъ ржаного колоса
Не отличу ячменнаго,
А мнѣ поютъ: «трудись!»
«А если и дѣйствительно
Свой долгъ мы ложно поняли,
И наше назначеніе
Не въ томъ, чтобъ имя древнее.
Достоинство дворянское
Поддерживать охотою,
Цирами, всякой роскошью,
И жить чужимъ трудомъ, —
Такъ надо было ранѣе
Сказать... Чему учился я?
Что видѣлъ я вокругъ?..
Копилъ я небо божіе,
Носилъ ливрею царскую,
Сорилъ казну народную,
И думалъ вѣкъ такъ жить...
И вдругъ... Владыко праведный!...»

Помѣщикъ зарыдалъ...

Крестьяне добродушные
Чуть тоже не заплакали,
Подумавъ про себя:
«Порвалась цѣпь великая,
Порвалась, — разскочилась:
Однимъ концомъ по барину,
Другимъ по мужику!..»

ПОСЛѢДЫШЪ.

Изъ второй части.

ГЛАВА I.

I

Петровки. Время жаркое.
Въ разгарѣ сѣнокосъ.
Минувъ деревню бѣдную,
Безграмотной губерніи,
Старо-Вахлацкой волости,
Большіе Вахлаки,
Пришли на Волгу странники...
Надъ Волгой чайки носятся;
Гуляютъ кулики
По отмели. А по лугу,
Что голь, какъ у подъячаго
Щека, вчера побритая,
Стоять «Князья Волконскіе» *)

*) Стоги.

И дѣтки ихъ, что ранѣе
Родятся, чѣмъ отцы *)

— Прокосы широчайшіе!
Сказалъ Пахомъ Онисимычъ:
— Здѣсь богатырь народъ!
Смѣются братья Губины:
Давно они замѣтили
Высокаго крестьянина
Со жбаномъ — на стогу;
Онъ пиль, а баба съ вилами,
Здравши кверху голову,
Глядѣла на него.
Со стогомъ поровнялися —
Все пьетъ мужикъ! Отмѣрили
Еще шаговъ полста,
Всѣ разомъ оглянулись:
По прежнему, закинувшись,
Стоитъ мужикъ; посудина
Дномъ кверху поднята...

Подъ берегомъ раскинуты
Шатры: старухи, лошади
Съ порожними телѣгами,
Да дѣти видны тутъ.
А дальше, гдѣ кончается
Отава подкошенная,
Народу тьма! Тамъ бѣлыя
Рубахи бабъ, да пестрыя
Рубахи мужиковъ,
Да голосá, да звяканье

*) Копны.

Проворныхъ косъ. «Богъ на помочь!»
— Спасибо, молодцы!

Остановились странники...
Размахи сѣнокосные
Идутъ чредою правильной:
Всѣ разомъ занесенныя,
Сверкнули косы, звякнули,
Трава мгновенно дрогнула
И пала, прошумѣвъ!

По низменному берегу
На Волгѣ травы рослая,
Веселая косьба.
Не выдержали странники:
«Давно мы не работали,
Давайте — покосимъ!»
Семь бабъ имъ косы отдали.
Проснулась, разгорѣлася
Привычка позабытая
Къ труду! Какъ зубы съ голоду,
Работаетъ у каждаго
Проворная рука.
Валять траву высокую,
Подъ пѣсню, незнакомую
Вахлацкой сторонѣ,
Подъ пѣсню, что навѣяна
Мятелями и вьюгами
Родимыхъ деревень:
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горѣлова, Неѣлова,
Неурожайка-тожь...

Натѣшившись, усталые
Присѣли къ стогу завтракать...

— Откуда, молодцы?
Спросилъ у нашихъ странниковъ
Сѣдой мужикъ (котораго
Бабѣнки звали Власушкой):
— Куда васъ Богъ несетъ?

— А мы... сказали странники —
И замолчали вдругъ:
Послышалась имъ музыка!
«Помѣщикъ нашъ катается»,
Промолвилъ Власъ — и бросился
Къ рабочимъ: «Не зѣвать!
Коси дружнѣй! А главное:
Не огорчить помѣщика.
Разсердится — поклонъ ему!
Похвалить васъ: ура крики...
Эй, бабы! не галдѣть!»
Другой мужикъ, присадистый,
Съ широкой бородищею,
Почти-что то же самое
Народу приказалъ,
Надѣлъ кафтанъ — и барина
Бѣжить встрѣчать. «Что за люди?»
Оторопѣлымъ странникамъ
Кричитъ онъ на бѣгу:
«Снимите шапки!»

Къ берегу
Причалили три лодочки:
Въ одной прислуга, музыка,

Въ другой — кормилка дюжая
Съ ребенкомъ, няня старая
И приживалка тихая,
А въ третьей — господа:
Двѣ барыни красивыя,
(Потоньше — бѣлокурая,
Потолще — чернобровая),
Усатые два барина,
Три барченка-погодочки,
Да старый старичокъ:
Худой, какъ зайцы зимніе,
Весъ бѣлъ, и шапка бѣлая,
Высокая, съ околышемъ
Изъ краснаго сукна.
Носъ клювомъ, какъ у ястреба,
Усы сѣдые, длинные
И — разные глаза:
Одинъ здоровый — свѣтитя,
А лѣвый — мутный, пасмурный,
Какъ оловянный грошъ!

При нихъ собачки бѣлыя,
Мохнатыя, съ султанчикомъ,
На крохотныхъ ногахъ...

Старикъ, поднявшись на берегъ,
На красномъ, мягкомъ коврикѣ
Долгонько отдыхалъ,
Потомъ покось осматривалъ:
Его водили подъ руки
То господа усатые,
То молодыя барыни, —
И такъ, со всею свитою,

Съ дѣтьми и приживалками,
Съ кормилкою и нянькою,
И съ бѣлыми собачками,
Все поле сѣнокосное
Помѣщикъ обошелъ.
Крестьяне низко кланялись,
Бурмистръ (сметнули странники,
Что тотъ мужикъ присадистый —
Бурмистръ) передъ помѣщикомъ,
Какъ бѣсъ передъ заутреней,
Юлилъ: «Такъ точно; слушаю-съ!»
И кланялся помѣщику
Чуть-чуть не до земли.

Въ одинъ стожище мäterой,
Сегодня только сметанный,
Помѣщикъ пальцемъ ткнулъ,
Нашелъ, что сѣно мокрое,
Вспылилъ: «Добро господское
Гноить? Я васъ, мошенниковъ
Самихъ сгною на барщинѣ!
Пересушить сейчасъ!..»
Засуетился староста:
«Не досмотрѣлъ маненечко!
Сыренько: виновать!»
Созвалъ народъ — и вилами
Богатыря кряжистаго
Въ присутствіи помѣщика
По ключьямъ разнесли.
Помѣщикъ успокоился.

(Попробовали странники —
Сухохонько сѣнцо!)

Бѣжитъ лакей съ салфеткою,
 Хромаеть: «Къшати подано!»
 Со всей своею свитою,
 Съ дѣтьми и приживалками,
 Съ кормилкою, и нянькою,
 И съ бѣлыми собачками,
 Пошелъ помѣщикъ завтракать,
 Работы осмотрѣвъ.
 Съ рѣки, изъ лодки, грянула
 На-встрѣчу барамъ музыка,
 Накрытый столъ бѣлѣется
 На самомъ берегу...

Дивятся наши странники,
 Пристали къ Власу: — Дѣдушка!
 Чтò за порядки чудные?
 Чтò за чудной старикъ?
 «Помѣщикъ нашъ: Уятинъ князь!»

— Чего же онъ куражится?
 Теперь порядки новые,
 А онъ дурить по старому:
 Сѣнцо сухимъ-сухохонько —
 Велѣлъ пересушить!

«А то еще диковиннѣй,
 Что и сѣнцо-то самое,
 И пожня — не его!»
 А чье же?

«Нашей вотчины».

— Чего же онъ тутъ суется?
 Инъ вы у Бога нѣ люди?

«Нѣтъ, мы, по Божьей милости,
Теперь крестьяне вольные;
У насъ, какъ у людей,
Порядки тоже новые,
Да тутъ статья особая...»

— Какая же статья?

Подъ стогомъ легъ старинушка
И — больше ни словца!
Къ тому же стогу странники
Присѣли; тихо молвили:
Эй! скатерть самобранная!
Попотчуй мужиковъ!
И скатерть развернулася,
Откудова не взялися
Двѣ дюжія руки:
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлѣбушка
И спрятались опять...

Наливъ стаканчикъ дѣдушкѣ,
Опять пристали странники:
«Уважь! скажи намъ, Власушка,
Какая тутъ статья?»

— Да пустяки! Тутъ нечего
Разсказывать... А сами вы
Чтò за люди? Откуда вы?
Куда васъ Богъ несетъ?

«Мы люди чужестранные,
Давно, по дѣлу важному,

Домишки мы покинули,
У насъ забота есть...
Такая-ли заботушка,
Что изъ домовъ повыжила,
Съ работой раздружила насъ,
Отбила отъ ѣды...»
Остановились странники...

— О чемъ же вы хлопчете?

«Да помолчимъ! Поѣли мы,
Такъ отдохнуть желательно».
И улеглись. Молчать!

— Вы такъ-то! а по нашему,
Коль началъ, такъ досказывай!

«А самъ, небось, молчишь!
Мы не въ тебя, старинушка!
Изволь, мы скажемъ: видишь-ли,
Мы ищемъ, дядя Власъ,
Непоротой губерніи,
Непотрошеной волости,
Избыткова села!..»
И рассказали странники,
Какъ встрѣтились нечаянно,
Какъ подрались, заспоривши,
Какъ дали свой зарокъ,
И какъ потомъ шаталися,
Искали по губерніямъ,
Подтянутой, Подстрѣленной,
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?

Власъ слушалъ — и рассказчиковъ
Глазами мѣрялъ! «Вижу я,
Вы тоже люди странные!»
Сказалъ онъ, наконецъ:
«Чудимъ и мы достаточно,
А вы — и насъ чуднѣй!»

— Да что-жь у васъ-то дѣется?
Еще стаканчикъ, дѣдушка!

Какъ выпилъ два стаканчика,
Разговорился Власъ:

II.

— Помѣщикъ нашъ особенный:
Богатство непомѣрное,
Чинъ важный, родъ вельможескій;
Весъ вѣкъ чудилъ, дурилъ,
Да вдругъ гроза и грянула...
Не вѣрять: «врутъ, разбойники!»
Посредника, исправника
Прогналъ! дурить по старому.
Сталъ крѣпко подозрителенъ:
Не поклонись — дереть!
Самъ губернаторъ къ барину
Пріѣхалъ: долго спорили,
Сердитый голосъ барина
Въ застольной дворня слышала;
Озлился такъ, что къ вечеру
Хватилъ его ударъ!
Всю половину лѣвую
Отбило: словно мертвая,

И какъ земля черна...
 Пропалъ ни за копѣчку!
 Извѣстно, не корысть,
 А спѣсь его подрѣзала:
 Соринку онъ терялъ.

— Что значить, други милые,
 Привычка то помѣщичья!
 Замѣтилъ Митродоръ.

— Не только надъ помѣщикомъ,
 Привычка надъ крестьяниномъ
 Сильна — сказалъ Пахомъ.
 Я разъ, по подозрѣнію
 Въ острогъ попавши, чуднаго
 Тамъ видѣлъ мужика:
 За конокрадство, кажется,
 Судился, звали Сидоромъ;
 Такъ изъ острога барину
 Онъ посылалъ оброкъ!
 (Доходы арестантскіе
 Извѣстны: подаяніе,
 Да что-нибудь сработаетъ,
 Да стащить что-нибудь).
 Ему смѣялись прочіе:
 — А ну, на поселеніе
 Сошлютъ — пропали денежки!
 «Все лучше», говоритъ...

— Ну дальше, дальше, дѣдушка!
 — Соринка дѣло плѣвое,
 Да только не въ глазу:
 Паль дубъ на море тихое,

И море все заплакало —
Лежить старикъ безъ памяти
(Не встанеть, такъ и думали!)
Приѣхали сыны,
Гвардейцы черноусые,
(Вы ихъ на пожнѣ видѣли,
А барыни красивыя —
То жены молодцовъ).
У старшаго довѣренность
Была: по ней съ посредникомъ
Установили грамату...
Анъ вдругъ и всталъ старикъ!
Чуть заикнулись... Господи!
Какъ звѣрь метнулся раненый,
И загремѣлъ какъ громъ!
Дѣла-то все недавнія,
Я былъ въ то время старостой,
Случился тутъ — такъ слышалъ самъ
Какъ онъ честилъ помѣщиковъ,
До слова помню все:
«Корятъ жидовъ, что предали
Христа... а вы что сдѣлали?
Права свои дворянскія,
Вѣками освященныя,
Вы предали!..» Сынамъ
Сказалъ: «Вы трусы подлые!
Не дѣти вы мои!
Пускай бы люди мелкіе,
Что вышли изъ поповичей,
Да, понажившись взятками,
Купили мужиковъ,
Пускай бы... имъ простительно!
А вы... князя Утятины?

Какіе вы У-тя-ти-ны!
Идите вонь!.. подкидыши,
Не дѣти вы мои!»

Орѣбѣли наслѣдники:
А ну, какъ передъ смертію
Лишитъ наслѣдства? Мало-ли
Лѣсовъ, земель у батюшки?
Что денегъ понакоплено!
Куда пойдеть добро?
Гадай! У князя въ Питерѣ
Три дочери побочныя
За генераловъ выданы:
Не отказалъ бы имъ!

А князь опять больнехонекъ...
Чтобъ только время выиграть,
Придумать, какъ тутъ быть?
Которая-то барыня
(Должно быть, бѣлокурая:
Она ему, сердечному,
Слыхалъ я, терла щеткою
Въ то время лѣвый бокъ)
Возьми и брякни барину,
Что мужиковъ помѣщикамъ
Велѣли воротить!

Повѣрилъ! Проще малаго
Ребѣнка сталъ старинушка,
Какъ параличъ расшибъ!
Заплакалъ! предъ иконами
Со всей семьею молится,
Велитъ служить молебствіе,
Звонить въ колокола!

И силы словно прибыло,
Опять: охота, музыка,
Дворовыхъ дуетъ палкою,
Велить созвать крестьянъ.

Съ дворовыми наслѣдники
Стакнулись, разумѣется;
А есть одинъ (онъ давеча
Съ салфеткой прибѣгалъ),
Того и уговаривать
Не надо было: барина
Столь много любить онъ!
Ипатомъ прозывается.
Какъ воля намъ готовилась,
Такъ онъ не вѣрилъ ей:
«Шалишь! Князья Уятины
Останутся безъ вотчины?
Нѣтъ, руки коротки!»
Явилось «Положеніе»,
Ипать сказалъ: «балуйте вы!
А я князей Уятиныхъ
Холопъ — и весь тутъ сказъ!»
Не можетъ барскихъ милостей
Забыть Ипать! Потѣшные
О дѣтствѣ и о младости
Да и о самой старости
Разказы у него:
(Придешь, бывало, къ барину,
Ждешь, ждешь... Неволей слушаешь,
Сто разъ я слышалъ ихъ):
«Какъ былъ я малъ, нашъ князюшка
Меня рукою собственной
Въ телѣжку запрягалъ;

Достигъ я рѣзвой младости:
Пріѣхаль въ отпускъ князюшка
И, подгулявши, выкупалъ
Меня раба послѣдняго,
Зимою въ проруби!
Да какъ чудно! Двѣ проруби:
Въ одну опустить въ неводѣ,
Въ другую мигомъ вытянетъ —
И водки поднесетъ.
Клониться сталъ я къ старости...
Зимой дороги узкія,
Такъ часто съ княземъ ѣздили
Мы гусемъ въ пять коней.
Однажды князь — затѣйникъ же! —
И посади фалетуромъ
Меня, раба послѣдняго,
Со скрипкой — впереди:
Любилъ онъ крѣпко музыку.
«Играй, Ипать!» А кучеру
Кричить: пошелъ живѣй!
Мятель была изрядная,
Игралъ я: руки заняты,
А лошадь спотыкливая —
Свалился я съ нея!
Ну, сани, разумѣется,
Черезъ меня проѣхали,
Попридавили грудь.
Не то бѣда: а холодно,
Замерзнешь — нѣтъ спасенія,
Кругомъ пустыня, снѣгъ...
Гляжу на звѣзды частыя
Да каюсь во грѣхахъ.
Такъ что же, другъ ты истинный?

Послышалъ я бубенчики,
Чу, ближе! чу, звончѣй!
Вернулся князь (закапали
Туть слезы у двороваго,
И сколько ни рассказывалъ,
Всегда туть плакалъ онъ!),
Одѣлъ меня, согрѣлъ меня,
И рядомъ, недостойнаго,
Съ своей особой княжеской
Въ саняхъ привезъ домой!

Похохотали странники...
Глонувъ вина (въ четвертый разъ),
Власъ продолжалъ: — Наслѣдники
Ударили и вотчинѣ
Челомъ: «Намъ жаль родителя, —
Порядковъ, новыхъ, нонѣшнихъ
Ему не перенестъ.
Поберегите батюшку!
Помалчивайте, кланяйтесь,
Да не перечьте хворому,
Мы васъ вознаградимъ:
За лишній трудъ, за барщину,
За слово даже бранное, —
За все заплатимъ вамъ.
Не долго жить сердечному:
Наврядъ ли два-три мѣсяца, —
Самъ дохтуръ объявилъ!
Уважьте насъ, послушайтесь:
Мы вамъ луга поемные
По Волгѣ подаримъ;
Сейчасъ пошлемъ посреднику
Бумагу, дѣло вѣрное!»

Собрался міръ, галдитъ!

Луга-то (эти самыя)

Да водка, да съ три короба

Посуловъ то и сдѣлали,

Что міръ рѣшилъ помалчивать

До смерти старика.

Поѣхали къ посреднику:

Смѣялся! «Дѣло доброе,

Да и луга хорошія:

Дурачьтесь, Богъ проститъ!

Нѣтъ на Руси, вы знаете,

Помалчивать да кланяться

Запрета никому!»

Однако я противился:

— Вамъ, мужикамъ, спола-горя,

А мнѣ-то каково?

Что ни случится, — къ барину

Бурмистра! что ни вздумаетъ, —

За мной пошлетъ! Какъ буду я

На спросы безтолковые

Отвѣтствовать? дурацкія

Приказы исполнять?

— «Ты стой предъ нимъ безъ шапочки.

Помалчивай да кланяйся,

Уйдешь — и дѣло кончено.

Старикъ больной, разслабленный,

Не помнитъ ничего!

Оно и правда: можно бы!

Морочить полоумнаго

Не хитрая статья.

Да быть шуткомъ гороховымъ,

Признаться, не хотѣлося.
И такъ я на вѣку,
У притолоки стоячи,
Помялся передъ бариномъ
До сыта! «Коли міръ
(Сказаль я міру, кланяясь)
Дозволить покуражиться
Уволенному барину
Въ останные часы,
Молчу и я — покорствую,
А только-что отъ должности
Увольте вы меня!

Чуть дѣло не разладилось.
Да Климка Лавинъ выручилъ:
«А вы бурмистромъ сдѣлайте
Меня! Я удовольствую
И старика, и васъ.
Богъ приберетъ «Послѣдыша»
Скорехонько, а у вотчины
Останутся луга.
Такъ будемъ мы начальствовать,
Такіе мы строжайшіе
Порядки заведемъ,
Что надорветъ животики
Вся вотчина... Увидите!»

Долгонько думаль міръ.
Что ни на есть отчаянный
Былъ Климъ мужикъ: и пьяница,
И на руку не чистъ,
Работать — не работаетъ,
Съ цыганами возжається,

Бродяга, коноваль!
Смѣется надъ трудящимся:
Съ работы, какъ ни мучайся,
Не будешь ты богатъ,
А будешь ты горбатъ!
А впрочемъ, парень грамотный,
Бываль въ Москвѣ и Питерѣ,
Въ Сибирь ѣзжалъ съ купечествомъ,
Жаль, не остался тамъ!
Умень, а грошъ не держится,
Хитерь, а попадается
Въ просакъ! Бахваль мужикъ!
Какихъ-то словъ особенныхъ
Наслушался: Атчество,
Москва первопрестольная,
Душа великорусская...
«Я — русскій мужичекъ!»
Горланилъ дикимъ голосомъ,
И, кокнувъ въ лобъ посудю,
Пилъ залпомъ полуштофъ!
Какъ рукомоиникъ, кланяться
Готовъ за водку всякому,
А есть казна — подѣлится,
Со встрѣчнымъ все пропъеть!
Гораздъ орать, балясничать,
Гнилой товаръ показывать
Съ казоваго конца.
Нахвастаетъ съ три короба,
А уличишь — отшутится
Безстыжей поговоркою,
Что «за погудку правую
Смычкомъ по рожѣ бьютъ!»
Подумавши, оставили

Меня бурмистромъ: правлю я
Дѣлами и теперь,
А передъ старымъ бариномъ
Бурмистромъ Климку назвали:
Пускай его! По барину
Бурмистръ! передъ «Послѣдышемъ»
Послѣдній человѣкъ!

У Клима совѣсть глиняна,
А бородища Минина,
Посмотришь, такъ подумаешь,
Что не найти крестьянина
Степеннѣй и трезвѣй.
Наслѣдники построили
Кафтанъ ему: одѣлъ его
И сдѣлался Климъ Яковличъ
Изъ Климки безшабашнаго,
Бурмистръ первѣйшій сортъ!

Пошли порядки старые!
Послѣдышу-то нашему,
Какъ на бѣду, приказаны
Прогулки. Чтò ни день,
Черезъ деревню катится
Рессорная колясочка:
Вставай! картузь долой!
Богъ вѣсть, съ чего накинется,
Бранить, корить, съ угрозою
Подступитъ — ты молчи!
Увидитъ въ полѣ пахаря
И за его же полосу
Облаеть: и лѣнтяи-то,
И лежебоки мы!

А полоса сработана,
Какъ никогда на барина
Не работаль мужикъ,
Да не вдомекъ Послѣдышу,
Что ужь давно не барская,
А наша полоса!

Сойдемся — смѣхъ! У каждаго
Свой сказъ про юродиваго
Помѣщика: икается,
Я думаю, ему!
А тутъ еще Климъ Яковличъ
Придетъ, глядитъ начальникомъ,
(Горда свинья: чесалася
О барское крыльцо!)
Кричитъ: «приказъ по вотчинѣ!»
Ну, слушаемъ приказъ:
«Докладываль я барину,
Что у вдовы Терентьевны
Избенка развалилася,
Что баба побирается
Христовымъ подаяніемъ;
Такъ баринъ приказаль:
На той вдовѣ Терентьевой
Женить Гаврилу Жохова,
Избу поправить за-ново,
Чтобъ жили въ ней, плодилися
И правили тягло!»
А той вдовѣ — подь семьдесятъ,
А жениху — шесть лѣтъ!
Ну, хохоть, разумѣтся!..
Другой приказъ: «Коровушки
Вчера гнались до солнышка

Близъ барскаго двора,
И такъ мычали, глупыя,
Что разбудили барина, —
Такъ пастухамъ приказано
Впредь унимать коровъ!»
Опять смѣется вотчина.
«А что смѣетесь? Всякія
Бываютъ приказанія:
Сидѣль на губернаторствѣ
Въ Якутскѣ генераль, —
Такъ на коль тотъ коровушекъ
Сажаль! Долгонько слушались;
Весь городъ разукрасили,
Какъ Питеръ монументами,
Казненными коровами,
Пока не догадалися,
Что спятиль онъ съ ума!»
Еще приказъ: «У сторожа,
У ундера Софронова,
Собака не почтительна:
Залаяла на барина;
Такъ ундера прогнать,
А сторожемъ къ помѣщичьей
Усадьбѣ назначается
Еремка!..» Покатилися
Опять крестьяне со смѣху:
Еремка тотъ съ рожденія
Глухонѣмой дуракъ!

Доводень Климъ. Нашель-таки
По нраву должность! Бѣгаетъ,
Чудить, во все мѣшается,
Пить даже меньше сталъ!

Бабёнка есть тутъ бойкая,
Орефьевна, кума ему,
Такъ съ ней Климаха барина
Дурачить за-одно.
Лафа бабёнкамъ! бѣгають
На барскій дворъ съ полотнами,
Съ грибами, съ земляникою:
Все покупають барыни
И кормятъ, и поятъ!

Шутили мы, дурачились,
Да вдругъ и дошутилися
До сущей до бѣды:
Быль грубый, непокладистый
У насъ мужикъ Агапъ Петровъ,
Онъ много насъ корилъ:
«Ай, мужики! Царь сжалился,
Такъ вы въ хомутъ охотою...
Богъ съ ними, съ сѣнокосами!
Знать не хочу господь!..»
Тѣмъ только успокоили,
Что штофъ вина поставили
(Винцо-то онъ любилъ).
Да чортъ его современемъ
Нанесъ-таки на барина:
Везетъ Агапъ бревно
(Вишь, мало ночи глупому,
Такъ воровать отправился
Лѣсъ — среди бѣла дня!),
На встрѣчу та колясочка,
И баринъ въ ней: «Откудова
Бревно такое славное
Везешь ты, мужичекъ?..»

А самъ смекнулъ — откуда.
Агапъ молчить: бревешко-то
Изъ лѣсу изъ господскаго,
Такъ что тутъ говорить!
Да больно ужъ окрысился
Старикъ: пилилъ, пилилъ его,
Права свои дворянскія
Высчитывалъ ему!

Крестьянское терпѣніе
Выносливо, а временемъ
Есть и ему конецъ.
Агапъ раненько выѣхалъ,
Безъ завтрака; крестьянина
Тошнило ужъ и такъ;
А тутъ еще рѣчь барская,
Какъ муха неотвязная,
Жужжить подъ ухо самое...

Захохоталъ Агапъ...
«Ахъ, шутъ ты, шутъ гороховый!
Нишкни!» да и пошелъ!
Досталось тутъ Послѣдышу
За дѣдовъ и за прадѣдовъ,
Не только за себя.
Извѣстно, гнѣву нашему
Дай волю! Брань господская,
Что жало комариное,
Мужицкая — обухъ!
Опѣшилъ баринъ! Легче бы
Стоять ему подъ пулями,
Подъ каменнымъ дождемъ!
Опѣшили и сродники,

Бабёнки-было бросились
 Къ Агапу съ уговорами,
 Такъ онъ вскричалъ: «убью!..»
 Чтò брага, раскуражились
 Подонки изъ поганаго
 Корята... Цыць! Нишкни!
 Крестьянскихъ душъ владѣніе
 Покончено. Послѣдышъ ты!
 Послѣдышъ ты! По милости
 Мужецкой нашей глупости,
 Сегодня ты начальствуешь,
 А завтра мы Послѣдышу
 Пинка, — и конченъ балъ!
 Иди домой, похаживай,
 Поджавши хвостъ, по горницамъ,
 А насъ оставь! Нишкни!..»
 — Ты — бунтовщикъ! съ хрипотою
 Сказалъ старикъ, затрясся весь
 И полумертвый палъ!
 «Теперь конецъ!» подумали
 Гвардейцы черноусые
 И барыни красивыя,
 Анъ вышло — не конецъ!

Приказъ: предъ всею вотчиной,
 Въ присутствіи помѣщика,
 За дерзость безпримѣрную
 Агапа наказать.
 Забѣгали наследники
 И жены ихъ къ Агапушкѣ,
 И къ Климѣ, и ко мнѣ!
 «Спасите насъ, голубчики!
 Спасите!» Ходятъ блѣдные:

«Коли обманъ откроется,
Пропали мы совсѣмъ!»
Пошелъ бурмистръ орудовать!
Съ Агапомъ пилъ до вечера,
Обнявшись, до полуночи
Деревней съ нимъ гулялъ,
Потомъ опять съ полуночи
Поилъ его — и пьянаго
Привелъ на барскій дворъ.
Все обошлось любехонько:
Не могъ съ крылечка сдвинуться
Послѣдышъ — такъ разстроился...
Ну, Климкѣ и лафал

Въ конюшню плуть преступника
Привелъ, передъ крестьяниномъ
Поставилъ штофъ вина:
«Пей да кричи: помилуйте!
Ой, батюшки! ой, матушки!»
Послушался Агапъ,
Чу, вопить! Словно музыку,
Послѣдышъ стоны слушаетъ;
Чуть мы не разсмѣялися,
Какъ сталъ онъ приговаривать:
«Ка-тай его, раз-бой-ника,
Бун-тов-щи-ка... Катай!»
Ни дать, ни взять подъ розгами,
Кричалъ Агапъ, дурачился,
Пока не допилъ штофъ:
Какъ изъ конюшни вынесли
Его мертвецки пьянаго
Четыре мужика,
Такъ баринъ даже сжалился:

«Самъ виновать, Агапушка!»

Онъ ласково сказалъ...

— «Вишь, тоже добрый! сжалился»,

Замѣтилъ Провъ, а Власъ ему:

— Не золь... да есть пословица:

Хвали траву въ стогу,

А барина — въ гробу!

Все лучше, кабы Богъ его

Прибралъ... Ужъ нѣтъ Агапушки...

— «Какъ! умеръ?»

Да, почтенные:

Почти-что въ тотъ же день!

Онъ къ вечеру разохался,

Къ полуночи попа просилъ,

Къ бѣлу-свѣту преставился.

Зарыли и поставили

Животворящій крестъ...

Съ чего? Одинъ Богъ вѣдаетъ!

Конечно, мы не тронули

Его не только розгами,

И пальцемъ. Ну, а все-жъ,

Нѣтъ, нѣтъ — да и подумаешь:

Не будь такой оказіи,

Не умеръ бы Агапъ!

Мужикъ сырой, особенный,

Головка не поклончива,

А тутъ: иди, ложись!

Положимъ, ладно кончилось,

А все Агапъ надумался:

Упрешься — міръ осердится,

А міръ дуракъ — дойметъ!
Все разомъ такъ подстроилось:
Чуть молодья барыни
Не цѣловали стараго,
Полсотни, чай, подсунули,
А пуще — Климъ безсовѣстный
Сгубиль его, анаѳема,
Винищемъ!

— Вонъ, отъ барина
Посоль идетъ: откушали!
Зоветь, должно быть, старосту;
Пойду, взгляну камедь!

III.

Пошли за Власомъ странники;
Бабёнокъ тоже нѣсколько
И парней съ ними тронулось;
Былъ полдень, время отдыха,
Такъ набралось порядочно
Народу — поглазѣть,
Всѣ стали въ рядъ почтительно
Поодаль отъ господъ...

За длиннымъ бѣлымъ столикомъ,
Уставленнымъ бутылками
И кушаньями разными,
Сидѣли господа:
На первомъ мѣстѣ — старый князь,
Сѣдой, одѣтый въ бѣлое,
Лицо перекошное

И — разные глаза;
Въ петлицѣ крестикъ бѣленькій
(Власъ говоритъ: Георгія
Побѣдоносца крестъ).
За стуломъ въ бѣломъ галстукѣ,
Ипать, дворовый преданный,
Обмахиваетъ мухъ.
По сторонамъ помѣщика
Двѣ молодя барыни:
Одна черноволосая,
Какъ свекла губы красныя,
По яблоку — глаза!
Другая бѣлокурая,
Съ распущенной косой;
Ай, косынька! какъ золото,
На солнышкѣ горить!
На трехъ высокихъ стульчикахъ
Три мальчика нарядные;
Салфеточки подвязаны
Подъ горло у дѣтей.
При нихъ старуха нянюшка,
А дальше — челядь разная:
Учительницы, бѣдныя
Дворянки. Противъ барина —
Гвардейцы черноусые,
Послѣдыша сыны.

За каждымъ стуломъ дѣвочка,
А то и баба съ вѣткою —
Обмахиваетъ мухъ.
А подъ столомъ мохнатыя
Собачки бѣлошерстыя;
Барченки дразнятъ ихъ...

Безъ шапки передъ бариномъ
Стояль бурмистръ:

«А скоро-ли»,
Спросилъ помѣщикъ, кушая:
«Окончимъ сѣнокось?»

— Да какъ теперь прикажете:
У насъ по положенію
Три дня въ недѣлю барскіе,
Съ тягла: работникъ съ лошадыю,
Подростокъ или женщина,
Да полстарухи въ день;
Господскій срокъ кончается...

— «Тсс! тсс!» сказалъ Утятинъ князь,
Какъ человѣкъ, замѣтившій,
Что на тончайшей хитрости
Другого изловилъ:
«Какой такой *господскій срокъ?*
Откудава ты взялъ его?»
И на бурмиистра вѣрнаго
Навелъ пытливо глазъ.

Бурмистръ потупилъ голову.
— Какъ приказать изволите!
Два-три денька хорошіе,
И сѣно вашей милости
Все уберемъ, Богъ дастъ!
Не правда-ли, ребятушки?...
(Бурмистръ воротитъ къ барщинѣ
Широкое лицо).
За барщину отвѣтила

Проворная Орефьевна,
 Бурмистрова кума:
 — Вѣстимо такъ, Климъ Яковличъ!
 Покуда вѣдро держится,
 Убратъ бы сѣно барское,
 А наше — подождать!

— «Бабѣнка, а умнѣй тебя!»
 Помѣщикъ вдругъ осклабился
 И началъ хохотать.
 «Ха-ха! дуракъ!.. Ха-ха-ха-ха!
 Дуракъ! дуракъ! дуракъ?
 Придумали: господскій срокъ!
 Ха-ха... дуракъ!.. ха-ха-ха-ха!
 Господскій срокъ — вся жизнь раба!
 Забыли, что-ли, вы:
 Я, Божіею милостью
 И древней царской грамотой,
 И родомъ, и заслугами,
 Надъ вами господинъ!..»

Власъ на земь опускается.
 — Что такъ? спросили странники.
 — «Да отдохну пока!
 Теперь не скоро князюшка
 Соидеть съ коня любимаго!
 Съ тѣхъ поръ, какъ слухъ прошелъ,
 Что воля намъ готовится,
 У князя рѣчь одна:
 Что мужику у барина
 До свѣтопреставленія
 Зажату быть въ горсти!..»

И точно, часъ безъ малаго
Послѣдышъ говорилъ!
Языкъ его не слушался;
Старикъ слюною брызгался,
Шипѣль, и такъ разстроился,
Что правый глазъ задергало,
А лѣвый вдругъ расширился
И — круглый, какъ у филина —
Вертѣлся колесомъ.
Права свои дворянскія,
Вѣками освященныя,
Заслуги, имя древнее
Помѣщикъ поминалъ;
Царевымъ гнѣвомъ, божіимъ
Грозилъ крестьянамъ, ежели
Взбунтуются они,
И накрѣпко приказывалъ,
Чтобъ пустяковъ не думала,
Не баловалась вотчина,
А слушалась господъ!

— Отцы! сказалъ Климы Яковличъ,
Съ какимъ-то визговъ въ голосѣ,
Какъ будто вся утроба въ немъ,
При мысли о помѣщикахъ,
Заликовала вдругъ:
— Кого же намъ и слушаться?
Кого любить? надѣяться
Крестьянству на кого?
Бѣдами упиваемся,
Слезами умываемся,
Куда намъ бунтовать?
Все ваше, все господское —

Домишки наши ветхіе,
 И животишки хворые,
 И сами — ваши мы!
 Зерно, что въ землю брошено,
 И овощъ огородная,
 И волосъ на нечесанной
 Мужичкой головѣ —
 Все ваше, все господское!
 Въ могилахъ наши прадеды,
 На печкахъ дѣды старые
 И въ зыбкахъ дѣти малыя —
 Все ваше, все господское!
 А мы, какъ рыба въ неводѣ,
 Хозяева въ дому!

Бурмистра рѣчь покорная
 Понравилась помѣщику:
 Здоровый глазъ на старосту
 Глядѣлъ съ благоволеніемъ,
 А лѣвый успокоился,
 Какъ мѣсяцъ въ небѣ сталъ!
 Наливъ рукою собственной
 Стаканъ вина заморскаго,
 «Пей!» баринъ говоритъ.
 Вино на солнцѣ искрится,
 Густое, маслянистое.
 Климъ выпилъ, не поморщился,
 И вновь сказалъ: «Отцы!
 Живемъ за вашей милостью,
 Какъ у Христа за пазухой:
 Попробуй-ка безъ барина
 Крестьянинъ такъ пожить!»
 (И снова, плуть естественный,

Глонуль вина заморскаго):
«Куда намъ безъ господъ?
Баяре — кипарисовы,
Соятъ, не гнутъ головушки!
Надъ ними — царь одинъ!
А мужики — вязовые,
И гнутся-то, и тянутся,
Скринять! Гдѣ мать крестьянину,
Тамъ барину спола-горя:
Подъ мужикомъ ледъ ломится,
Подъ бариномъ — трещить!
Отцы! руководители!
Не будь у насъ помѣщиковъ,
Не наготовимъ хлѣбушка,
Не запасемъ травы!
Хранители, радѣтели!
И мѣръ давно бы рушился
Безъ разума господскаго,
Безъ нашей простоты!
Вамъ на роду написано
Блюсти крестьянство глупое,
А намъ работать, слушаться,
Молиться за господъ!»

Дворовый, что у барина
Стоялъ за стуломъ съ вѣткою,
Вдругъ всхлипнулъ! Слезы катятся
По старому лицу.
«Помолимся же Господу
За долголѣтье барина!»
Сказалъ халуй чувствительный
И сталъ креститься дряхлою,
Дрожащею рукой.

Гвардейцы черноусые
Кисленько какъ-то глянули
На вѣрнаго слугу;
Однако—дѣлать нечего! —
Фуражки сняли, крестятся;
Перекрестились барыни,
Перекрестилась нянюшка,
Перекрестился Климъ...

Да и мигнулъ Орефьевнѣ:
И бабы, что протискались
Поближе къ господамъ,
Креститься тоже начали.
Одна такъ даже всхлипнула
Въ подобіе двороваго
«Урчи! вдова Терентьевна!
Старуха полоумная!»
Сказалъ сердито Власъ).
Изъ тучи солнце красное
Вдругъ выглянуло, музыка
Протяжная и тихая
Послышалась съ рѣки...

Помѣщикъ такъ растрогался,
Что правый глазъ заплаканный
Ему платочкомъ вытерла
Сноха съ косою распущенной
И чмокнула старинушку
Въ здоровый этотъ глазъ.
«Вотъ!» молвилъ онъ торжественно
Сынамъ своимъ, наслѣдникамъ,
И молодымъ снохамъ:
«Желалъ бы я, чтобъ видѣли

Шуты, ввалили столичные,
Что обзываютъ дикими
Крѣпостниками насъ,
Чтобъ видѣли, чтобъ слышали...»

Тутъ случай неожиданный
Нарушилъ рѣчь господскую:
Одинъ мужикъ не выдержалъ —
Какъ захохочетъ вдругъ!

Задергало послѣдыша,
Вскочилъ, лицомъ уставился
Впередъ! Какъ рысь высматривалъ
Добычу. Лѣвый глазъ
Заколесилъ... «Сыскать его!
Сы-скать бун-тов-щи-ка!»

Бурмистръ въ толпу отправился;
Не ищетъ виноватаго,
А думаетъ: какъ быть?
Пришелъ въ ряды послѣдніе,
Гдѣ были наши странники,
И ласково сказалъ:
«Вы люди чужестранные,
Что съ вами онъ подѣлаетъ?
Подите кто-нибудь!»
Замялись наши странники:
Желательно бы выручить
Несчастныхъ вахлаковъ,
Да баринъ глупъ: судись потомъ,
Какъ влѣпить сотню добрую
При всемъ честномъ міру!
— Иди-ка ты, Романушка!

Сказали братья Губины:

— Иди! ты любишь баръ!

«Нѣтъ, сами вы попробуйте!»

И стали наши странники

Другъ дружку посылать.

Климъ плюнулъ. — «Ну-ка, Власушка,

Придумай, что тутъ сдѣлаемъ?

А я усталъ; мнѣ мочи нѣтъ!»

— Ну, да и вралъ же ты!

«Эхъ, Власъ Ильичъ! гдѣ враки-то?

Сказалъ бурмистръ съ досадою:

«Не въ ихъ рукахъ мы, что-ль?..

Придетъ пора послѣдняя:

Заѣдемъ всѣ въ ухабъ*),

Не выѣдемъ никакъ,

Въ кромѣшный адъ провалимся,

Такъ ждетъ и тамъ крестьянина

Работа на господъ!»

— Что-жь тамъ-то будетъ, Климушка?

— «А будетъ, что назначено:

Они — въ котлѣ кипѣть,

А мы — дрова подкладывать!»

(Смѣются мужики).

Пришли сыны Послѣдыша:

— «Эхъ! Климъ чудака! до смѣху-ли?

*) Могила.

Старикъ прислалъ насъ: сердится,
Что долго нѣтъ виновнаго...
Да кто у васъ сплосалъ?»

— А кто сплосалъ, и надо бы
Того тащить къ помѣщику,
Да все испортить онъ!
Мужикъ богатый... Питерщикъ...
Вишь, принесла нелегкая
Домой его на грѣхъ!
Порядки наши чудные
Ему пока въ диковину,
Такъ смѣхъ и разобралъ!
А мы теперь расхлебывай!

«Ну... вы его не трогайте,
А лучше киньте жеребій.
Заплатимъ мы: вотъ пять рублей!..»

— Нѣтъ! разбѣгутся всѣ...

— «Ну, такъ скажите барину,
Что виноватый спрятался».

— А завтра какъ? Забыли вы
Агапа неповиннаго?

— «Что-жь дѣлать?.. Вотъ бѣда!»

— Давай сюда бумажку-ту!
Постойте! Я васъ выручу!
Вдругъ объявила бойкая
Бурмистрова кума

И побѣжала къ барину;
 Бухъ въ ноги: «Красно солнышко!
 Прости, не погуби!
 Сыночекъ мой единственный,
 Сыночекъ надурилъ!
 Господь его безъ разуму
 Пустилъ на свѣтъ! Глупешенекъ:
 Идетъ изъ бани — чешется!
 Лаптишкомъ, вмѣсто ковшика,
 Напиться норовить!
 Работать не работаетъ,
 Знай скалить зубы бѣлые,
 Смѣшливъ... Такъ Богъ родилъ!
 Въ дому-то мало радости:
 Избенка развалилася,
 Случается, ѣсть нѣчего —
 Смѣется дурачекъ!
 Подасть-ли кто копѣечку.
 Ударить-ли по темени —
 Смѣется дурачекъ!
 Смѣшливъ... что съ нимъ подѣлаешь?
 Изъ дурака, родименькій,
 И горе смѣхомъ преть!»

Такая баба ловкая!
 Ореть, какъ на дѣвишникѣ,
 Цѣлуетъ ноги барину.
 — «Ну, Богъ съ тобой! Иди!»
 Сказалъ Послѣдышъ ласково:
 — «Я не сержусь на глупаго!
 Я самъ надъ нимъ смѣюсь!»
 — Какой ты добрый! молвила
 Сноха черноволосая,

И старика погладила
По бѣлой головѣ.
Гвардейцы черноусые
Словечко тоже вставили:
Гдѣ-жъ дурню деревенскому
Понять слова господскія,
Особенно Послѣдыша
Столь умныя слова?
А Климъ полой суконною
Отеръ глаза безстыжіе
И пробурчалъ: «Отцы!
Отцы! сыны атечества!
Умѣютъ наказать,
Умѣютъ и помиловать».

Повеселѣлъ старикъ!
Спросилъ вина шипучаго,
Высоко пробки прянули,
Попадали на бабъ;
Съ испугу бабы визгнули,
Шарахнулись. Старинушка
Захохоталъ! За нимъ
Захохотали барыни,
За ними — ихъ мужья,
Потомъ дворецкій преданный,
Потомъ кормилки, нянюшки,
А тамъ — и весь народъ!
Пошло веселье! Барыни,
По приказанью барина,
Крестьянамъ поднесли,
Подросткамъ дали пряниковъ,
Дѣвицамъ — сладкой водочки,
А бабы тоже выпили
По рюмкѣ простяку...

Послѣдышъ пилъ да чокался,
 Красивыхъ снохъ пощипывалъ.
 («Вотъ такъ-то! чѣмъ-бы старому
 Лекарство пить — замѣтилъ Власъ —
 «Онъ пьетъ вино стаканами.
 Давно ужъ мѣру всякую
 Какъ въ гнѣвѣ, такъ и въ радости
 Послѣдышъ потерялъ»).

Гремитъ на Волгѣ музыка,
 Поютъ и пляшутъ дѣвицы —
 Ну, словомъ, пиръ горой!
 Къ дѣвицамъ присосѣдиться
 Хотѣлъ старикъ, всталъ на ноги
 И чуть не полетѣлъ!
 Сынъ поддержалъ родителя.
 Старикъ стоялъ, притопывалъ,
 Присвистывалъ, прищелкивалъ,
 А глазъ свое выдѣлывалъ —
 Вертѣлся колесомъ!

— «А вы что-жь не танцуете?»
 Сказалъ Послѣдышъ барынямъ
 И молодымъ сынамъ:
 — «Танцуйте!» Дѣлать нечего!
 Прошлись они подъ музыку.
 Старикъ ихъ осмѣялъ!
 Качаясь, какъ на палубѣ,
 Въ погоду непокойную,
 Представилъ онъ, какъ тѣшились
 Въ его-то времена!
 — «Спой, Люба!» Не хотѣлося
 Пѣть бѣлокурой барынѣ,
 Да старый такъ присталъ!

Чудесно спѣла барыня!
Ласкала слухъ та пѣсенка,
Негромкая и нѣжная,
Какъ вѣтеръ лѣтнимъ вечеромъ
Легонько пробѣгающій
По бархатной муравушкѣ,
Какъ шумъ дождя весенняго
По листьямъ молодымъ!

Подъ пѣсню ту прекрасную
Уснулъ Послѣдышъ. Бережно
Снесли его въ ладью
И уложили соннаго.
Надъ нимъ съ зеленымъ зонтикомъ
Стоялъ дворовый преданный,
Другой рукой отмахивалъ
Слѣпней и комаровъ,
Сидѣли молча бравые
Гребцы; играла музыка
Чуть слышно... лодка тронулась
И мѣрно поплыла...
У бѣлокурой барыни
Коса, какъ флагъ распущенный,
Играла на вѣтру...

— Уважилъ я Послѣдыша!
Сказалъ бурмистръ. — Господь съ тобой!
Куражься, колобродь!
Не знай про волю новую,
Умри, какъ жилъ, помѣщикомъ,
Подъ пѣсни наши рабскія,
Подъ музыку холопскую —
Да только поскорѣй!

Дай отдохнуть крестьянину!
Ну, братцы! поклонитесь мнѣ,
Скажи спасибо, Власъ Ильичъ:
Я міру пораждѣль!
Стоять передъ Послѣдышемъ
Напасть... языкъ примелется,
А пуще смѣхъ долить.
Глазъ этотъ... какъ завертится,
Бѣда! Глядишь да думаешь:
— Куда ты, другъ единственный?
По надобности собственной,
Аль по чужимъ дѣламъ?
Должно быть, раздобылся ты
Курьерской подорожною!..
Чуть разъ не прыснулъ я.
Мужикъ я пьяный, вѣтреный,
Въ амбарѣ крысы съ голоду
Подохли, домъ пустехонекъ,
А не взялъ бы, свидѣтель Богъ,
Я за такую каторгу
И тысячи рублей,
Когда-бъ не зналъ доподлинно,
Что я передъ *послѣдышемъ*
Стою... что онъ куражится,
По волѣ по моей...

Власъ отвѣчалъ задумчиво:
— «Бахвалься! А давно-ли мы,
Не мы одни — вся вотчина...
(Да... все крестьянство русское!)
Не въ шутку, не за денежки,
Не три-четыре мѣсяца,
А цѣлый вѣкъ... да что ужъ тутъ!

Куда ужъ намъ бахвалиться, —
Не даромъ вахлаки!»

Однако, Клима Лавина
Крестьяне полупьяные
Уважили: «Качать его!»
И ну качать... «ура!»
Потомъ вдову Терентьевну
Съ Гаврилкой, малолѣточкомъ,
Климъ посадилъ рядкомъ,
И жениха съ невѣстою
Поздравилъ! Подурачились
Досыта мужики.
Приѣли все, все припили,
Что господа оставили,
И только позднимъ вечеромъ
Въ деревню прибрели.
Домашніе ихъ встрѣтили
Извѣстиемъ неожиданнымъ:
Скончался старый князь!
— Какъ такъ? — «Изъ лодки вынесли
Его ужъ бездыханнаго —
Хватилъ второй ударъ!»

Крестьяне пораженные
Переглянулись... крестятся...
Вздохнули... Никогда
Такого вздоха дружнаго,
Глубокаго-глубокаго
Не испускала бѣдная
Безграмотной губерніи
Деревня Вахлаки...

Но радость ихъ вахлацкая
 Была непродолжительна:
 Со смертію Послѣдыша
 Пропала ласка барская;
 Опохмелиться не дали
 Гвардейцы вахлакамъ!
 А за луга поёмные
 Наслѣдники съ крестьянами
 Тягаются до днесь.
 Власъ за крестьянъ ходатаемъ
 Живетъ въ Москвѣ... былъ въ Питерѣ...
 А толку что-то нѣтъ!

КРЕСТЬЯНКА.

Изъ третьей части.

ПРОЛОГЪ.

«Не все между мужчинами
 Отыскивать счастливаго, —
 Пощупаемъ-ка бабъ!»
 Рѣшили наши странники
 И стали бабъ опрашивать.
 Въ селѣ Наготинѣ
 Сказали, какъ отрѣзали:
 «У насъ такой не водится,
 А есть въ селѣ Клину:
 Корова холмогорская,
 Не баба! доброумнѣе
 И глаже — бабы нѣтъ.
 Спросите вы Корчагину,
 Матрену Тимоѳееву,
 Она же: губернаторша...»

Подумали — пошли.

Ужъ налились колосики.
Стоять столбы точеные,
Головки золоченныя,
Задумчиво и ласково
Шумять. Пора чудесная!
Нѣтъ веселѣй, наряднѣе,
Богаче нѣтъ поры!
«Ой, поле многохлѣбное!
Теперь и не подумаешь,
Какъ много люди божіи
Побились надъ тобой,
Покамѣсть ты одѣлося
Тяжелымъ, ровнымъ колосомъ
И стало передъ пахаремъ,
Какъ войско предъ царемъ!
Не столько росы теплыя,
Какъ потъ съ лица крестьянскаго
Увлажили тебя!..»

Довольны наши странники:
То рожью, то пшеницею,
То ячменемъ идутъ.
Пшеница ихъ не радуешь:
Ты тѣмъ передъ крестьяниномъ,
Пшеница, провинилася,
Что кормишь ты *по выбору!*
За то не налюбуются
На рожь, что *кормитъ всѣхъ.*

«Льны тоже нонче знатные...
Ай! бѣдненькій! застряль!»
Тутъ жаворонка малаго,

Застрявшаго во льну,
Романъ распуталъ бережно,
Поцѣловалъ: «лети!»
И птичка въ высь помчалася,
За нею умиленные
Слѣдили мужики...
Поспѣлъ горохъ! Накинулись,
Какъ саранча на полосу:
Горохъ, что дѣвку красную,
Кто ни пройдетъ — щипнетъ!
Теперь горохъ у всякаго
У стараго, у малаго,
Разсыпался горохъ
На семьдесятъ дорогъ!

Вся овощъ огородная
Поспѣла; дѣти носятъ
Кто съ рѣпой, кто съ морковкою,
Подсолнечникъ лущать,
А бабы свеклу дергаютъ, —
Такая свекла добрая!
Точь-въ-точь сапожки красные
Лежить на полосѣ.

Шли долго-ли, коротко-ли,
Шли близко-ли, далеко-ли,
Вотъ, наконецъ, и Клинь.
Селенье незавидное:
Что ни изба — съ подпоркою,
Какъ нищій съ костылемъ;
А съ крыши солома скормлена
Скоту. Стоять, какъ остовы,
Убогіе дома.

Ненастной, поздней осенью
Такъ смотрять гнѣзда галочки,
Когда галчата вылетятъ
И вѣтеръ придорожныя
Березы обнажитъ...
Народъ въ поляхъ — работаетъ.
Замѣтивъ за селеніемъ
Усадьбу на пригорочкѣ,
Пошли пока — глядѣть.

Огромный домъ, широкій дворъ,
Прудъ, ивами обсаженный,
Посреди двора;
Надъ домомъ башня высится,
Балкономъ окруженная,
Надъ башней шпиль торчитъ.

Въ воротахъ съ ними встрѣтился
Лакей, какой-то буркою
Прикрытый: — «Вамъ кого?
Помѣщикъ за границею,
А управитель при смерти!...»
И спину показалъ.
Крестьяне наши прыснули:
По всей спинѣ двороваго
Быль нарисованъ левъ.
«Ну, штука!» Долго спорили,
Что за нарядъ диковинный,
Пока Пахомъ догадливый
Загадки не рѣшилъ:
«Халуй хитѣрь: стащить коверъ,
Въ коврѣ дыру продѣлаеть,

Въ дыру просунеть голову
Да и гуляетъ такъ!..»

Какъ прусаки слоняются
По нетопленной горницѣ,
Когда ихъ вымораживать
Надумаетъ мужикъ, —
Въ усадьбѣ той слонялися
Голодные дворовые,
Покинутые бариномъ
На произволь судьбы.
Все старые, все хворые
И какъ въ цыганскомъ таборѣ
Одѣты. По пруду
Тащили бредень пятеро.
«Богъ на-помочь! Какъ ловится?..»

— Всего одинъ карась!
А было ихъ до пропасти,
Да крѣпко навалились мы,
Теперь — свищи въ кулакъ!

«Хоть бы пяточекъ вынули»
Проговорила блѣдная,
Беременная женщина,
Усердно раздувавшая
Костеръ на берегу.

— Точеные-то столбики
Съ балкону, что ли, умница?
Спросили мужики.
«Съ балкону!»

— То-то высохли!

А ты не дуй! Сгорятъ они
Скорѣе, чѣмъ карасиковъ
Изловятъ на уху!

«Жду — не дождусь. Измаялся
На черствомъ хлѣбѣ Митенька.
Эхъ, горе — не житье!»

И тутъ она погладила
Полунагого мальчика
(Сидѣль въ тазу заржавленномъ
Курносый мальчуганъ).

— А что? ему, чай, холодно,
Сказаль сурово Провушка, —
— Въ желѣзномъ-то тазу?
И въ руки взять ребеночка
Хотѣль. Дитя заплакало,
А мать кричить: «Не тронь его!
Не видишь? Онъ катается!
Ну, ну! пошелъ! Колясочка,
Вѣдь, это у него!..»

Что шагъ, то натыкались
Крестьяне на диковину;
Особая и странная
Работа всюду шла.
Одинъ дворовый мучился
У двери: ручки мѣдныя
Отвинчиваль; другой
Несъ изразцы какіе-то.
«Наковыряль, Егорушка!»

Окликнули съ пруда.
 Въ саду ребята яблоню
 Качали. — «Мало, дяденька!
 Теперь они остались
 Ужъ только на верху,
 А было ихъ до пропасти!»

— Да что въ нихъ проку! зелены!

«Мы рады и такимъ!»

Бродили долго по саду:
 «Затѣй-то! горы, пропасти!
 И прудъ опять... Чай, лебеди
 Гуляли по пруду?
 Бесѣдка... стойте! съ надписью!..»
 Демьянъ, крестьянинъ грамотный,
 Читаетъ по складамъ.
 «Эй, врешь!» Хохочутъ странники...
 Опять, и то же самое,
 Читаетъ имъ Демьянъ.
 (Насилу догадались,
 Что надпись переправлена:
 Затерты двѣ-три литеры, —
 Изъ слова благороднаго
 Такая вышла дрянъ!)

Замѣтивъ любознательность
 Крестьянъ, дворовый съденъкій
 Къ нимъ съ книгой подошелъ:
 «Купите!» Какъ ни тужился,
 Мудренаго заглавія
 Не одолѣлъ Демьянъ:

— Садись-ка ты помѣщикомъ
Подъ липой на скамеечку,
Да самъ ее читай!

«А то же грамотѣями
Считаетесь!» съ досадою
Дворовый прошипѣлъ;
«На что вамъ книги умныя?
Вамъ вывѣски питейныя
Да слово: воспрещается,
Что на столбахъ встрѣчается,
Достаточно читать!»

— «Дорожки такъ загажены,
Что срамъ! у дѣвокъ каменныхъ
Отшибены носы!
Пропали фрукты-ягоды,
Пропали гуси-лебеди
У халуя въ зобу!
Что церкви безъ священника,
Угодамъ безъ крестьянина,
То саду безъ помѣщика!»
Рѣшили мужики:
«Помѣщикъ прочно строился,
Такую даль загадывалъ,
«А вотъ...» (Смѣются шестеро,
Седьмой повѣсилъ носъ).
Вдругъ съ вышины откуда-то,
Какъ грянетъ пѣсня! головы
Задрали мужики:
Вкругъ башни по балкончику
Похаживалъ въ подрясникѣ
Какой-то человекъ

И пѣль... Въ вечернемъ воздухѣ,
 Какъ колоколь серебряный,
 Гудѣль громовый басъ...
 Гудѣль — и прямо за сердце
 Хваталъ онъ нашихъ странниковъ:
 Не русскія слова,
 А горе въ нихъ такое же,
 Какъ въ русской пѣсни слышалось,
 Безъ берегу, безъ дна.
 Такіе звуки плавные,
 Рыдающіе... «Умница,
 Какой мужчина тамъ?»
 Спросилъ Романъ у женщины,
 Уже кормившей Митеньку
 Горяченькой ухой.

— Пѣвецъ Ново-Архангельскій.
 Его изъ Малороссіи
 Сманили господа,
 Свезти его въ Италію
 Сулились, да уѣхали...
 А онъ бы радъ-радехонекъ —
 Какая ужъ Италія?
 Обратно въ Конотопъ;
 Ему здѣсь дѣлать нѣчего...
 Собаки домъ покинули
 (Озлилась круто женщина):
 Кому здѣсь дѣло есть?..
 Да у него ни спереди,
 Ни сзади... кромѣ голосу...»

— За то ужъ голосокъ!

«Не то еще услышите,
Какъ до утра пробудете:
Отсюда версты три
Есть дьяконъ... тоже съ голосомъ...
Такъ вонъ, они затѣяли
По-своему здороваться
На утренней зарѣ.
На башню какъ подыметя
Да рявкнетъ нашъ: «Здо-ро-во-ли
Жи-вешъ; о-тець И-патъ?»
Такъ стекла затрещать!
А тротъ, ему, оттуда-то:
«Здо-ро-во, нашъ со-ловушко!
Жду вод-ку пить!» — И-ду!..
«Иду!»-то это въ воздухѣ
Часъ цѣлый откликается...
Такіе жеребцы!..

Домой скотина гонится,
Дорога запылилася,
Запахло молокомъ.
Вздохнула мать Митюхина:
Хоть бы одна коровушка
На барскій дворъ вошла!
— Чу! пѣсня за деревнею!
Прощай, горюшка бѣдная!
Идемъ встрѣчать народъ.

Легко вздохнули странники:
Имъ послѣ дворни ноющей
Красива показалася
Здоровая, поющая
Толпа жнецовъ и жницъ;

Все дѣло дѣвки красили
 (Толпа безъ красныхъ дѣвушекъ,
 Что рожь безъ васильковъ).

— Путь добрый! А которая
 Матрена Тимоѳеевна?

«Что̀ нужно, молодцы?»

Матрена Тимоѳеевна—
 Осанистая женщина,
 Широкая и плотная,
 Лѣтъ тридцати-осьми.
 Красива; волосъ съ просѣдью,
 Глаза большіе, строгіе,
 Рѣсницы богатѣйшія;
 Сурова и смугла.
 На ней рубаха бѣлая,
 Да сарафанъ коротенькій,
 Да серпъ черезъ плечо.

«Что̀ нужно вамъ, молодчики?»

Помалчивали странники,
 Покамѣсть бабы прочія
 Не поушли впередъ,
 Потомъ поклонъ отвѣсили:
 — Мы люди чужестранные;
 У насъ забота есть,
 Такая-ли заботушка,
 Что изъ домовъ повыжила,
 Съ работой раздружила насъ,
 Отбила отъ ѣды.

Мы мужики степенные,
Изъ временно-обязанныхъ,
Подтянутой губерніи,
Пустопорожней волости,
Изъ смежныхъ деревень:
Несытова, Неѣлова,
Заплатова, Дырявина,
Горѣлокъ, Голодухина,
Неурожайка-тожь.
Идя путемъ-дорогою,
Сошлись мы невзначай,
Сошлись мы — и заспорили:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?
Романъ сказалъ: помѣщику,
Демьянъ сказалъ: чиновнику,
Лука сказалъ — попу.
Купчинъ толстопузому,
Сказали братья Губины,
Иванъ и Митродоръ.
Пахомъ сказалъ: свѣтлѣйшему,
Вельможному боярину,
Министру государеву,
А Провъ сказалъ: царю...
Мужикъ, что быкъ: втемяшится
Въ башку какая блажь —
Коломъ ее оттудова
Не выбьешь! какъ ни спорили,
Не согласились мы!
Поспоривши, повздорили,
Повздоривши — подралися,
Подравшись, удумали:
Не расходиться врозь,

Въ домишки не ворочаться,
Не видѣться ни съ женами,
Ни съ малыми ребятами,
Ни съ стариками старыми,
Покуда спору нашему
Рѣшенья не найдемъ,
Покуда не доведемъ
Какъ ни на есть — доподлинно,
Кому жить любо-весело,
Вольготно на Руси?

Попа ужъ мы доведели,
Довели помѣщика,
Да прямо мы къ тебѣ!
Чѣмъ намъ искать чиновника,
Купца, министра царскаго,
Царя (еще допустить ли
Насъ, мужичонковъ, царь?)
Освободи насъ, выручи!
Молва идетъ всесвѣтная,
Что ты вольготно, счастливо
Живешь... Скажи по-божески,
Въ чемъ счастье твое?

Не то, чтобъ удивилася
Матрена Тимоеевна,
А какъ-то закручинилась,
Задумалась она...

— Не дѣло вы затѣяли!
Теперь пора рабочая,
Досугъ ли толковать?..

— Полцарства мы промѣряли,
Никто намъ не отказывалъ!
Просили мужики.

— У насъ ужъ колось сыплется,
Рукъ не хватаетъ, милые...

— А мы на что, кума?
Давай серпы! Всѣ семеро
Какъ станемъ завтра, — къ вечеру
Всю рожь твою сожнемъ!

Смекнула Тимоѳеевна,
Что дѣло подходящее,
«Согласна», говоритъ:
«Такіе-то вы бравые, —
Нажнете, не замѣтите,
Сноповъ по десяти».

— А ты намъ душу выложи!

«Не скрою ничего!»

Покуда Тимоѳеевна
Съ хозяйствомъ управлялася,
Крестьяне мѣсто знатное
Избрали за избой:
Тутъ рига, конопляники,
Два стога здоровенные,
Богатый огородъ.
И дубъ тутъ росъ — дубовъ краса.
Подъ нимъ присѣли странники:
*«Эй, скатерть самобранная,
Попутчуй мужиковъ!»*

И скатерть развернулася,
 Откуда ни взялися
 Двѣ дюжія руки,
 Ведро вина поставили,
 Горой наклали хлѣбушка
 И спрятались опять...
 Гогочутъ братья Губины:
 Такую рѣдъку схапали
 На огородѣ — страсть!

Ужъ звѣзды разсажались
 По небу темносинему,
 Высоко мѣсяць сталь,
 Когда пришла хозяйшка
 И стала нашимъ странникамъ
 «Всю душу открывать...»

 ГЛАВА I.

ДО ЗАМУЖЕСТВА.

Мнѣ счастье въ дѣвкахъ выпало:
 У насъ была хорошая,
 Непьющая семья.
 За батюшкой, за матушкой,
 Какъ у Христа за пазухой,
 Жила я, молодцы.
 Отецъ, поднявшись до-свѣту,
 Будиль дочурку ласкою,
 А братъ — веселой пѣсенкой:
 Покамѣсть одѣвается,
 Поеть: «вставай сестра!
 По избамъ обряжаются,

Въ часовенькахъ спасаются —
Пора вставать, пора!
Пастухъ ужъ со скотиною
Угнался; за малиною
Ушли подружки въ боръ;
Въ поляхъ трудятся пахари,
Въ лѣсу стучить топоръ!»
Управится съ горшечками,
Все вымоетъ, все выскребетъ,
Посадить хлѣбы въ печь, —
Идетъ родная матушка,
Не будить — пуще кутаеть:
«Спи, милая касатушка,
Спи, силу запасай!
Въ чужой семьѣ — не дологъ сонъ!
Уложить спать позднехонько,
Придутъ будить до солнышка,
Лукошко припасутъ,
На донце бросятъ корочку:
Сложи ее — да полное
Лукошко набери!..»

Да, не въ лѣсу родилася,
Не пеньямъ я молилася,
Не много я спала.
Въ день Симеона батюшка
Сажаль меня на бурушку
И вывелъ изъ младенчества
По пятому годку;
А на седьмомъ за бурушкой
Сама я въ стадо бѣгала,
Отцу носила завтракать,
Утятчекъ пасла.

Потомъ грибы да ягоды,
 Потомъ: «бери-ка грабельки,
 Да сѣно вороши!»
 Такъ къ дѣлу пріобыкла я...
 И добрая работница,
 И пѣть-плясать охотница
 Я смолоду была.
 День въ полѣ поработаешь,
 Грязна домой воротишься,
 А банька-то на что?

Спасибо жаркой баенкѣ,
 Березовому вѣничку,
 Студеному ключу, —
 Опять бѣла, свѣжихонька,
 За прямицей съ подружками
 До полночи поешь!

На парней я не вѣшалась,
 Наяновъ обрывала я,
 А тихому шепну:
 «Я личикомъ разгарчива,
 А матушка догадлива,
 Не тронь! уйди!..» — уйдетъ...

Да какъ я ихъ не бѣгала,
 А выискался суженый,
 На горе — чужанинъ!
 Филиппъ Карчагинъ — питерщикъ,
 По мастерству печникъ.
 Родительница плакала:
 «Какъ рыбка въ море синее,
 Юркнешь ты! какъ соловушко,

Изъ гнѣздышка порхнешь!
Чужая-то сторонушка
Не сахаромъ посыпана,
Не медомъ полита!
Тамъ холодно, тамъ голодно;
Тамъ холеную доченьку
Обвѣютъ вѣтры буйные,
Обграютъ черны вдроны,
Облаютъ псы косматые,
И люди засмѣютъ!..»
А батюшка со сватами
Подвыпилъ. Закручинилась,
Всю ночь я не спала...

Ахъ! что ты, парень, въ дѣвицѣ
Нашель во мнѣ хорошаго?
Гдѣ высмотрѣлъ меня?
О святкахъ-ли, какъ съ горокъ я
Съ ребятами, съ подругами
Каталась, смѣючись?
Ошибся ты, отецкій сынъ!
Съ игры, съ катанья, съ бѣганья,
Съ морозу разгорѣлося
У дѣвушки лицо!
На тихой-ли бесѣдушкѣ?
Я тамъ была нарядная,
Дородства и пригожества
Понакопила на зиму,
Цвѣла, какъ маковъ цвѣтъ!
А ты бы поглядѣлъ меня
Какъ лень треплю, какъ снопики
На ригѣ молочу...
Въ дому-ли во родительскомъ?..

Ахъ! кабы знать! Послала бы
 Я въ городъ братца-сокола:
 «Миль-братецъ! шелку, гарусу
 Купи — семи цвѣтовъ,
 Да гарнитуру синяго!»
 Я по угламъ бы вышила
 Москву, царя съ царицею,
 Да Кіевъ, да Царьградъ,
 А по середкѣ — солнышко,
 И эту занавѣсочку
 Въ окошкѣ бы повѣсила:
 Авось ты заглядѣлся бы, —
 Меня бы промигалъ!..

Всю ночку я продумала...
 «Оставь», я парню молвила:
 «Я въ подневолье съ волюшки,
 Богъ видитъ, не пойду!»

— Такую даль мы ѣхали!
 Иди! сказалъ Филипушка:
 — Не стану обижать!

Тужила, горько плакала,
 А дѣло дѣвка дѣлала:
 На суженаго искоса
 Поглядывала втай.
 Пригожъ-румянъ, широкъ-могучъ,
 Русъ волосомъ, тихъ говоромъ —
 Паль на сердце Филипъ!

— Ты стань-ка, добрый молодецъ,
 Противъ меня прямехонько,

Стань на одной доскѣ!
Гляди мнѣ въ очи ясныя,
Гляди въ лицо румяное,
Подумывай, смекай:
Чтобъ жить со мной — не каяться,
А мнѣ съ тобой не плакаться...
Я вся тутъ такова!

— Небось, не буду каяться,
Небось, не будешь плакаться!
Филипушка сказалъ.

Пока мы торговалися:
Филипу я: уйди ты прочь!
А онъ: «иди со мной!»
Извѣстно: «ненаглядная,
«Хорошая... пригожая...»
— Ай!.. Вдругъ рванулась я...
«Чего ты? Эка силища!»
Не удержи — не видѣть бы
Во вѣкъ ему Матренушки,
Да удержалъ Филипъ!
Пока мы торговалися,
Должно быть, такъ я думаю,
Тогда и было счастьецо...
А больше — врядъ когда!

Я помню, ночка звѣздная,
Такая же хорошая,
Какъ и теперь, была...

Вздохнула Тимоѳеевна!
Ко стогу приклонилася,

Уныннымъ, тихимъ голосомъ
Пропѣла про себя:

Ты, скажи, за что,
Молодой купецъ,
Полюбилъ меня,
Дочь крестьянскую?
Я не въ серебрѣ;
Я не въ золотѣ,
Жемчугами я
Не увѣшана!

— Чисто серебро —
Чистота твоя;
Красно золото —
Красота твоя;
Бѣль-крупень жемчугъ —
Изъ очей твоихъ
Слезы катятся...

Велѣлъ родимый батюшка,
Благословила матушка,
Поставили родители
Къ дубовому столу,
Съ краями чары налили:
«Бери поднось, гостей-чужанъ
Съ поклономъ обноси!»
Впервой я поклонилась —
Вдрогнули ноги рѣзвыя;
Второй я поклонилась —
Поблекло бѣло личико,
Я въ третій поклонилась, —

И волюшка скатилася
Съ дѣвичьей головы...

— Такъ значитъ: свадьба? Слѣдуетъ, —
Сказаль одинъ изъ Губиныхъ, —
Проздравить молодыхъ.

— Давай! Начинь съ хозяйшки.
— Пьешь водку, Тимоѳеевна?

— Старухѣ — да не пить?..

ГЛАВА II.

ПѢСНЯ.

У суда стоять —
Ломить ноженьки;
Подъ вѣнцомъ стоять —
Голова болить;
Голова болить,
Вспоминается
Пѣсня старая,
Пѣсня грозная.
На широкій дворъ
Гости вѣхали,
Молоду жену
Мужъ домой привезъ;
А роденька-то
Какъ набросится!
Деверѣкъ ее —
Расточихою,

А золовушка —
 Щеголихою,
 Свекоръ-батюшка —
 Тотъ медвѣдцей,
 А свекровушка —
 Людоѣдцей,
 Кто неряхою,
 Кто непряхою...

Все, что въ пѣсенкѣ
 Той пѣвалось,
 Все со мной теперь
 То и сталося!
 Чай, пѣвали вы?
 Чай, вы знаете?..

— Начинай, кума!
 Намъ подхватывать...

МАТРЕНА.

Спится мнѣ младешенькой, дремлется,
 Клонить голову на подушечку;
 Свекоръ-батюшка по сѣничкамъ похаживаетъ,
 Сердитый по новымъ погуливаетъ.

СТРАННИКИ — *хоромъ*.

Стучить, гремитъ, стучить, гремитъ,
 Снохѣ спать не даетъ:
 Встань, встань, встань, ты — сонливая!
 Встань, встань, встань, ты — дремливая!
 Сонливая, дремливая, неурядливая!

МАТРЕНА.

Спится мнѣ младешенькой, дремлется,
Клонить голову на подушечку;
Свекровь-матушка по сѣничкамъ похаживаетъ,
Сердитая по новымъ погуливаетъ.

СТРАННИКИ — *хоромъ*.

Стучить, гремитъ, стучить, гремитъ,
Снохѣ спать не даетъ:
Встань, встань, встань, ты — сонливая!
Встань, встань, встань, ты — дремливая!
Сонливая, дремливая, неурядливая!

Семья была большущая,
Сварливая... попала я
Съ дѣвичьей холи въ адъ!
Въ работу мужъ отправился,
Молчать, терпѣть совѣтовалъ:
Не плюй на раскаленное
Желѣзо — зашипить!
Осталась я съ золовками,
Со свекромъ, со свекровушкой;
Любить-голубить нѣкому,
А есть кому журить!
На старшую золовушку,
На Марѳу богомольную
Работай, какъ раба;
За свекромъ приглядывай:
Сплошаешь — у кабатчика
Пропажу выкупай.
И встань, и сядь съ примѣтою,
Не то свекровь обидится;

А гдѣ ихъ всѣ-то знать?
Примѣты есть хорошія,
А есть и бѣдокурныя.
Случилось такъ: свекровь,
Надула въ уши свекору,
Что рожь добрѣе родится
Изъ краденыхъ сѣмянъ.
Поѣхалъ ночью Тихонычъ,
Поймали, — полумертваго
Подкинули въ сарай...

Какъ велѣно, такъ сдѣлано:
Ходила съ гнѣвомъ на сердцѣ,
А лишняго не молвила
Словечка никому.
Зимой пришелъ Филипушка,
Привезъ платочекъ шелковый
Да прокатилъ на саночкахъ
Въ Екатерининъ день, —
И горя словно не было!
Запѣла, какъ пѣвала я
Въ родительскому дому.
Мы были однолѣточки,
Не трогай насъ — намъ весело,
Всегда у насъ лады.
То правда, что и мужа-то
Такого, какъ Филипушка,
Со свѣчкой поискать...

— Ужъ будто не колачиваль?

Замялась Тимоѳеевна:

— Разъ только, тихимъ голосомъ
Промолвила она.

— За что? спросили странники.

Ужъ будто вы не знаете,
Какъ ссоры деревенскія
Выходятъ? Къ муженьку
Сестра гостить пріѣхала,
У ней коты разбилися.

— Дай башмаки Олёнушкѣ,
Жена! сказалъ Филипъ.

А я не вдругъ отвѣтила:

Корчагу подымала я,
Такая тяга: вымолвить
Я слова не могла.

Филипъ Ильичъ прогнѣвался,

Пождаль; пока поставила

Корчагу на шестокъ,

Да хлопъ меня въ високъ!

— Ну, благо, ты пріѣхала,

И такъ походишь! молвила

Другая, нѣзамужняя

Филипова сестра.

Филипъ подбавилъ женушкѣ.

— Давненько не видались мы,

А знать бы — такъ не ѣхать бы!

Сказала тутъ свекровь.

Еще подбавилъ Филюшка...

И все тутъ! Не годилось бы

Женѣ побои мужнины

Считать; да ужъ сказала я:

Не скрою ничего!

— Ну, женщины! съ такими-то
Змѣями подколодными
И мертвый плеть возьметъ!

Хозяйка не отвѣтила.
Крестьяне, ради случаю,
По новой чаркѣ выпили
И хоромъ пѣсню грянули
Про шелковую плеточку,
Про мужнину родню.

*
* *

Мой постылый мужъ
Подымается,
За шелкову плеть.
Принимается.

ХОРЪ.

Плѣтка свиснула,
Кровь пробрызнула...
Ахъ! лели! лели!
Кровь пробрызнула...

*
* *

Свекру-батюшкѣ
Поклонилася:
Свекоръ-батюшка,
Отними меня
Отъ лиха-мужа;
Змѣя лютаго!
Свекоръ-батюшка

Велить больше бить,
Велить кровь пролить...

ХОРЪ.

Плетка свиснула,
Кровь пробрызнула...
Ахъ! лели! лели!
Кровь пробрызнула...

*
* *

Свекровь-матушкѣ
Поклонилася:
Свекровь-матушка,
Отними меня
Отъ лиха-мужа
Змѣя лютаго!
Свекровь-матушка
Велить больше бить,
Велить кровь пролить...

ХОРЪ.

Плетка свиснула,
Кровь пробрызнула,
Ахъ! лели! лели!
Кровь пробрызнула.

Филипъ на Благовѣщенье
Ушелъ, а на Казанскую
Я сына родила.
Какъ писанный былъ Дѣмушка!
Краса взята у солнышка,
У снѣга бѣлизна,

У маку губы алыя,
Бровь черная у соболя, —
У соболя сибирскаго,
У сокола — глаза!
Весь гнѣвъ съ души красавецъ мой
Согналъ улыбкой ангельской,
Какъ солнышко весеннее.
Сгоняетъ снѣгъ съ полей...
Не стала я тревожиться,
Что ни велятъ — работою,
Какъ ни бранятъ — молчу.

Да тутъ бѣда подсунулась:
Абрамъ Гордѣичъ Ситниковъ,
Господскій управляющій,
Сталъ крѣпко докучать:
— Ты писаная кралечка,
Ты наливная ягодка...
«Отстань, безстыдникъ! ягодка
Да бору не того!»
Укланяла золовушку,
Сама нейду на барщину, —
Такъ въ избу прикатить!
Въ сараѣ, въ ригѣ спрячуся, —
Свекровь оттуда вытащить:
«Эй, не шути съ огнемъ! —
— Гони его, родимая
По шеѣ! — «А не хочешь ты
Солдаткой быть? — Я къ дѣдушкѣ:
— Что дѣлать? Научи!

Изъ всей семейки мужчиной
Одинъ Савелій, дѣдушка,

Родитель свекра-батюшки,
Жалѣлъ меня... Рассказывать
Про дѣда, молодцы?
— Вали всю подноготную!
Накинемъ по два снопика,
Сказали мужики.

— Ну, то-то! рѣчь особая.
Грѣхъ промолчать про дѣдушку:
Счастливецъ тоже былъ...

ГЛАВА III.

САВЕЛІЙ, БОГАТЫРЬ СВЯТОРУССКІЙ.

Съ большущей сивой гривой,
Чай двадцать лѣтъ не стриженной,
Съ большущей бородой,
Дѣдъ на медвѣдя смахивалъ,
Особенно какъ изъ лѣсу,
Согнувшись, выходилъ.
Дугой спина у дѣдушки;
Сначала все боялась я,
Какъ въ низенькую горенку
Входилъ онъ: ну, распрямится?
Пробьетъ дыру медвѣдище
Въ свѣтелкѣ головой!
Да распрямится дѣдушка
Не могъ: ему ужъ стукнуло,
По сказкамъ, сто годовъ!
Дѣдъ жилъ въ особой горницѣ,
Семейки не долюбивалъ,

Въ свой уголь не пускалъ;
 А та сердилась, лаялась,
 Его «клеименымъ, каторжнымъ»
 Честиль родной сынокъ.
 Савелій не разсердится,
 Уйдетъ въ свою свѣтелочку,
 Читаетъ святцы, крестится,
 Да вдругъ и скажетъ весело:
 «Клейменный, да не рабъ!..»
 А крѣпко досадятъ ему,
 Подшутить... «поглядите-тко,
 Къ намъ сваты!» Незамужняя
 Золовушка — къ окну:
 Анъ вмѣсто сватовъ — нищѣ!
 Изъ оловянной пуговицы
 Дѣдъ вылѣпилъ двугривенный,
 Подбросилъ на полу —
 Попался свекоръ-батюшка!
 Не пьяный изъ питейнаго, —
 Побитый приплелся!
 Сидятъ, молчатъ за ужиномъ:
 У свекра бровь разсѣчена,
 У дѣда, словно радуга,
 Усмѣшка на лицѣ.

Съ весны до поздней осени
 Дѣдъ бралъ грибы да ягоды,
 Силочки становилъ
 На глухарей, да рябчиковъ,
 А зиму разговаривалъ
 На печкѣ самъ съ собой.
 Имѣлъ слова любимыя,
 И выпускалъ ихъ дѣдушка

По слову черезъ часъ.

.....
«Погибііе... пропащіе...»

.....
«Эхъ, вы, Аники-воины!
Со стариками, съ бабами
Вамъ только воевать!»

.....
«Не дотерпѣть — пропасть,
Перетерпѣть — пропасть!..»

.....
«Эхъ, доля святорусскаго
Богатыря сермяжнаго!
Всю жизнь его деруть;
Раздумается временемъ
О смерти — муки адскія
Въ ту-свѣтной жизни ждуть».

.....
«Надумалась Корѣжина,
Надай! дай! дай!»

.....
И много! да забыла я...
Какъ свекоръ развоюется,
Бѣжала я къ нему.
Запремся. Я работаю,
А Дѣма словно яблочко,
Въ вершинѣ старой яблони,
У дѣда на плечѣ
Сидитъ румяный, свѣженькій...

Вотъ, разъ и говорю:
— За что тебя, Савельюшка,
Зовутъ клейменымъ, каторжнымъ?

«Я каторжникомъ былъ» .

— Ты, дѣдушка!

«Я, внученька!

Я въ землю нѣмца Фогеля,
Христьяна Христіаныча,
Живого закопалъ...»

— И, полно! шутишь, дѣдушка!

«Нѣтъ, не шучу! Послушай-ка!»

И все мнѣ разсказалъ.

«Во времена досюльныя

Мы были тоже барскіе,

Да только не помѣщиковъ,

Ни нѣмцевъ-управителей

Не знали мы тогда.

Не правили мы барщины,

Оброковъ не платили мы,

А такъ, когда разсудится,

Въ три года разъ пошлемъ».

— Да какъ же такъ, Савельюшка?

«А были благодатныя

Такія времена.

Недаромъ есть пословица,

Что нашей-то сторонюшки

Три года чортъ искалъ:

Кругомъ — лѣса дремучіе,

Кругомъ — болота топкія,

Ни конному проѣхать къ намъ,

Ни пѣшему пройти!

Помѣщикъ нашъ Шалашниковъ
Черезъ тропы звѣриныя
Съ полкомъ своимъ — военный былъ —
Къ намъ достигнуть пробовалъ,
Да лыжи повернулъ!
Къ намъ земская полиція
Не попадала по году, —
Вотъ были времена!
А нынче — баринъ подъ бокомъ,
Дорога — скатерть-скатертью...
Тьфу! прахъ ее возьми!
Насъ только и тревожили
Медвѣди... да съ медвѣдями
Справлялись мы легко.
Съ ножищемъ да съ рогатиной
Я самъ страшнѣй сохатаго,
По заповѣднымъ тропочкамъ
Иду: «мой лѣсъ!» кричу.
Разъ только испугался я,
Какъ наступилъ на сонную
Медвѣдицу въ лѣсу.
И то бѣжать не бросился,
А такъ всадила рогатину,
Что словно какъ на вертелѣ
Цыпленокъ — завертѣлася,
И часу не жила!
Спина въ то время хрустнула,
Побаливала изрѣдка,
Покуда молодъ былъ,
А къ старости согнулася.
Не правда-ли, Матренушка,
На очепъ я похожъ?»

— Ты началъ, такъ досказывай;
Ну, жили — не тужили вы,
Чтò-жъ дальше, голова?
«По времени Шалашниковъ
Удумалъ штуку новую:
Приходить къ намъ приказъ: —
«Явиться!» Не явились мы,
Притихли, не шелохнемся
Въ болотинѣ своей,
Была засуха сильная,
Наѣхала полиція,
Мы дань ей — медомъ, рыбою!
Наѣхала опять,
Грозить съ конвоемъ выправить,
Мы — шкурами звѣриными!
А въ третій мы — ничѣмъ!
Обули лапти старые,
Надѣли шапки рваныя,
Худые армяки —
И тронулась Корёжина!..
Пришли... (Въ губернскомъ городѣ
Стоялъ съ полкомъ Шалашниковъ).
«Оброкъ!» — Оброку нѣтъ!
— Хлѣба не уродилися,
Снѣточки не ловилися...
«Оброкъ!» — Оброку нѣтъ!
Не сталъ и разговаривать:
«Эй! перемѣна первая!»
И началъ насъ пороть.

Туга мошна корёжская!
Да стоекъ и Шалашниковъ:
Ужъ языки мѣшались,

Мозги ужъ потрясалися
Въ головушкахъ — дерётъ!
Укрѣпа богатырская —
Не розги!.. Дѣлать нечего!
Кричимъ: постой, дай срокъ!
Онучи распороли мы
И барину «лобанчиковъ»
Поль-шапки поднесли.

Утихъ боець Шалашниковъ!
Такого-то горчайшаго
Поднесъ намъ травнику,
Самъ выпилъ съ нами, чекнулся
Съ Корёгой покоренною:
«Ну, благо, вы сдались!
А то — вотъ Богъ! — рѣшился я
Содрать съ васъ шкуру на-чисто...
На барабанъ напялилъ бы
И подарилъ полку!
Ха-ха, ха-ха! ха-ха! ха-ха!
(Хохочеть — радъ придумочкѣ)
Вотъ былъ бы барабанъ!»

Идемъ домой понурые...
Два старика кряжистые
Смѣются... Ай, кряжи!
Бумажки сторублевья
Домой подъ подоплекою
Не тронуты несутъ!
Какъ уперлись: мы нищѣ,
Такъ тѣмъ и отбоярились!
Подумалъ я тогда:
Ну, ладно-жъ, черти сивые!

Впередъ не доведется вамъ
Смѣяться надо мной!
И прочимъ стало совѣстно,
На церковь побожилися:
«Впередъ не посрамимся мы,
Подъ розгами умремъ!»

Понравились помѣщику
Корёжскіе лобанчики,
Что годъ — зоветъ... дерётъ...

Отмѣнно дралъ Шалашниковъ,
А не ахти великіе
Доходы получалъ:
Сдавались люди слабые,
А сильные за вотчину
Сстояли хорошо.
Я тоже перетерпчивалъ,
Помалчивалъ, подумывалъ:
«Какъ ни дери, собачій сынъ,
А всей души не вышибешь,
Оставишь что-нибудь!»
Какъ приметъ дань Шалашниковъ,
Уйдемъ — и за заставою
Подѣлимъ барыши:
«Что денегъ-то осталось!
Дуракъ же ты, Шалашниковъ!»
И тѣшилась надъ бариномъ
Корёга въ свой чередъ!
Вотъ были люди гордые!
А нынче дай затрещину —
Исправнику, помѣщику
Тащатъ послѣдній грошъ!

За то купцами жили мы...

Подходить лѣто красное,
Ждемъ грамоты... Пришла...
А въ ней увѣдомленіе,
Что господинъ Шалашниковъ
Подъ Варною убить.
Жалѣть не пожалѣли мы,
А пала дума на сердце:
«Приходить благоденствію
Крестьянскому конецъ!»
И точно: небывалое
Наслѣдникъ средство выдумалъ:
Къ намъ нѣмца подослалъ.
Черезъ лѣса дремучіе,
Черезъ болота топкія
Пѣшкомъ пришель, шельмецъ,
Одинъ, какъ персть: фуражечка
Да тросточка, а въ тросточкѣ
Для уженья снарядъ.
И былъ сначала тихонькій:
«Платите, сколько можете!
— Не можемъ ничего!
«Я барина увѣдомлю».
— Увѣдомь!.. Тѣмъ и кончилось.
Сталъ жить да поживать;
Питался больше рыбою:
Сидитъ на рѣчкѣ съ удочкой
Да самъ себя то по носу,
То по лбу — бацъ да бацъ!
Смѣялись мы: «Не любишь ты
Корѣжскаго комарика
Не любишь, нѣмчура?..»

Катается по бережку,
Гогочетъ дикимъ голосомъ,
Какъ въ банѣ на полкѣ...

Съ ребятами, съ дѣвочками
Сдружился, бродить по лѣсу...
Не даромъ онъ бродилъ!
«Коли платить не можете,
Работайте!» — А въ чемъ твоя
Работа? «Окопать
Канавами желательнo
Болото»... Окопали мы...
«Теперь рубите лѣсъ...»
— Ну, хорошо! Рубили мы,
А нѣмчура показывалъ,
Гдѣ надобно рубить.
Глядимъ: выходитъ просѣка!
Какъ просѣку прочистили,
Къ болоту поперечины
Велѣлъ по ней возить.
Ну, словомъ: спохватились мы,
Какъ ужъ дорогу сдѣлали,
Что нѣмецъ насъ поймалъ!

Поѣхалъ въ городъ парочкой!
Глядимъ, везетъ изъ города
Коробки, тюфяки;
Откудова ни взялися
У нѣмца босоногого
Дѣтишки и жена.
Повелъ хлѣбъ-соль съ исправникомъ
И съ прочей земской властію, —
Гостишекъ погонъ дворъ!

И тутъ настала каторга
Корёжскому крестьянину —
До нитки разорилъ!
А дралъ... какъ самъ Шалашниковъ!
Да тотъ былъ простъ: накинется
Со всей воинской силою,
Подумаешь: убьетъ!
А деньги сунь, — отвалится,
Ни дать, ни взять, — раздувшійся
Въ собачьемъ ухѣ клещъ.
У нѣмца — хватка мертвая:
Пока не пустить по-міру,
Не отойдя, сосеть!»

— Какъ вы терпѣли, дѣдушка?

«А потому терпѣли мы,
Что мы — богатыри.
Въ томъ богатырство русское.
Мы думаешь, Матренушка,
Мужикъ — не богатырь?
И жизнь его не ратная,
И смерть ему не писана
Въ бою — а богатырь!

Цѣпями руки кручены,
Желѣзомъ ноги кованы,
Спина... лѣса дремучіе
Прошли по ней — сломались.
А грудь? Илья-Пророкъ
По ней гремитъ-катается
На колесницѣ огненной...
Все терпитъ богатырь!

И гнется, да не ломится,
 Не ломится, не валится...
 Ужли не богатырь?»

— Ты шутишь шутки, дѣдушка!
 Сказала я. — Такого-то
 Богатыря могучаго,
 Чай мыши заѣдят!

«Не знаю я, Матренушка.
 Покамѣсть тягу страшную
 Поднять-то поднѣлъ онъ,
 Да въ землю самъ ушелъ по грудь
 Съ натуги! По лицу его
 Не слезы — кровь течетъ!
 Не знаю, не придумаю,
 Чтò будетъ? Богу вѣдомо!
 А про себя скажу:
 Какъ были вьюги зимнія,
 Какъ ныли кости старыя,
 Лежалъ я на печи;
 Полеживалъ, подумывалъ:
 Куда ты, сила, дѣлася?
 На что ты пригодилася?
 — Подъ розгами, подъ палками
 По мелочамъ ушла!»

— А что же нѣмецъ, дѣдушка?

«А нѣмецъ, какъ ни властвовалъ,
 Да наши топоры
 Лежали — до поры!
 Осьмнадцать лѣтъ терпѣли мы.

Застроилъ нѣмецъ фабрику,
Велѣлъ колодець рыть.
Вдевятеромъ копали мы,
До полдня проработали,
Позавтракать хотимъ.
Приходитъ нѣмецъ: «Только-то?..»
И началъ насъ по-своему,
Не торопясь, пилить.
Стояли мы голодные,
А нѣмецъ насъ поругивалъ,
Да въ яму землю мокрую
Пошвыривалъ ногой.
Была ужъ яма добрая...
Случилось, я легонечко
Толкнулъ его плечемъ,
Потомъ другой толкнулъ его,
И третій... Мы посгрудились...
До ямы два шага...
Мы слова не промолвили,
Другъ другу не глядѣли мы
Въ глаза... а всей гурьбой
Христьяна Христіаныча
Поталкивали бережно
Все къ ямѣ... все на край...
И нѣмецъ въ яму бухнулся,
Кричитъ: «веревку! лѣстницу!»
Мы девятью лопатами
Отвѣтили ему.
«Наддай!» я слово выронилъ, —
Подъ слово люди русскіе
Работаютъ дружныѣй. —
«Наддай!» «наддай!» Такъ наддали,
Что ямы словно не было —

Сравнялася съ землей!
Туть мы переглянулись...»

Остановился дѣдушка.

— Что-жь дальше?

«Дальше: дрянъ!
Кабакъ... острогъ въ Буй-городѣ...
Тамъ я учился грамотѣ,
Пока рѣшили насъ.
Рѣшенье вышло: каторга
И плети предварительно:
Не выдрали — помазали,
Плохое тамъ дранье!
Потомъ... бѣжалъ я съ каторги...
Поймали! не погладили
И туть по головѣ.
Заводскіе начальники
По всей Сибири славятся —
Собаку съѣли драть.
Да насъ диралъ Шалашниковъ
Большій — я не поморщился
Съ заводскаго дранья.
Тотъ мастеръ былъ — умѣлъ пороть!
Онъ такъ мнѣ шкуру выдѣлалъ,
Что носится сто лѣтъ.

А жизнь была не легкая:
Лѣтъ двадцать строгой каторги,
Лѣтъ двадцать поселенія.
Я денегъ прикопиль;
По манифесту царскому

Попалъ опять на родину,
Пристроилъ эту горенку
И здѣсь давно живу.
Покуда были денежки, —
Любили дѣда, холили,
Теперь въ глаза плюютъ!
Эхъ, вы, Аники-воины!
Со стариками, съ бабами
Вамъ только воевать...»

Тутъ кончилъ рѣчь Савельюшка...

— Ну, чтò-жъ! сказали странники:
Досказывай, хозяйюшка,
Свое житье-бытье!

— Не весело досказывать.
Одной бѣды Богъ миловалъ:
Холерой умеръ Ситниковъ, —
Другая подошла.

«Наддай!» сказали странники
(Имъ слово полюбилось)
И выпили винца...

ГЛАВА IV.

Д Е М У Ш К А.

Зажгло грозою дерево,
А было соловьиное
На деревѣ гнѣздо.
Горить и стонетъ дерево,

Горять и стонуть птенчики:
 «Ой, матушка! гдѣ ты?
 А ты бы насъ похолила,
 Пока не оперились мы:
 Какъ крылья отростимъ,
 Въ долины, въ рощи тихія
 Мы сами улетимъ!»
 До тла сгорѣло дерево,
 До тла сгорѣли птенчики...
 Тутъ прилетѣла мать.
 Ни дерева... ни гнѣздышка...
 Ни птенчиковъ!.. Поеть-зоветъ...
 Поеть, рыдаетъ, кружится,
 Такъ быстро, быстро кружится,
 Что крылышки свистятъ!..
 Настала ночь, весь міръ затихъ,
 Одна рыдала пташечка,
 Да мертвыхъ не докликалась
 До бѣлаго утра!..

Носила я Демидушку
 По поженкамъ... лелѣяла...
 Да взѣлася свекровь,
 Какъ зыкнула, какъ рыкнула:
 «Оставь его у дѣдушки,
 Не много съ нимъ нажнешь!»
 Запугана, заругана,
 Перечить не посмѣла я,
 Оставила дитя.

Такая рожь богатая
 Въ тотъ годъ у насъ родилася, —
 Мы землю не лѣнясь

Удобрили, ухостили, —
Трудненько было пахарю,
Да весело жнеѣ!
Снопамы нагружала я
Телѣгу со стропами
И пѣла, молодцы.
(Телѣга нагружается
Всегда съ веселой пѣснiю,
А сани — съ горькой думою:
Телѣга хлѣбъ домой везеть,
А сани — на базарь!)
Вдругъ стоны я услышала:
Ползкомъ ползеть Савелiй дѣдъ,
Блѣднешенекъ, какъ смерть:
«Прости, прости, Матренушка!»
И повалился въ ноженъки:
«Мой грѣхъ — не доглядѣлъ!..»

Ой, ласточка! ой, глухая!
Не вей гнѣзда подъ берегомъ,
Подъ берегомъ крутымъ!
Что день — то прибавляется
Вода въ рѣкѣ: зальетъ она
Дѣтенышей твоихъ.
Ой, бѣдная молодушка!
Сноха въ дому послѣдняя,
Послѣдняя раба!
Стерпи грозу великую,
Прими побои лишніе,
А съ глазу неразумнаго
Младенца не спускай!..

Заснулъ старикъ на солнышкѣ, —
Скормилъ свиньямъ Демидушку

Придурковатый дѣдъ!..
 Я клубышкомъ каталася,
 Я червышкомъ свивалася,
 Звала, будила Дѣмушку —
 Да поздно было звать!..

Чу! конь стучить копытами,
 Чу, сбруя золоченая
 Звенить... еще бѣда!
 Ребята испугались,
 По избамъ разбѣжались,
 У оконъ заметались
 Старухи, старики.
 Бѣжить деревней староста,
 Стучить въ окошки палочкой,
 Бѣжить въ поля, въ луга.
 Собралъ народъ: идутъ — крехтятъ!
 Бѣда! Господь прогнѣвался,
 Наслалъ гостей непрошенныхъ,
 Неправедныхъ судей!
 Знать, деньги издержались,
 Сапожки притоптались,
 Знать, голодъ разобралъ!..

Молитвы Иисусовой
 Не сотворивъ, усѣлися
 У земскаго стола,
 Налой и крестъ поставили,
 Привелъ нашъ попъ, отецъ Иванъ,
 Къ присягѣ понятыхъ.

Допрашивали дѣдушку,
 Потомъ за мной десятника

Прислали. Становой
По горницѣ похаживаль,
Какъ звѣрь въ лѣсу порыкиваль...
«Эй! женка! состояла ты
Съ крестьяниномъ Савеліемъ
Въ сожительствѣ? Винись!»
Я шепоткомъ отвѣтила:
«Обидно, баринъ, шутите!
Жена я мужу честная,
А старику Савелію
Сто лѣтъ... Чай, знаешь самъ?»
Какъ въ стойлѣ конь подкованный,
Затопаль; о кленовый столъ
Ударилъ кулакомъ:
«Молчать! Не по согласью-ли
Съ крестьяниномъ Савеліемъ
Убила ты дитя?..»
Владычица? что вздумали!
Чуть міроѣда этого
Не назвала я нехристомъ,
Вся закипѣла я...
Да лекаря увидѣла:
Ножи, ланцеты, ножницы,
Натачиваль онъ тутъ.
Вздвогнула я, одумалась.
— Нѣтъ — говорю — я Дѣмушку
Любила, берегла...
«А зельемъ не поила ты?
А мышьяку не сыпала?»
— Нѣтъ! сохрани Господь!..
И тутъ я покорилася,
Я въ ноги поклонилася:
«Будь жалостливъ, будь добръ!

Вели безъ поруганія
 Честнѣму погребенію
 Ребеночка предать!
 Я мать ему!..» Упросишь-ли?
 Въ груди у нихъ нѣтъ душеньки,
 Въ глазахъ у нихъ нѣтъ совѣсти,
 На шеѣ — нѣтъ креста!

Изъ тонкой изъ пеленочки
 Повыкатили Дѣмушку
 И стали тѣло бѣлое
 Терзать и пластовать.
 Тутъ свѣту я не взвидѣла, —
 Металась и кричала я:
 «Злодѣи! палачи!..
 Падите мои слезоньки
 Не на землю, не на воду,
 Не на Господень храмъ!
 Падите прямо на сердце
 Злодѣю моему!
 Ты дай же, Боже-Господи!
 Чтобъ тлѣнь пришелъ на платье,
 Безумье на головушку
 Злодѣя моего!
 Жену ему не умную
 Пошли, дѣтей — юродивыхъ!
 Прими, услыши, Господи,
 Молитвы, слезы матери,
 Злодѣя накажи!..»
 — Никакъ, она помѣшана?
 Сказалъ начальникъ сотскому:
 — Чтѣ-жъ ты не упредилъ?
 Эй! не дури! связать велю!..

Присѣла я на лавочку.
 Ослабла, вся дрожу.
 Дрожу, гляжу на лекаря:
 Рукавчики засучены,
 Грудь фартукомъ завѣшана,
 Въ одной рукѣ — широкій ножъ,
 Въ другой ручникъ — и кровь на немъ —
 А на носу очки!
 Такъ тихо стало въ горницѣ...
 Начальничекъ помалчивалъ,
 Поскрипывалъ перомъ;
 Попъ трубочкой попыхивалъ;
 Не шелохнувшись, хмурые
 Стояли мужики.
 «Ножомъ въ сердцахъ читаете»,
 Сказалъ священникъ лекарю,
 Когда злодѣй у Дѣмушки
 Сердечко распласталъ.
 Тутъ я опять рванулася...
 «Ну, такъ и есть — помѣшана!
 Связать ее!» десятнику
 Начальникъ закричалъ.
 Сталъ понятыхъ опрашивать:
 «Въ крестьянкѣ Тимоѳеевой
 И прежде помѣшательство
 Вы примѣчали?»

— Нѣтъ!

Спросили свекра, деверя,
 Свекровушку, золовушку:
 — Не примѣчали, нѣтъ!
 Спросили дѣда стараго:

— Не примѣчалъ! ровна была...
 Одно: къ начальству кликнули, —
 Пошла... а ни цѣлковика,
 Ни новины, пропавшая,
 Съ собой и не взяла!

Заплакалъ на-взрыдъ дѣдушка.
 Начальничекъ нахмурился,
 Ни слова не сказалъ.
 И тутъ я спохватилась!
 Прогнѣвался Богъ: разуму
 Лишилъ! была готовая
 Въ коробкѣ новина!
 Да поздно было каяться.
 Въ моихъ глазахъ по косточкамъ
 Изрѣзалъ лекарь Дѣмушку,
 Цыновочкой прикрылъ.
 Я словно деревянная
 Вдругъ стала: заглядѣлась я,
 Какъ лекарь руки мыль,
 Какъ водку пилъ. Священнику
 Сказалъ: прошу покорнѣйше!
 А попъ ему: «Что просите?
 Безъ прутика, безъ кнута
 Всѣ ходимъ, люди грѣшныя,
 На этотъ водопой!»

Крестьяне настоялися,
 Крестьяне надрожалися
 (Откуда только бралися
 У коршуна налетнаго
 Коротычныя дѣла!)
 Безъ церкви намолилися,

Безъ образа накланялись!
Какъ вихорь налеталь —
Рвалъ бороды начальничекъ,
Какъ лютый звѣрь наскакиваль,
Ломаль перстни злаченые...
Потомъ онъ кушать сталъ.
Пиль-ѣль, съ попомъ бесѣдовалъ.
Я слышала, какъ шопотомъ
Попъ плакался ему:
«У насъ народъ — все голь да пьянъ:
За свадебку, за исповѣдь
Должаютъ по годамъ.
Несутъ гроши послѣдніе
Въ кабакъ! А благочинному
Одни грѣхи тащатъ!»
Потомъ я пѣсни слышала —
Все голоса знакомые,
Дѣвичьи голоса:
Наташа, Глаша, Дарьюшка...
Чу, пляска! чу! гармонія!..
И вдругъ затихло все!..
Заснула, видно, что-ли, я?..
Легко вдругъ стало: чудилось,
Что кто-то наклоняется
И шепчетъ надо мной:
«Усни, многокручинная!
Усни, многострадальная!»
И крестить... Съ рукъ скатилися
Веревки... Я не помнила
Потомъ ужъ ничего...

Очнулась я. Темно кругомъ;
Гляжу въ окно — глухая ночь!
Да гдѣ же я? да что со мной?

Не помню, хоть убей!
Я выбралась на улицу —
Пуста. На небо глянула —
Ни мѣсяца, ни звѣздъ.
Сплошная туча черная
Висѣла надъ деревнею.
Темны дома крестьянскіе,
Одна пристройка дѣдова
Сіяла, какъ чертогъ.
Вошла — и все я вспомнила:
Свѣчами воску яраго
Обставлень, среди горенки
Дубовый столъ стоялъ;
На немъ гробочекъ крохотный,
Прикрытъ камчатной скатертью,
Икона въ головахъ...

«Ой, плотнички-работнички!
Какой вы домъ построили
Сыночку моему?
Окошки не прорублены,
Стеколушки не вставлены,
Ни печи, ни скамьи!
Пуховой нѣтъ перинушки...
Ой, жестко будетъ Дѣмушкѣ,
Ой, страшно будетъ спать!..»

«Уйди!..» вдругъ закричала я, —
Увидѣла я дѣдушку:
Въ очкахъ, съ раскрытой книгою,
Стоялъ онъ передъ гробикомъ,
Надъ Дѣмою читалъ.
Я старика столѣтняго
Звала клейменымъ, каторжнымъ,

Гнѣвна, грозна кричала я:
«Уйди! убилъ ты Дѣмушку!
Будь проклять ты... уйди!..»

Старикъ ни съ мѣста. Крестится,
Читаетъ... Уходилась я,
Тутъ дѣдко подошелъ:
«Зимой тебѣ, Матренушка,
Я жизнь мою рассказывалъ,
Да рассказалъ не все:
Лѣса у насъ огромные,
Озера нелюдимыя,
Народъ у насъ дикарь.
Суровы наши промыслы:
Дави тетерю петлею,
Медвѣдя рѣжь рогагиной,
Сплошаешь — самъ пропалъ!
А господинъ Шалашниковъ
Съ своей воинской силою?
А нѣмецъ-душегубъ?
Потомъ острогъ да каторга...
Окаменѣлъ я, внученька.
Лютѣе звѣря былъ.
Сто лѣтъ зима безсмѣнная
Стояла. Растопилъ ее
Твой Дѣма-богатырь!
Однажды я качалъ его,
Вдругъ улыбнулся Дѣмушка...
И я ему въ отвѣтъ!
Со мною чудо сталося:
Третьево-дни прицѣлился
Я въ бѣлку: на суку
Качалась бѣлка... лапochкой,

Какъ кошка, умывалася...
 Не выпалилъ: живи!
 Брожу по рощамъ, по лугу,
 Любуюсь каждымъ цвѣтикомъ,
 Иду домой, — опять
 Смѣюсь, играю съ Дѣмушкой...
 Богъ видитъ, какъ я милаго
 Младенца полюбилъ!
 И я же, по грѣхамъ моимъ,
 Сгубилъ дитя невинное...
 Кори, казни меня!
 А съ Богомъ спорить нѣчего.
 Стань! помолись за Дѣмушку!
 Богъ знаетъ, что творить:
 Сладка-ли жизнь крестьянина?»

И долго, долго дѣдушка
 О горькой долѣ пахаря
 Съ тоскою говорилъ...
 Случись купцы московскіе,
 Вельможи государевы,
 Самъ царь случись: не надо бы
 Ладнѣе говорить!

«Теперь въ раю твой Дѣмушка,
 Легко ему, свѣтло ему...»

Заплакалъ старый дѣдъ.

— Я не ропщу, сказала я,
 Что Богъ прибралъ младенчика,
 А больно то, зачѣмъ они
 Ругались надъ нимъ?

Зачѣмъ, какъ черны вѣроны,
На части тѣло бѣлое
Терзали?.. Неужли
Ни Богъ, ни царь не вступится?..

«Высоко Богъ, далеко царь...»
— Нужды нѣтъ: я дойду!

«Ахъ! что ты? что ты, внученька?..
Терпи, многокручинная!
Намъ правды не найти».

— Да почему же, дѣдушка?

«Ты — крѣпостная женщина!»
Савельюшка сказалъ.

Я долго, горько думала...
Громъ грянулъ, окна дрогнули,
И я вздрогнула... Къ гробику
Подвелъ меня старикъ:
«Молись, чтобъ къ лику ангеловъ
Господь причислилъ Дѣмушку!»
И далъ мнѣ въ руки дѣдушка
Горящую свѣчу.

Всю ночь до свѣту бѣлаго
Молилась я, а дѣдушка
Протяжнымъ, ровнымъ голосомъ
Надъ Дѣмою читалъ...

ГЛАВА V.

В О Л Ч И Ц А.

Ужъ двадцать лѣтъ, какъ Дѣмушка
Дерновымъ одѣялечкомъ
Прикрытъ, — все жаль сердечнаго!
Молюсь о немъ, въ ротъ яблока
До Спаса не беру.
Не скоро я оправилась.
Ни съ кѣмъ не говорила я,
А старика Савелія
Я видѣть не могла.
Работать — не работала...
Надумалъ свекоръ-батюшка
Возжами поучить,
Такъ я ему отвѣтила:
«Убей!» Я въ ноги кланялась:
«Убей! одинъ конецъ!»
Повѣсилъ возжи батюшка...
На Дѣминой могилочкѣ
Я день и ночь жила.
Платочкомъ обметала я
Могилу, чтобы травушкой
Скорѣе поросла;
Молилась за покойничка,
Тужила по родителямъ:
Забыли дочь свою!
Собаки моихъ боитесь?
Семьи моей стыдитесь?
— Ахъ, нѣтъ, родная, нѣтъ!
Собаки твоихъ не боязно,
Семьи твоей не совѣстно,

А ѣхать сорокъ верстъ,
Свои бѣды рассказывать,
Твои бѣды выпрашивать —
Жаль бурушку гонять!
Давно бы мы пріѣхали,
Да ту мы думу думали:
Пріѣдемъ — ты расплачешься,
Уѣдемъ — заревешь!

Пришла зима: кручиною
Я съ мужемъ подѣлилася,
Въ Савельевой пристроечкѣ
Тужили мы вдвоемъ.

— Что-жь, умерь, что-ли, дѣдушка?

— Нѣтъ. Онъ въ своей коморочкѣ
Шесть дней лежалъ безвыходно,
Потомъ ушелъ въ лѣса;
Такъ пѣлъ, такъ плакалъ дѣдушка,
Что лѣсъ стоналъ! А осенью
Ушелъ на покаяніе
Въ Песочный монастырь.

У батюшки, у матушки
Съ Филипомъ побывала я,
За дѣло принялась.
Три года, такъ считаю я,
Недѣля за недѣлею,
Однимъ порядкомъ шли.
Что годъ, то дѣти: некогда
Ни думать, ни печалиться,
Дай Богъ съ работой справиться,
Да лобъ перекрестить.

Поѣшь — когда останется
 Отъ старшихъ, да отъ дѣточекъ,
 Уснешь — когда больна...
 А на четвертый новое
 Подкралось горе лютое —
 Къ кому оно привяжется
 До смерти не избыть!
 Впереди летить — яснымъ соколомъ,
 Позади летить — чернымъ вѣрономъ,
 Впереди летить — не укатится,
 Позади летить — не останется...

Лишилась я родителей...
 Слыхали ночи темныя,
 Слыхали вѣтры буйныя
 Сиротскую печаль,
 А вамъ нѣтъ нужды сказывать...
 На Дёмину могилочку
 Поплакать я пошла.
 Гляжу: могилка прибрана,
 На деревянномъ крестикѣ
 Складная, золоченая
 Икона. Передъ ней
 Я старца распростертаго
 Увидѣла. — Савельюшка!
 Откуда ты взялся?

— «Пришелъ я изъ Песочнаго...
 Молюсь за Дёму бѣднаго,
 За все страдное русское
 Крестьянство я молюсь!
 Еще молюсь (не образу
 Теперь Савелій кланялся),

Чтобъ сердце гнѣвной матери
Смягчилъ Господь... Прости!»

— Давно простила, дѣдушка!

Вздохнулъ Савелій... «Внученька!
А, внученька!» — Что, дѣдушка?
«По прежнему взгляни!»

Взглянула я по прежнему.
Савельюшка засматривалъ
Мнѣ въ очи; спину старую
Пытался разогнуть.
Совсѣмъ сталъ бѣлый дѣдушка...
Я обняла старинушку
И долго у креста
Сидѣли мы и плакали.
Я дѣду горе новое
Повѣдала свое...
Недолго прожилъ дѣдушка.
По осени у стараго
Какая-то глубокая
На шеѣ рана сдѣлалась.
Онъ трудно умиралъ:
Сто дней не ѣлъ; хирѣлъ да сохъ,
Самъ надъ собой подтрунивалъ:
«Не правда-ли, Матренушка,
На комара корѣжскаго,
Костлявый, я похожъ?»
То добрый былъ, сговорчивый,
То злился, привередничалъ,
Пугалъ насъ: «Не наши,
Не сѣй, крестьянинъ! Сгорбившись,

За пряжей, за полотнами,
Крестьянка не сиди!
Какъ вы ни бейтесь, глупые,
Что́ на роду написано,
Того не миновать!
Мужчинамъ три дороженьки:
Кабакъ, острогъ, да каторга,
А бабамъ на Руси
Три петли: шелку бѣлаго,
Вторая — шелку краснаго,
А третья — шелку чернаго:
Любую выбирай,
Въ любую полѣзай!..»
Такъ засмѣялся дѣдушка,
Что всѣ въ коморкѣ вздрогнули, —
И къ ночи умеръ онъ.
Какъ приказалъ — исполнили:
Зарыли рядомъ съ Дѣмою...
Онъ жилъ сто семь годовъ.

Четыре года тихіе,
Какъ близнецы похожіе
Прошли потомъ... Всему
Я покорила: первая
Съ постели Тимоѳеевна,
Послѣдняя — въ постель;
За всѣхъ, про всѣхъ работаю,
Съ свекрови, съ свекра пьянаго,
Съ золовухи бракованой,
Снимаю сапоги...
Лишь дѣточекъ не трогайте!
За нихъ горой стояла я...

Случилось, молодцы,
Зашла къ намъ богомолочка;
Сладкорѣчивой странницы
Заслушивались мы;
Спасаться, жить по божески
Учила насъ угодница,
По праздникамъ къ заутренн
Будила... а потомъ
Потребовала странница,
Чтобъ грудью не кормили мы
Дѣтей по постнымъ днямъ.
Село переполѣшилось!
Голодные младенчики
По середамъ, по пятницамъ
Кричатъ! Иная мать
Сама надъ сыномъ плачущимъ
Слезами заливаётся:
И Бога-то ей боязно,
И дитяtko-то жаль!
Я только не послушалась,
Судила я по-своему:
Коли терпѣть, такъ матери!
Я передъ Богомъ грѣшница,
А не дитя мое!

Да, видно, Богъ прогнѣвался:
Какъ восемь лѣтъ исполнилось
Сыночку моему,
Въ подпаски свекоръ сдалъ его.
Однажды жду Оедотушку —
Скотина ужъ пригналася —
На улицу иду.
Тамъ видимо-невидимо

Народу! Я прислушалась
 И бросилась въ толпу.
 Гляжу, Оедота блѣднаго
 Силантій держать за ухо.
 Чтѣ держишь ты его?
 «Посѣчь хотимъ маненечко:
 Овечками прикармливать
 Надумалъ онъ волковъ!»
 Я вырвала Оедотушку,
 Да съ ногъ Силантѣя старосту
 И сбила невзначай.

Случилось дѣло дивное:
 Пастухъ ушелъ; Оедотушка
 При стадѣ былъ одинъ.
 «Сижу я — такъ рассказывалъ
 Сынокъ мой — на пригорочкѣ,
 Откуда ни возьмись
 Волчица преогромная
 И хватъ овечку Марьину!
 Пустился я за ней,
 Кричу, кнутищемъ хлопаю,
 Свищу Валетку, уськаю...
 Я бѣгать молодецъ,
 Да гдѣ бы окаянную
 Нагнать, кабы не щонная:
 У ней сосцы волѣчились,
 Кровавымъ слѣдомъ, матушка,
 За нею я гнался!

— «Пошла потише, сѣрая,
 Идетъ, идетъ, — оглянется,
 А я какъ припущу!

И сѣла... Я кнутомъ ее:
 «Отдай овцу, проклятая:»
 Не отдаетъ, сидить...
 Я не сробѣлъ: «такъ вырву же,
 Хоть умереть!..» И бросился,
 И вырвалъ... Ничего —
 Не укусила, сѣрая:
 Сама едва живехонька!
 Зубами только щелкаетъ,
 Да дышетъ тяжело.
 Подъ ней рѣка кровавая,
 Сосцы травой изрѣзаны,
 Всѣ ребра на счету!
 Глядитъ, поднявши голову,
 Мнѣ въ очи... и завыла вдругъ!
 Завыла, какъ заплакала...
 Пощупалъ я овцу:
 Овца была ужъ мертвая...
 Волчица такъ ли жалобно
 Глядѣла, выла... Матушка!
 Я бросилъ ей овцу!..»

Такъ вотъ что съ парнемъ сталося.
 Пришелъ въ село, да, глупенькій,
 Все самъ и разсказалъ:
 За то и сѣчь надумали.
 Да благо, подоспѣла я...
 Силантій осерчалъ,
 Кричить: «чего толкаешься?
 Самой подъ розги хочется?»
 А Марья, — та свое:
 «Дай, пусть проучать, глунаго!»

И рветъ изъ рукъ Оедотушку.
 Оедоть какъ листъ дрожить.

Трубятъ рога охотничьи, —
 Помѣщикъ возвращается
 Съ охоты. Я къ нему:
 — Не выдай! Будь заступникомъ!
 «Въ чемъ дѣло?» Кликнулъ старосту
 У мигомъ порѣшилъ:
 «Подпаска малолѣтняго
 По младости, по глупости,
 Простить... а бабу дерзкую
 Примѣрно наказать!»
 «Ай, баринъ!» Я подпрыгнула!
 «Освободилъ Оедотушку!
 Иди домой, Оедоть!»

— Исполнимъ повелѣнное!
 Сказалъ мірянамъ староста:
 — Эй! погоди плясать!

Сосѣдка тутъ подсунулась:
 — А ты бы въ ноги старостѣ...

«Иди домой, Оедоть!»

Я мальчика погладила:
 Смотри, коли оглянешься,
 Я осержусь... Иди!»

Изъ пѣсни слово выкинуть,
 Такъ пѣсня вся нарушится.
 Легла я, молодцы...

.

Въ Оедотову каморочку,
Какъ кошка, я прокралася:
Спитъ мальчикъ, бредить, мечется:
Одна рученка свѣсилась,
Другая на глазу
Лежить, въ кулакъ зажатая:
Ты плакаль, что ли, бѣдненькій?
Спи. Ничего! я тутъ!
Тужила я по Дѣмушкѣ,
Какъ имъ была беременна —
Слабенецъ родился,
Однако вышелъ умница:
На фабрику Алферова
Трубу такую вывели
Съ родителемъ, что страсть!
Всю ночь надъ нимъ сидѣла я,
Я пастушка любезнаго
До солнца подняла,
Сама обула въ лапотки,
Перекрестила; шапочку,
Рожокъ и кнутъ дала.
Проснулась вся семеюшка,
Да я не показалась ей,
На пожню не пошла.

Я пошла на рѣчку быструю,
Избрала я мѣсто тихое
У ракитова куста,
Сѣла я на сѣрый камушекъ,
Подперла рукой головушку,
Зарыдала, сирота!

Громко я звала родителя:
Ты приди, заступникъ батюшка!

Посмотри на дочь любимую...
Понапрасну я звала.
Нѣтъ великой оборонушки!
Рано гостя безподсудная,
Безплемянная, безродная
Смерть родного унесла!

Громко кликала я матушку, —
Отзывались вѣтры буйные,
Откликались горы дальнія,
А родная не пришла!
День денна́ моя печальница,
Въ ночь — ночная богомолица!
Никогда тебя, желанная,
Не увижу я теперь!
Ты ушла въ безповоротную,
Незнакомую дороженьку,
Куда вѣтеръ не доносится,
Не дорыскиваетъ звѣрь...

Нѣтъ великой оборонушки!
Кабы знали вы, да вѣдали,
На кого вы дочь покинули,
Что безъ васъ я выношу!
Ночь — слезами обливаюся,
День — какъ травка пристилаюся...
Я потупленную голову,
Сердце гнѣвное ношу!..

ГЛАВА VI.

ТРУДНЫЙ ГОДЪ.

Въ тотъ годъ необычайная
Звѣзда играла на небѣ;
Одни судили такъ:
Господь по небу шествуетъ,
И ангелы его
Метутъ метлою огненной
Передъ стопами божьими
Въ небесномъ полѣ путь;
Другіе то же думали,
Да только на антихриста,
И чужали бѣду.
Сбылось: пришла безхлѣбца!
Братъ брату не уламывалъ
Куска! былъ страшный годъ...
Волчицу ту Федотову
Я вспомнила — голодную:
Похожа съ ребятишками
Я на нее была!
Да тутъ еще свекровушка
Примѣтой прислужилася:
Сосѣдкамъ наплела,
Что я бѣду накликкала,
А чѣмъ? *Рубаху чистую*
Надѣла въ Рождество.
За мужемъ, за заступникомъ,
Я дешево отдѣлалась;
А женщину одну,
Никакъ за то же самое,
Убили на смерть кольями:
Съ голоднымъ не шути!..

Одной бѣдой не кончилось:
Чуть справились съ безхлѣбницей, —
Рекрутчина пришла.
Да я не безпокоилась:
Ужъ за семью Филипову
Въ солдаты братъ ушелъ.
Сижу одна, работаю,
И мужъ, и оба деверя
Уѣхали съ утра;
На сходку свекоръ-батюшка
Отправился, а женщины
Къ сосѣдкамъ разбрелись.
Мнѣ крѣпко нездоровилось,
Была я Лідоружкой
Беременна: послѣдніе
Дохаживала дни.
Управившись съ ребятами,
Въ большой избѣ подъ шубою
На печку я легла.
Вернулись бабы къ вечеру,
Нѣтъ только свекра-батюшки,
Ждутъ ужинать его.
Пришелъ: «Охъ-охъ! умаялся,
А дѣло не поправилось,
Пропали мы, жена!
Гдѣ видано, гдѣ слыхано:
Давно ли взяли старшаго,
Теперь меньшого дай!
Я по годамъ высчитывалъ,
Я міру въ ноги кланялся,
Да міръ у насъ какой?
Просилъ бурмистра: божится,
Что жаль, да дѣлать нѣчего!

И писаря просиль,
Да правды изъ мошенника
И топоромъ не вырубись,
Что тѣни изъ стѣны!
Задаренъ... всѣ задарены...
Сказать бы губернатору,
Такъ онъ бы задалъ имъ!
Всего и попросить-то бы,
Чтобъ онъ по нашей волости
Очередныя росписи
Повѣрить повелѣлъ,
Да сунься-ка!..» Заплакали
Свекровушка, золовушка,
А я... То было холодно,
Теперь огнемъ горю!
Горю... Богъ вѣсть, что̀ думаю...
Не дума... бредъ... Голодныя
Стоять сиротки-дѣточки
Передо мной... Неласково
Глядитъ на нихъ семья:
Они въ дому шумливыя,
На улицѣ драчливыя,
Обжоры за столомъ...
И стали ихъ пощипывать,
Въ головку поколачивать...
Молчи, солдатка-мать!
.....
Теперь ужъ я не дольщица
Участку деревенскому,
Хоромному строеньицу,
Одѣжѣ и скоту.
Теперь одно богатство:
Три озера наплакано

Горючихъ слезъ, засѣяно
Три полосы бѣдой!

.....

Теперь, какъ виноватая,
Стою передъ сосѣдями:
Простите! я была
Спѣсива, непоклончива,
Не чаяла я, глупая,
Остаться сиротой...
Простите, люди добрые,
Учите уму-разуму,
Какъ жить самой? Какъ дѣточекъ
Поить, кормить, растить?..

.....

Послала дѣтокъ по міру:
Просите, дѣтки, ласкою,
Не смѣйте воровать!
А дѣти въ слезы: «Холодно!
На насъ одѣжа рваная,
Съ крылечка на крылечко-то
Устанемъ мы ступать;
Подъ окнами натопчемся,
Изябнемъ... У богатаго
Намъ боязно просить.
«Богъ дастъ!» отвѣтятъ бѣдные...
Ни съ чѣмъ домой воротимся —
Ты станешь насъ бранить!..»

.....

Собрала ужинъ; матушку
Зову, золовокъ, деверя,
Сама стою голодная
У двери, какъ раба.
Свекровь кричитъ: «Лукавая!

Въ постель скорѣй торопишься?»

А деверь говоритъ:

«Немного ты работала!

Весь день за деревиночкой

Стояла: дожидалася,

Какъ солнышко зайдетъ!»

.....

Получше нарядилась я,

Пошла я въ церковь Божію,

Смѣхъ слышу за собой!

.....

Хорошо не одѣвайся,

До бѣла не умывайся:

У сосѣдокъ очи зорки,

Востры языки!

Ходи улицей потише,

Носи голову пониже,

Коли весело — не смѣйся,

Не поплачь съ тоски!

.....

Пришла зима безсмѣнная,

Поля, луга зеленые

Попрятались подъ снѣгъ.

На бѣломъ снѣжномъ саванѣ

Ни талой нѣтъ талиночки —

Нѣтъ у солдатки-матери

Во всемъ міру дружка!

Съ кѣмъ думушку подумати?

Съ кѣмъ словомъ перемолвиться?

Какъ справиться съ убожествомъ?

Куда обиду сбыть?

Въ лѣса — лѣса повяли бы,

Въ луга — луга сторѣли бы!

Во быструю рѣку?
 Вода бы остоялася!
 Носи, солдатка бѣдная,
 Съ собой ее по гробъ!

 Нѣтъ мужа, нѣтъ заступника!
 Чу, барабанъ! Солдатики
 Идутъ... Остановилися...
 Построились въ ряды.
 «Живѣй!» Филипа вывели
 На середину площади:
 «Эй! перемѣна первая!»
 Шалашниковъ кричитъ.
 Упалъ Филипъ: — Помилуйте!
 «А ты попробуй! слюбится!
 Ха-ха! ха-ха! ха-ха! ха-ха!
 Укрѣпа богатырская,
 Не розги у меня!..»

 И тутъ я съ печи спрыгнула,
 Обулась. Долго слушала —
 Все тихо, спить семья!
 Чуть-чуть я дверью скрипнула
 И вышла... Ночь морозная...
 Изъ Домвиной избы,
 Гдѣ парни деревенскіе
 И дѣвки собиралися,
 Гремѣла пѣсня складная,
 Любимая моя...

«На горѣ стоитъ ёлочка,
 Подъ горою свѣтелочка,
 Во свѣтелочкѣ Машенька.

Приходилъ къ ней батюшка,
Будилъ ее, побуживалъ:
Ты, Машенька, пойдёмъ домой!
Ты, Ефимовна, пойдёмъ домой!

Я нейдю и не слушаю:
Ночь темна и не мѣсячна,
Рѣки быстры, перевозовъ нѣтъ,
Лѣса темны, карауловъ нѣтъ...

На горѣ стоитъ ёлочка,
Подъ горою свѣтелочка,
Во свѣтелочкѣ Машенька.
Приходила къ ней матушка,
Будила, побуживала:
Машенька, пойдёмъ домой!
Ефимовна, пойдёмъ домой!

Я нейдю и не слушаю:
Ночь темна и не мѣсячна,
Рѣки быстры, перевозовъ нѣтъ,
Лѣса темны, карауловъ нѣтъ...

На горѣ стоитъ ёлочка,
Подъ горою свѣтелочка,
Во свѣтелочкѣ Машенька.
Приходилъ къ ней Петръ,
Петръ, сударь Петровичъ,
Будилъ ее, побуживалъ:
Машенька, пойдёмъ домой:
Душа, Ефимовна, пойдёмъ домой!

Я иду, сударь, и слушаю:
Ночь свѣтла и мѣсячна,
Рѣки тихи, перевозки есть,
Лѣса темны, караулы есть».

ГЛАВА VII.

ГУБЕРНАТОРША.

Почти бѣгомъ бѣжала я
Черезъ деревню, — чудилось,
Что съ пѣсней парни гонятся
И дѣвицы за мной.
За Клиномъ оглядѣлась я:
Равнина бѣлоснѣжная,
Да небо съ яснымъ мѣсяцемъ,
Да я, да тѣнь моя...
Не жутко и не боязно
Вдругъ стало, — словно радостью
Такъ и взмывало грудь...
Спасибо вѣтру зимнему!
Онъ, какъ водой студеною,
Больную напоилъ:
Обвѣялъ буйну голову,
Разсѣялъ думы черныя,
Разсудокъ воротилъ.
Упала на колѣни я:
«Открой мнѣ, Матерь Божія,
Чѣмъ Бога прогнѣвила я?
Владычица! во мнѣ
Нѣтъ косточки неломаной,
Нѣтъ жилочки нетянутой,
Кровинки нѣтъ непорченой —
Терплю и не ропщу!
Всю силу, Богомъ данную,
Въ работу полагаю я,
Всю въ дѣточекъ любовь!
Ты видишь все, Владычица,

Ты можешь все, Заступница!
Спаси рабу свою».

Молиться въ ночь морозную
Подъ звѣзднымъ небомъ Божиимъ
Люблю я съ той поры.
Бѣда пристигнетъ — вспомните
И женамъ посовѣтуйте:
Усерднѣй не помолишься
Нигдѣ и никогда.
Чѣмъ больше я молилася,
Тѣмъ легче становилося,
И силы прибавлялося,
Чѣмъ чаще я касалася
До бѣлой, снѣжной скатерти
Горящей головой...

Потомъ — въ дорогу тронулась.
Знакомая дороженька!
Бѣжала я по ней.
Поѣдешь раннимъ вечеромъ,
Такъ утромъ вмѣстѣ съ солнышкомъ
Поспѣешь на базаръ.
Всю ночь я шла, не встрѣтила
Живой души; подъ городомъ
Обозы начались.
Высокіе, высокіе
Возы сѣнца крестьянскаго...
Жалѣла я коней:
Свои кормы законные
Везутъ съ двора, сердечные,
Чтобъ послѣ голодать.
И такъ-то все, я думала:

Рабочій конь соломѣ ѣсть,
 А пустошлясь — овесь!
 Нужда съ кулемъ тащилася, —
 Мучица, чай, не лишняя,
 Да подати не ждуть!
 Съ посада подгороднаго
 Торговцы-колотырники
 Бѣжали къ мужикамъ:
 Божба, обманъ, ругательство!

Ударили къ заутрени,
 Какъ въ городъ я вошла.
 Ищу соборной площади!
 Я знала: губернаторскій
 Дворецъ на площади.
 Темна, пуста площадочка,
 Передъ дворцомъ начальника
 Шагаетъ часовой.

— Скажи, служивый, рано-ли
 Начальникъ просыпается?
 «Не знаю. Ты иди!
 Намъ говорить не велѣно!»
 (Дала ему двугривенный):
 «На то у губернатора
 Особый есть швейцаръ».
 — А гдѣ онъ? какъ назвать его?
 «Макаромъ Федосѣичемъ...
 На лѣстницу поди!»
 Пошла, да двери заперты;
 Присѣла, я, задумалась;
 Ужь начало свѣтать.
 Пришелъ фонащикъ съ лѣстницей,

Два тусклые фонарика
На площади задуль.

«Эй! что ты тутъ разсѣлася?»

Вскочила, испугалась я:
Въ дверяхъ стоялъ въ халатикѣ
Плѣшивый человѣкъ.
Скоренько я цѣлковенькій
Макару Ѳедосѣичу
Съ поклономъ подала:

— Такая есть великая
Нужда до губернатора,
Хоть умереть — дойти!

«Пускать-то васъ не велѣно,
Да... ничего!.. толкнись-ка ты
Такъ... черезъ два часа...»

Ушла. Бреду тихохонько...
Стойтъ изъ мѣди кованный,
Точь-въ-точь Савелій дѣдушка,
Мужикъ на площади.
— Чей памятникъ? «Сусанина».
Я передъ нимъ помѣшкала,
На рынокъ побрела.
Тамъ крѣпко испугалась я,
Чего? вы не повѣрите,
Коли сказать теперь:
У поваренка вырвался
Матѣрый сѣрый селезень,
Сталъ парень догонять его,

А онъ какъ закричить!
Такой былъ крикъ, что за душу
Хватилъ — чуть не упала я!
Такъ подъ ножомъ кричатъ!
Поймали! шею вытянулъ
И зашипѣлъ съ угрозою,
Какъ будто думалъ повара,
Бѣдняга, испугать.
Я прочь бѣжала, думала:
Утихнетъ сѣрый селезень
Подъ поварскимъ ножомъ!

Теперь дворецъ начальника
Съ балкономъ, съ башней, съ лѣстницей,
Ковромъ богатымъ устланной,
Весь сталъ передо мной.
На окна поглядѣла я:
Завѣшаны... «Въ которомъ-то
Твоя опочиваленка?
Ты сладко-ль спишь, желанный мой,
Какіе видишь сны?..»
Сторонкой, не по коврику,
Прокралась я въ швейцарскую...

«Раненько ты, кума!»

Опять я испугалася:
Макара Федосѣича
Я не узнала: выбрился,
Надѣлъ ливрею шитую,
Взялъ въ руки булаву,
Какъ не бывало лысины.
Смѣется.—«Что ты вздрогнула?»
— Устала я, родной!

«А ты не трусь! Богъ милостивъ,
Ты дай еще цѣлковенькой,
Увидишь — удружу!»

Дала еще цѣлковенькой.

«Пойдемъ въ мою коморочку,
Попьешь пока чайку!

Коморочка подъ лѣстницей:
Кровать да печь желѣзная,
Шандалъ да самоваръ.

Въ углу лампадка теплится,
А по стѣнамъ картиночки.

«Вотъ онъ!» сказалъ Макаръ:
«Его превосходительство!»
И щелкнулъ пальцемъ браваго
Военнаго въ звѣздахъ.

— Да добрый ли? спросила я.

«Какъ стихъ найдеть! Сегодня вотъ
Я тоже добръ, а временемъ
Какъ песъ бываю золь».

— Скучаешь, видно, дяденька?

«Нѣтъ, тутъ статья особая,
Не скука тутъ — война!
И Самъ, и люди вечеромъ
Уйдутъ, а къ Оедосѣвичу
Въ коморку врагъ: поборемся!
Борюсь я десять лѣтъ.
Какъ выпьешь рюмку лишнюю,

Махорки какъ накуришься,
 Какъ эта печь накалится,
 Да свѣчка нагорить —
 Такъ тутъ устой!..»

Я вспомнила
 Про богатырство дѣдово:
 — Ты, дядюшка, — сказала я,
 Должно быть, богатырь.

«Не богатырь я, милая,
 А силой тотъ не хвастайся,
 Кто сна не поборалъ!»
 Въ комнату постучались,
 Макаръ ушелъ... Сидѣла я,
 Ждала, ждала, соскучилась,
 Пріотворила дверь.
 Къ крыльцу карету подали.
 — Самъ ѣдетъ? «Губернаторша!»
 Отвѣтилъ мнѣ Макаръ
 И бросился на лѣстницу.
 По лѣстницѣ спускалася
 Въ собольей шубѣ барыня,
 Чиновничекъ при ней.

Не знала я, что дѣлала.
 (Да, видно, надоумила
 Владычица!)... Какъ брошусь я
 Ей въ ноги: «Заступись!
 Обманомъ, не по-божески
 Кормильца и родителя
 У дѣточекъ берутъ!»

— Откуда ты, голубушка?

Впопадъ ли я отвѣтила —
Не знаю... Мѹка смертная
Подъ сердце подошла...

Очнулась я, молодчики,
Въ богатой, свѣтлой горницѣ,
Подъ пологомъ лежу;
Противъ меня — кормилица,
Нарядная, въ кокошникѣ,
Съ ребеночкомъ сидить:
— Чье дитячко, красавица?
«Твое!» — Поцѣловала я
Рожовое дитя...

Какъ въ ноги губернаторшѣ
Я пала, какъ заплакала,
Какъ стала говорить,
Сказалась усталъ долгая,
Истома непомѣрная,
Упередилось времячко —
Пришла моя пора!
Спасибо губернаторшѣ,
Еленѣ Александровнѣ:
Я столько благодарна ей,
Какъ матери родной;
Сама крестила мальчика
И имя: Лѹдорушка —
Младенцу избрала...

— А что же съ мужемъ сталося?

— Послали въ Клинъ нарочнаго,
Всю истину довѣдали —
Филипушку спасли.

Елена Александровна
 Ко мнѣ его, голубчика,
 Сама — дай Богъ ей счастье! —
 За ручку подвела.
 Добра была, умна была;
 Красивая, здоровая,
 А дѣтокъ не даль Богъ!
 Пока у ней гостила я,
 Все время съ Лідоружкой
 Носилась, какъ съ роднымъ.
 Весна ужъ начиналася,
 Березка распускалася,
 Какъ мы домой пошли...

Хорошо, свѣтло
 Въ мірѣ Божіемъ!
 Хорошо, легко,
 Ясно на сердцѣ.

Мы идемъ, идемъ —
 Остановимся,
 На лѣса, луга
 Полюбujemyся,
 Полюбujemyся,
 Да послушаемъ,
 Какъ шумять-бѣгутъ
 Воды вешнія,
 Какъ поеть-звенить
 Жавороночекъ!
 Мы стоимъ, глядимъ...
 Очи встрѣтятся —
 Усмѣхнемся мы,
 Усмѣхнется намъ
 Лідоружка.

А увидимъ мы
Старца нищаго,
Подадимъ ему
Мы копѣчку...
«Не за насъ молись»,
Скажемъ старому:
«Ты молись, старикъ,
За Еленушку,
За красавицу
Александровну!»

А увидимъ мы
Церковь Божію,
Передъ церковью
Долго крестимся:
«Дай ей, Господи,
Радость — счастье,
Доброй душенькѣ,
Александровнѣ!»

Зеленѣть лѣсъ,
Зеленѣть лугъ,
Гдѣ низиночка —
Тамъ и зеркало!
Хорошо, свѣтло
Въ мірѣ Божіемъ,
Хорошо, легко,
Ясно на-сердцѣ.
По водамъ плыву
Бѣлымъ лебедемъ,
По степямъ бѣгу —
Перепелочкой.

Прилетѣла въ домъ
 Сизымъ голубемъ...
 Поклонился мнѣ
 Свекоръ-батюшка;
 Поклонилася
 Мать-свекровушка;
 Деверья, зятя
 Поклонилися,
 Повинилися!
 Вы садитесь-ка,
 Вы не кланяйтесь,
 Вы послушайте,
 Чтò скажу я вамъ:
 Тому кланяться,
 Кто сильнѣй меня, —
 Кто добрѣй меня,
 Тому славу пѣть.
 Кому славу пѣть?
 Губернаторшѣ!
 Доброй душенькѣ
 Александровнѣ!

 ГЛАВА VIII.

БАБЬЯ ПРИТЧА.

Замолкла Тимоѳеевна.
 Конечно, наши странники
 Не пропустили случая
 За здравье губернаторши
 По чаркѣ осушить...
 И, видя, что хозяйшка
 Ко стогу приклонилася,

Къ ней подошли гуськомъ:

— Чтò-жъ дальше?

— Сами знаете:

Ославили счастливицей,
Прозвали губернаторшей

Матрену съ той поры...

Что дальше? Домомъ правлю я,

Рощу дѣтей... На радость ли?

Вамъ тоже надо знать.

Пять сыновей! Крестьянскіе

Порядки нескончаемы, —

Ужъ взяли одного!

Красивыми рѣсницами

Моргнула Тимоѳеевна,

Поспѣшно приклонилася

Ко стогу головой.

Крестьяне мялись, мѣшкали,

Шептались. — Ну, хозяйюшка!

Чтò скажешь намъ еще?

— А то, что вы затѣяли

Не дѣло — между бабами

Счастливую искать!..

— Да все-ли рассказала ты?

— Чего же вамъ еще?

Не то ли вамъ рассказывать,

Что дважды погорѣли мы,

Что Богъ сибирской язвою

Насъ трижды посѣтилъ?

Потуги лошадиныя

Несли мы; погуляла я,

Какъ меринъ въ боронѣ!..
Ногами я не топтана,
Веревками не вязана,
Иголками не колота...
Чего же вамъ еще?
Сулилась душу выложить,
Да, видно, не сумѣла я, —
Простите, молодцы!
Не горы съ мѣста сдвинулись,
Упали на головушку,
Не Богъ стрѣлой громовою
Во гнѣвѣ грудь пронзиль:
По мнѣ — тиха, невидима —
Прошла гроза душевная,
Покажешь ли ее?
По матери поруганной,
Какъ по змѣѣ растоптанной,
Кровь первенца прошла;
По мнѣ обиды смертныя
Прошли неотплачныя,
И плеть по мнѣ прошла...
Я только не отвѣдала —
Спасибо! умеръ Ситниковъ —
Стыда неискунимаго,
Послѣдняго стыда!
А вы — за счастьемъ сунулись!
Обидно, молодцы!
Идите вы къ чиновнику,
Къ вельможному боярину,
Идите вы къ царю,
А женщинъ вы не трогайте!
Вотъ Богъ! ни съ чѣмъ проходите
До гробовой доски!

Къ намъ на ночь попросилася
Одна старушка Божія:
Вся жизнь убогой старицы —
Убійство плоти, постъ;
У гроба Іисусова
Молилась, на Өаворскія
Всходила высоты,
Въ Іордань-рѣкѣ купалася...
И та святая старица
Разсказывала мнѣ:
«Ключи отъ счастья женскаго,
Отъ нашей вольной волюшки,
Заброшены, потеряны
У Бога самого!
Отцы-пустынножители
И жены непорочныя
И книжники-начетчики
Ихъ ищутъ — не найдутъ!
Пропали! думать надобно,
Сглонула рыба ихъ...
Въ веригахъ, изможденные,
Голодные, холодные,
Прошли Господни ратники
Пустыни, города —
И у волхвовъ выспрашивать,
И по звѣздамъ высчитывать
Пытались — нѣтъ ключей!
Весь Божій міръ извѣдали,
Въ горахъ, въ подземныхъ пропастяхъ
Искали... Наконецъ,
Нашли ключи сподвижники!
Ключи неоцѣнимые,
А все — не тѣ ключи!

Пришлись они, — великое
 Избраннымъ людямъ Божиимъ
 То было торжество, —
 Пришлись къ рабамъ-невольникамъ:
 Темницы растворилися,
 По міру вздохъ прошелъ,
 Такой ли громкій, радостный!..
 А къ нашей женской волюшкѣ
 Все нѣтъ и нѣтъ ключей!
 Великіе сподвижники
 И по сей день стараются —
 На дно морей спускаются,
 Подъ небо поднимаются —
 Все нѣтъ и нѣтъ ключей!
 Да врядъ они и сыщутся...
 Какою рыбой слонуты
 Ключи тѣ заповѣдныя,
 Въ какихъ моряхъ та рыбина
 Гуляетъ — Богъ забылъ!..»

1873 г.

ПИРЪ НА ВЕСЬ МІРЪ.

Изъ четвертой части.

Посвящается Сергію Петровичу Воткину.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Въ концѣ села Вахлачина,
 Гдѣ житель — пахарь изстари
 И частью — смолокуръ,
 Подъ старой-старой ивою,
 Свидѣтельницей скромною
 Всей жизни вахлаковъ,
 Гдѣ праздники справляются,

Гдѣ сходки собираются,
Гдѣ днемъ сѣкутъ, а вечеромъ
Цѣлуются, милуются —
Шель пиръ, великій пиръ!
Орудовать по-питерски
Привыкшій дѣло всякое
Знакомецъ нашъ Климъ Яковличъ,
Видавшій благородные
Пирь съ рѣчами, спичами —
Затѣйщикъ пира былъ.
На бревна, тутъ лежавшія,
На срубъ избы застроенной
Усѣлись мужики;
Тутъ тоже наши странники
Сидѣли съ Власомъ-старостой
(Имъ дѣло до всего).
Какъ только пить надумали,
Власъ сыну-малолѣточку
Вскричалъ: «бѣги за Трифономъ!»
Съ дьячкомъ приходскимъ, Трифономъ,
Гулякой, кумомъ старосты,
Пришли его сыны,
Семинаристы: Савушка
И Гриша; было старшему
Ужъ девятнадцать лѣтъ:
Теперь же протодьякономъ
Смотрѣлъ; а у Григорія
Лицо худое, блѣдное
И волосъ тонкій, вьющійся,
Съ оттѣнкомъ красноты.
Простые парни, добрые,
Косили, жали, сѣяли
И пили водку въ праздники

Съ крестьянствомъ наравнѣ.
Тотчасъ же за селеніемъ
Шла Волга, а за Волгою
Былъ городъ небольшой
(Сказать точнѣе, города
Въ ту пору тѣни не было,
А были головни:
Пожаръ все снесъ третьеводни):
Такъ люди мимоѣзжіе,
Знакомцы вахлаковъ,
Тутъ тоже становилися,
Парома поджидаючи,
Кормили лошадей.
Сюда брели и нищіе,
И тараторка-странница,
И тихій богомоль.
Въ день смерти князя стараго
Крестьяне не предвидѣли,
Что не луга поемные,
А тяжбу наживутъ.
И, выпивъ по стаканчику,
Первѣй всего заспорили:
Какъ имъ съ лугами быть?
Не вся ты, Русь, обмѣряна
Землицей; попадаются
Углы благословенные,
Гдѣ ладно обошлось.
Какой-нибудь случайностью —
Невѣдѣньемъ помѣщика,
Живущаго въ дали,
Ошибкою посредника,
А чаще изворотами
Крестьянъ-руководителей,

Въ надѣль крестьянамъ изрѣдка
Попало и лѣску.
Тамъ гордъ мужикъ; попробуй-ка
Въ окошко стукнуть староста
За податю — осердится!
Одинъ отвѣтъ до времени:
«А ты лѣску продай!»
И вахлави надумали
Свои луга поемные
Сдать старостѣ — на подати:
Все взвѣшено, разсчитано,
Какъ-разъ — оброкъ и подати,
Съ залишкомъ. — «Такъ ли, Власъ?»

— А коли подать справлена,
Я никому не здравствую!
Охота есть — работаю,
Не то валяюсь съ бабою.
Не то иду въ кабакъ!

«Такъ!» вся орда вахлацкая
На слово Клима Лавина
Откликнулась: «на подати!
«Согласень, дядя Власъ?»

— У Клима рѣчь короткая
И ясная, какъ вывѣска,
Зовущая въ кабакъ.
Сказалъ шутливо староста:
— Начнетъ Климаха бабою,
А кончитъ — кабакомъ!

— «А чѣмъ же? не острогомъ же
Кончатъ-то? Дѣло вѣрное,

Не каркай, порѣши!»
Но Власу не до карканья.
Власъ былъ душа добрѣйшая,
Болѣлъ за всю Вахлачину,
Не за одну семью.
Служа при строгомъ баринѣ,
Несъ тяготу на совѣсти
Невольнаго участника
Жестокостей его.
Какъ молодъ былъ, ждалъ лучшаго,
Да вѣчно такъ случалось,
Что лучшее кончалось
Ничѣмъ или бѣдой:
И сталъ бояться новаго,
Богатаго посулами,
Невѣрующій Власъ.
Не столько въ Бѣлокаменной
По мостовой проѣхано,
Какъ по душѣ крестьянина
Прошло обидь... до смѣху ли?..
Власъ вѣчно былъ угрюмъ.
А тутъ — сплошалъ старинушка!
Дурачество вахлацкое
Коснулось и его!
Ему невольно думалось:
«Безъ барщины... безъ подати...
Безъ палки... Правда-ль, Господи?»
И улыбнулся Власъ.
Такъ солнце съ неба знойнаго
Въ лѣсную глушь дремучую
Забросить лучъ — и чудо тамъ:
Роса горитъ алмазами,
Позолотился мохъ.

«Пей, вахлачки, погуливай!»
Не въ мѣру было весело:
У каждаго въ груди
Играло чувство новое,
Какъ будто выносила ихъ
Могучая волна
Со дна бездонной пропасти
На свѣтъ, гдѣ нескончаемый
Имъ уготованъ пиръ!
Еще ведро поставили,
Галдѣнье непрерывное
И пѣсни начались.
Какъ, схоронивъ покойника,
Родные и знакомые
О немъ лишь говорятъ,
Покамѣстъ не управятся
Съ хозяйскимъ угощеніемъ
И не начнутъ зѣвать,
Такъ и галдѣнье долгое
За чарочкой, подъ ивою,
Все, почитай, сложилось
Въ поминки по подрѣзаннымъ
Помѣщичьимъ «крѣпямъ».
Къ дьячку съ семинаристами
Пристали: «пой веселую!»
Запѣли молодцы.
(Ту пѣсню — не народную —
Впервые спѣлъ сынъ Трифона,
Григорій, вахлакамъ,
И съ «Положенья» царскаго,
Съ народа крѣщи снявшаго,
Она по пьянымъ праздникамъ
Какъ плясовая пѣлася,

Попами и дворовыми —
 Вахлакъ ее не пѣлъ,
 А слушая, притопывалъ,
 Присвистывалъ, «веселою»
 Не въ шутку называлъ).

I.

ГОРЬКОЕ ВРЕМЯ—ГОРЬКІЯ ПѢСНИ.

ВЕСЕЛАЯ.

.
 Потомъ свою, вахлацкую,
 Родную — хоромъ грянули,
 Протяжную, печальную —
 Иныхъ покамѣсть нѣтъ.
 Не диво ли? широкая
 Сторонка Русь крещеная,
 Народу въ ней тьма тѣмъ
 А ни въ одной-то душенькѣ
 Съ поконъ вѣковъ до нашего
 Не загорѣлась пѣсенка
 Веселая и ясная,
 Какъ ведренный денѣкъ.
 Не дивно ли? не страшно ли?
 О время, время новое!
 Ты тоже въ пѣснѣ скажешься,
 Но какъ?.. Душа народная!
 Возсмѣйся-жъ, наконецъ!..
 «Ай пѣсенка!.. Запомнить бы!..»
 Тужили наши странники,
 Что память коротка,
 А вахлаки бахвалились:

— Мы барщинные! Съ наше-то
Попробуй, потерпи!
— Мы барщинные! выросли
Подъ рыломъ у помѣщика —
Попробуй, поживи!
Въ лицо позабывали мы
Другъ дружку, въ землю гляючи,
Мы потеряли рѣчь.
Въ молчанку напивались,
Въ молчанку цѣловались,
Въ молчанку драка шла.
— Ну, ты насчетъ молчанки-то
Не очень! намъ молчанка-то
Досталась солонѣй!
Сказалъ сосѣдней волости
Крестьянинъ, съ сѣномъ ѣхавшій
(Нужда пристигла крайняя,
Скосилъ — и на базарь!).
— Рѣшила наша барышня
Гертруда Александровна:
Кто скажетъ слово крѣпкое,
Того нещадно драть.
И драли же! покудова
Не перестали лаяться;
А мужику не лаяться —
Едино, что молчать.
Намаялись! ужъ подлинно
Отпраздновали волю мы,
Какъ праздникъ: такъ ругались,
Что пошь Иванъ обидѣлся,
За звоны колокольные,
Гудѣвшіе въ тотъ день.
Такіе сказы чудные

Посыпались... И диво ли?
Ходить далеко за словомъ
Не надо — все прописано
На собственной спинѣ!

— «У насъ была оказія»,
Сказаль дѣтина съ черными,
Большими бакенбардами:
«Такъ нѣтъ ея чуднѣй».
(На маломъ шляпа круглая
Съ значкомъ, жилетка красная
Съ десяткомъ свѣтлыхъ пуговицъ,
Посконные штаны
И лапти: малый смахиваль
На дерево, съ котораго
Кору подпасокъ крохотный
Всю снизу ободраль,
А выше — ни царапины,
Въ вершинѣ не побрезгаетъ
Ворона свить гнѣздо).
— Такъ что-же, братъ, рассказывай!
«Дай, прежде покурю!»
Покамѣсть онъ покуриваль,
У Власа наши странники
Спросили: — Что за гусь?
— Такъ, подбѣгало-мученикъ,
Приписанъ къ нашей волости,
Барона Синегузина *)
Дворовый человѣкъ,
Викентій Александровичъ.
Съ запятокъ въ хлѣбопашество

*) Тизенгаузена.

Прыгнулъ! За нимъ осталася
 И кличка: «выѣздной».
 Здоровъ, а ноги слабыя,
 Дрожать: его-то барыня
 Въ каретѣ цугомъ ѣздила
 Четверкой по грибы...
 Расскажетъ онъ! послушайте!
 Такая память знатная,
 Должно быть (кончилъ староста),
 Сорочьи яйца ѣлъ *).
 Поправивъ шляпу круглую,
 Викентій Александровичъ
 Къ разсказу приступилъ.

ПРО ХОЛОПА ПРИМѢРНАГО — ЯКОВА ВѢРНАГО.

Былъ господинъ не високаго рода,
 Онъ деревнюшку на взятки купилъ,
 Жилъ въ ней безвыѣдно тридцать три года,
 Вольничалъ, бражничалъ, горькую пилъ.
 Жадный, скупой, не дружился съ дворянами,
 Только къ сестрицѣ ѣзжалъ на чаѣкъ;
 Даже съ родными, не только съ крестьянами,
 Былъ господинъ Поливановъ жестокъ:
 Дочь повѣнчавъ, муженька благовѣрнаго
 Высѣкъ — обоихъ прогналъ нагишемъ,
 Въ зубы холопа примѣрнаго,
 Якова вѣрнаго
 Пòходя дулъ каблукомъ.

*) Примѣта: чтобъ имѣть хорошую память, нужно ѣсть сорочьи яйца.

Люди холопскаго званія —
 Сущіе псы иногда:
 Чѣмъ тяжелѣй наказанія,
 Тѣмъ имъ милѣй господа.

Яковъ такимъ объявился изъ младости:
 Только и было у Якова радости:
 Барина холить, беречь, ублажать,
 Да племяша-малолѣтка качать.
 Такъ они оба до старости дожили...
 Стали у барина ножки хирѣть,
 Ъздиль лечиться, да ноги не ожили...
 Полно кутить, баловаться и пѣть!

Очи-то ясныя,
 Щеки-то красныя,
 Пухлыя руки, какъ сахаръ — бѣлы,
 Да на ногахъ — кандалы!
 Смирно помѣщикъ лежитъ подъ халатомъ,
 Горькую долю клянеть;
 Яковъ — при баринѣ: другомъ и братомъ
 Вѣрнаго Якова баринъ зоветъ.
 Зиму и лѣто вдвоемъ коротали,
 Въ карточки больше играли они,
 Скуку разсѣять къ сестрицѣ ѣзжали
 Версть за двѣнадцать, въ хорошіе дни.
 Вынесетъ самъ его Яковъ, уложитъ,
 Самъ на долгушкѣ свезетъ до сестры,
 Самъ до старушки добратся поможетъ.
 Такъ они жили ладкомъ до поры...

Выросъ племянничекъ Якова, Гриша,
 Барину въ ноги: «жениться хочу!»
 — Кто же невѣста? — «Невѣста — Ариша».
 Баринъ отвѣтствуетъ: «въ гробъ вколочу!»

Думаль онъ самъ, на Аришу-то глядя:
«Только бы ноги Господь воротилъ!»
Какъ ни просилъ за племянника дядя,
Баринъ соперника въ рекруты сбылъ.
Крѣпко обидѣлъ холопа примѣрнаго,
Якова вѣрнаго,
Баринъ — холопъ задурилъ:
Мертвую зашилъ!.. Неловко безъ Якова:
Кто ни послужить — дуракъ, негодяй!
Злость-то давно накопила у всякаго, —
Благо, есть случай: груби, вымещай!
Баринъ то просить, то пѣсски ругается...
Такъ двѣ недѣли прошли.
Вдругъ его вѣрный холопъ возвращается...
Первое дѣло — поклонъ до земли.
Жаль ему, видишь ты, стало безногаго:
Кто-де сумѣетъ его соблюсти?
«Не поминай только дѣла жестокаго, —
Буду свой крестъ до могилы нести!»
Снова помѣщикъ лежитъ подъ халатомъ,
Снова у ногъ его Яковъ сидитъ,
Снова помѣщикъ зоветъ его братомъ...
«Что ты нахмурился, Яша?» — Мутить!..
Много грибовъ нанизали на нитки,
Въ карты сыграли, чайку напились,
Ссыпали вишни, малину въ напитки
И поразвлекъ къ сестрѣ собрались.
Курить помѣщикъ, лежитъ беззаботно,
Ясному солнышку, зелени радъ;
Яковъ угрюмъ, говоритъ неохотно,
Возжи у Якова дрожмя дрожатъ,
Крестится. «Чуръ меня, сила нечистая!»
Шепчетъ: «разсыпся!» (мутить его врагъ).

Ъдутъ... Направо трущоба лѣсистая,
 Имя ей изстари «Чортовъ оврагъ».
 Яковъ свернулъ и поѣхалъ оврагомъ,
 Баринъ опѣшилъ: «Куда-жь ты, куда?»
 Яковъ ни слова. Проѣхали шагомъ
 Нѣсколько верстъ, не дорога — бѣда!
 Ямы, валежникъ; бѣгутъ по оврагу
 Вешнія воды, деревья шумятъ...
 Стали лошадки — и дальше ни шагу:
 Сосны стѣной передъ ними торчатъ.

Яковъ, не глядя на барина бѣднаго,
 Началъ коней отпрягать;
 Вѣрнаго Яшу, дрожащаго, блѣднаго,
 Началъ помѣщикъ тогда умолять.
 Выслушалъ Яковъ посулы — и грубо,
 Зло засмѣялся: «Нашель душегуба!
 Стану я руки убійствомъ марать!
 Нѣтъ, не тебѣ умирать!»
 Яковъ на сосну высокую прынулъ,
 Возжи въ вершинѣ ея укрѣпилъ,
 Перекрестился, на солнышко глянулъ,
 Голову въ петлю — и ноги спустилъ!..

Экія страсти Господни: виситъ
 Яковъ надъ бариномъ, мѣрно качается.
 Мечется баринъ, рыдаетъ, кричитъ, —
 Эхо одно откликается!

Вытянулъ голову, голосъ напругъ
 Баринъ — напрасные крики!
 Въ саванъ окутался Чортовъ оврагъ:
 Ночью тамъ росы велики,
 Зги не видать! только совы снуютъ,
 О-земь ширяясь врылами,

Слышно, какъ лошади листья жуютъ,
Тихо звеня бубенцами.
Словно чугушка подходит — горять
Чьи-то два круглыя, яркія ока,
Птицы какія-то съ шумомъ летятъ,
Слышно, посѣли онѣ недалеко.
Воронъ надъ Яковомъ каркнулъ одинъ...
Чу! ихъ слетѣло до сотни!
Ухнулъ, грозитъ костью господинъ...
Экія страсти Господни!

Баринъ въ оврагѣ всю ночь пролежалъ,
Стонами птицъ и волковъ отгоняя;
Утромъ охотникъ его увидалъ.
Баринъ вернулся домой, причитая:
«Грѣшенъ я, грѣшенъ! Казните меня!»
Будешь ты, баринъ, холопа примѣрнаго,
Якова вѣрнаго,
Помнить до суднаго дня!

«Грѣхи, грѣхи!» слышалось
Со всѣхъ сторонъ: «Жаль Якова,
Да жутко и за барина —
Какую принялъ казнь!»
— Ой! ой!.. Еще прослушали
Два-три рассказа страшные
И горячо заспорили
О томъ, кто всѣхъ грѣшнѣй?
Одинъ сказалъ: «кабатчики»,
Другой сказалъ: «помѣщики»,
А третій — «мужики».
То былъ Игнатій Прохоровъ,
Извозомъ занимавшійся,

Степенный и зажиточный
 Мужикъ — не пустословъ.
 Видалъ онъ виды всякіе,
 Изъѣздилъ всю губернію
 И вдоль, и поперекъ.
 Его послушать надо бы,
 Однако, вахлаки
 Такъ обозлились, не дали
 Игнатью слова вымолвить,
 Особенно Климъ Яковлевъ
 Куражился: Дуракъ же ты!...
 — А ты бы прежде выслушалъ...
 «Дуракъ же ты...»
 — И всѣ-то вы,
 Я вижу, дураки!
 Вдругъ вставилъ слово грубое
 Ереминъ, братъ купеческій,
 Скупавшій у крестьянъ
 Чтò ни попало: лапти ли,
 Телѣнка ли, бруснику ли,
 А главное, мастакъ
 Подстерегать оказіи,
 Когда собирались подати
 И собственность вахлацкая
 Пускалась съ молотка.
 — Затѣять споръ затѣяли,
 А въ точку не утрафили!
 Кто всѣхъ грѣшнѣй? подумайте!
 — Ну, кто же? говори!
 «Извѣстно, кто: разбойники!»
 А Климъ ему въ отвѣтъ:
 — Вы крѣпостными не были;
 Была капель великая,

Да не на вашу плѣшь!
Набилъ кошну: мерещатся
Вездѣ ему разбойники;
Разбой — статья особая,
Разбой тутъ не причемъ!
«Разбойникъ за разбойника
Вступился!» прасоль вымолвилъ.
А Лавинъ — скокъ къ нему!
— Молись! — и въ зубы прасола:
«Прощайся съ животишками!»
А прасоль въ зубы Лавина.
«Ай, драка! молодцы!»
Крестьяне разступились,
Никто не подзадориваль,
Никто не разнималь.
Удары градомъ сыпались:
— Убью! пиши къ родителямъ!
«Убью! зови поца!»
Тѣмъ кончилось, что прасола
Климъ сжалъ рукой, что обручемъ,
Другой вцѣпился въ волосы
И гнулъ, со словомъ: «кланяйся!»
Купца къ своимъ ногамъ.
— Ну, баста! прасоль вымолвилъ;
Климъ выпустилъ обидчика,
Обидчикъ сѣлъ на бревнышно,
Платкомъ широкимъ клѣтчатымъ
Отерся и сказалъ:
— Твоя взяла! и диво-ли?
Не жнетъ, не пашеть — шляется
По коновальской должности,
Какъ силъ не нагулять?
(Крестьяне засмѣялися).

«А ты еще не хочешь ли?»
 Сказалъ задорно Климъ.
 — Ты думалъ, нѣтъ? Попробуемъ!
 Купецъ снялъ чуйку бережно
 И въ руки поплевалъ.

«Раскрыть уста грѣховныя
 Пришелъ чередъ: прпслушайте!
 И такъ васъ помирю!»
 Вдругъ возгласилъ Ионушка,
 Весь вечеръ молча слушавшій,
 Вздыхавшій и крестившійся,
 Смиранный богомоль.
 Купецъ былъ радъ; Климъ Яковлевъ
 Помалчивалъ. Усѣлися,
 Настала тишина.

II.

СТРАННИКИ И БОГОМОЛЬЦЫ.

Бездомнаго, безроднаго
 Не мало попадается
 Народу на Руси.
 Не жнутъ, не сѣютъ — кормятся
 Изъ той же общей житницы,
 Чтò кормить мышку малую
 И воинство несмѣтное:
 Осѣдлаго крестьянина
 Горбомъ ее зовутъ.
 Пускай народу вѣдомо,
 Что цѣлыя селенія
 На попрошайство осенью

Какъ на доходный промыселъ
Идутъ: въ народной совѣсти
Уставилось рѣшеніе,
Что больше тутъ злосчастія,
Чѣмъ лжи — имъ подають.
Пускай нерѣдки случаи,
Что странница окажется
Воровкой; что у бабъ
За просфоры аѳонскія
За «слѣзки Богородицы»
Паломникъ пряжу выманить,
А послѣ бабы свѣдають,
Что дальше Троицы-Сергія
Онъ самъ-то не бывалъ.
Былъ старецъ, чуднымъ пѣніемъ
Плѣнялъ сердца народныя;
Съ согласья матерей,
Въ селѣ Крутыя-Заводи
Божественному пѣнію
Сталъ дѣвокъ обучать;
Всю зиму дѣвки красныя
Съ нимъ въ ригѣ запиралися,
Оттуда пѣнье слышалось,
А чаще смѣхъ и визгъ.
Однако, чѣмъ же кончилось?
Онъ пѣть-то ихъ не выучилъ,
А перепортилъ всѣхъ.
Есть мастера великіе
Подлаживаться къ барынямъ:
Сначала черезъ бабъ
Доступится до дѣвичьей,
А тамъ — и до помѣщицы;
Бренчитъ ключами, по двору

Похаживаетъ бариномъ,
Плюетъ въ лицо крестьянину,
Старушку богомольную
Согнулъ въ бараній рогъ!..
Но видитъ въ тѣхъ же странникахъ
И лицевую сторону
Народъ. Кѣмъ церкви строятся?
Кто кружки монастырскія
Наполнилъ черезъ край?
Иной добра не дѣлаетъ,
И зла за нимъ не видится;
Иного не поймешь.
Знакомъ народу Оомушка:
Вериги двуцудовыя
По тѣлу опоясаны,
Зимой и лѣтомъ босъ,
Бормочетъ непонятное,
А жить — живетъ по-божески:
Доска да камень въ головы,
А пища — хлѣбъ одинъ.
Чуденъ ему и памятенъ
Старикъ изъ секты скрытниковъ,
Никифоръ, каргополь.
Пришелъ въ село Усолово:
Коритъ мірянъ безбожіемъ,
Зоветъ въ лѣса дремучіе
Спасаться. Становой
Случился тутъ, все выслушалъ:
— Къ допросу сомустителя!
Онъ то же и ему:
«Ты врагъ Христовъ, антихристовъ
Посланникъ!» Сотскій, староста
Мигали старику:

— Эй, покорись! — не слушаеть!
Везли его въ острогъ,
А онъ корилъ начальника
И, на телѣгѣ стоячи,
Усоловцамъ кричалъ:

«Горе вамъ, горе, пропація головы!
Были оборваны, будете голы вы,
Били васъ палками, розгами, кнутьями,
Будете биты желѣзными прутьями!..»

Усоловцы крестилися,
Начальникъ билъ глашатая:
«Попомнишь ты, анаѳема,
Судью ерусалимскаго!»
У парня, у подводчика
Съ испугу возжи выпали
И волосъ дыбомъ сталъ!
И какъ на грѣхъ, воинская
Команда утромъ грянула:
Въ Устой, село не дальное,
Солдатики прошли.
Допросы! усмиреніе!
Тревога! по спопутности
Досталось и усоловцамъ:
Пророчество строптиваго
Чуть въ точку не сбылось.

Во вѣкъ не позабудется
Народомъ Ефросиньюшка,
Посадская вдова:
Какъ Божія посланница,
Старушка появляется

Въ холерные года:
Хоронить, лечить, возится
Съ больными. Чуть не молятся
Крестьянки на нее...

Стучись же, гость невѣдомый!
Кто-бъ ни былъ ты, увѣренно
Въ калитку деревенскую
Стучись! не подозрителенъ
Крестьянинъ коренной,
Въ немъ мысль не зарождается,
Какъ у людей достаточныхъ,
При видѣ незнакомаго,
Убогаго и робкаго:
Не стибрилъ бы чего?
А бабы — тѣ радехоньки!
Зимой, передъ лучиною
Сидить семья, работаетъ,
А странничекъ гласить.
Ужъ въ банькѣ онъ попарился,
Ушицы ложкой собственной,
Съ рукой благословляющей,
Досыта похлебаль;
По жиламъ ходитъ чарочка,
Рѣкою льется рѣчь.
Въ избѣ все словно замерло:
Старикъ, чинившій лапотки,
Къ ногамъ ихъ уронилъ;
Челнокъ давно не чикаетъ,
Заслушалась работница
У ткацкаго станка;
Застылъ ужъ на уколотомъ
Мизинцѣ у Евгеньюшки,

Хозяйской старшей дочери,
Высокій бугорокъ,
А дѣвка и не слышала,
Какъ укололась до крови;
Шитье къ ногамъ спустилося,
Сидить — зрачки расширены,
Руками развела...
Ребята, свѣсивъ головы
Съ полатей, не шелохнутся:
Какъ тюленята сонные
На льдинахъ, за Архангельскомъ,
Лежать на животѣ.
Лиць не видать, завѣшаны
Спустившимися прядями
Волось — не нужно сказывать,
Что желтые они.
Постой! ужъ скоро странничекъ
Доскажетъ быль аѳонскую,
Какъ турка взбунтовавшихся
Монаховъ въ море гналъ,
Какъ шли покорно иноки
И погибали сотнями...
Услышишь шопоть ужаса,
Увидишь рядъ испуганныхъ,
Слезами полныхъ глазъ!
Пришла минута страшная —
И у самой хозяйюшки
Веретено пузатое
Скатилося съ колѣнъ.
Коть Васька насторожился —
И прыгъ къ веретену!
Въ другую пору то-то бы
Досталось Васькѣ шустрому,

А тутъ и не замѣтили,
Какъ онъ проворной лапкою
Веретено потрогивалъ,
Какъ прыгалъ на него,
И какъ оно каталось,
Пока не размоталася
Напряденная нить!

Кто видывалъ, какъ слушаетъ
Своихъ захожихъ странниковъ
Крестьянская семья, —
Пойметъ, что ни работою,
Ни вѣчною заботою,
Ни игомъ рабства долгаго,
Ни кабакомъ самимъ
Еще народу русскому
Предѣлы не поставлены:
Предъ нимъ широкій путь!
Когда измѣнять пахарю
Поля старозапашныя, —
Клочки въ лѣсныхъ окраинахъ
Онъ пробуетъ пахать.
Работы тутъ достаточно,
За то полоски новыя
Даютъ безъ удобренія
Обильный урожай.
Такая почва добрая —
Душа народа русскаго...
О, сѣятель! приди!..

Иона (онъ же Ляпушкинъ)
Сторонушку вахлацкую
Издавна навѣщаль.

Нетолько не гнушались
 Крестьяне божьимъ странникомъ,
 А спорили о томъ,
 Кто первый пріютитъ его,
 Пока ихъ спорамъ Ляпушкинъ
 Конца не положилъ:
 «Эй! бабы! выносите-ка
 Иконы!» Бабы вынесли,
 Предъ каждою иконою
 Иона падалъ ницъ:
 «Не спорьте! дѣло Божіе:
 Котора взглянетъ ласковѣй,
 За тою и пойду!»
 И часто за бѣднѣйшею
 Иконою шель Ионушка
 Въ бѣднѣйшую избу.
 И къ той избѣ особое
 Почтенье: бабы бѣгаютъ
 Съ узлами, сковородками
 Въ ту избу. Чашей полною,
 По милости Ионушки,
 Становится она.

Не громко и не торопко
 Повель рассказъ Ионушка
 «О двухъ великихъ грѣшникахъ»,
 Усердно покрестясь.

О ДВУХЪ ВЕЛИКИХЪ ГРѢШНИКАХЪ.

Господу Богу помолимся,
 Древнюю быль возвѣстимъ:
 Мнѣ въ Соловкахъ ее сказывалъ
 Инокъ, отецъ Питиримъ.

Было двѣнадцать разбойниковъ,
Былъ Кудеяръ — атаманъ,
Много разбойники пролили
Крови честныхъ христіанъ,

Много богатства награбили;
Жили въ дремучемъ лѣсу,
Вождь-Кудеяръ изъ-подъ Кіева
Вывезъ дѣвицу-красу;

Днемъ съ любовницей тѣшился,
Ночью набѣги творилъ...
Вдругъ у разбойника лютаго
Совѣсть Господь пробудилъ.

Сонъ отлетѣлъ; опротивѣли
Пьянство, убійство, грабежъ;
Тѣни убитыхъ являются,
Цѣлая рать — не сочтешь!

Долго боролся, противился
Господу звѣрь-человѣкъ,
Голову снесъ любовницѣ
И есаула засѣкъ.

Совѣсть злодѣя осилила:
Шайку свою распустилъ,
Раздалъ на церкви имущество,
Ножъ подъ ракитой зарылъ.

И прегрѣшенья отмаливать
Къ гробу Господню идетъ.
Странствуетъ, молится, кается...
Легче ему не стаётъ.

Старцемъ, въ одеждѣ монашеской,
Грѣшникъ вернулся домой,
Жилъ подѣ навѣсомъ старѣйшаго
Дуба въ труппобѣ лѣсной.

Денно и ночью Всевышняго
Молить: грѣхи отпусти!
Тѣло предай истязанію,
Дай только душу спасти!

Сжалился Богъ и къ спасенію
Схимнику путь указалъ:
Старцу въ молитвенномъ бдѣніи
Нѣкій угодникъ предсталъ,

Рекъ: «Не безъ Божьяго промысла
Выбралъ ты дубъ вѣковой:
Тѣмъ же ножомъ, что разбойничалъ,
Срѣжь его, той же рукой!

Будетъ работа великая,
Будетъ награда за трудъ:
Только что рухнется дерево,
Цѣпи грѣха упадутъ».

Смѣрилъ отшельникъ страшилище:
Дубъ — три обхвата кругомъ:
Сталъ на работу съ молитвою,
Рѣжетъ булатнымъ ножомъ,

Рѣжетъ упругое дерево,
Господу славу поетъ...
Годы идутъ — подвигается
Медленно дѣло впередъ.

Что съ великаномъ подѣлаеть
Хилый, больной человѣкъ?
Нужны тутъ силы желѣзныя,
Нужень не старческій вѣкъ!

Въ сердце сомнѣніе крадется...
Рѣжетъ и слышитъ слова:
«Эй, старина, что ты дѣлаешь?
Перекрестился сперва,

Глянулъ — и пана Глуховскаго
Видитъ на борзомъ конѣ,
Пана богатаго, знатнаго,
Перваго въ той сторонѣ.

Много жестокаго, страшнаго,
Старець о панѣ слыхалъ,
И въ поученіе грѣшнику
Тайну свою разсказалъ.

Панъ усмѣхнулся: «Спасенія
Я ужъ не чаю давно!
Въ мірѣ я чту только женщину,
Золото, честь и вино.

«Жить надо, старче, по-моему:
Сколько холоповъ гублю,
Мучу, пытаю и вѣшаю,
А поглядѣль бы, какъ сплю!»

Чудо съ отшельникомъ сталося:
Бѣшенный гнѣвъ ощутилъ,
Бросился къ пану Глуховскому,
Ножъ ему въ сердце вонзилъ!

Только что панъ окровавленный
Паль головой на сѣдло, —
Рухнуло древо громадное,
Эхо весь лѣсъ потрясло!

Рухнуло древо, скатилось
Съ инока бремя грѣховъ!..
Господу Богу помолимся:
Милуй насъ, темныхъ рабовъ.

III.

И СТАРОЕ, И НОВОЕ.

Іона кончилъ; крестится;
Народъ молчить. Вдругъ прасола
Сердитымъ крикомъ прорвало:
«Эй вы, тетери сонныя!
Па-ромъ, живѣй, паромъ!»
— Парома не докличешься
До солнца! перевозчики
И днемъ-то трусу празднуютъ:
Паромъ у нихъ худой,
Пожди! про Кудеяра-то...
«Паромъ! пар-ромъ! пар-ромъ!»
Ушель, съ телѣгой возится;
Корова къ ней привязана —
Онъ пнулъ ее ногой;
Въ ней курочки курлыкаютъ:
Сказалъ имъ: «дуры! цыць!»
Теленокъ въ ней мотается —
Досталось и теленочку
По звѣздочкѣ на лбу.

Нажегъ коня соврасаго
 Кнудомъ — и къ Волгѣ двинулся.
 Плыль мѣсяцъ надъ дорогою,
 Такая тѣнь потѣшная
 Бѣжала рядомъ съ прасоломъ
 По лунной полосѣ!
 «Отдумалъ, стало, драться-то?
 А спорить — видитъ — не о чемъ»,
 Замѣтилъ Власъ. «Ой, Господи!
 Великъ дворянскій грѣхъ!»
 — Великъ, а всё не быть ему
 Противъ грѣха крестьянскаго,
 Опять Игнатій Прохоровъ
 Не вытерпѣлъ — сказалъ.
 Климъ плюнулъ. — Экъ, приспичило!
 Кто съ чѣмъ, а нашей галочкѣ
 Родные галченяточки
 Всего милѣй... ну, сказывай,
 Чтѣ за великій грѣхъ?

КРЕСТЬЯНСКІЙ ГРѢХЪ.

Аммираль-вдовецъ по морямъ ходилъ,
 По морямъ ходилъ, корабли водилъ,
 Подъ Ачаковымъ бился съ туркою,
 Наносилъ ему пораженіе,
 И дала ему государыня
 Восемь тысячъ душъ въ награжденіе.
 Въ той ли вотчинѣ припѣваючи
 Доживаетъ вѣкъ аммираль-вдовецъ,
 И вручаетъ онъ, умираючи,
 Глѣбу-старостѣ золотой ларецъ.
 «Гой ты, староста! береги ларецъ!

Воля въ немъ моя сохраняется:
Изъ цѣпей-крѣпей на свободушку
Восемь тысячъ душъ отпускается!»

Аммираль-вдовець на столѣ лежитъ,
Дальній родственникъ хоронить катить.

Схорониль, забыль! Кличеть старосту
И заводить съ нимъ рѣчь окольную;
Все повывѣдалъ, насулилъ ему
Горы золота, выдалъ вольную...

Глѣбъ — онъ жаденъ былъ — соблазняется:
Завѣщаніе сожигается!

На десятки лѣтъ, до недавнихъ дней,
Восемь тысячъ душъ закрѣпилъ злодѣй,
Съ родомъ, съ племенемъ, — что народу-то
Что народу-то! съ камнемъ въ воду-то!
Все прощаетъ Богъ, а Іудинъ грѣхъ
Не прощается.

Ой, мужикъ! мужикъ! ты грѣшнѣе всѣхъ
И за то тебѣ вѣчно маяться!

Суровый и разсерженный,
Громовымъ, грознымъ голосомъ
Игнатій кончилъ рѣчь.
Толпа вскочила на ноги,
Пронесся вздохъ, слышалось:
«Такъ вотъ онъ, грѣхъ крестьянина!
И впрямь, страшный грѣхъ!»
— «И впрямь: намъ вѣчно маяться,
Охъ-охъ!..» сказалъ намъ староста,
Опять убитый, въ лучшее
Невѣрующій Власъ
И скоро поддававшійся

Какъ горю, такъ и радости.
«Великій грѣхъ! великій грѣхъ!»
Тоскливо вторилъ Климъ.

Площадка передъ Волгою,
Луною освѣщенная,
Перемѣнилась вдругъ!
Пропали люди гордые
Съ увѣренной походкою,
Остались вахлаки,
Досыта не ѣдавшіе,
Не солоно хлебавшіе,
Къ которымъ голодъ стукнуться
Грозить: засуха долгая,
А тутъ еще — жучекъ!
Которымъ прасоль-выжига
Урѣзать цѣну хвалится
На ихъ добычу трудную,
Смолу, слезу вахлацкую;
Урѣжетъ, попрекнетъ:
«За что платить вамъ много-то?
У васъ товаръ не купленный:
Изъ васъ на солнцѣ топится
Смола, какъ изъ сосны!»

Опять упали бѣдные
На дно бездонной пропасти,
Притихли, пріубожились,
Легли на животы!
Лежали, думу думали
И вдругъ запѣли. Медленно,
Какъ туча надвигается,
Текли слова тягучія.
Такъ пѣсню отчеканили,
Что сразу наши странники
Упомнили ее:

ГОЛОДНАЯ.

Стоить мужикъ —
Колышется,
Идетъ мужикъ —
Не дышится!

Съ коры его
Распучило,
Тоска-бѣда
Измучила.

Темнѣй лица
Стекляннаго
Не видано
У пьянаго.

Идетъ — пыхтитъ,
Идетъ — и спитъ,
Прибрелъ туда,
Гдѣ рожь шумить.

Какъ идоль сталь
На полосу,
Стоить, поетъ
Безъ голосу:

«Дозрѣй, дозрѣй,
Рожь, матушка!
Я пахарь твой,
Панкратушка!

Ковригу съѣмъ
Гора горой,

Ватрушку съѣмъ
Со столъ большой!

Все съѣмъ одинъ,
Управляюсь самъ,
Хоть мать, хоть сынъ
Проси — не дамъ!»

«Ой, батюшки, ѣсть хочется!»
Сказалъ упалымъ голосомъ
Одинъ мужикъ, изъ пещура
Досталъ краюху — ѣсть.
— Поютъ они безъ голосу,
А слушать — дрожь по волосу!
Сказалъ другой мужикъ.
И правда, что не голосомъ —
Нутромъ — свою «голодную»
Пропѣли вахлаки.
Иной во время пѣнія
Сталъ на ноги, показывалъ
Какъ шель мужикъ разслабленный,
Какъ сонъ долилъ голоднаго,
Какъ вѣтеръ колыхалъ
И были строги, медленны
Движенья. Спѣвъ «Голодную»,
Шатаясь, какъ разбитые,
Гуськомъ пошли къ ведерочку
И выпили пѣвцы.

«Дерзай!» За ними слышится
Дьячково слово: сынъ его
Григорій, крестникъ старосты,

Подходить къ землякамъ.

— Хошь водки? — Пиль достаточно.

— Чтò тутъ у васъ случилось?

Какъ въ воду вы опущены?..

— «Мы?.. чтò ты?...» Насторожились;

Власъ положилъ на крестника

Широкую ладонь.

— Неволя къ вамъ вернулася?

Погонять васъ на барщину?

Луга у васъ отобраны?

— «Луга-то?.. Шутишь, братъ!»

— Такъ чтò-жь перемѣнилось?

Закаркали «голодную»;

Накликать голодъ хочется?

— «Никакъ и впрямь ништо!»

Климъ, какъ изъ пушки выпалилъ;

У многихъ зачесались

Затылки, шопоть слышится:

— Никакъ и впрямь ништо!

— «Пей, вахлачки, погуливай!

Все ладно, все по нашему,

Какъ было ждано-гадано,

Не вѣшай головы!»

— По нашему ли, Климушка?

А Глѣбъ-то?..

Потолковано

Не мало: въ ротъ положено,

Что не они отвѣтчики

За Глѣба окаяннаго,

Всему виною: крѣпь!
Змѣя родить змѣенышей,
А крѣпь — грѣхи помѣщика,
Грѣхъ Якова-несчастливаго,
Грѣхъ Глѣба родила!
Нѣтъ крѣпи — нѣтъ помѣщика,
До петли доводящаго
Усерднаго раба;
Нѣтъ крѣпи — нѣтъ двороваго,
Самоубійствомъ мстящаго
Злодѣю своему;
Нѣтъ крѣпи — Глѣба новаго
Не будетъ на Руси!
Всѣхъ пристальнѣй, всѣхъ радостнѣй
Прослушалъ Гришу Провъ:
Ослабился, товарищамъ
Сказалъ побѣднымъ голосомъ:
«Мотайте-ка на усъ!»
Такъ, значить, и «Голодную»
Теперь навѣки по-боку?
Эй! други! Пой веселую!»
Климъ радостно кричалъ...
Пошло, толпой подхвачено
О крѣпи слово вѣрное
Трепаться: «нѣтъ змѣи —
Не будетъ и змѣенышей!»
Климъ Яковлевъ Игнатія
Опять ругнулъ: дуракъ же ты!
Чуть-чуть не подрались!
Дьячекъ рыдалъ надъ Гришею:
«Создастъ же Богъ головушку!
Не даромъ порывается
Въ Москву, въ новорситеть!»

А Власъ его поглаживалъ:
— Дай Богъ тебѣ и серебра,
И золотца, дай умную,
Здоровую жену!
«Не надо мнѣ ни серебра,
Ни золота, а дай Господь,
Чтобъ землякамъ моимъ
И каждому крестьянину
Жилось вольготно-весело
На всей святой Руси!»
Зардѣвшись, словно дѣвушка,
Сказалъ изъ сердца самаго
Григорій — и ушелъ.

Свѣтаетъ. — Снаряжаются
Подводчики. — Эй, Власъ Ильичъ!
Иди сюда, гляди, кто здѣсь!
Сказалъ Игнатій Прохоровъ,
Взявъ къ бревнамъ приваленную
Дугу. Подходить Власъ,
За нимъ бѣгомъ Климъ Яковлевъ,
За Климомъ — наши странники
(Имъ дѣло до всего):
За бревнами, гдѣ нищѣ
Въ повалку спали съ вечера,
Лежалъ какой-то смученный,
Избитый человѣкъ;
На немъ одѣжа новая,
Да только вся изорвана,
На шеѣ красный, шелковый
Платокъ, рубаха красная,
Жилетка и часы.

Нагнулся Лавинь къ спящему,
Взглянулъ и съ крикомъ: «бей его!»
Пнулъ въ зубы каблукомъ.
Вскочилъ дѣтина, мутные
Протеръ глаза, а Власъ его
Тѣмъ временемъ въ скулу.
Какъ крыса прищемленная
Дѣтина пискнулъ жалобно —
И къ лѣсу! Ноги длинныя,
Бѣжить — земля дрожить!
Четыре парня бросились
Въ погоню за дѣтиною,
Народъ кричалъ имъ: «бей его!»
Пока въ лѣсу не скрылися
И парни, и бѣглець.

— Что за мужчина? старосту
Допытывали странники:
— За что его тузять?

— Не знаемъ: такъ наказано
Намъ изъ села изъ Тискова,
Что буде гдѣ покажется
Егорка Шутовъ — бить его!
И бьемъ. Подъѣдутъ тисковцы,
Разскажутъ. — Удоволили?
Спросилъ старикъ вернувшихся
Съ погони молодцовъ.

— «Догнали, удоволили!
Побѣгъ къ Кузьмо-Демьянскому:
Тамъ видно переправиться
За Волгу норовить».

— Чудной народъ! бьютъ соннаго,
За что, про что не знаючи...

— Коли всѣмъ миромъ велѣно:
Бей! — стало, есть за что!
Прикрикнулъ Власъ на странниковъ:
Не вѣтрогоны тисковцы!
Давно ли тамъ десятаго
Пороли!.. ой, Егоръ!..
Ай, служба — должность подлая!..
Гнусь-человѣкъ! — Не бить его,
Такъ ужъ кого и бить?
Не намъ однимъ наказано:
Отъ Тискова по Волгѣ-то
Туть деревень четырнадцать:
Чай, черезъ всѣ четырнадцать
Прогнали, какъ сквозь строй!

Притихли наши странники.
Узнать-то имъ желательно,
Въ чемъ штука? да прогнѣвался
И такъ ужъ дядя Власъ.

Совсѣмъ свѣтло. Позавтракать
Мужьямъ хозяйки вынесли:
Ватрушки съ творогомъ,
Гусятина (прогнали туть
Гусей; три затомилися;
Мужикъ ихъ несъ подъ мышкою:
«Продай! помрутъ до городу!»
Купили ни за что).
Какъ пьетъ мужикъ, толковано

Не мало, а не всякому
Извѣстно, какъ онъ ѣсть.
Жаднѣе на говядину,
Чѣмъ на вино бросается.
Былъ тутъ непьющій каменьщикъ:
Такъ опьянѣлъ съ гусятины,
На что твое вино!
Чу! слышенъ крикъ: «Кто ѣдетъ-то!
Кто ѣдетъ-то!» Наклюнулось
Еще подспорье шумному
Веселью вахлаковъ:
Возъ съ сѣномъ приближается;
Высоко на возу
Сидитъ солдатъ Овсянниковъ,
Версть на двадцать въ окружности
Знакомый мужикамъ,
И рядомъ съ нимъ Устиньюшка,
Сироточка-племянница,
Поддержка старика.
Райкомъ кормился дѣдушка,
Москву да Кремль показывалъ;
Вдругъ инструментъ испортился,
А капиталу нѣтъ!
Три желтенькія ложечки
Купилъ — такъ не приходятся
Заученныя нà-твердо
Присловья къ новой музыкѣ,
Народа не смѣшать!
Хитеръ солдатъ! по времени
Слова придумалъ новыя —
И ложки въ ходъ пошли.
Обрадовались старому:
«Здорово, дѣдко! спрыгни-ка,

Да вышей съ нами рюмочку,
Да въ ложечки ударь!»
— Забраться-то, забрался я,
А какъ сойду, не вѣдаю:
Ведётъ! — «Небось, до города
Опять, за полной пенціей?
Да городъ-то сгорѣлъ!»
— Сгорѣлъ! И подѣломъ ему!
Сгорѣлъ? такъ я до Питера!
Тамъ всѣ мои товарищи
Гуляютъ съ полной пенціей,
Тамъ — дѣло разберутъ!
«Чай, по чугунокъ тронешься?»
Служивый посвисталь.
— Недолго послужила ты
Народу православному,
Чугунка бусурманская!
Была ты намъ любя,
Какъ отъ Москвы до Питера
Возила за три рублика,
А коли семь-то рубликовъ
Платить, такъ чортъ съ тобой!
Важная барыня! гордая барыня!
Ходить, змѣею шипить,
«Пусто вамъ! пусто вамъ! пусто вамъ!»
Русской деревнѣ кричить;
Въ рожу крестьянину фыркаетъ,
Давить, увѣчить, кувыркаетъ,
Скоро весь русскій народъ
Чище метлы подмететь!
— А ты ударь-ка въ ложечки,
Сказаль солдату староста:

Народу подгулявшаго
Покуда тутъ достаточно
Авось дѣла поправятся:
Орудуй живо, Климы!
(Власъ Клима не долюбливаль,
А чуть дѣлишко трудное,
Тотчасъ къ нему: — «Орудуй, Климы!»
А Климы тому и радъ).

Спустили еъ возу дѣдушку.
Солдаты былъ хрупокъ на ноги,
Высокъ и тощъ до крайности;
На немъ сюртукъ съ медалями
Висѣлъ, какъ на шестѣ.
Нельзя сказать, чтобъ доброе
Лицо имѣлъ, особенно,
Когда сводило стараго —
Чортъ чортомъ! Ротъ ощерится,
Глаза — что угольки!

Солдаты ударилъ въ ложечки;
Что было вплоть до берегу
Народу — все сбѣгается.
Ударилъ — и запѣлъ.

.
Служиваго задергало,
Опершись на Устиньюшку,
Онъ поднялъ ногу лѣвую
И сталъ ее раскачивать,
Какъ гирию на вѣсу!
Продѣлалъ то же съ правою,
Ругнулся: «жизнь проклятая!»
И вдругъ на обѣ сталъ.

— «Орудуй, Климъ!» По-питерски
 Климъ дѣло оборудоваль:
 По блюдцу деревянному
 Далъ дядѣ и племянницѣ,
 Поставиль ихъ рядкомъ,
 А самъ вскочиль на бревнышко
 И громко крикнуль: слушайте!
 (Служивый не выдерживаль
 И часто въ рѣчь крестьянина
 Вставляль словечко мѣткое
 И въ ложечки стучаль).

.
 Солдаты слегка притопываль
 И слышалось, какъ стучалась
 Сухая кость ò-кость,
 А Климъ молчалъ: ужъ двинулся
 Къ служивому народъ,
 Всѣ дали: по копѣчкѣ,
 По грошу, на тарелочкахъ
 Рублишко набрался...

IV.

ДОБРОЕ ВРЕМЯ — ДОБРЫЯ ПѢСНИ.

Въ замѣну спичей съ пѣснями,
 Въ подспорье рѣчи съ дракою,
 Пиръ только къ утру кончился,
 Великій пиръ!.. Расходится
 Народъ. Уснувъ, остались
 Подъ ивой наши странники,
 И тутъ же спалъ Ионушка,

Смиранный богомоль.
Качаясь, Савва съ Гришею
Вели домой родителя
И пѣли; въ чистомъ воздухѣ
Надъ Волгой, какъ набатные,
Согласные и сильные
Гремѣли голоса:

Славься, народу,
Давшій свободу!

Доля народа,
Счастье его,
Свѣтъ и свобода
Прежде всего!

Славься, народу,
Давшій свободу!

Благослови,
Господи правый!
Счастьемъ и славой
Дѣло Любви!

Мы же немного
Просимъ у Бога:
Честное дѣло
Дѣлать умѣло
Силы намъ дай!

Жизнь круговая,
Другу прямая

Къ сердцу дорога,
Прочь отъ порога,
Трусъ и лѣнтяй!
То ли не рай?

Доля народа,
Счастье его,
Свѣтъ и свобода
Прежде всего!

Бѣднѣе захудалаго,
Послѣдняго крестьянина
Жилъ Трифонъ. Двѣ коморочки:
Одна съ дымящей печкою,
Другая — въ сажень — лѣтняя,
И вся тутъ недолга;
Коровы нѣтъ, лошадки нѣтъ,
Была собака Зудушка,
Быль котъ — и тѣ ушли.

Спать уложивъ родителя,
Взялся за книгу Саввушка,
А Гришѣ не сидѣлося,
Ушелъ въ поля, въ луга.

У Гриши — кость широкая,
Но сильно исхудалое
Лицо: ихъ не докармливалъ
Хапуга-экономъ.
Григорій въ семинаріи
Въ часъ ночи просыпается
И ужъ потомъ до солнышка

Не спить — ждѣть жадно ситника,
Который выдавался имъ
Со сбитнемъ по утрамъ.
Какъ ни бѣдна вахлачина, —
Они въ ней отъѣдалися,
Спасибо Власу-крестному
И прочимъ мужикамъ!
Платили имъ молодчики,
По мѣрѣ силъ, работою,
По ихъ дѣлишкамъ хлопоты
Справляли въ городу.
Дьячекъ хвалился дѣтками,
А чѣмъ они питаются —
И думать позабылъ.
Онъ самъ былъ вѣчно голоденъ,
Весь тратился на поиски,
Гдѣ выпить, гдѣ поѣсть.
И былъ онъ нрава легкаго,
А будь иного, врядъ ли бы
И дожилъ до сѣдинъ.
Его хозяйка, Домнушка,
Была куда заботлива,
Зато и долголѣтности
Богъ не далъ ей. Покойница
Всю жизнь о соли думала:
Нѣтъ хлѣба — у кого-нибудь
Попросить, а за соль
Дать надо деньги чистыя,
А ихъ во всей вахлачинѣ,
Сгоняемой на барщину,
Не густо! Благо — хлѣбушкомъ
Вахлакъ дѣлился съ Домною.
Давно въ землѣ истлѣли бы

Ея родныя дѣточки,
Не будь рука вахлацкая
Щедра, чѣмъ Богъ послалъ.

Батрачка безотвѣтная
На каждого, кто чѣмъ-нибудь
Помогъ ей въ черный день,
Всю жизнь о соли думала,
О соли пѣла Домнушка,
Стирала ли, косила ли,
Баюкала ли Гришеньку,
Любимаго сынка.

Какъ сжалось сердце мальчика,
Когда крестьянки вспомнили
И спѣли пѣсню Домнину,
(Прозвалъ ее «Соленою»
Находчивый вахлакъ).

СОЛЕНАЯ.

Никто какъ Богъ!
Не ѣсть, не пьетъ
Меньшой сынокъ,
Гляди — умреть!

Дала кусокъ,
Дала другой —
Не ѣсть, кричить:
«Посыпъ солью!»

А соли нѣтъ,
Хоть бы щепоть!

«Посыпъ мукой»,
Шепнулъ Господь.

Разъ-два куснулъ,
Скривилъ ротокъ.
«Солѣ еще!»
Кричитъ сынокъ.

Опять мукой...
А на кусокъ
Слеза рѣкой!
Поѣлъ сынокъ!

Хвалилась мать —
Сынка спасла...
Знать, солона
Слеза была!..

Запѣмнилъ Гриша пѣсенку
И голосомъ молитвеннымъ
Тихонько въ семинаріи,
Гдѣ было темно, холодно,
Угрюмо, строго, голодно,
Пѣвалъ — тужилъ о матушкѣ
И обо всей вахлачинѣ,
Кормилицѣ своей.
И скоро въ сердцѣ мальчика
Съ любовью къ бѣдной матери
Любовь ко всей вахлачинѣ
Слилась — и лѣтъ пятнадцати
Григорій твердо зналъ уже,
Что будетъ жить для счастья
Убогаго и темнаго
Роднаго уголка.

Довольно демонъ радости
Леталъ съ мечомъ карающимъ
Надъ русскою землею!
Довольно рабство тяжкое
Одни пути лукавые
Открытыми, влекущими
Держало на Руси!
Надъ Русью оживающей
Святая пѣсня слышится:
То ангелъ милосердія,
Незримо пролетающій
Надъ нею, — души сильныя
Зоветь на честный путь:

Нейди просторною
Дорогой торною:
 Страстей раба,

По ней громадная,
Къ соблазну жадная
 Идетъ толпа.

О жизни искренней,
О цѣли выпренней
 Тамъ мысль смѣшна.

Кипитъ тамъ вѣчная,
Безчеловѣчная
 Вражда-война

За блага бранныя...
Тамъ души плѣнныя,
 Въ цѣпяхъ умы.

Ключомъ кипящая,
Тамъ жизнь мертвящая,
Тамъ — царство тьмы...

*
* *

Иные — чистые
Пути тернистые
Обрѣтены...

Иди къ униженнымъ,
Иди къ обиженнымъ —
По ихъ стопамъ,

Гдѣ трудно дышится,
Гдѣ горе слышится,
Будь первый тамъ!

И ангелъ милосердія
Не даромъ съ чудной пѣснею
Надъ Гришею виталъ.
Года ученья минули,
И юноша, отмѣченный,
Печатью дара божьяго,
Сталъ пылкимъ и восторженнымъ
Пѣвцомъ освобожденія
Униженныхъ, обиженныхъ
На всей святой Руси.

Свѣтило солнце ласково,
Дышало утро раннее

Прохладой, ароматами
Косимыхъ всюду травъ...

Григорій шелъ задумчиво
Сперва большой дорогою
(Старинная: съ высокими
Курчавыми березами,
Прямая, какъ стрѣла).
Ему то было весело,
То грустно. Возбужденная
Вахлацкою пирушкою,
Въ немъ сильно мысль работала
И въ пѣснѣ излилась:

Въ минуты унынья, о, родина-мать!
Я мыслью впередъ улетаю.
Еще суждено тебѣ много страдать,
Но ты не погибнешь, я знаю.

Быль гуще невѣжества мракъ надъ тобой,
Удушливѣй сонъ непробудный,
Была ты глубоко-несчастной страной,
Подавленной, рабски-безсудной.

Давно ли народъ твой игрушкой служилъ
Позорнымъ страстямъ господина?
Потомокъ татаръ какъ коня выводилъ
На рынокъ раба-славянина,

И русскую дѣву влекли на позоръ,
Свирѣпствовалъ бичъ безъ боязни,
И ужасъ народа при словѣ «наборъ»
Подобенъ былъ ужасу казни?

Довольно! Оконченъ съ прошедшимъ расчетъ,
 Оконченъ расчетъ съ господиномъ!
 Сбирается съ силами русскій народъ
 И учится быть гражданиномъ.

И ношу твою облегчила судьба,
 Сопутница дней славянина!
 Еще ты въ семействѣ, покуда, — раба,
 Но мать уже вольнаго сына!

Сманила Гришу узкая,
 Извилистая тропочка,
 Черезъ хлѣба бѣгущая;
 Въ широкой лугъ подкошенный
 Спустился онъ по ней.
 Въ лугу траву сушившія
 Крестьянки Гришу встрѣтили
 Его любимой пѣснею.
 Взгрустнулось крѣпко юношѣ
 По матери страдалицѣ,
 А пуще злость брала.
 Онъ въ лѣсъ ушелъ. Аукаясь,
 Въ лѣсу, какъ перепелочки
 Во ржи, — бродили малые
 Ребята (а постарше-то
 Ворочали сѣнцо).
 Онъ съ ними кузовъ рыжиковъ
 Набралъ. Ужъ жжется солнышко;
 Ушелъ къ рѣкѣ. Купается;
 Три дня тому сгорѣвшаго,
 Обугленнаго города
 Картина передъ нимъ:

Ни дома уцѣлѣвшаго,
Одна тюрьма спасенная
Недавно побѣленная,
Какъ бѣлая коровушка
На выгонѣ стоитъ.
Начальство тамъ попряталось,
А жители подъ берегомъ,
Какъ войско, стали лагеремъ.
Все спитъ еще, немногіе
Проснулись: два подъячіе,
Придерживая полочки
Халатовъ, пробираются
Между шкапами, стульями,
Узлами, экипажами,
Къ палаткѣ-кабаку.
Туда-жъ портняга скорченный
Аршинъ, утюгъ и ножницы
Несетъ — какъ листъ дрожить.
Возставъ отъ сна съ молитвою,
Причесываетъ голову
И держитъ на отлетъ,
Какъ дѣвка, косу длинную,
Высокій и осанистый
Протоерей Стефанъ.
По сонной Волгѣ медленно
Плоты съ дровами тянутся;
Стоять подъ правымъ берегомъ
Три барки нагруженные:
Вчера бурлаки съ пѣснями
Сюда ихъ привели.
А вотъ и онъ — измученный
Бурлакъ! походкой праздничной
Идетъ, рубаха чистая,

Въ карманѣ мѣдъ звенить.
Григорій шель, поглядывалъ
На бурлака довольнаго
А съ губъ слова срывалися
То шопотомъ, то громкія.
Григорій думалъ вслухъ:

БУРЛАКЪ.

«Плечами, грудью и спиной
Тянулъ онъ барку бичевой,
Полдневный зной его палилъ
И потъ съ него ручьями лилъ,
И падалъ онъ, и вновь вставалъ,
Хрипя «дубинушку» стоналъ;
До мѣста барку дотянулъ
И богатырскимъ сномъ уснулъ,
И, въ банѣ смывъ по утру потъ,
Безпечно пристанью идетъ.
Защиты въ поясъ три рубля;
Остаткомъ — мѣдью — шевеля,
Подумалъ мигъ, зашелъ въ кабакъ
И молча кинулъ на верстакъ
Трудомъ добытые гроши,
И, выпивъ, крякнулъ отъ души,
Перекрестилъ на церковь грудь:
Пора и въ путь! пора и въ путь!
Онъ бодро шель, жевалъ калачъ,
Въ подарокъ несъ женѣ кумачъ,
Сестрѣ платокъ, а для дѣтей
Въ сусальномъ золотѣ коней.
Онъ шель домой — не близкій путь,
Дай Богъ дойти и отдохнуть!»

Съ бурла́ка мысли Гришины
Ко всей Руси загадочной,
Къ народу перешли.
И долго Гриша берегомъ
Бродилъ, волнуясь, думая,
Покуда пѣсней новою
Не утолилъ натруженной,
Горящей головы.

Р У С Ь.

Битву кровавую
Съ сильной державою
Царь замышлялъ.
— Хватить ли силушки?
Хватить ли золота?
Думалъ, гадалъ.

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и бессильная,
Матушка-Русь!

Въ рабствѣ спасенное
Сердце свободное —
Золото, золото
Сердце народное!

Сила народная,
Сила могучая: —
Совѣсть спокойная,
Правда живучая!

Сила съ неправдою
Не уживается,
Жертва неправдою
Не вызывается —

Русь не шелохнется,
Русь — какъ убитая!
А загорѣлась въ ней
Искра сокрытая —

Встали — не бужены,
Вышли — не прошены,
Жита по зернышку
Горы наношены!

Рать подымается
Неисчислимая,
Сила въ ней скажется
Несокрушимая!

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и забитая,
Ты и всеильная,
Матушка-Русь!..

IV.

«Удалась мнѣ пѣсенка!» молвилъ Гриша, прыгая:
«Горячо сказалася правда въ ней великая!
«Завтра же спою ее вахлачкѣмъ — не все же имъ
«Пѣсни пѣть унылыя... Помогай, о Боже имъ!

«Какъ съ игры, да съ бѣганья щеки разгораются,
 «Такъ съ хорошей пѣсенки духомъ поднимаются
 «Бѣдные, забитые!..» Прочитавъ торжественно
 Брату пѣсню новую (братъ сказалъ: «божественно!»),
 Гриша спать попробовалъ. Спалосся, не спалосся, —
 Краше прежней пѣсенка въ полуснѣ слагалася;
 Быть бы нашимъ странникамъ подъ родною крышею,
 Еслибъ знать могли они, что творилось съ Гришею.
 Слышалъ онъ въ груди своей силы необъятныя,
 Услаждали слухъ его звуки благодатныя, —
 Звуки лучезарныя гимна благороднаго —
 Пѣль онъ воплощеніе счастья народнаго!..

Октябрь, 1876.

Ялта.

ДѢТСТВО.

НЕОКОНЧЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

I.

Въ первые годы младенчества
 Помню я церковь убогую,
 Стѣны ея деревянныя,
 Крышу неровную, сѣрую,
 Мохомъ зеленымъ поросшую.
 Помню я горе отцовское:
 Толки его съ прихожанами,
 Что угрожаетъ обрушиться
 Старое, ветхое зданіе.
 Часто они совѣщались,
 Какъ обновить отслужившую

Бѣдную церковь приходскую;
 Поговоривъ, расходилися,
 Храмъ окружали подпорками
 И продолжалось служеніе.
 Въ ветхую церковь безтрепетно
 Въ праздники шли православные, —
 Шли старики престарѣлые,
 Шли малолѣтки безпечные,
 Бабы съ грудными младенцами.
 Въ ней причащались, вѣнчались,
 Въ ней отпѣвали покойниковъ...

Синее небо виднѣлося
 Въ трещины стараго купола,
 Дождь иногда въ эти трещины
 Падалъ: по лицамъ молящихся
 И по иконамъ угодниковъ
 Крупныя капли струилися.
 Ими случайно омытые,
 Обыкновенно чуть видные,
 Темные лики святителей
 Вдругъ выступали... Боялась я, —
 Словно въ семью нашу мирную
 Люди вошли незнакомые,
 Съ мрачными, строгими лицами...

То растворялось нечаянно
 Вѣтромъ окошко непрочное,
 И въ заунывно-печальное
 Пѣніе гимна церковнаго
 Звонкая пѣсня вторгалася,
 Полная горя житейскаго —
 Пѣсня суроваго пахаря!..

Помню я службу послѣднюю:
Громъ загремѣлъ неожиданно,
Все сотрясенное зданіе
Долго дрожало, готовое
Рухнуть: лампы горящія,
Паникадилы качались,
Съ звономъ упали тяжелыя
Ризы съ иконы Спасителя,
И растворилась безвременно
Дверь алтаря. Православные
Въ ужасѣ ницъ преклонилися —
Божьяго ждали рѣшенія!..

II.

Ближе къ дорогѣ красивая,
Новая церковь кирпичная
Гордо теперь возвышается
И заслоняетъ развалины
Старой. Изъ ветхаго зданія
Взяли убранство убогое,
Вынесли утварь церковную,
Но до остатковъ строенія
Руки мірянъ не коснулись.
Словно больной, отъ котораго
Врачъ отказался, оставлено
Времени старое зданіе.
Ласточки тамъ поселилися —
То вылетали оттудова,
То возвращались стремительно
Громко привѣтствуя птенчиковъ
Звонкимъ своимъ щебетаніемъ...

Въ землю вросая медлительно,
Эти остатки убогіе
Преобразились въ развалины
Странныя, чудно красивыя:
Дверь завалилась, обрушился
Куполь; оторваны бурей,
Ветхія рамы попадали;
Травами густо поросшія,
Въ зелени стѣны терялися,
И простирали въ раскрытыя
Окна — березы сосѣднія
Вѣтви свои многолистыя...

Ихъ сѣмена, занесенныя
Вѣтромъ на крышу неровную,
Дали отростки: любила я
Эту березку кудрявую,
Что возвышалась тамъ, стройная,
Съ блѣдно-зелеными листьями,
Точно вчера только ставшая
На ноги рѣзвая дѣвочка,
Что ужъ сегодня вскарабкалась
На высоту, — и безтрепетно
Смотритъ оттуда, съ смѣющимся,
Смѣлымъ и ласковымъ личикомъ...

Птицы носились тамъ стаями,
Тамъ стрекотали кузнечики,
Да деревенскіе мальчики
И русокудряя дѣвочки
Живмя тамъ жили; по тропочкамъ
Между высокими травами
Бѣгали, звонко аукались,

Пѣли веселыя пѣсенки.
Тамъ мое дѣтство безпечное
Мирно летѣло... Играла я,
Помню, однажды съ подругами
И набѣжала нечаянно
На полусгнившее дерево.
Пылью обдавъ меня, дерево
Вдругъ подо мною рассыпалось:
Я провалилась въ развалины,
Внутрь запустѣлаго зданія,
Гдѣ не бывала со времени
Службы послѣдней...

Объятая

Трепетомъ, я оглядѣлася:
Гнѣздышекъ рядъ подъ карнизами,
Ласточки смотрятъ изъ гнѣздышекъ,
Словно киваютъ головками,
А по стѣнамъ — молчаливыя,
Строгія лица угодниковъ...
Перекрестилась невольно я, —
Жутко мнѣ было! дрожала я,
А уходить не хотѣлося.
Чудилось мнѣ: наполняется
Церковь опять прихожанами;
Голосъ отца престарѣлаго,
Пѣніе гимновъ божественныхъ,
Вздохи и шопоть молитвенный
Слышались мнѣ, — простояла бы
Долго я тутъ неподвижная,
Если бы вдругъ не услышала
Криковъ: «Параша! да гдѣ же ты?..»
Я отозвалась; нахлынули

Дѣти гурьбой, — и наполнились
 Звуками жизни развалины,
 Гдѣ столько лѣтъ ужъ не слышались
 Голосъ и шагъ человѣческій!..

НАКАНУНЪ СВѢТЛАГО ПРАЗДНИКА.

ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЙ, ПОСВЯЩЕННЫХЪ РУССКИМЪ ДѢТЯМЪ.

I.

Я вхалъ къ Ростову
 Высокимъ холмомъ,
 Лѣсокъ малорослый
 Тянулся на немъ:

Береза, осина,
 Да ель, да сосна;
 А слѣва — долина,
 Какъ скатерть ровна.

Пестрѣль деревнями,
 Дорогами долъ,
 Онъ все понижался
 И къ озеру шель.

Ни озера, дѣти,
 Забыть не могу,
 Ни церкви на самомъ
 Его берегу:

Туть чудо-картину
 Я видѣлъ тогда!
 Ее вспоминаю
 Охотно всегда...

II.

Начну по порядку:
Я ѣхалъ весной,
Въ страстную субботу,
Предъ самой Святой.

Домой поспѣшая
Съ тяжелыхъ работъ,
Съ утра мнѣ встрѣчался
Рабочій народъ;

Скучая смертельно,
Рѣшалъ я вопросъ:
Кто плотникъ, кто слесарь,
Маляръ, водовозъ?

Не трудное дѣло!
Идутъ кузнецы —
Кто ихъ не узнаетъ?
Они молодцы

И пѣть, и ругаться,
Да — день не такой!
Идетъ кривоногій
Гуляка-портной:

Въ одномъ сертучишкѣ,
Фуражка, какъ блинъ, —
Гармонія, трубка,
Утюгъ и аршинъ!

Смотрите — красильщикъ!
Узнаешь сейчасъ:

Носъ выпачканъ охрой
И сурикомъ глазъ;

Онъ кисти и краски
Несетъ за плечомъ,
И словно ландкарта
Передникъ на немъ.

Вотъ пильщики: сайку
Угрюмо жуютъ,
И, словно солдаты,
Всѣ въ ногу идутъ,

А пилы стальные
У добрыхъ ребятъ,
Какъ рыбы живыя,
На плечахъ дрожать!

Я добраго всѣмъ имъ
Желаю пути;
Въ родныя деревни
Скорѣе придти,

Омыть съ себя копотъ
И потъ трудовой,
И встрѣтить Святую
Съ веселой душой...

III.

Стемнѣло. Болтая
Съ моимъ ямщикомъ,
Я ѣхалъ все тѣмъ же
Высокимъ холмомъ,

Взглянулъ на долину,
Чтò къ озеру шла,
И вижу — долина
Моя ожила:

На каждой тропинкѣ,
Ведущей къ селу,
Толпы появились;
Вечернюю мглу

Огни озарили:
Куда-то идетъ
Съ пучками горящей
Соломы народъ.

Куда? Я подумать
О томъ не успѣлъ,
Какъ колоколь громко
Отвѣтъ прогудѣлъ!

У озера ярко
Горѣли костры, —
Туда направлялись
Нарядны, пестры,

При свѣтѣ горящей
Соломы, — толпы...
У Божьяго храма
Сходились тропы, —

Народная масса
Сдвигалась, росла...
Чудесная, дѣти,
Картина была!..

20 марта
1873.

У Т Р О.

Ты грустна, ты страдаешь душою:
Вѣрю — здѣсь не страдать мудрено.
Съ окружающей насъ нищетою
Здѣсь природа сама за-одно,

Безконечно унылы и жалки
Эти пастбища, нивы, луга,
Эти мокрыя сонныя галки,
Что сидятъ на вершинѣ стога;

Эта кляча съ крестьяниномъ пьянымъ,
Черезъ силу бѣгущая вскачь
Въ даль, сокрытую синимъ туманомъ,
Это мутное небо... Хоть плачь!

Но не краше и городъ богатый:
Тѣ же тучи по небу бѣгутъ;
Жутко нервамъ — желѣзной лопатой
Тамъ теперь мостовую скребутъ.

Начинается всюду работа;
Возвѣстили пожаръ съ каланчи;
На позорную площадь кого-то
Провезли — тамъ уже ждуть палачи.

Проститутка домой на разсвѣтѣ
Поспѣшаетъ, покинувъ постель;
Офицеры въ наемной каретѣ
Скачутъ за городъ: будетъ дуэль.

Торгаши просыпаются дружно
И спѣшать за прилавки засѣсть:
Цѣлый день имъ обмѣривать нужно,
Чтобы вечеромъ сытно поѣсть.

Чу! изъ крѣпости грянули пушки!
Наводненье столицѣ грозить...
Кто-то умеръ: на красной подушкѣ
Первой степени Анна лежитъ.

Дворникъ вора колотить — попался!
Гонять стадо гусей на убой;
Гдѣ-то въ верхнемъ этажѣ раздался
Выстрѣлъ — кто-то покончилъ съ собой...

НАДЪ ЧѢМЪ МЫ СМѢЕМСЯ.

Разъ сказалъ я за пирушкой:
«До свиданія, друзья!
Вечеръ съ матушкой старушкой
Проведу сегодня я:
Нездорова — ей не спится,
Надо бѣдную занять...»
Съ той поры, когда случится
Мнѣ съ друзьями пировать,
Какъ запасъ вѣстей изсякнетъ
И настанетъ тишина,
Кто-нибудь навѣрно брякнетъ:
«Человѣкъ! давай вина!

Выпьемъ мы еще по чашѣ
 И — *туда...* живѣй, холопъ!
 Ну... а ты — иди къ мамашѣ!
 Ха! ха! ха!..» Хоть пулю въ лобъ!
 Водовозъ воды боченокъ
 Въ гололедицу тащиль;
 Старъ и слабъ, какъ щепка тонокъ,
 Бѣдный выбился изъ силъ.
 Я усталому салазки
 На бугоръ помогъ ввезти.
 На бѣду, въ своей коляскѣ,
 Мчался Митя по пути —
 Какъ всегда, румянь и свѣтель,
 Онъ рукою мнѣ послалъ
 Поцѣлуй, — онъ все замѣтилъ
 И друзьямъ пересказалъ.
 Съ той поры мнѣ нѣтъ проходу:
 Филантропъ да филантропъ!
 «Что? возилъ сегодня воду?..
 Ха! ха! ха!..» Хоть пулю въ лобъ!

ПОЭТУ.

ПАМЯТИ ШИЛЛЕРА.

Гдѣ вы — пѣвцы любви, свободы, мира
 И доблести?... Вѣкъ «крови и меча!»
 На тронъ земли ты посадилъ банкира,
 Провозгласилъ героемъ палача...

Толпа гласить: «пѣвцы не нужны вѣку!»
 И нѣтъ пѣвцовъ... Замолкло божество...

О, кто-жь теперь напомнить челоѣку
Высокое призваніе его?..

Прости слѣпцамъ, художникъ вдохновенный,
И возвратись!.. Волшебный факель свой,
Погашенный рукою дерзновенной,
Вновь засвѣти надъ гибнущей толпой!

Вооружись небесными громами!
Нашъ падшій духъ взнеси на высоту,
Чтобъ челоѣкъ не мертвыми очами
Могъ созерцать добро и красоту...

Казни корысть, убійство, святотатство!
Сорви вѣнцы съ предательскихъ головъ,
Увлечшихъ міръ съ пути любви и братства,
Стяжаннаго усильями вѣковъ,

На путь вражды!.. Въ его дѣла и чувства
Гармонію внести лишь можешь ты,
Въ твоей груди, гонимый жрецъ искусства,
Тронъ истины, любви и красоты.

НОЧЛЕГИ.

I.

НА ПОСТОЯЛОМЪ ДВОРѢ.

Вступили кони подъ навѣсъ,
Гремя безчелоѣчно.
Усталый, я съ телѣги слѣзъ,
Ночлегу радъ сердечно.

Спрыгнули псы: задорный лай
Наполниль всю деревню,
Впустиль насъ дворникъ Николай
Въ убогую харчевню.

Усердно кушая леща,
Сидѣль ужъ тамъ прохожій
Въ пальто съ господскаго плеча:
«Спознились, сударь, тоже?»

Онъ, низко кланяясь, сказалъ.
— Да, нынче дни коротки.
Усѣлся я, а онъ стоялъ.
— Садитесь! выпьемъ водки!

Прохожій выпилъ рюмки двѣ
И разболтался сразу:
«Иду домой... а жилъ въ Москвѣ...
До царскаго указу

«Быль крѣпостной: отецъ и дѣдъ
Помѣщикамъ служили.
Мнѣ было двадцать-восемь лѣтъ,
Какъ волю объявили;

«Нашъ баринъ сталъ куда какъ лихъ,
Сердился, придирался,
А передъ самымъ срокомъ стихъ,
Съ рабами попрощался,

«Сказалъ намъ: — «Вольны вы теперь»,
И очи помутились:
— «Идите съ Богомъ!» Вѣрь, не вѣрь,
Мы тоже прослезились,

«И потянулись, кто куда...
Пришелъ я въ городишко,
А тамъ ужъ цѣлая орда
Такихъ же — нѣтъ мѣстишка!

«Рѣшился я идти въ Москву,
Въ конторѣ записался,
И вышло мѣсто къ Покрову.
Не баринъ — кладъ попался!

«Сначала, правда, злился онъ!
Чѣмъ больше угождаю,
Тѣмъ онъ грубѣй: прогонить вонъ...
За чтò?.. Не понимаю!

«Да съ нимъ, — какъ я смекнулъ позднѣй, —
Знать надо было штучку:
Сплошалъ — сознайся поскорѣй,
Не лги, не чмокай въ ручку!

«Не то разсердишь: — Ермолай!
Опомнись! какъ не стыдно!
Привычки рабства покидай!
Мнѣ за тебя обидно!

— «Ты человѣкъ! ты гражданинъ!
Знай: сила не въ богатствѣ,
Не въ томъ — великъ ли, малъ ли чинъ,
А въ равенствѣ и братствѣ!

— «Я раболѣпства не терплю,
Не льсти, не унижайся!
Случится можетъ: самъ вспылю —
И мнѣ не поддавайся!..»

«Работы мало, да и той
Самъ половину правилъ;
Я захворалъ — всю ночь со мной
Сидѣлъ — пиявки ставилъ;

«За каждый шагъ благодарилъ.
Съ любовью, не со страхомъ —
Три года я ему служилъ —
И вдругъ пошло все прахомъ!

«Однажды онъ сердитый всталъ,
Порѣзался, какъ брился,
Все не по немъ! весь день ворчалъ,
И вдругъ совсѣмъ озлился.

«Кастить!... — Потише, господинъ!
Сказалъ я, вспыхнувъ тоже.
— «Какъ? что?... Зазнался, хамовъ сынъ!»
И хлопъ меня по рожѣ!

«По старой памяти, я прочь,
А онъ за мной — бѣдовый!..
— Такъ вотъ, продумалъ я всю ночь,
Каковъ онъ — баринъ новый!

«Такія рѣчи поведеть,
Что слушать любо-милу,
А кончить тѣмъ же, что прибѣтъ!
Нѣтъ, прежде проще было!

«Обидно! Я его считалъ
Не бариномъ, а братомъ...
Настало утро — не позвалъ;
Свернувшись подъ халатомъ,

«Стонать, какъ раненый, весь день,
Не выпилъ чашки чаю...
А ночью баринъ, словно тѣнь,
Прокрался къ Ермолаю:

«Впередъ уставился лицомъ:
— «Ударь меня скорѣе!
Мнѣ легче будетъ!..» (Мертвецомъ
Глядѣлъ онъ, былъ бѣлѣе

«Своей рубахи): — «Мы равны,
Да я сплошалъ... я знаю...
Какъ быть! скитаться мы должны...
Ударь!.. Я позволяю.

— «Не такъ ли, другъ? Скорѣе хлопъ —
И снова правы, святы...»
— Не такъ! Вы баринъ — я холопъ,
Я бѣденъ, вы богаты!

(Сказалъ я). Долженъ я служить,
Пока стаётъ терпѣнья,
И я служить готовъ... а бить
Не буду... съ позволенья!

«Онъ все свое, а я свое
Споръ долго продолжался,
Смекнулъ я: тутъ мнѣ не житье!
И съ бариномъ разстался.

«Иду покамѣсть въ Арзамасъ:
Тамъ у меня невѣста...
Нельзя ли будетъ черезъ васъ
Достать другое мѣсто?..»

II.

НА ПОГОРЬЛОМЪ МѢСТѢ.

Слава Богу, хоть ночь-то свѣтла!
 Увлекаться такъ глупо и стыдно.
 Мы устали, промокли до тла,
 А кругомъ деревеньки не видно.

Наконецъ увидалъ я бугоръ:
 Тамъ угрюмая сосны стояли
 И подъ ними дымился костеръ.
 Мы съ Трофимомъ¹⁾ туда побѣжали,

«Горевали, а вотъ и ночлегъ!»
 — Таборъ, что ли, цыганскій тамъ? Нѣту!
 Не видать ни коней, ни телѣгъ,
 Незамѣтно и краснаго цвѣту.

«У цыганокъ, куда ни взгляни,
 Красный цвѣтъ — это первое дѣло!»
 — Косари? «Кабы были они,
 Хоть одна бы тутъ женщина пѣла».

— Пастухи ли огонь развели?
 Черезъ пни погорѣлаго бора,
 Къ неширокой рѣкѣ мы пришли
 И разгадку увидѣли скоро:

Погорѣльцы разбили тутъ станъ.
 Къ намъ на встрѣчу ребята бѣжали:
 «Не видали вы нашихъ крестьянъ?
 Побираться пошли — да пропали!»

¹⁾ Проводникъ.

— Не видали!.. Весь таборъ притихъ...
Звучно щиплетъ траву лошадевка,
Бабы няньчатъ младенцевъ грудныхъ,
Утѣшаетъ ребятъ старушонка:

— Воля Божья: усните скорѣй!
Эту ночь потерпите вы только!
Завтра вамъ накуплю калачей,
Вотъ и деньги... Смотрите-ка, сколько!

— Гдѣ ты, бабушка, денегъ взяла?
— «У оконца, на мѣсячномъ свѣтѣ,
Въ ночи зимня пражу пряла...»
Побренчали казной ея дѣти...

Старый дѣдъ, словно царь Соломонъ,
Раздалъ имъ кой-какую одежу.
Патріархомъ библейскихъ временъ
Онъ глядѣлъ, завернувшись въ рогожу:

Величавая строгость въ чертахъ,
Черепъ голый, нависшія брови,
На груди и на голыхъ ногахъ
Слѣдъ недавнихъ обжоговъ и крови.

Мой вожатый къ нему подлетѣлъ:
— Здравствуй, дѣдко! «Живите здоровы!»
— Погорѣли? А хлѣбъ уцѣлѣлъ?
Уцѣлѣли лошадки, коровы?..

«Хлѣбу было сгорѣть мудрено»,
Отвѣчалъ патріархъ неохотно:
«Мы его не цмѣли давно.
Спите, дѣтки, окутавшись плотно!

«А къ костру не ложитесь: огонь
Подползеть — опалить волосенки.
Уцѣлѣлъ — изъ двѣнадцати — конь,
Изъ семнадцати — три коровенки».

— Нѣтъ и вашихъ дремучихъ лѣсовъ?
Вѣкъ росли, а въ недѣлю пропали!
«Соблазняли они мужиковъ,
Шутка! сколько у барина крали!»

Молча взялъ онъ ружье у меня,
Осмотрѣлъ, осторожно поставилъ.
Я сказалъ: — Безпощаднѣй огня
Нѣтъ врага — ничего не оставилъ!

— «Не скажи. Разсудила судьба,
Что нельзя же безъ древа-то въ мѣрѣ,
И оставила намъ на гроба
Эти сосны...» (Ихъ было четыре)...

III.

У ТРОФИМА.

Звѣзды осени мерцають
Тускло, мѣсяць безъ лучей;
Кони бережно ступають;
Рѣки налило съ дождей.

Поскорѣй бы къ самовару!
Нетерпѣніемъ томимъ,
Жадно я курю сигару
И молчу. Молчитъ Трофимъ.

Онъ сказалъ мнѣ: «Мѣсяцъ въ небѣ,
Словно сайка на столѣ» —
Значить: думаетъ о хлѣбѣ;
Я мечтаю о теплѣ.

Ѣдемъ... Ѣдемъ... Тучи вьются
И бѣгутъ... Конца имъ нѣтъ!
Если разомъ всѣ прольются —
Поминай, какъ звали свѣтъ!

Вотъ и наша деревенька!
Встрепенулся спутникъ мой:
«Есть тутъ валенки, надѣнь-ка!»
— Чаю! рому!.. Все долой!..

Вотъ погашена лучина;
Ночь, но оба мы не спимъ.
У меня своя причина,
Но чего не спитъ Трофимъ?

— Чтò ты охаешь, Степанычъ?
«Страшно, баринъ! мочи нѣтъ.
Вспомнилъ то, чего бы на ночь
Вспоминать совсѣмъ не слѣдъ!

«И откуда чортъ приводитъ
Эти мысли? Бороню,
Управляющій подходитъ, —
Низко голову клоню,

«Поглядѣть въ глаза не смѣю,
Да и онъ-то не глядитъ —
Знай, накладываетъ въ шею.
Шея, вѣришь ли? трещить!

«Только стану забываться,
Голосъ барина: Трофимъ!
Недоимку! Кувыркаться
Начинаю передъ нимъ...»

— Страшно, видно, воротиться
Къ недалекой старинѣ?
«Такъ ли страшно, что мугится
Вся утробушка во мнѣ!

«И теперъ уйдешъ весь въ пятки,
Какъ посредникъ налетитъ;
Да съ Трофима взятки гладки:
Пошумитъ и укатитъ!

«И теперъ въ квашнѣ солома
Перемѣшана съ мукой,
Да за то покойно дома,
А бывало — волкомъ вой!

«Дѣти были малолѣтки,
Я дрожалъ и за дѣтей,
Какъ цыплятъ изъ-подъ насѣдки
Выветъ — пикнуть не посмѣй!

«Какъ томили! Какъ пороли!
Сыну сказывать начну —
Сынъ не вѣритъ: а давно ли?..
Дочку бариномъ пугну —

«Дѣвка прыснетъ, захохочетъ:
— Шутишь, батька!»

— Погоди!

— Если только Богъ захочетъ,
То ли будетъ впереди!

Есть у васъ въ округѣ школы?
 «Есть». — Учите-ка дѣтей!
 Не бѣда, что люди голы;
 Лишь бы стали поумнѣй.

— Перестанетъ ѣсть солому,
 Трусу праздновать народъ...
 И твой внукъ отцу родному
 Не повѣритъ въ свой чередъ.

ТРИ ЭЛЕГИИ

А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ.

I.

Ахъ! что изнанье, заточенье.
 Захочетъ — выручить судьба!
 Что врагъ — возможно примиренье,
 Возможна равная борьба;

Какъ гнѣвъ его ни безпредѣленъ,
 Онъ промахнется въ добрый часъ...
 Но той руки ударъ смертеленъ,
 Которая ласкала насъ!..

Одинъ, одинъ!.. А ту, кѣмъ полны
 Мои ревнивыя мечты,
 Умчали роковыя волны
 Пустой и милой суеты.

Въ ней сердце жаждетъ жизни новой,
 Не сносить горестей оно

И доли трудной и суровой
Со мной не дѣлать ужь давно...

И тайна все: печаль и муку
Она сокрыла глубоко —
Или рѣшилась на разлуку
Благоразумно и легко?

Кто скажетъ мнѣ?.. Молчу, скрываю
Мою ревнивую печаль,
И столько счастья ей желаю,
Чтобъ было прошлаго не жаль!

Что-жь, если сбудется желанье?..
О, нѣтъ! живеть въ душѣ моей
Неотразимое сознанье,
Что безъ меня нѣтъ счастья ей!

Все, чѣмъ мы въ жизни дорожили,
Что было лучшаго у насъ —
Мы на одинъ алтарь сложили —
И этотъ пламень не угасъ!

У береговъ чужого моря,
Вблизи, вдали онъ ей блеснетъ
Въ минуту сиротства и горя,
И — вѣрю я — она придетъ!

Придетъ... и какъ всегда, стыдлива,
Нетерпѣлива и горда,
Потупить очи молчаливо.
Тогда... Что я скажу тогда?..

Безумецъ! для чего тревожишь
Ты сердце бѣдное свое?

Простить не можешь ты ее —
И не любить ее не можешь!..

II.

Бьется сердце безпокойное,
Отуманились глаза.
Дуновенье страсти знойное
Налетѣло, какъ гроза.

Вспоминаю очи ясныя
Дальней странницы моей,
Повторяю стансы страстные,
Что сложилъ когда-то ей.

Я зову ее, желанную:
Улетимъ съ тобою вновь
Въ ту страну обѣтованную,
Гдѣ вѣнчала насъ любовь!

Розы тамъ цвѣтутъ душистѣе,
Тамъ лазурнѣй небеса,
Соловьи тамъ голосистѣе,
Густолиственнѣй лѣса...

III.

Разбиты всѣ привязанности, разумъ
Давно вступилъ въ суровыя права,
Гляжу на жизнь невѣрующимъ глазомъ...
Все кончено! Сѣдѣть голова.

Вопросъ рѣшенъ: трудись, пока годишься,
И смерти жди, — она недалеко...
Зачѣмъ же ты, о сердце! не миришься
Съ своей судьбой?.. О чемъ твоя тоска?..

Непрочно все, что нами здѣсь любимо,
Что день — сдаемъ могилѣ мертвеца,
Зачѣмъ же ты въ душѣ неистребима,
Мечта любви, не знающей конца?..

Усни... умри!..

УНЫНІЕ.

I.

Сгорѣло ты, гнѣздо моихъ отцовъ!
Мой садъ заглохъ, мой домъ безслѣдно сгинулъ,
Но я рѣки любимой не покинулъ:
Вблизи ея песчаныхъ береговъ
Я и теперь на лѣто укрываюсь
И, отдохнувъ, въ столицу возвращаюсь
Съ запасомъ силъ и ворохомъ стиховъ.
Мой черный конь, съ Кавказа приведенный,
Умень и смѣль, — какъ вихорь онъ летитъ,
Еще отцомъ къ охотѣ приученный,
Какъ вкопанный при выстрѣлѣ стоитъ.
Когда «Кодо» *) бѣжитъ опушкой лѣса
И глухаря нечаянно спугнетъ,
На всемъ скаку остановивъ «Черкеса» **),
Спуцу куроку — и птица упадетъ.

*) Собака.

***) Лошадь.

II.

Какой восторгъ! За перелетной птицей
Гонюсь съ ружьемъ, а вольный вѣтеръ шивъ
Сметаетъ соръ, навѣянный столицей,
Съ души моей. Я духомъ бодръ и живъ,
Я тѣломъ здоровъ. Я думаю... мечтаю...
Не чувствовать надъ мыслью молотка
Я не могу, какъ сильно не желаю;
Но если онъ приподнять хоть слегка,
Но если я о немъ позабываю
На полчаса, — и тѣмъ я дорожу.
Я самъ себя, читатель, *нахожу*,
А это все, что нужно для поэта.
Такъ шли дѣла; но нынѣшнее лѣто
Не задалось: не заряжалъ ружья
И не писалъ еще ни строчки я.

III.

Мнѣ совѣстно признаться: я томлюсь,
Читатель мой, мучительнымъ недугомъ.
Чтобъ отъ него отдѣлаться, дѣлюсь
Я имъ съ тобой: ты быть умѣешь другомъ,
Довѣриться тебѣ я не боюсь.
Недугъ не новъ (но сила вся въ размѣрѣ),
Его зовутъ уныньемъ; въ старину
Я храбро съ нимъ выдерживалъ войну,
Иль хотъ смягчалъ трудомъ, по крайней мѣрѣ;
А нынче съ нимъ не оберусь хлопотъ.
Быть можетъ, есть причина въ атмосферѣ,
А можетъ быть, мнѣ знать себя даетъ,
Друзья мои, пятидесятый годъ.

IV.

Да, онъ насталь — и требуетъ отчета!
 Когда зима намъ кудри убѣлить,
 Приходить къ намъ нежданная забота
 Свести итогъ... О, юноши, грозить
 Она и вамъ, судьба не пощадить:
 Наступитъ часъ разсчитываться строго
 За каждый шагъ, за цѣлой жизни трудъ,
 И мстящаго, зовущаго на судъ
 Въ душѣ своей вы ощутите бога.
 Богъ старости — неумолимый богъ.
 (Отъ юности готовьте вашъ итогъ!)

V—VI—VII.

Приходить онъ къ прожившему полвѣка.
 И говорить: «Оглянемся назадъ,
 Поищемъ дѣлъ, достойныхъ человѣка...»
 Увы! ихъ нѣтъ! однихъ ошибокъ рядъ!
 Жестокій богъ! Онъ далъ двойное зрѣнье
 Моимъ очамъ; пытливое волненье
 Родилъ въ умѣ, истерзанномъ тоской,
 И, прослѣдивъ со мной неумолимо
 Всю жизнь мою, вопросъ неотразимый
 Насмѣшливо поставилъ предо мной:
 Зачѣмъ ты жилъ?..

.....

VIII.

Враги мои рѣшаютъ его согласно:
 Всѣхъ мѣряя на собственный аршинъ,
 Въ чужой душѣ они читаютъ ясно!

Но мой судья — читатель-гражданинъ;
Лишь въ судъ его храню слѣпую вѣру.
Суди же ты, кѣмъ взысканъ я не въ мѣру!
Еще мой трудъ тобою не забыть
И знаешь ты: во мнѣ нѣтъ силъ героя —
Тотъ не герой, кто лавромъ не увить
Иль на щитѣ не вынесенъ изъ боя, —
Я рядовой (теперь ужъ инвалидъ)...

IX.

Суди, рѣшай! А ты, мечта больная,
Воспрянь, и міръ безстрашно облетая,
Мой умъ къ труду, къ покою возврати!
Чтобъ отдохнуть душою несвободной,
Иду къ рѣкѣ, — кормилицѣ народной...
Съ младенчества на этомъ мнѣ пути
Знакомо все... Знакомой грусти полны
Лѣнивыя, медлительныя волны...
О чемъ ихъ грусть?.. Бывало каждый день
Я здѣсь бродилъ въ раздумьи молчаливомъ
И слышалъ я въ ихъ ропотѣ тоскливомъ.
Тоску и скорбь сплутныхъ деревень...

X.

День свечерѣль. Томимъ тескою вялой,
То по лѣсамъ, то по лугу брожу.
Уныніе въ душѣ моей усталой,
Уныніе — куда ни погляжу.
Вотъ дождь пошелъ и громъ готовъ ужъ грянуть:
Косцы бѣгутъ проворно подъ шатры!
А я дождемъ спасаюсь отъ хандры;

Но, видно, мнѣ и нынче не воспрянуть!
Упала ночь, зажглись въ лугахъ костры,
Иду домой, тоскуя и волнуясь,
Беру перо, привычкѣ повинуюсь,
Пишу стихи — и недовольный, жгу.
Мой стихъ уныль, какъ ропоть на несчастье,
Какъ плескъ волны въ осеннее ненастье,
На сѣверномъ пустынномъ берегу...
Подъ берегомъ, гдѣ вѣчная прохлада
Отъ старыхъ ивъ, нависшихъ надъ рѣкой,
Стоитъ въ водѣ понуренное стадо;
Надъ нимъ — шмелей неугомонной рой.
Лишь овцы рвутъ траву береговую,
Какъ рекруты, острижены вплотную.
Не весель видѣ рѣки и береговъ.
Свиститъ куликъ, кружится рыболовъ,
Добычу карауля, какъ разбойникъ;
Таинственно снастями шевеля,
Проходитъ барка, виденъ у руля
Высокій крестъ: на баркѣ есть покойникъ...

XI.

Чу! конь заржалъ. Трава кругомъ на славу.
Но лошадямъ не весело пришлось,
И, позабывъ зеленую атаву,
Подъ дымъ костра, спасающій отъ ось,
Сошлись они, поникли головами
И машутъ въ тактъ широкими хвостами.
Лишь тамъ, вдали, остался сѣрый конь,
Онъ не бѣжитъ проворно на огонь;
Хоть и надъ нимъ кружится рой докучный,
Сѣркò стоитъ понуръ и недвижимъ.

Несчастный конь, ненатурально-тучный!
Ты пораженъ недугомъ роковымъ.

XII.

Я подошелъ: алѣла бугорками
По всей спинѣ, усыпанной шмелями,
Густая кровь... струилась изъ ноздрей...
Я наблюдалъ жестокой пиръ шмелей,
А конь дышалъ все рѣже, все слабѣй.
Какъ вкопанный, стоялъ онъ часъ — и болѣ,
И вдругъ упалъ. Лежить недвижимъ въ полѣ...
Надъ трупомъ солнца раскаленный шаръ
Да степь кругомъ. Вотъ съ вышины спустился
Степной орелъ; надъ жертвой покрусился
И царственно усѣлся на стожаръ.
Въ досадѣ я послалъ ему ударъ,
Спугнулъ его, но онъ вернется къ ночи
И выклюетъ ей острымъ клювомъ очи...

XIII.

Иду на шелестъ нивы золотой.
Печальныя, убогія равнины!
Недавнія и страшныя картины,
Стѣсняя грудь, проходятъ предо мной.
Ужели Богъ не сжалятся надъ нами,
Сожженныхъ нивъ дождемъ не оживить,
И мельница съ недвижными крылами
И этотъ годъ безъ дѣла простоятъ?

XIV.

Ужель опять наградой будетъ плугу
Голодный годъ?.. Чу! женщина поетъ!

Какъ будто въ гробъ кладеть она подругу.
 Душа болитъ, уныніе растеть.
 Народъ! народъ! Мнѣ не дано геройства
 Служить тебѣ — плохой я гражданинъ:
 Но жгучее, святое безпокойство
 За жребій твой донесъ я до сѣдинъ!
 Люблю тебя, пою твои страданья,
 Но гдѣ герой, кто выведетъ изъ тьмы
 Тебя на свѣтъ?.. На смѣну колебанья
 Твоихъ судебъ чего дождемся мы?..

ЭЛЕГИЯ.

ПОСВЯЩЕНО ДРУГУ МОЕМУ,

АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ ЕРАКОВУ.

ДУСКАЙ намъ говоритъ измѣнчивая мода,
 Что тема старая — «страданія народа»,
 И что поэзія забыть ее должна, —
 Не вѣрьте, юноши! не старѣетъ она!
 О, если бы ее могли состарить годы!
 Процвѣль бы Божій міръ!.. Увы! пока народы
 Влачатся въ нищетѣ, покорствуя бичамъ,
 Какъ тощія стада по выжженнымъ лугамъ,
 Оплакивать ихъ рокъ, служить имъ будетъ муза,
 И въ міръ нѣтъ святѣй, прекраснѣе союза!..
 Толпѣ напоминать, что бѣдствуетъ народъ
 Въ то время, какъ она ликуеть и поеть,
 Къ народу возбуждать вниманье сильныхъ міра —
 Чему достойнѣе служить могла бы лира?..

Я лиру посвятилъ народу своему,
 Быть можетъ, я умру невѣдомый ему,
 Но я ему служилъ — и я умру спокоенъ!
 Пускай наносить вредъ врагу не каждый воинъ,
 Но каждый въ бой иди! А бой рѣшитъ судьба...
 Я видѣлъ красный день: въ Россіи нѣтъ раба!
 И слезы сладкія я пролилъ въ умиленьѣ...
 «Довольно ликовать въ наивномъ увлеченьѣ»,
 Шепнула муза мнѣ! «Пора идти впередъ:
 Народъ освобожденъ, но счастливъ ли народъ!..»

Внимаю-ль пѣсни жницъ надъ жатвой золотою,
 Старикъ ли медленный шагаетъ за сохою,
 Бѣжить ли по лугу, играя и свистя,
 Съ отцовскимъ завтракомъ довольное дитя;
 Сверкаютъ ли серпы, звенятъ ли дружно косы, —
 Отвѣта я ищу на тайные вопросы,
 Кипящіе въ умѣ: «въ послѣдніе года
 Сноснѣй ли стала ты, крестьянская «страда?»
 И рабству долгому пришедшая на смѣну
 Свобода, наконецъ, внесла ли перемѣну
 Въ народныя судьбы? въ напѣвы сельскихъ дѣвъ?
 Иль такъ же горестенъ нестройный ихъ напѣвъ?..»

Ужъ вечеръ настаетъ. Волнуемый мечтами,
 По нивамъ, по лугамъ, уставленнымъ стогами,
 Задумчиво брожу въ прохладной полу-тьмѣ,
 И пѣснь сама собой слагается въ умѣ —
 Недавнихъ, тайныхъ думъ живое воплощенье:
 На сельскіе труды зову благословенье,
 Народному врагу проклятія сулю,
 А другу у небесъ могущество молю,
 И пѣснь моя громка!.. Ей внемлятъ доли, нивы

И эхо дальнихъ горъ ей шлетъ свои отзвы,
 И лѣсъ откликнулся... Природа внимлетъ мнѣ,
 Но тотъ, о комъ пою въ вечерней тишинѣ,
 Кому посвящены мечтанія поэта —
 Увы! не внимлетъ онъ — и не даетъ отвѣта...

ГОРЕ СТАРАГО НАУМА.

ВОЛЖСКАЯ БЫЛЬ.

I.

Науму паточный заводъ
 И дворикъ постоялый
 Даютъ порядочный доходъ.
 Наумъ — неглупый малый:

Задаромъ снявъ клочекъ земли
 Крестьянину съ охотой
 Въ нуждѣ ссужаетъ онъ рубли,
 А тотъ плати работой —

Такъ обращенъ нагой пустырь
 Въ картофельное поле...
 Вблизи — «Бабайскій» монастырь,
 Село «Большія Соли»,

Недалеко и Кострома.
 Наумъ живетъ — не тужить,
 И Волга-матушка сама
 Его карману служить.

Питейный домъ его стоитъ
На самомъ «перекатѣ»;
Какъ лѣто Волгу обмелить
Къ пустынной этой хатѣ

Тропа знакома бурлакамъ:
Выходить много «чарки»...
Здѣсь ходу нѣтъ большимъ судамъ;
Здѣсь «паузятся» барки.

Купцы бѣгутъ: «помогу дай!»
Наумъ купцовъ встрѣчаетъ,
Мигнетъ народу: не плошай!
И самъ не оплошаетъ...

Кипитъ работа до утра:
Все весело, довольно...
Итакъ, нѣтъ худа безъ добра!
Подумаешь невольню,

Что ты, жалѣя бѣдняка,
Мелѣешь годъ отъ года,
Благословенная рѣка,
Кормилица народа!

II.

Люблю я краткой той поры
Случайныя тревоги,
И трудъ, и пѣсни, и костры...
Съ береговой дороги

Я вижу сотни рукъ и лицъ,
Мелькающихъ красиво,

А паруса, что крылья птицъ,
Колеблются лѣниво!

А мѣсяцъ медленно плывѣтъ,
А Волга чуть лепечеть...
Чу! рѣзко свистнулъ пароходъ;
Бѣжить и искры мечеть.

Ущелья темныхъ береговъ
Стогласымъ эхомъ полны...
Не все же пѣснямъ бурлаковъ
Внимаютъ эти волны.

Я слушалъ жадно иногда
И тотъ напѣвъ унылый,
Но гулъ довольнаго труда
Мнѣ слаще слышать было.

Увы! я дожилъ до сѣдинъ,
Но измѣнился мало.
Иныхъ временъ, иныхъ картинъ
Провижу я начало

Въ случайной жизни береговъ
Моей рѣки любимой:
Освобожденный отъ оковъ,
Народъ неутомимый

Созрѣеть; густо заселить
Прибрежныя пустыни;
Наука воды углубить:
По гладкой ихъ равнинѣ

Сюда гиганты побѣгутъ,
Несчетною толпою,

И будетъ вѣченъ бодрый трудъ
Надъ вѣчною рѣкою...

III.

Мечты!.. Я вѣрую въ народъ...

.
.
.

IV.

Науму слишкомъ пятьдесятъ,
А ни дѣтей, ни жонки.
Наумъ былъ сердцемъ суховатъ,
Любилъ однѣ деньжонки.

Онъ говорилъ: «жениться — взять
Обузу: а «сударки»
Еще тошнѣй: и время тратъ,
И деньги на подарки».

Опровергать его рѣчей
Тогда не приходилось,
Хоть, можетъ быть, въ груди моей
Иное сердце билось,

Хотя у насъ, какъ ледъ и зной,
Причины были розны:
«Надъ одинокой головой
Не такъ и тучи грозны;

Пускай лѣнтяи и рабы
Идутъ путемъ обычнымъ,

Я долженъ быть своей судьбы
Царемъ единоличнымъ!»

Я думалъ гордо. Кто не радъ
Оставить міру племя?
Но я родился не впопадъ —
Лихое было время!

Забыло солнышно свѣтить,
Погасъ и мѣсяцъ ясный,
И трудно было отличить
Отъ ночи день ненастный.

Громъ непрестанно грохоталъ
И вихорь былъ ужасень,
И человѣкъ подъ нимъ стоялъ
Испуганъ и безгласень.

Былъ краткій мигъ: заря зажгла
Роскошно край лазури, —
И буря новая пришла
На смѣну старой бури!

И новымъ силамъ новый бой
Готовился... Усталый,
Поникъ я буйной головой,
Погибли идеалы,

Ушло и время... Мѣста нѣтъ
Желанному союзу.
Умру — и мой исчезнетъ слѣдъ!
Надежда вся на Музу!

V.

Стрѣляя сѣрыхъ куликовъ
На отмели песчаной,
Заслышу говоръ бубенцовъ
И свистъ, и топоть рьяный,

На кручу выбѣгу скорѣй:
Знакомая телѣжка,
Нарядны гривы у коней,
У сѣдока — усмѣшка...

Лихая пара! На шлеяхъ
И бляхи, и чешуйки;
Въ личныхъ, высокихъ сапогахъ,
Въ солидной, синей чуйкѣ,

Въ московскомъ новомъ картузѣ,
Самъ правя пристяжною,
Наумъ катить во всей красѣ.
Увидить — радъ душою!

Кричить: «Довольно вамъ палить,
Пора чайку покушать!..»
Наумъ любилъ поговорить,
А я любилъ послушать.

Закуску, водку, самоваръ
Вносили по порядку
И Волги драгоценный даръ —
Янтарную стерлядку.

Наумъ усердно предлагалъ
Рябиновку, вишневку,
А, расходившись, обивалъ
«Смоленую головку».

Ну, какъ дѣлишки! «Въ барышѣ»,
Съ улыбкой отвѣчаетъ.
Разговорившись по душѣ,
Подробно исчисляеть,

Что дало въ годъ ему вино
И сколько отъ завода.
«Накопчено, насолено —
Чай, хватить на три года!

«Все лѣто занято трудомъ,
Хлопотъ по самый воротъ,
Придетъ зима — лежу суркомъ,
Не то поѣду въ городъ.

«Начальство — други-кумовья,
Стрясись бѣда — поправятъ;
Работы много — свистну я:
Сосѣди не оставятъ;

«Округа вся въ горсти моей,
Казна надёжнѣй цѣпи:
Ужъ нѣтъ помѣщичьихъ крѣпей,
Мои остались крѣпи.

«Судью за денежки куплю,
Умилостивлю Бога...»
(Русакъ природный — во хмелю
Онъ былъ хвастливъ немного).

VI.

Полвѣка прожилъ такъ Наумъ
И не тужилъ ни мало;
Работалъ въ немъ житейскій умъ,
А сердце мирно спало.

Встрѣчаясь съ нимъ, я вспоминалъ
Невольно дубъ красивый
Въ моемъ саду: тамъ сѣти ткалъ
Паукъ трудолюбивый,

Съ утра спускался онъ не разъ
По тонкой паутинкѣ,
Какъ по канату водолазъ,
Въ какой-нибудь личинкѣ:

То комара подстерегалъ
И жадно влекъ въ объятъя,
А, пообѣдавъ, продолжалъ
Обычныя занятъя.

И вывелъ, точно на показъ,
Паукъ мой паутину.
Какая ткань! Какой запасъ
На черную годину!

Тамъ мошекъ цѣлыя стада
Нашли себѣ могилы,
Попали бабочки туда —
Летуньи пестрокрылы;

Его сосѣдъ, другой паукъ
Качался тамъ, замучень,
А мой — отъѣлся вонъ изъ рукъ!
Доволенъ, гладокъ, тучень,

То мирно дремлетъ въ уголку,
То мухою закуситъ...
Живется славно пауку:
Не тужить и не трусить!

Съ Наумомъ я давно знакомъ;
Еще какъ былъ моложе,
Наума съ этимъ паукомъ
Я сравнивалъ... И что же?

Ужъ округлился капиталъ.
Въ купцы бы надо вскорѣ,
А человѣкъ затосковалъ!
Пришло къ Науму горе...

VII.

Сидѣлъ онъ поздно у воротъ,
Въ расчеты погруженный;
Послѣдній свистнулъ пароходъ
На Волгѣ полусонной,

И потянулись на покой
И человѣкъ, и птица.
Зашли къ Науму той порой
Молодчикъ да дѣвица:

У Тани русая коса
И голубыя очи,
У Вани вьются волоса.
«Укрой отъ темной ночи!»

— А самоварчикъ надо грѣть?
«Пожалуй...» Ни минутки
Не могутъ гости посидѣть:
У нихъ и смѣхъ, и шутки,

Задѣть другъ дружку норовятъ
Ногой, рукой, плечами,
И такъ глядятъ... и такъ шалятъ,
Чуть, отвернись, губами!

То вспыхнетъ личико у ней,
То бѣлое, какъ сливки...
Поѣли гости калачей,
Отвѣдали наливки:

«Теперь уснемъ мы до утра,
У васъ покой, приволье!»
— А кто вы? — «Братецъ и сестра,
Идемъ на богомолье».

Онъ думалъ: — Вреть! поди, сманилъ
Купеческую дочку!
Да что мнѣ? Лишь бы заплатилъ!
Пускай ночуютъ ночку.

Онъ имъ подушекъ пару далъ:
— Уснете на диванѣ! —
И доброй ночи пожелалъ
И молодцу, и Танѣ.

Въ своей коморкѣ на часахъ
Поддержуль кверху гири
И утонуль въ пуховикахъ...
Проснулся: бьетъ четыре;

Еще темно; во рту горить;
Кваску ему желалось,
Да квасъ-то въ горницѣ стоитъ,
Гдѣ парочка осталась.

«Жаль! не пришло вчера на умъ!
Да я пройду тихонько,
Добуду! (думаетъ Наумъ)
Чай, спятъ они крѣпонько,

Не скоро ихъ бы разбудилъ
Теперь и конскій топоть...
Но только дверь пріотворилъ,
Услышалъ тихій шопоть:

«Покуримъ, Ваня!» говоритъ
Молодчику дѣвица.
И спичка чиркнула — горить.
Увидѣлъ онъ ихъ лица:

Красиво Ванино лицо,
Красивѣе у Тани!
Рука, согнутая въ кольцо,
Лежитъ на шеѣ Вани,

Нагая, полная рука!
У Тани грудь открыта,
Какъ жаръ горить одна щека,
Косой другая скрыта.

Еще онъ видѣлъ на лету,
Какъ встрѣтились ихъ очи.
И вновь на юную чету
Спустился пологъ ночи.

Назадъ тихонько онъ ушелъ,
И съ той поры Наума
Не узнають: онъ вѣчно золь,
Сидитъ одинъ угрюмо,

Или пойдетъ бродить окрестъ
И къ ночи лишь вернется,
Соленыхъ рыжиковъ не ѣсть,
И чай ему не пьется.

Забылъ наливки настоять
Душистой поленикой;
Хозяйство стало упадать —
Грозитъ уронъ великій!

На счетахъ спутался не разъ,
Хоть счетчикъ былъ отмѣнный...
Двѣ пары глазъ, отмѣнныхъ глазъ,
Горять предъ нимъ безсмѣнно!

«Я сладко пилъ, я сладко ѣлъ»,
Онъ думаетъ уныло:
«А кто мнѣ въ очи такъ смотрѣлъ?..»
И все ему постыло...

СОВРЕМЕННОКИ.

I.

ЮБИЛЯРЫ И ТРИУМФАТОРЫ.

Я книгу взялъ, возставъ отъ сна,
И прочиталъ я въ ней:
«Бывали хуже времена,
Но не было подлѣй».

Швырнулъ далеко книгу я.
Ужели мы съ тобой
Такого вѣка сыновья,
О, другъ-читатель мой?..

Конечно, нѣтъ! Конечно, нѣтъ!
Клевещеть нашъ зоиль.
Лакей принеси пучокъ газетъ;
Я жадно ихъ раскрылъ,

Минуя кражу и пожаръ
И рядъ самоубійцъ,
Встрѣчаю слово «юбильяръ»,
Читаю списокъ лицъ,

Стяжавшихъ лавры. Счета нѣтъ!
Стипендія... медаль...
Аренда... памятникъ... обѣдъ...
Обѣдъ... обѣдъ... О, враль!

Протри глаза!... Иду къ друзьямъ:
Готовить спичъ одинъ,

Другой десятокъ телеграммъ —
Въ Москву, въ Рязань, въ Тульчинъ.

Пошелъ я съ нимъ «на телеграфъ»:
Лакеи, кучера,
Депеши кверху приподнявъ,
Толпились тамъ съ утра.

Мелькають крупныя слова:
«Герою много лѣтъ...»
«Ликуй, Орелъ!..» «Гордись, Москва!»
«Бердичеву привѣтъ...»

Не мало тутъ «друзей добра»,
«Отцовъ» не перечестъ,
А вотъ листокъ: одно — «ура!..»
Пора, однако, ѣсть.

Я пришелъ въ трактиръ, и тоже
Счетъ теряю торжествамъ.
Книга дерзкая! за что же
Ты укоръ послала намъ?..

У Дюссо готовятъ славно
Юбилейныя столы;
Тамъ обѣдаютъ издавна
Триумфаторы-орлы.
Посмотрите — что за рыба!
Еле внесъ ее лакей.
Слышно «русское спасибо»
Изъ отворенныхъ дверей.
Заказавъ бульонъ и дичи,

Коридоромъ я брожу;
 Дверь растворять — слышу спичи,
 На пирующихъ гляжу:
 Люди заняты въ трактирахъ,
 Не мѣшаютъ... я и радъ...

З а л а № 1.

Въ первой залѣ всѣ въ мундирахъ,
 Въ бѣлыхъ галстукахъ стоятъ.
 Юбилляръ-администраторъ,
 Древень, весь шитьемъ залить,
 Двѣ звѣзды... Ему ораторъ,
 Тоже старецъ, говоритъ:
 «Ты отецъ! До населенья
 Добръ и милостивъ ты былъ:
 Не довелъ до разоренья,
 Пищи, крова не лишилъ!
 Ты герой — до кассы частной,
 До казеннаго добра
 Не простеръ руки всевластной —
 Благодарность и... ура!..»

Вдругъ курьеръ вошелъ, сіяя;
 Засіялъ и юбилляръ.
 Юбиллярю, поздравляя,
 Поднесли достойный даръ.

№ 2.

Рѣчь долго, долго длилась,
 Расплакался старикъ...
 Я сдѣлалъ шагъ... открылась

Другая дверь — на мигъ,
 И тутъ героя чтили,
 Кричали: много лѣтъ!
 Герою подносили
 Магницкаго портреть:
 Устрой еще заставы
 И надписи прибай...

Исчезла сцена славы —
 Захлопнулъ дверь лакей...

№ 3.

На столѣ лежать «подарки» —
 Въ Петербургѣ лучшихъ нѣтъ:
 Двѣ брильянтова арки —
 Восхитительный браслетъ!
 Бриллиантова звѣзды...
 Чудо! Нѣсколько ребятъ
 Съ упоеніемъ невѣсты
 На сокровища глядятъ.
 (Были тутъ и лицеисты,
 И пажи, и юнкера,
 И не зрѣлые юристы,
 И купцы... et caetera...)

— Чудо! дядька ихъ почтенный
 Восклицаеть, князь Иванъ,
 И, лѣтами удрученный,
 Упадаетъ на диванъ...
 Князь Иванъ — колоссъ по брюху,
 Руки — родъ пуховика,

Пьедесталомъ служить уху
Ожирѣвшая щека.
По устройству верхней губы,
Онъ — бульдогъ! съ оскаломъ зубы,
Подъ гребенку волоса
И — добрѣйшіе глаза.
Онъ — извѣстный объѣдало,
Говорить умно,
Словно въ бочку изъ-подъ сала
Льетъ въ себя вино.
Дома рѣдко пребываетъ,
До шестидесяти лѣтъ
Водевили посѣщаетъ,
Оперетку и балетъ.
У него друзья — кадеты;
Именитый дѣдъ его
Былъ шутомъ Елизаветы,
Самъ онъ — ровно ничего.
Презираетъ аксельбанты,
Не охотникъ до чиновъ,
Унаслѣдовавъ таланты
Историческихъ шутовъ,
Съ языкомъ своимъ проворнымъ,
Съ дерзкимъ смѣхомъ, въ вѣкъ иной
Былъ бы онъ шутомъ придворнымъ,
А теперь онъ — шутъ простой.

«Дà, дары такіе рѣдки!»
Восклицаетъ князь Иванъ:
«Надо спрыснуть... спрыснуть, дѣтки!..
Наливай полнѣй стаканъ!..
Нѣтъ, постой! Въ началѣ пира
Совершимъ одинъ обрядъ:

Передъ нами нѣтъ кумира,
Но... *и камни говорятъ!*
Эта брошка пріютится
У богини на груди, —
Значить, должно преклониться
Передъ нею... Подходи!..»

И почтительно къ алмазамъ
Приложился князь Иванъ,
И потомъ ужъ выпилъ разомъ
Свой вмѣстительный стаканъ.
И, во слѣдъ за командиромъ,
Приложились юнцы
Къ брилліантамъ и сафирамъ...

— «На колѣни, молодцы!
Гимнъ!...»

Глядитъ умильнымъ взоромъ
Старый шутъ на небеса,
И поютъ согласнымъ хоромъ
Молодые голоса:

Мадонны ликъ,
Взоръ херувима...
Мадамъ Жюдикъ
Непостижима!

Жизнь наша — пуфъ,
Пустѣй орѣха;
Заѣхать въ Буффъ —
Одна утѣха.

Восторга крикъ,
 Порывъ блаженства...
 Мадамъ Жюдикъ
 Верхъ совершенства!

№ 4.

«... Первоприсутствуя въ сенатѣ,
 Радѣлъ ли ты о мѣньшемъ братѣ?
 Всегда ли ты служилъ добру?
 Всегда ли къ истинѣ стремился?..»
 — «Позвольте-съ!»

Я посторонился
 И даль дорогу осетру...

№ 5.

Большая зала... шума нѣтъ...
 Ученое собранье,
 Агрономическiй обѣдъ,
 Вѣрнѣе — засѣданье.
 Встаетъ извѣстный агрономъ,
 Членъ общества — Колѣновъ
 (Докладчикъ пасмуренъ лицомъ,
 Печальны лица членовъ).
 Онъ говоритъ: «Я посвятилъ
 Досугъ мой скотоводству;
 Я восемь лѣтъ въ Тиролѣ жилъ;
 Повѣривъ превосходству
 Швейцарскихъ, англiйскихъ породъ,

Въ отечествѣ любезномъ
Старался я улучшить скоть
И думалъ быть полезнымъ.
Увы! напрасная мечта!
Убилъ я даромъ годы:
Соломы мало для скота
Улучшенной породы!
Въ крови у русской клячи есть
Привычка золотая:
«Работать много, мало ѣсть» —
Основа вѣковая!
Печальный видъ: голодный конь
На почвѣ истощенной,
Съ голоднымъ пахаремъ... А тронъ
Рукой непосвященной —
Еще печальнѣй что-нибудь
Получится въ итогѣ...
Покинулъ я опасный путь,
Увы! на полдорогѣ...
Трудитесь дальше безъ меня...»

— «Прискорбны рѣчи ваши!
Придется съ нынѣшняго дня
Закреть собранья наши!»
Сказалъ ученый президентъ
(Толстякъ, заплывшій жиромъ):
— «Раздѣлимъ скромный дивидендъ
И разойдемся съ миромъ!
Оставимъ бѣдный нашъ народъ
Судьбамъ его — и Богу!
Безъ насъ скорѣе онъ найдетъ
Къ развитію дорогу...»

«Закрѣть! закрѣть, хотя и жалъ!»
 Рѣшило все собранье:
 И дать Колѣнову медаль:
«За ревность и старанье».
 «Ура!.. Подписку!».. Увлеклись —
 Не скупо подписали, —
 И благодушно занялись
 Моделью для медали...

№ 6.

Шагъ впередъ — и снова зала:
 Все заводчики-тузы;
 Слышенъ голосъ: «Ты сначала
 Много выдержалъ грозы.
 Весь души прекрасной пламень
 Ты принесъ на подвигъ свой,
 Но пошелъ ко дну, какъ камень,
 Броненосецъ первый твой!
 Смертоносныя гранаты
 Изобрѣлъ ты на враговъ...
 Были-бъ чудо — результаты,
 Кабы дѣльныхъ мастеровъ!
 То-то ихъ принять бы въ прутья!..
 Ты гранатою своей
 Переранилъ изъ орудья
 Только собственныхъ людей...
 Ты поклялся, какъ заразы,
 Новыхъ опытовъ бѣжать,
 Но казенные заказы
 Увлекли тебя опять;
 Ты вступилъ...»

Лакей суровый
Дверь захлопнулъ, какъ на зло.

№ 7.

Я впередь... Изъ залы новой
Мертвечиной понесло...
Пиръ тутъ, видно, не секретный —
Настежь дверь... народу тьма...
Господинъ Ветхозавѣтный
Говорить:

«Судьба сама
Насъ свела сегодня вмѣстѣ;
Шель я радостно сюда,
Какъ женихъ грядеть къ невѣстѣ —
Новость, новость, господа!
Отзывался часто Пушкинъ
Изъ могилы... Наконецъ,
Отозвался и Тяпушкинъ,
Скромный труженикъ-пѣвецъ:
Драгоцѣнную находку
Отыскалъ товарищъ нашъ!
Въ бѣдной лавочкѣ селедку
Завернулъ въ нее торгашъ.
Грязный синенькій листочекъ, —
А какіе перлы въ немъ!..»

— Прочитай-ка хоть кусочекъ!
Закричали...

«Мы начнемъ
Съ дѣтства. Видно, что въ разѣзды

Посылалъ его отецъ:
Гдѣ иной считалъ бы звѣзды,
Онъ...» — Читай же! — Началъ чтець:

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ ЮНОШИ ТЯПУШКИНА,
ВЕДЕННЫХЪ ИМЪ ВО ВРЕМЯ РАЗЪѢЗДОВЪ ЕГО ПО РОССИИ ПО
ДѢЛАМЪ ОТЦА.

Найденъ случайно между оберточной бумагой въ лавкѣ купца С. С. Подтекина,
подлинникъ — собственность Зосима Терентьевича Ветхозавѣтнаго.

На рѣкѣ на Свири
Рыба, какъ въ Сибири:
Окуни, лини
Средней долины.
На рѣкѣ же Ленѣ
Хуже, чѣмъ на Оби:
Ноги по колѣни
Отморозилъ обѣ:
А прибывъ въ Ирбитъ,
Дядей былъ прибитъ...

— Превосходно! поэтично!..
Каждый въ луну смотритъ листъ.
«И притомъ характерично»,
Замѣчаетъ журналистъ:
«То-то мы ударимъ въ трубы!
То-то праздникъ будетъ намъ!»
И прикладываетъ губы
Къ полуграмотнымъ строкамъ.
Приложилъ — и къ дѣлу рьяный
Примѣчаніе строчить:
«Отморозилъ ноги — *н्यानый!*
И — за *н्यानство* былъ побить;

Чужды нравственности узкой,
 Не рѣшаемся мы скрыть
 Этотъ знакъ натуры русской...
 Да! «веселье Руси — пить»!..

(Прим. ред.).

Ужъ знакомлюсь я съ поэтомъ,
 Біографію пишу...

— Не снабдите ли портретомъ?

«Дорогонько... погляжу...
 Случай рѣдкій! Мы Россіи
 Явимъ вновь труды свои:
 Возстановимъ запятая,
 Двоеточіе надъ і;
 Можно будетъ въ духѣ «Миши»
 Предисловье написать:
Пощадили даже мыши
Драгоценную тетрадь —
Провидѣнія печать!..
 Позавидуетъ Бартенева
 И Семейскій затрещитъ
 Но замѣтку самъ Тургеневъ
 Въ «Петербургскихъ» помѣститъ...»

— Вѣрно! царь ты русской прессы,
 Хоть и служишь мертвецамъ:
 Всѣ живые интересы
 Уступаютъ поле намъ...
 «Такъ... и такъ да будетъ вѣчно!..
 Дарованья въ наши дни
 Гибнуть рано... Жаль, конечно,
 Да безтактны и они...
 Жаль!.. Но боги справедливы

Въ начертаніяхъ своихъ:
 Намъ безъ смерти — нѣтъ поживы,
 Какъ аптекъ безъ больныхъ!
 Дарованіемъ богатый
 Служить обществу перомъ,
 Служимъ мы ему лопатой...
 Други! пьемъ! За мертвыхъ пьемъ!..»

Вмѣсто влаги искрометной,
 Пили за-просто марсалъ,
 А Зосимъ Ветхозавѣтный
 Умиленно лепеталъ:
 «Я люблю живыхъ писателей,
 Но — мнѣ мертвые милѣй!..»
 Это — пиръ гробовскривателей!..
 Дальше, дальше поскорѣй!..

№ 8.

«Получай же по проценту!»
 Говоритъ сѣдой банкиръ
 Полицейскому агенту:
 «Въ честь твою сегодня пиръ!»
 Радъ банкиръ, какъ сумасшедшій!
 Всѣ довольны; сыщикъ пьянъ;
 Отъ дѣтей сюда зашедшій,
 По знакомству, князь Иванъ
 Держитъ спичъ:

— «Свои законы
 Есть у вѣка, господа!
 Какъ пропали миллионы,
 Я подумалъ: не бѣда!

Вѣрите, нѣтъ глупѣй несчастья:
Потерять послѣдній грошъ —
Ни пропажи, ни участя,
Хоть повѣсься, не найдешь!
А украдутъ у банкира
Изъ десятка милліонъ —
Растревожится полміра...
«Милліонъ!..» Со всѣхъ сторонъ
Сожалѣнья раздадутся
Всѣ правительства снесутся
Телеграммами, въ набатъ
Пріударятъ! Всѣ газеты
Похитителя примѣты
Многократно возвѣстятъ,
Обозначатъ каждый прыщикъ...
И глядишь: нашелся воръ!
На два дня банкиръ и сыщикъ —
Самый модный разговоръ!
Имъ улыбки, имъ поклоны,
Поздравленья добрыхъ душъ...
Ужъ терять — такъ милліоны,
Царь вселенной — кушъ!..»

№ 9.

Чу! пѣнье! Я туда скорѣй:
То пѣла свѣтская плеяда
Благотворителей посредствомъ лотерей,
Концерта, бала, маскарада...

Да-съ! Марья Львовна
За бѣдныхъ въ воду!
Мы Марьѣ Львовнѣ
Сложили оду.

Гдѣ Марья Львовна?
На вдовьемъ балѣ!
Гдѣ Марья Львовна?
Въ читальной залѣ...

Кто на эстрадѣ
Поетъ романсы?
Чьи въ маскарадѣ
Вѣрнѣе шансы?

У Марьи Львовны
Такъ милы рѣчи,
У Марьи Львовны
Такъ круглы плечи!..

Гласить афиша:
«Народный праздникъ».
Купилъ корову
Одинъ проказникъ:

— «Да-съ, Марья Львовна,
Не ваши рѣчи,
Да-съ, Марья Львовна,
Не ваши плечи,

Съ народомъ нужны
Иные шансы...
Въ саду корова
Поетъ романсы,

Въ саду толпится
Народъ наивный.
Рискують прачки
Послѣдней гривной,

За грошъ корову
Кому не надо?
И побѣлѣли
Дорожки сада,

Какъ будто въ маѣ
Послалъ Богъ снѣгу...
Пустыхъ билетовъ
Свезли телѣгу

Изъ сада ночью...
Ай! Марья Львовна!
Пятнадцать тысячъ
Собрали ровно!

Пятнадцать — съ нищихъ!
Что значитъ — масса!
Да процвѣтаетъ
Пріюта касса!

Да процвѣтаетъ
И Марья Львовна,
Пусть ей живется
Легко и ровно!..

— Да-съ, Марья Львовна
За бѣдныхъ въ воду...
Ея призванье —
Служить народу!

№ 10.

Слышенъ голосъ — и знакомый:
«Ананасъ — не огурецъ!»

Возложили гастрономы
 На товарища вѣнецъ.
 Это — кругъ интимный, близкій.
 Тише! слышенъ жаркій споръ:
 Надъ какою-то сосиской
 Произносятъ приговоръ;
 Поросятку ставятъ баллы;
 Разсуждая о винѣ,
 Тычутъ градусникъ въ бокалы...
 «Кáкъ! четыре — ветчинѣ?...»
 И поссорились... Стыдитесь!
 Вредно ссориться, друзья!
 Благодушно веселитесь!
 Скоро къ вамъ приду и я.
 Буду новую сосиску
 Каждый день изобрѣтать,
 Буду мнѣніе безъ риску
 О салатѣ подавать,
 Буду кушать плотно, жирно,
 Облѣнюся, какъ верблюды,
 И засну на-вѣки мирно
 Между двухъ изящныхъ блюдъ...

 II.

ГЕРОИ ВРЕМЕНИ.

ТРАГИ-КОМЕДИЯ.

«Кушать подано!» — Мнѣ дали
 Очень маленькій салонъ;
 За стѣной «ура!» кричали,
 По тарелкамъ шелъ трезвонъ.
 Кто-жъ они, съ моимъ чуланомъ

Рядомъ—пьющіе теперь?
Я чуть-чуть открылъ диваномъ
Загороженную дверь,
Поглядѣлъ изъ-за портьеры:
Зала публикой кишитъ —
Все тузы-акціонеры!
На ловца и звѣрь бѣжитъ...

Производитель работъ
Акціонерной компаніи,
Сдавшій недавно отчетъ
Въ общемъ годичномъ собраніи.

Въ группѣ директоровъ Шкуринъ сидитъ
(Синяя чуйка и крупныя губы).
Старецъ, прошедшій сквозь мѣдныя трубы, —
Савва Антихристовъ — спичъ говоритъ.
(Общество пестрое: франты, гусары,
И генераль, и банкиръ, и кулакъ).

— «Да, господа! самородокъ-русакъ
Стòитъ нѣмецкихъ философовъ пары!
Былъ онъ мужикъ, не имѣлъ ничего,
Часто гуляла по мальчику палка.
Дальше скажу вамъ словами его
(Туть и отвага, и умъ, и смекалка):

«Я — уроженецъ степей;
Давъ пастухамъ по алтыну,
Я изъ хребта у свиней
Въ младости дергалъ щетину.

«Мечется стадо, реветъ,
Знамо: живая скотина!

Мальчикъ не труситъ — дереть,
Перваго сорту щетина!

«Сталъ я теперь богачомъ;
Домъ у меня, какъ картинка;
Думаю, глядя на домъ:
Это — свиная щетинка!..»

«Великорусская, мѣткая рѣчь!..
Съ дѣтства умѣлъ онъ добыть и сберечь.
Сняли мы линію; много заботы:
Надо сдавать земляныя работы.
Ѣду я разъ по дѣламъ въ Перекопъ,
Вижу, съ артелью идетъ землекопъ.
— Кто ты? «Я — Ѳедоръ Никифоровъ Шкуринъ».

(Обращается къ Шкурину).

Чекнемся! выпьемъ, христовъ мужичокъ!
Ну, господа генералы! чокъ-чокъ!..
Выборъ-то мой оказался недурень...

(Чокаются и пьютъ).

«Прибыль подрядчикъ на мѣсто работъ,
Вмѣсто науки — съ однимъ «глазомѣромъ»;
Ѣздить по селамъ съ своимъ инженеромъ,
Рядить рабочихъ — никто не идетъ!
Земли кругомъ тутъ дворянскія были —
Только дворяне о нихъ позабыли.
Всѣмъ тутъ орудовалъ грубый «кустарь»,
Пренебреженной окраины царь.
Жители рыбу въ озерахъ ловили,
Гнали безданно изъ пенъевъ смолу,
Брали морошку, опѣнки солили
И говорили: «нейдемъ въ кабалу!»

Нѣтъ послушанья, порядка и прочаго;
 Прежде всего; создавай тутъ «рабочаго».
 Какъ же создашь его? Шкуринъ не спитъ:
 Земли, озера, болота, графитъ —
 Все откупилъ у помѣщика,
 «Все — до послѣдняго лещика!»
 (Какъ энергически самъ говорить).
 Дрогнула грубая сила «кустарная»,
 Какъ изъ-подъ ногъ ея почва ушла...
 Мысль эта, смѣю сказать, лучезарная,
 Наши доходы спасла.
 Плодъ этой мѣры въ графѣ дивиденда
 Акціонеры найдутъ:
 На сорокъ три съ половиной процента
 Разомъ понизился трудъ!..

«Ходко пошла земляная работа.
 Шкуринъ трудясь до кроваваго пота,
 Не раздѣвался въ ночи,
 Жилъ безъ семейства въ степи безотрадной,
 Обувь, одежду, перцовку, харчи
 Самъ поставлялъ для артели громадной.
 Онъ, раздѣляя съ рабочимъ труды,
 Не пренебрегъ гигиеной народной:
 Вмѣсто болотной, стоячей воды,
 Далъ онъ рабочему квасъ превосходный!
 Этимъ и наша достигнута цѣль:
 Въ жаркіе дни, довалившись до кваса,
 Меньше харчей потребляла артель
 И обходилась охотно безъ мяса!
 Быстро въ артели упалъ аппетитъ
 На двадцать два съ половиной процента.

Я умолкаю... графа дивиденда
Краснорѣчивѣе словъ говорить!..

«Ура!» прокричали, героя сравнили
Съ находчивымъ «янки». А я, между тѣмъ,
Покамѣстъ здоровье подрядчика пили,
Успѣлъ присмотрѣться ко всѣмъ:
Во-первыхъ, тутъ были почетныя лица,
Въ чинахъ, съ орденами. Ихъ видитъ столица
Въ сенатѣ, въ палатахъ, въ судахъ;
Служа безупречно и пользуясь вѣсомъ,
Они посвящаютъ досугъ интересамъ
Коммерческихъ фирмъ на паяхъ.
Тутъ были плебеи, изъ праха и пыли
Достигшіе денегъ, крестовъ,
И рядомъ вельможи тутъ русскіе были,
Погрязшіе въ тинѣ долговъ
(То имя, что дѣды въ безумной отвагѣ
Прославили — гордость страны —
Они за пай подмахнуть на бумагѣ,
Не стоящей трети цѣны)...
Сидѣли тутъ важно, въ сознаніи силы,
«Зацѣпа» и «Савва» — столпы-воротилы
(Зацѣпа былъ мрачень, а Савва сіялъ).
Тутъ были банкиры, дѣльцы биржевые,
И земская сила — дворяне степные;
Тутъ было съ десятокъ мѣняль.
Сидѣли тутъ рядомъ тузы-иноземцы:
Остзейскіе, русскіе, прусскіе нѣмцы,
Евреи и греки и много другихъ —
Въ Варшавѣ, въ Одессѣ, въ Крыму, въ Петербургѣ
Банкирскія фирмы у нихъ —

На *аки*, ни *раки*, на *берги* и *бурги*
 Кончаются прозвища ихъ.
 Зацѣпа — красивый старикъ бѣлокудрый,
 Нажившій богатство политикой мудрой, —
 Былъ сборища главнымъ вождемъ.
 Профессоръ, юристъ, адвокатъ знаменитый
 И два инженера — съ ученымъ значкомъ —
 Его окружали почетною свитой.
 Григорій Аркадьичъ Зацѣпинъ стяжалъ
 Въ коммерческомъ мѣрѣ великую славу
 И львиную долю себѣ выдѣлялъ
 Изъ каждаго крупнаго дѣла по праву.
 Сей старецъ находчивъ, уменъ, даровитъ;
 Въ немъ чудная тайна успѣха таится,
 Не даромъ онъ въ каждомъ правленіи сидитъ...
 Придетъ вамъ охота въ аферы пуститься,
 Старайтесь его къ предпріятію привлечь —
 Пойдетъ какъ по маслу!..

Герой-тріумфаторъ

Раскланялся... Выступилъ новый ораторъ —
 Мѣняло — писклива была его рѣчь:

Мм. гг.

«Времена наступаютъ тревожныя,
 Кризисъ близится: мало даютъ
 Предпріятія желѣзнодорожныя;
 Банки тоже не бойко идутъ:
 «Половину закрыть не мѣшало бы!»
 Слышенъ въ публикѣ хоръ голосовъ,
 Какъ недавно мы слышали жалобы
 На избытокъ питейныхъ домовъ.
 Время выйти на поприще новое.
 Честь имѣю проектъ предложить,

Все обдуманно — дѣло готовое,
Стѣдить только уставъ сочинить.

*Пауза. Выпивъ глотокъ воды, ораторъ
продолжаетъ съ одушевленіемъ.*

Мысль «Центральнаго Дома Терпимости» —
Такова наша мысль! Скажутъ намъ:
Прежде Невскій цѣлковыми вымости! —
И на то я согласіе дамъ!
Вамъ порукою наше серьезное
Отношеніе къ дѣламъ вообще,
Что развитіе ей грандіозное
Мы надѣемся дать не вотще:
Лишь бы намъ разрѣшили концессию...
Учредимъ капиталъ на паяхъ
И, убивъ мелочную профессію,
Двинемъ дѣло на всѣхъ парусахъ!
Нѣтъ сомнѣнья, что цѣль учрежденія
Наше общество скоро пойметъ:
Понесутъ намъ свои сбереженія
Всѣ, кутящіе нынѣ въ разбродъ!
Предпріятія съ точки вещественной
Невозможно вѣрнѣе желать,
Равнымъ образомъ, съ точки общественной
Трудно пользу его отрицать.
Безъ надзора строжайшаго, честнаго,
Не оставимъ мы дѣло никакъ;
Мы найдемъ адвоката извѣстнаго
Для разбора скандаловъ и дракъ,
Будетъ много у насъ подражателей,
Но не будетъ такого нигдѣ
Наблюденья: возьмемъ наблюдателей
Въ нашей скромной мѣняльной средѣ...»

— Въ тихомъ омутѣ водятся черти!
Кто-то рядомъ со мной прошепталъ;
Нѣкто Грошъ испугался до смерти
Остроумной затѣи мѣнялъ
И подвинулся дальше со стуломъ.
На проектъ отвѣчала толпа
Нерѣшительнымъ, сдержаннымъ гуломъ:
Ждали мнѣнья Зацѣпы-столпа.
«Да (сказалъ онъ), доходное дѣло;
Но совѣтую вамъ подождать.
Ново... странно... до дерзости смѣло...
Преждевременно, смѣю сказать!
Кто не знаетъ? Пророки событій,
Пролагатели новыхъ путей,
Провозвѣстники важныхъ открытій —
Побиваются грудой камней.
Двинувъ раньше впередъ спекуляцію,
Чѣмъ прогрессъ узаконить ее,
Потеряете вы репутацію
И погубите дѣло свое.
Подождите! Прогрессъ подвигается,
И движенью не видно конца:
Что сегоднѣ постыднымъ считается,
Удостоится завтра вѣнца...»

«Браво!» Залъ громоподобный...
На арену вышелъ Грошъ
И проекту спичъ надгробный
Довершилъ: «Проектъ хорошъ»,
«Исполнители опасны!»
Онъ язвительно сказалъ.
Пренья были долги, страстны;
Впрочемъ, я ихъ не слыхалъ:
Я заснулъ...

Мнѣ снились планы
 О походахъ на карманы
 Благодушныхъ россіянъ,
 И, ощупавъ мой карманъ,
 Я проснулся...

Шумно... Въ уши
 Словно бьютъ колокола,
 Гомерическіе куши,
 Милліонныя дѣла,
 Баснословныя оклады,
 Недовыручка, дѣлежъ,
 Рельсы, шпалы, банки, вклады —
 Ничего не разберешь!..
 Я сидѣлъ тупой и мрачный;
 Долго мнѣ понять мѣшалъ
 Этотъ крикъ и дымъ табачный:
 Гдѣ я? Какъ сюда попалъ?

Черезъ дверь, чуть-чуть открытую,
 Вижу лицъ усталыхъ рядъ,
 Вижу жжонку недопитую,
 Землянику, виноградъ.
 Къ англичанину съ объятіями
 Лѣзетъ русскій человекъ.
 — Выпьемъ, Борухъ! Будемъ братьями!
 Говоритъ еврею грекъ.
 Кто-то низко клонить голову,
 Кто-то на полъ льетъ вино,
 Кто-то Утина Ермолову
 Уподобилъ... Все пьяно!..

Я понялъ: кончили дѣла
 И на распашку закутили.

Одни сидѣли у стола,
 Другіе парами ходили.
 Сюда пришелъ и князь Иванъ *)
 И, на диванѣ отдыхая,
 Не умолкалъ, какъ барабанъ,
 Чужія рѣчи заглушая.
 Старикъ съ друзьями продолжалъ
 Пить вдохновляющую жжонку
 И мимо шедшимъ посылалъ
 Свои любезности въ догонку.
 Теперь цинизмъ у нихъ царилъ,
 И разговоръ былъ часто страшень:
 — Съ какой иконы ты скусилъ
 Тотъ перлъ, которымъ ты украшенъ?
 «Да съ той, которой помолясь,
 Ты Гасферу подсыпалъ яду...»
 Такъ остроумно веселясь,
 Одни смѣялись до упаду,
 Другіе хмурились... Журча,
 Лился потокъ сужденій, споровъ...
 Вотъ вамъ отрывки разговоровъ,—
 Ищите сами къ нимъ ключа...

1-й голосъ.

Отложили на недѣлю,—
 Милліончикъ пропадетъ.
 Вотъ Господь послалъ Емелю!
 Доложилъ наоборотъ:
 Позабылъ о братьяхъ Примахъ,
 Знай наладилъ: Цахъ да Цахъ!
 Образецъ непроходимыхъ

*) См. часть 1-ю «Юбиляры и триумфаторы», зала № 3-й.

Государственныхъ неряхъ!

.....

2-й голосъ (князя Ивана).

Чу! какъ орутъ: «Казань!..» «Ветлуга!..»

Адепты сѣвера и юга.

Не много фактовъ, бездна словъ...

Одно тутъ каждый понимаетъ,

Что на пути до рудниковъ

Постлатъ соломки не мѣшаетъ!

3-й голосъ.

У насъ былъ директоръ дороги,

Кондукторамъ красть не давалъ:

Въ вагоны, какъ тать, проникалъ,

У сонныхъ сосчитывалъ ноги,

Чтобъ видѣть: придется иль нѣтъ

На каждую пару билетъ;

Но дальше билетовъ и ногъ

Считать ничего онъ не могъ!

Голосъ князя Ивана — *кому-то на
встрѣчу.*

Сотню рублей серебра

Въ день получаю...

Сорокъ-четыре ребра

Въ сутки ломаю...

А! господинъ костоломъ!

Радуюсь встрѣчѣ случайной.

Правда-ли? мы создаемъ

Новый проектъ чрезвычайный:

Предупредительныхъ мѣръ

Мы отрицаемъ полезность...

(Такъ! господинъ инженеръ!

Благодаримъ за любезность).
 Вѣчно мы будемъ ломать
 Бдущимъ руки и ноги:
 Надо врачей насажать
 На протяженьи дороги,
 Съ праваго боку возвестъ
 Раненымъ нужно жилища,
 А для убитыхъ отвѣсть
 Съ лѣваго боку кладбища.
 Такъ-съ! Выражаясь точнѣй,
 Вы узаконить хотите
 Право увѣчить людей...
 Мало еще вы кутите!
 Чтò же? Дай Богъ вамъ успѣть!
 Можете руки вы знатно,
 Строя больницы, нагрѣть,
 И пассажирамъ пріятно:
 Вмѣсто того, чтобъ зѣвать,
 Въ нашихъ пустыняхъ унылыхъ —
Впередъ до крушенья — считать
 Будуть кресты на могилахъ!

Двое (4-й и 5-й) — *проходя мимо двери,
 не громко:*

— Вамъ дадутъ пай строители,
 Я готовъ держать пари
 На тыщѣнку! Не хотите ли?
 — «Въ чемъ же дѣло, говори!»
 — Это — путь изъ самыхъ прибыльныхъ,
 Но вѣдь это — тоже дверь
 Для обмѣна мыслей гибельныхъ...
 Понимаете теперь?
 — «Вѣрно! малый ты практическій!»

Какъ пари не заплатить?
 Съ точки зрѣнья стратегической
 Можно Волгу запрудить!»

Голосъ князя Ивана — кому-то въ
 догонку:

Пестрый галстукъ съ чернымъ фраккомъ,
 Рядъ нечищенныхъ зубовъ
 И подернутая лакомъ
 Рожа — признакъ дураковъ.
 Въ перстнѣ камень изумрудный...
 Неотесанный болванъ:
 Содержатель кассы ссудной,
 Главной кассы — важный санъ!
 Этотъ типъ безмѣрно гнусенъ.
 Современный Митрофанъ
 Глушь во всемъ, въ одномъ искусенъ:
 Залѣзаетъ въ чужой карманъ!
 И на немъ духъ вѣка виденъ:
 Онъ по трусости — скупецъ,
 По невѣжеству — безстыденъ
 И по глупости — подлець!

6-й голосъ.

За что швырнулъ въ меня онъ карточкой своей
 И завтра обѣщаль прислать мнѣ секунданта?
 Вѣдь я не отрицалъ у Душкиной таланта,
 Я только говорилъ, что Радина милѣй!
 Военный человѣкъ, не спорю я, прекрасенъ,
 Но дальше отъ него держаться должно намъ.
 Во времена войны — опасенъ онъ врагамъ,
 А въ мирное — онъ всѣмъ опасенъ.

Голосъ князя Ивана — кому-то на
встрѣчу:

Тысячъ восемьдесятъ въ банкахъ
Получаетъ этотъ франтъ;
Онъ живетъ безсмѣнно въ санкахъ —
Въ этомъ весь его талантъ.
Есть другой счастливецъ въ мѣрѣ,
Полу-нѣмецъ, полу-грекъ;
Получаетъ *сто четыре...*
Заурядный человекъ!
Дай мнѣ легонькія санки
И рысистаго коня, —
Я и самъ всѣ наши банки
Облечу въ теченье дня!

7-й голосъ.

Человѣка накачали
И забыли... Какъ тутъ быть?
Если нѣтъ цыганъ, нельзя ли
Хоть арфистокъ пригласить?
Безъ прекраснаго-то пола
Скучновато во хмелю!
Пить такъ пить — *до протокола,*
Середины не люблю!

Голосъ князя Ивана.

На французскомъ маслѣ,
Сдѣланномъ изъ сала,
Испекла природа
Этого нахала.
Экой ратоборець!
Желѣзнодорожникъ,

И гостинодворецъ,
И во всемъ — художникъ!

8-й голосъ.

Въ нашемъ банкѣ засѣдаютъ
Пять ростовщиковъ;
Фортель ихъ таковъ:
Межъ собой распредѣляютъ
Весь наличный капиталъ
Изъ осьми... а выручаютъ
Сорокъ... Подло! я отсталъ.

Голосъ князя Ивана — *кому-то въ догонку:*

Слылъ умникомъ и въ усъ себѣ не дулъ,
Поклонники въ немъ видѣли мессію;
Попалъ на министерскій стулъ
И — наглушилъ на всю Россію!

9-й голосъ.

...Говорю: помиритеcь добромъ!
Не совѣтую знаться съ судомъ!..

На Литейной такое есть зданіе,
Гдѣ виновнаго ждетъ наказаніе,
А невиненъ, — отпустятъ домой,
Окативши ушатою помой.
Я тамъ былъ. Не послѣднее бѣдствіе,
Доложу вамъ, судебное слѣдствіе:
Юный приставъ меня истерзалъ;
Прокуроръ, посѣдѣвшій во бѣднѣи,
Такъ копался въ моемъ поведеніи,
Что съ натуги въ истерику впалъ;

Сторона утверждала противная,
 Что вся жизнь моя — цѣпь непрерывная
 Вопіющихъ какихъ-то картинъ,
 И, содравъ гонораръ неумѣренный,
 Восклицалъ мой присяжный повѣренный:
 «Передъ вами стоитъ гражданинъ
 Чище снѣга альпійскихъ вершинъ!..»

Невеселое вышло рѣшеніе:
 Безъ лишенія правъ заключеніе.
 Двѣ недѣли пришлось проскучать,
 Да съ полгода ругала печать!

10-й голосъ.

Печать? У ней строитель — воръ!
 Желѣзные дороги — душегубки!
 Суды?.. По платю приговоръ!
 А имъ любезны только полусубки!
 Теперь не въ модѣ уважать
 По капиталу, чину, званью...
 Какъ!? подъ арестомъ содержать
 Игуменью — честную Митрофанью?...

11-й голосъ.

Не щадятъ ни заслуги, ни званія!
 Адвокатамъ однимъ только рай:
 За лишеніе правъ состоянія —
 И за то теперь деньги подай!

Голосъ князя Ивана — кому-то въ
 догонку:

Не люблю австрійца!
 Думается мнѣ:

Вотъ — сыноубійца!
Чу! призывъ къ войнѣ!
Брошены парады,
Дѣти въ бой идутъ,
А отцы подряды
На войска берутъ...
Юные герои
Гибнуть въ каждомъ боѣ,
Не поймутъ никакъ:
Отчего въ атакѣ,
Въ самой жаркой дракѣ,
Невредимъ пруссакъ?
Дѣти! васъ надули
Ваши старики:
Глиняныя пули
Ставили въ полки!

Неразлучной бродятъ парой
Суетливый коммерсантъ
И еврей, процентщикъ ярый,
Въ драгоценныхъ камняхъ франтъ.
Вотъ, подходятъ къ самой двери,
Продолжая разсуждать:
— Мнѣ «товарища на вѣрѣ»
Было легче отыскать.
Выручай! надеждой прочной
Остаешься ты одинъ.
Выручай! ты — безупречный,
Полноправный гражданинъ!
Ты — писатель! Ты брошюрой
«О процентахъ» заявилъ
Связь свою съ литературой,

Ты Тиблену кумомъ былъ.
 Ты — художникъ по натурѣ...
 — «Не желательно прослыть
 Подставнымъ въ литературѣ...»
 — Вотъ, нашель о чемъ тужить!
 Полно! Мы съ тобой — не дѣтки;
 Нынче — царство подставныхъ,
 Настояще-то рѣдки,
 Да и спроса нѣтъ на нихъ.
 Погляди: морякъ на сушѣ,
 Инженеръ на кораблѣ,
 А дѣла идутъ не хуже
 И не лучше на землѣ.
 Не у насъ — во всей Европѣ
 Прессой править капиталъ;
 Былъ же Генкель, есть же Гоппе...
 Ты бы ярче ихъ сіялъ!
 Прессѣ нужны коммерсанты.
 Пospѣшивъ на помощь ей,
 Какъ направимъ мы таланты,
 Какъ устроимся! —

Еврей

Отвѣчаетъ, убѣжденью
 Начиная уступать:
 — «Если нужно просвѣщенью
 Руку помощи подать,
 Я готовъ, но — Богъ свидѣтель —
 Я отъ грамоты отвыкъ...»
 — Тутъ нужна лишь добродѣтель!
 Восклицаетъ биржевикъ...

— Дай еще имъ пять бутылокъ!
 Испустилъ внезапный крикъ
 Нѣкто — стриженный затылокъ,
 Голова «à la мужикъ»,
 Ростъ высокій, станъ не гибкій,
 А лицо... страннѣй всего:
 Какъ не высѣкли ошибкой
 По лицу его!

Выпивъ первую бутылку,
 Лизоблюдовъ пьяный хоръ
 Тароватому затылку
 Лестью выпалилъ въ упоръ:

— Сколько вы божьихъ храмовъ построили!
 — Сколько выдали замужъ невѣсты!
 — Сколько вдовъ и сиротъ успокоили!
 — Сколько роздали пенсій и мѣсты!
 — «А какія вы строите линіи!
 Подвигъ вашъ — достоянъе вѣковъ!»
 Поправляя очки свои синія,
 Заключилъ запѣвало льстецовъ:
 — «На Уралѣ, на Ленѣ, на Терекѣ
 Предстоятъ еще подвиги вамъ.
 Были люди въ Европѣ, въ Америкѣ,
 А такихъ не встрѣчалось и тамъ!»

— Будто? Вотъ какъ! Скажите! Неужели?
 Восклицалъ осовѣвшій герой;
 — Мы, однако, такъ плотно покушали,
 Что пора, господа, и домой...

И вскочили «орлы» его вѣрные,
 И героя домой повели...

Про таланты его непомѣрные
 Очень громкіе слухи прошли.
 Какъ шаманъ, онъ обвѣшанъ жетонами
 (А на шеѣ — владимірскій крестъ),
 Съ телеграммами, спичами, звонами
 Колокольными — ѣздитъ и ѣстъ,
 Упивается тонкими винами,
 Сыплеть золото щедрой рукой,
 Въ предпріятіяхъ долями львиными
 Надѣляется... Чѣмъ не герой?..
 Есть, однако, и мнѣнье противное:
 Говорятъ: у него никакихъ
 Дарованій, богатство фиктивное;
 Говорятъ: онъ — игрушка другихъ,
 Нуженъ онъ для одной декораціи;
 Три-четыре искусныхъ дѣльца
 Въ омутъ самой шальной спекуляціи,
 Словно мячикъ, бросаютъ глупца.

Какъ вопьются раки жирные
 Въ тѣло бѣлое его,
 Эти люди, съ виду смиренные,
 Обрываютъ ихъ съ него,
 И потомъ дружка сердечнаго
 Въ новый омутъ повлекутъ...
 Ничего нѣтъ въ мірѣ вѣчнаго —
 Скоро будетъ онъ банкротъ!

Голосъ князя Ивана — *на встрѣчу вновь
 вошедшему.*

А! Авраамъ изыскатель:
 Мимо прошелъ: не узналъ;
 Чѣмъ возгордился, пріятель?
 Я пастухомъ тебя зналъ...

Лота отца попрекаетъ,
Берка отъ Лоты бѣжитъ,
Мѣсяца три пропадаетъ
И, возвратясь, говоритъ:

«Радуйся, дочь моя Лота!
Радуйся, Янкель, мой сынъ!
Дѣти! купилъ я болота
Семьдесятъ семь десятинъ!»

Лота одѣлася въ шубку,
Янкель за шапкой бѣжитъ,
Бдутъ смотрѣть на покупку—
Лошадь съ натуги хрипитъ.

Мѣстность все ниже и ниже,
Множество кочекъ и ямъ.
«Вотъ оно! Лота! смотри же!»
Лота не вѣритъ глазамъ:

Нѣту ничѣмъ ничего-то
Кромѣ трясины и мховъ!
Только слетѣли съ болота
Семьдесятъ семь куликовъ!

Бдучи шагомъ обратно,
Янкель трунилъ надъ отцомъ,
Лота работала знатно
Длиннымъ своимъ языкомъ.

Берка на жалобы эти
Молвилъ, подѣхавъ къ крыльцу:
«Не угодилъ я вамъ, дѣти,
Да угодилъ продавцу!»

Утромъ онъ съ ними простился,
Мѣсяца три пропадалъ,
Ночью домой воротился,
«Радуйтесь!» снова сказалъ.

Янкель и Лота не рады,
Думаютъ, глупость опять!
«Взялъ я большіе подряды!»
Берка пустился плясать.

«Четверть съ рубля обойдется,
Четверть съ рубля... безъ гроша...
Семьдесятъ семь остается,
Семьдесятъ семь барыша!»

Денегъ у Берки безъ счета,
Берка — давно дворянинъ,
Благословляетъ болота
Семьдесятъ семь десятинь!..

Чу! пѣсня! Полные виномъ,
Два инженера ликовали
И пѣли пѣсенку о томъ,
Какъ «непреклоннаго» сломали:

Я проектъ мой излагалъ
Ясно, непреложно —
Сухо молвилъ генераль:
«*Это невозможно!*»

Я протекцію сыскалъ,
Все обставилъ чудно,

Грустно молвилъ генераль:
«*Это очень трудно!*»

Въ третій разъ понять я далъ:
Будеть — гривна со ста,
И воскликнулъ генераль:
«*Это очень просто!*»

Голосъ князя Ивана.

На умѣ чины да куши,
Пассажировъ бьетъ гуртомъ:
Христіанскія-то души
Жидовинѣ нипочемъ.
До предѣловъ незаконныхъ
Глушь, а денежки дерётъ...
Все равно, что рѣзать сонныхъ, —
Обирать народъ!

Слышны толки: «лѣность... пьянство...
Земство... волость... мужики...»
Это — мѣстное дворянство
И дворяне-степняки.
У степного дворянина
Рѣчь любимая своя:
«Чебоксарская щетина»,
«Миргородская свинья»,
«Свекловица, мериносы»,
«Спросъ на водку и барду»;
А у мѣстнаго — вопросы
Все сословные въ ходу.
Графъ Д—довъ, князь Л—ановъ
Въ центрѣ этого кружка

Излагають пользу плановъ,
Неудавшихся пока.

«Вся бѣда Россіи
Въ недостаткѣ власти!»
Говорять витіи
По сословной части.

— «Дá! провинція пустѣеть:
Города объаты сномъ,
Земледѣлецъ нашъ бѣднѣеть,
Дворянинъ поникъ челомъ.

Кто не «высшаго разбора», —
Убѣгай изъ нашихъ мѣсть:
Ты — добыча прокурора,
Мировой тебя заѣсть!

Кто теперь тамъ толку сыщеть?
Народившійся кулакъ
По селеньямъ звѣремъ рыщеть,
Выжимаетъ четвертакъ.

Выбиваетъ недоимку,
Разоряетъ до гроша,
Взятку, взятку-невидимку
Ловить каждая душа!

Даже Божіи стихіи
Ополчились на крестьянъ:
Повсемѣстно по Россіи —
Вихри, штормы, ураганъ.

Громъ жилища зажигаетъ,
Нивы градъ Господень бьетъ,

Деньги земство обираетъ,
Жадный волкъ уноситъ скоть!

Съ мужикомъ однимъ случилось —
То-то онъ оторопѣлъ! —
Даже почва провалилась,
Отведенная въ надѣлъ!

Не затѣмъ мы уступали
Наши древнія права,
Чтобъ на наше мѣсто стали
Становой и голова!

Жаль родного достоянья,
Жаль и бѣдныхъ мужиковъ!
Тамъ — семейныя преданья,
Тамъ — любезный прахъ отцовъ!

Прахъ отцовъ — добыча тлѣнья,
А живому дорогъ день:
Какъ изъ чумнаго селенья,
Мы бѣжимъ изъ деревень!»

Такъ искатели концессій,
Потерпѣвшіе накладъ
Отъ хозяйственныхъ профессій,
Нашимъ земцамъ говорятъ.

— «Нѣтъ, а мы такъ не уходимъ!
Обновивъ съ народомъ связь,
Мы народъ облагородимъ» —
Говоритъ, по Гнейсту, князь:
«Мы судебно-полицейской

Властью — пьянство укротимъ!»

И съ улыбкой фарисейской

Ренегаты вторятъ имъ.

.

Дворянинъ многоземельный

Съ тайной думою своею

Дышитъ скукою смертельной.

Есть субъекты веселѣй:

Генеральный бой дворянскій

Пригравъ, они нашлись —

И войною партизанскою

На досугѣ занялись.

Не рискуя головою,

Эти рыцари страны

Такъ и рвутъ, что можно, съ бою

У народа, у казны:

Взявъ съ подряда «разрѣженье»

Государственныхъ лѣсовъ,

Произвестъ опустошенье,

Подмѣнить у мужиковъ

Земли — дѣло «партизана»:

Онъ — процентщикъ, онъ — торгашъ,

Не уйдешь его кашкана,

Неизбѣжно дань отдашь!

Четверикъ фальшивой мѣры,

Тайный фортель у вѣсовъ...

Впрочемъ, тутъ же есть примѣры...

Чу! помѣщикъ Хватуновъ

Самъ кричитъ: «удралъ я штуку!

Не зѣвайте! вотъ вамъ шансъ!»
 П поеть, друзьямъ въ науку,
 Назидательный романсъ.

Пѣсня объ «Орошеніи».

Комитету «Поощренья
 Земледѣльческихъ Трудовъ»
 Сдѣлать опытъ орошенья
 Нашихъ пашень и луговъ

Предложилъ я: снарядили
 Двѣ комиссіи въ нашъ край
 И потомъ благословили,
 Дали денегъ: «Орошай!»

Я поѣхалъ за-границу,
 Пожуировалъ; затѣмъ,
 Началъ сѣять свекловицу.
 Время мчалось между тѣмъ:

Домъ мой сталъ богаче, краше,
 Самъ толстѣю, что ни годъ.
 Вдругъ запросъ: «Успѣшно-ль ваше
 Орошеніе идетъ?»

— «При ближайшемъ наблюденьи»,
 Отвѣчаю въ комитетъ:
 «Нахожу, что въ орошеньи
 Въ нашемъ краѣ — нужды нѣтъ;

— «Трудъ притомъ безмѣрно дорогъ...»
 Согласились: Нѣтъ нужды!
 И задатокъ — тысячь сорокъ —
 За посильные труды

Комитетъ — не безъ участья
Добрыхъ душъ — съ меня сложилъ,
И тогда слезами счастья
Грудь жены я *оросилъ!*..

Въ каждой группѣ плутократовъ —
Русскихъ, нѣмцевъ ли, жидовъ —
Замѣчаю ренегатовъ
Изъ семьи профессоровъ.
Ихъ исторія извѣстна:
Скромнымъ труженикомъ жилъ
И, служа наукѣ честно,
Плутократію громилъ;
Былъ профессоромъ, ученымъ
Лѣтъ до тридцати,
И, казалось, милліономъ
Не собьешь его съ пути...

Вдругъ — конецъ исторіи —
Въ тридцать лѣтъ герой —
Прыгъ съ обсерваторіи
Въ омутъ биржевой!..

Вотъ москвичъ — родоначальникъ
Этой фракціи дѣльцовъ:
Объ отечествѣ печальникъ,
Лучшій типъ профессоровъ,
Встарь онъ пѣлъ инья пѣсни,
Искандеръ былъ другъ его,
Кромѣ каменной болѣзни,
Не имѣлъ онъ ничего;
Подъ опалой въ ѳны годы
Находился демократъ,
Другъ народа и свободы,

А теперь онъ — плутократъ!
Спекуляторскія штуки
Ловко двигаетъ впередъ
При содѣйствіи науки
Этотъ старый патріотъ...
Вотъ другой — слыветъ за чудо:
Говорунъ и острословъ
(«Леонидъ» — ему покуда
 Кличка у тузовъ).
Онъ *машиннымъ краснорѣчьемъ*
Плутократію дивитъ:
Никакимъ противорѣчьемъ
Не смущаясь, говоритъ
Въ интересахъ господина.
Заплати, да тему дай, —
Говорильная машина
Загудитъ: подниметъ лай,
Будетъ плакать и смѣяться,
Цифры, факты извращать,
На Бутовскаго ссылаться,
Марксомъ тону задавать.
Предпочтя ученой славѣ
Соблазнительный металлъ,
Леонидъ сперва при Саввѣ
На посылкахъ состоялъ.
Подавалъ ему «идейки»
(И сигары — иногда),
Зналъ къ редакторамъ лазейки,
Къ представителямъ суда,
Составлялъ «записки», «мнѣнья»,
Сплетни прессы отражалъ,
И въ директоры правленья,
 Наконецъ, попалъ!

Тутъ ужъ торная дорога,
Нахватавъ десятокъ мѣстъ,
Какъ за пазухой у Бога,
Онъ живетъ; по-барски ѣстъ,
На балы къ концесьюонерамъ
Возитъ кукулку-жену
И поетъ акціонерамъ
Вѣчно пѣсенку одну;
Смысль извѣстный: «дивидендовъ
Нѣтъ пока мѣстъ — ожидай!
И, не медля, шесть процентовъ
Намъ въ награду отчислай!»
Кризисъ: дѣло не спорится,
Денегъ нѣтъ, должны кругомъ,
Въ дверь правленія стучится
Съ исполнительнымъ листомъ
Приставъ: кассу запираетъ,
Мебель штемцелемъ клеймитъ...
Леонидъ не унываетъ
И цинически остритъ:
«Мать, конечно, предпріятью,
А правленью — не бѣда!
Стуль съ казенною печатью
Такъ же мягокъ, господа!..»
Нынче счету нѣтъ артистамъ,
Что такимъ путемъ пошли,
И на помощь аферистамъ
Силу знанья принесли.
Всякій планъ, въ основѣ шаткій,
Какъ на сваяхъ утвердятъ:
Исторической подкладкой,
Перспективами снабдятъ!
Дѣло ихъ — стоять на стражѣ

«Государственныхъ идей».
 Нѣтъ еще идеи даже,
 Есть одинъ намѣкъ о ней,—
 Ужъ бѣгутъ они къ патронамъ,
 Выговариваютъ пай.
 Начинаютъ скромнымъ тономъ:
 «Нужный банкъ»... «Забытый край»...
 Дальше — громче пропаганда,
 Загорается война,
 Кто за Шмита, кто за Странда!
 Правду вывернувъ до дна,
 Чудо сдѣлаютъ изъ края,
 Этнографіей блеснуть,
 И статистика такая...
 Гдѣ они ее берутъ?

Аргументъ экономическій
 Аргументъ патріотическій,
 И важнѣйшій, наконецъ,
 Съ точки зрѣнья стратегической
 Аргументъ — всему вѣнецъ!..

Изъ пяти одна затѣя
 Удалась — набить карманъ!
 А гуманная идея
 Отошла на дальній планъ.
 Новый тузь-богачъ — въ итогъ,
 И сказались барыши
 Лишней гривною въ налогъ
 Съ податной души.

Надо честь отдать почину —
 Разбудили Русь они:

И купцу, и дворянину
Плохо спится въ наши дни,
Прежде Русь стихи писала,
Риомамъ не было числа,
А теперь практичнѣй стала:
На проекты налегла!
Предпріимчивостью чудной
Преисполнились сердца,
Нѣтъ теперь задачи трудной,
Каждый планъ найдетъ дѣльца,
Запрудятъ Неву, каналы
По Сахарѣ проведутъ!..
Дайте только капиталы,
Обезпечьте рискъ и трудъ...

Да, постигла и Россія
Тайну жизни, наконецъ:
Тайна жизни — гарантія,
А субсидія — вѣнецъ!
Будешь въ славѣ равень Фидію,
Антокольскій! изваяй
ГАРАНТИЮ и СУБСИДИЮ,
Идеаламъ форму дай!
Окружи свое твореніе
Барельефами: толпой
Пусть идутъ на поклоненіе
И ученый, и герой;
Пусть идутъ израильтяне
И другіе пришлецы,
И російскіе дворяне,
И моршанскіе скопцы...

Бесѣда кипить, не смолкая,
И льется рѣкою вино,
Великихъ и малыхъ равняя;
Всѣ группы смѣшались давно;
Зацѣпиль въ ударѣ, какъ воду,
Венгерское пѣть; Леонидъ
Великому мужу въ угоду,
Вистуетъ ему и лисить.
Изъ оперы новыя лица
Явились, затѣяли споръ:
Которая выше пѣвица,
Который пошлѣ актёръ.
Веселый толстякъ, краснорожій,
Хохочетъ Иванушка-шутъ,
И мужъ государственный тоже,
Подвыпивъ, бесѣдуетъ тутъ:
«Да-съ, наша тропа не безъ терній!
Энергія — свойство мое,
Но на сорокъ восемь губерній
Всегда ли достанетъ ее?..»
Но былъ одинъ — онъ общества чуждался;
Построивши дорогу въ восемь версть,
На собственномъ величьи помѣшался
Остзейскій тузъ — баронъ фонъ-Клоппенгорстъ,
Онъ вынуждалъ къ невольному респекту —
Торжественность въ осанкѣ и въ лицѣ;
Пусти нагимъ по Невскому проспекту —
Покажется онъ — въ тогѣ и вѣнцѣ.
Онъ не сгибалъ своей баронской выи
Ни передъ кѣмъ; на лбу его крутомъ
Начертано: «Трудился для Россіи
И памятникъ воздвигъ себѣ притомъ!»
Онъ былъ смѣшонъ картинно, граціозно

И шумный пиръ эффектно отгнѣялъ.
Онъ пилъ одинъ, насупивъ брови грозно,
По слову въ часъ медлительно ронялъ.
Молчить ли онъ — особая манера
Молчать... глядѣть — побѣдоносный взоръ!
Идетъ ли онъ — незыблемая вѣра,
Что долгъ другихъ давать ему просторъ.
Среди судовъ обычнаго размѣра
Такъ шествовалъ въ Россію «Мониторъ»...

Остроумная случайность!
На сосѣда не похожъ,
Представлялъ другую крайность
Эдуардъ Ивановичъ Грошъ —
Господинъ на ножкахъ низкихъ,
Весель, юрокъ и румянь,
Изъ породы самыхъ близкихъ
Къ человѣку обезьянь.
Къ разнымъ группамъ подбѣгаетъ,
Щурить глазки, руки жметъ
И головкою киваетъ,
И хихикаетъ, и вретъ.
Голосокъ его пискливый
Раздается тамъ и тутъ,
Толстый, маленькій, плѣшивый,
Сибаритъ, дѣлецъ и шутъ —
Онъ, какъ ртуть, на всякомъ мѣстѣ,
Слышитъ — кто-то говоритъ:
— Нужно завтра акцій двѣсти...
«На наличность? на кредитъ?...»
По рукамъ въ минуту хлопнулъ
И бѣжитъ туда бѣгомъ,
Гдѣ услышалъ слово: лопнулъ, —

«Кто? Какой торговый домъ?..»
— Лопнулъ — шарь!.. Зимой въ санкахъ
Вѣчно встрѣтите его;
Онъ на биржѣ, въ думѣ, въ банкахъ,
Нѣтъ собранья безъ него:
Это высшаго разряда
Факторъ — сила нашихъ дней.
Телеграфовъ съ нимъ не надо,
Ни газетныхъ новостей.
Свѣтскій міръ и міръ подпольный
Дань равно ему несутъ.
Какъ револьверъ шестиствольный,
Онъ заряженъ! Съ виду шутъ,
Онъ не-спроста бьетъ баклуши,
Онъ трудится больше насъ:
Настороженные уши,
Волчій зубъ и лисій глазъ!
Что вамъ нужно? Закладную?
Моську, мужа... дачу, домъ,
Капиталь?.. Рекомендую:
Не ударить въ грязь лицомъ!
Честолюбье-ль васъ тревожить?
Онъ карьерѣ дастъ толчокъ,
Даже выхлопотать можетъ
Португальскій орденъ!
По рукъ пригнать перчатку —
Дѣло Гроша! Всюду захожъ,
Онъ туда протиснетъ взятку,
Что руками разведешь!..
Гроша вывели изъ мрака
Случай, ловкость и родня;
Не выходитъ онъ изъ фрака,
Пробудясь, кричитъ: коня!

Въ девять рыщеть по трущобамъ,
 Ищеть нужнаго дѣльца;
 Въ десять шествуетъ за гробомъ
 Сановитаго лица;
 До двѣнадцати — въ переднихъ
 У вліятельныхъ господъ;
 Въ часъ — въ пріютѣ малолѣтнихъ,
 Гдѣ молебень и отчетъ;
 Въ два — за завтракомъ съ кокоткой
 (Онъ — кокотокъ первый другъ);
 Съ трехъ — на биржѣ... День короткій —
 Пообѣдать недосугъ!
 Вечерь: два, три комитета,
 Оперетка и балеть,
 И у дамы полусвѣта
 За рулеткой — дня разсвѣтъ!

Тише!.. новый гость явился,
 Всѣ вскочили, самъ баронъ
 Клоппенгорстъ предъ нимъ склонился,
 Подалъ руку... Кто же онъ?

Кто онъ? Дѣйствуя практически,
 Я обязанъ умолчать,
 Но могу аллегорически
 Пѣтухомъ его назвать.
 Нѣтъ вѣрнѣе аттестаціи:
 Золото клюеть —
 Возвращаетъ... ассигнаціи!
 Плавно онъ идетъ,
 Съ видомъ скромнаго достоинства:
 Словно предъ вождемъ

Дрессированное воинство,
Смолкло все кругомъ.

Поздоровался съ Саввой Степанычемъ,
Крѣпко палець Зацѣпѣ сдавилъ,
Пошутилъ съ Эдуардомъ Ивановычемъ:
«У! какъ блѣдень! Опять пошалилъ?»

— «Испугался проекта Дерницына:
Объ общественной пользѣ поеть,
А въ душѣ — идеалы Плотицына:
Зазѣвайся — »

А затѣмъ — неизвѣстность полнѣйшая:
Къ сожалѣнью, бесѣда дальнѣйшая
Шла вполголоса... «Время на балъ!»
Уходя, незнакомецъ сказалъ.

Къ счастью, онъ вернулся снова,
На минуту сѣлъ,
И тогда четыре слова
Я поймать успѣлъ.

«Нужно выждать двѣ недѣли»;
Саввѣ онъ сказалъ:
«Нужно выждать; не созрѣли...»
И, допивъ бокаль,
Вышелъ...

Эксъ-писатель блѣднолицый
Появился Пьеръ Кульковъ;
Быль онъ долго за границей
По комиссіямъ дѣльцовъ
И друзьямъ поклонъ собрата

Изъ Италіи привезъ.
Вожделѣній плутократа,
Такъ сказать, апоѳеозъ
Совмѣщаль въ себѣ фонъ-Руге:
Ухвативъ громаднѣй кушъ,
Онъ ушелъ — на свѣтломъ югѣ
Отдыхать. «Великій мужъ!»
Говорятъ ему витіи:
«Не пугайся клеветы!
Предпріимчивость Россіи
На такія высоты
Ты вознесъ, что милліарда
Увезеннаго не жаль!..»
Не безъ чувства и азарта,
Устремляя очи въ даль,
Разказалъ туристъ свиданье
Съ удалившимся дѣльцомъ:
Было общее молчанье,
Пѣль разказчикъ соловьемъ:

Я посѣтилъ отшельника Севильи,
На виллу Миртъ хотѣлось мнѣ взглянуть;
Предъ ней поэтъ преклонится — въ безсильи
Вообразить прекраснѣй что-нибудь!

Изъ мрамора каррарскаго колонны,
На потолкахъ сибирскій малахитъ,
И въ воздухѣ висящіе балконы,
И съ одного — въ Европѣ лучшій видъ!

Тамъ онъ любилъ сидѣть послѣ обѣда
И нѣсколько тревожился лишь тѣмъ,
Что тотъ же видъ доступенъ для сосѣда:
Его девизъ: я не дѣлюсь ни съ кѣмъ!

Онъ этимъ былъ глубоко опечаленъ
И, наконецъ, сосѣда побѣдилъ:
Настроилъ онъ искусственныхъ развалинъ
И чудный видъ сосѣду заградилъ!..

Весь подъ шатромъ навѣсовъ виноградныхъ
Шель путь къ нему извиистой тропой;
Не пожалѣвъ расходовъ беспощадныхъ,
Онъ срылъ сады — и сдѣлалъ путь прямой!

Такъ онъ живетъ, такъ тратитъ онъ доходы,
Всѣмъ жертвуя комфорту своему...
Кругомъ цвѣты... искусственные воды...
Его оркестръ обходится ему

Въ огромный кушъ. Устроивъ родъ престола
Уходитъ онъ въ свой музыкальный залъ,
И, такъ сказать, оркестру внемлетъ *solo*.
Вотъ жизнь его... вотъ жизни идеаль!

«По такому идеалу
Можетъ только жить — кретинъ!»
Вдругъ сказалъ вошедшій въ залу
Незадолго господинъ.
(Сумасшедшій или геній?
Возникалъ въ умѣ вопросъ,
Послѣ краткихъ наблюдений
Надъ вошедшимъ): «Онъ унесъ
Изъ Россіи милліоны
И, построивъ пышный гробъ,
На визиты, на поклоны
Чуть не царственныхъ особъ
Онъ рассчитывалъ, старая

Честолюбіемъ... Увы!
Ѣдутъ мимо, не склоняя
Передъ Руге головы!
У него въ груди есть рана,
Нанесенная ему
Катастрофою Седана;
Угадайте: почему?
Передъ боемъ франко-прускимъ
Переписывался онъ
Съ императоромъ французскимъ:
За серебряный мильонъ
Титуль герцога — я слышалъ —
Ужъ совсѣмъ приторговалъ...
Вдругъ скандалъ седанскій вышелъ —
Продавецъ банкротомъ сталъ!
И теперь о томъ героѣ
(Не забавный ли пассажъ?)
Въ цѣломъ мірѣ плачутъ трое —
Сынъ, жена... да Руге нашъ!
Пожалѣй, честная публика!
Гдѣ купить высокій санъ?
Ужъ во Франціи — республика!
Титловъ нѣтъ у англичанъ
На продажу... а Германія?..
Онъ и такъ — нѣмецкій фонъ...
Таковы его страданія...
Гдѣ же счастье!.. Дурень онъ!
«Дайте мнѣ его мильоны,
Я бы имъ протеръ глаза!
Не всячіе балконы —
Я бы создалъ чудеса!
Петръ Великій въ Сестербекѣ
Портъ громаднѣй замышлялъ;

Здѣсь въ великомъ человѣкѣ
Геній видимо дремалъ;
Но и въ маломъ человѣчкѣ
Онъ не дремлетъ иногда:
Нужень портъ... *на Черной рѣчкѣ!*
Вотъ идея, господа!
Всѣ другіе планы къ чорту!
Составляйте капиталъ:
Смѣло строй дорогу къ порту
И веди къ нему каналъ!
Подойдутъ вагонъ и барка
И корабль... Сдавай, грузи!
Какъ маякъ, горящій ярко,
Будетъ портъ мой на Руси!
Я ужь рельсы даль дорогамъ,
Я войскамъ оружье даль...
Въ новый путь иду я съ Богомъ...
Составляйте капиталъ!
Съ деньгами, съ геніемъ
Чуднымъ движеніемъ
Русь оживимъ;
Море Балтійское
Море Каспійское
Соединимъ!
Вотъ занятіе! вотъ дѣло!
Можно душу положить!
Ненавижу нѣжить тѣло,
Нервы праздностью томить.
Ужъ давно я былъ бы Крезомъ,
Могъ бы лавры пожинать,
Но безпошлиннымъ желѣзомъ
Не хочу я торговать.
Металлическихъ заводовъ

Съ пивовареннымъ котломъ
 Я не строю для доходовъ...
 Наживаться воровствомъ
 Сродно подлому холопу!
 Цѣль моя: къ окну въ Европу,
 Чтò прорублено Петромъ,
 Вѣковой пристроить домъ!»

*Уходитъ быстро и съ эффектомъ, еще въ
 комнату надѣвъ шляпу.*

Голосъ князя Ивана.

Появился метеоромъ,
 Метеоромъ и пропалъ!
 Никогда онъ не былъ воромъ,
 А людей съ сумой пускалъ.
 У него своя контора
 «Переписки векселей»;
 Нужно штатъ удвоить скоро:
 Въ день до тысячи рублей
 Платить онъ однихъ процентовъ.
 То-то жизнь! топи каминъ
 Грудой старыхъ документовъ,
 Да на новыхъ ставь: *Ладьянъ*.
 А въ стяжаніи не грѣшень,
 Самъ послѣднее отдасть...

ЧЪЕ-ТО ЗАМѢЧАНІЕ.

Но за то, вѣдь, онъ помѣшанъ?

Голосъ князя Ивана.

Нѣтъ, большой энтузіастъ!
 Занимая всюду деньги

И *пристроитъ* ихъ спѣша,
Ищетъ онъ по *шапкѣ* Сеньки...
Идеальная душа!..

Въ лѣтній день, у пристани канала
Собралась толпа, чего-то ждетъ...
Духовенство шествуетъ сначала,
А за нимъ комиссія идетъ:
Шитые мундиры, эполеты!
Чу! вдали запѣли бурлаки!
Но они не тощи, какъ скелеты:
На подборъ красавцы-мужики.
«Въ шелковыхъ рубахахъ!» шепчутъ бабы.
— «Глянь: и Савва!» гаркнула толпа.
Съ деревянной ложкою у шляпы
И съ желѣзнымъ гребнемъ у пупа,
Самъ купецъ-подрядчикъ бичевою
Тянетъ барку... Къ пристани пришлп...
Отслуживъ молебень чередою,
Пировать въ палатку побрели.
Въ торжествѣ открытія канала
Самъ министръ участие принималъ,
Но не струсилъ Саввушка ни мало —
Рѣчь его сіятельству сказалъ!
Былъ тогда вельможа этотъ въ силѣ,
Затѣвалъ громадныя дѣла...
Эта рѣчь «въ народномъ, русскомъ стилѣ»
Милліоны Саввѣ принесла.
Нынче онъ... да словомъ: нѣтъ другого!
Савву надо въ лѣтописи внести:
Савву Богъ сподобилъ *даромъ* слова
На Руси богатство пріобрѣсть!

Но, начавъ карьеру бичевѣю,
 Любитъ онъ простаго «мужичка»,
 Вспоминая прошлое порою,
 Напѣваетъ пѣсню бурлака,
 Ту, что пѣлъ когда-то на каналѣ...
 Выпивъ тостъ за «братевъ мужиковъ»,
 Онъ запѣлъ... что было русскихъ въ залѣ
 Подошли — и стройный хоръ готовъ:

ВЪ ГОРУ.

(БУРЛАЦКАЯ ПѢСНЯ).

Хлѣбушка нѣтъ,
 Валится домъ,
 Сколько уже лѣтъ
 Камѣ поемъ
 Горе свое,
 Плохо житье!
 Братцы, подьёмъ!
 Ухнемъ! напрёмъ!

Ухни, ребята! гора-то высокая...

Кама угрюмая! Кама глубокая!

Хлѣбушка дай!

Экой песокъ!

Эка гора!

Экой денёкъ!

Эка жара!

Камушка, сколько мы слезъ въ тебя пролили!

Мы ли, родная, тебя не доволили?

Денежекъ дай!

Бросили домъ,

Малыхъ ребятъ...
 Ухнемъ, напрёмъ!..
 Кости трешшать!
 На печь бы лечь
 Зиму проспять,
 Лѣтомъ утечь
 Съ бабой гулять!
 Экой песокъ!
 Эка гора!
 Экой денёкъ!
 Эка жара!

Ухни, ребята! гора-то высокая!..
 Кама угрюмая! Кама глубокая!

Нѣтъ-те конца!..
 Этакъ бы впрячь
 Въ лямку купца —
 Легъ бы богачъ!..
 Экой песокъ!
 Эка гора!
 Экой денёкъ!
 Эка жара!
 Эй! вѣтерокъ!
 Дуй сильнѣй!
 Намъ хоть часокъ
 Дай повольнѣй!..

Два-три подрядчика съ дѣдушкой Саввой
 Въ пѣніе душу кладутъ;
 Спой такъ пѣвецъ — наградили бы славой:
 За сердце звуки берутъ.
 Чтѣ-жъ это, Господи! Всѣхъ задушевнѣй
 Шкурина голосъ звучитъ!

Вѣтъ лѣсами, рѣкою, деревней,
 Русской истомой томить!
 Все въ этой пѣснѣ: тупое терпѣнїе,
 Долгое рабство, укорь...
 Чуть и меня не привелъ въ умиленїе
 Этотъ разбойничїй хоръ!..

 Э П И Л О Г ъ.

«Я — воръ!» вдругъ громко прозвучалъ
 Какой-то голосъ изступленный.
 По залѣ шопоть пробѣжалъ
 И смолкъ. Глубоко-удивленный,
 Плотнѣ къ двери я приникъ:
 Изнеможенный и печальный,
 Передъ столомъ сидѣлъ старикъ...
 Ужель Зацѣпа генїальный?
 Да, вѣрно! Блѣдень, какъ мертвецъ,
 Въ очахъ глубокое страданье...
 Чу! новый вопль! И, наконецъ —
 Неудержимое рыданье!

Князь Иванъ.

Полно! полно! плакать стыдно,
 Сядемъ лучше въ домино.
 Постороннему — обидно,
 А друзьямъ твоимъ — смѣшно!
 Ты подобень той гетерѣ,
 Что на склонѣ блудныхъ дней
 Горько плачетъ о потерѣ
 Добродѣтели своей!
 Не воротится невинность,

Какъ глубоко ни грусти,
Лишь нарушишь пира чинность
И заставишь насъ уйти!

Ушелъ Эфруси, важный грекъ,
Кивнувъ собранью величаво...
«Куда же вы?» воскликнулъ Савва:
«Зацѣпинъ умный человекъ,
Но человекъ немного странный:
Впадаетъ онъ, напившись пьянъ,
Какъ древле Грозный Іоаннъ,
Въ какой-то паѳосъ покаянный.
Но — ничего! Гроза пройдетъ,
И завтра-жъ — побожиться смѣю —
Великій умъ изобрѣтетъ
Золотоносную идею!
Какъ подъ дождемъ цвѣты растутъ
Сильнѣй — прибавилъ онъ къ евреямъ —
Такъ эти бури придають
На-утро блескъ его идеямъ!..»

Зацѣпинъ.

Я — воръ! Я — рыцарь шайки той,
Изъ всѣхъ племенъ, нарѣчій, націй,
Что исповѣдуетъ разбой
Подъ видомъ честныхъ спекуляцій!
Гдѣ сплошь да рядомъ — видитъ Богъ! —
Лежатъ въ основѣ состоянья
Два-три фальшивыхъ завѣщанья,
Убийство, кража и поджогъ!
Гдѣ позабудь покой и сонъ,
Добычу зорко карауля,

Гдѣ въ результатѣ — миллионъ
Или коническая пуля!

Какъ огорошенные градомъ,
Ушли остзейскіе тузы.
Жиды вскочили... стали рядомъ...
«Куда? Сейчасъ — конецъ грозы!»
И любопытные евреи
Остались... Воздухъ душень сталъ...
Зацѣпа рвалъ рубашку съ шеи
И истерически рыдалъ...

Князь Иванъ.

На миллионъ согрѣша,
На миллиарды тоскуеть!
То-то святая душа!
Что же сей сонъ знаменуетъ?

Бѣдный Зацѣпа — поэтъ;
Горе его — непрактичность;
Нынче раскаянья нѣтъ:
Какъ ни зацапай наличность,

Мы оправданье найдемъ!
Нынче твердить и бородка:
«Американскій пріемъ»,
«Великорусская смѣтка!»

Грошъ у новѣйшихъ господъ
Выше стыда и закона;
Нынче тоскуеть лишь тотъ,
Кто не укралъ миллиона.

Бредить Америкой Русь,
 Къ ней тяготѣя сердечно...
 Шуйско-Ивановскій гусь —
 Американецъ?.. Конечно!

Что ни попало — тащать,
 «Нашъ идеаль» — говорятъ —
 «Заатлантическій братъ:
 «Богъ его — тоже, вѣдь, долларъ!

Правда! но разница въ томъ:
 Богъ его — долларъ, добытый трудомъ,
 А не украденный долларъ!

ЗАЦѢПИНЪ.

Къ религіи склонность я питаль,
 Мечталъ носить желѣзныя вериги,
 А кончилъ тѣмъ, что утверждалъ
 Завѣдомо подчищенныя книги...

Рыдаеть.

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Ты книги подчистилъ? и только!
 Уйми щекотливую честь!
 Ахъ! еслибъ всѣ выпили столько,
 Не то услышали-бъ мы здѣсь!

Тернисты пути совершенства,
 И Русь помѣшалась на томъ:
 Нельзя-ли земного блаженства
 Достигнуть обратнымъ путемъ?

Позорныя пятна на чести,
 Торжественный, крупный скандалъ

И тысячь четыреста... двѣсти
Въ итогѣ — вотъ нашъ идеаль!

Себя угнетаетъ сознанье,
Что шатко общественный крестъ
Ты несъ, получая даянье
Съ пятнадцати прибыльныхъ мѣстъ?

Утѣшься! Подъ жертвою крупной
Таится подходъ къ грабежу,
Подъ маской добра неприступной
Холодный расчетъ докажу!

Завидуешь доблестямъ мужа,
Что нѣсколько разъ устоялъ,
И, плутни другихъ обнаружа,
Копѣечки самъ не укралъ?

Гонитель воровъ беспощадный,
Блистающій честностью мужъ
Ждетъ случая хапнуть громадный
Приличный амбиціи кушъ!

Дождется — и маску смиренья
Цинически сбросить съ лица...
Утѣшься! *Блаженство наденья* —
Конечная цѣль мудреца!..

Рѣдѣла дружная семья,
Поочередно подходили
Къ Зацѣпѣ верные друзья
И успокоиться просили:
«Не плачь! безгрѣшенъ только Богъ;

Не плачь! Не хуже ты другого!»
 Отвѣтъ: рыданье, тяжкій вздохъ
 Или язвительное слово!

Тронуть ближняго несчастьемъ,
 Милліонщикъ-мукомоль
 Къ удрученному съ участьемъ,
 И съ совѣтомъ подошелъ:
 «Чтобы совѣсть успокоить,
 Поговѣй-ка ты постомъ,
 Да совѣтую устроить
 Богадѣльный домъ.
 Передъ ризницей святою
 Въ ночь лампадки зажигай,
 Да получше, безъ отстою,
 Масло наливай!»

Подошелъ и Федоръ Шкуринъ.
 — Прочь! не подходи!
 вмѣсто сердца, грошъ фальшивый
 У тебя въ груди!

Ты ребенкомъ дралъ щетину
 Изъ живыхъ свиней,
 А теперь ты жили тянешь
 Изъ живыхъ людей! —

Шкуринъ голову повѣсилъ,
 «Такъ-съ!» пробормоталъ...
 Князь Иванъ одинъ былъ веселъ:
 «Браво!» онъ сказалъ.

Дружень былъ старикъ съ Зацѣпой,
 Онъ къ нему подсѣлъ —

Укротить порывъ свирѣпый
Въ свой чередъ хотѣлъ...

Князь Иванъ.

Ты Шиллера, должно быть, начитался,
Иль черезчуръ венгерскаго хлебнулъ!
Кто не мечталъ... и кто не оказался
Отступникомъ? Кто круто не свернулъ
Съ прямыхъ путей — по волѣ... по неволѣ?..
Припомнимъ-ка товарищей по школѣ:

Окончивъ курсъ, на лекціи студентамъ
Ученый Швабсъ съ энергіей внушалъ
Любовь къ труду, презрѣніе къ процентамъ,
Громя тарифъ, налоги, капиталъ.
Сочувственно ему внимали классы...
А нынѣ онъ — директоръ ссудной кассы...

«Судья лишь тотъ, кто Богу самъ не грѣшенъ,
А мой принципъ — прощенье и любовь!»
Говаривалъ Володя Перелѣшинъ:
«Кто низко палъ — воспрянуть можетъ вновь;
«Не бичевать, жалѣть должны мы вора...»
А нынѣ онъ — товарищъ прокурора...

Графъ Твердышовъ... ужъ онъ ли надъ Россіей,
Надъ мужичкомъ голоднымъ не грустилъ?
А кончилъ тѣмъ, что съ земскою гарантіей
По пустырямъ дорогу проложилъ
И съ помощью ненужной той дороги
Отяготилъ крестьянскіе налоги...

Зацѣпинъ — *внезапно вскакиваетъ.*

Хлѣбушка нѣтъ,
Валится домъ,

Сколько ужъ лѣтъ
 Камѣ поемъ
 Горе свое!

Князь Иванъ.

Эхъ, ты! не кстати перервалъ!
 Шумить какъ угли въ самоварѣ!
 А я бы вѣрно перебралъ
 Весь Петербургъ: я былъ въ ударѣ!

Зацѣпинъ.

Горе! горе! хищникъ смѣлый
 Ворвался въ толпу!
 Гдѣ же Руси неумѣлой
 Выдержать борьбу?
 Охъ! горька твоя судьбина,
 Русская земля!
 У мужицкаго алтына,
 У дворянскаго рубля
 Плутократъ, какъ караульный,
 Станетъ на часахъ,
 И пойдетъ грабежъ огульный
 И — случится крррахъ!

Онъ осушилъ стаканъ воды;
 Порывы грусти тише стали;
 Не уходившіе жиды
 Его почти не понимали!

Они подумали, что онъ
 Свершилъ въ Россіи преступленье,
 Укравъ казенный милліонъ,
 И — предложили наставленье.

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДИЯ.

Денежки есть — нѣтъ бѣды,
 Денежки есть — нѣтъ опасности
 (Такъ говорили жидаы,
 Слогъ я исправилъ для ясности).

Вытрите слезы свои,
 Преодолейте истерику.

Вы намъ продайте паи,
 Деньги пошлите въ Америку.

Вы рассчитайте людей,
 Вы распустите по городу
 Слухъ о болѣзни своей,

Выкрасьте голову, бороду,

Брови... Одѣньтесь тепло!
 Вы до Кронштадта на катерѣ,

Вы на корабль... подъ крыло
 Къ нашей финансовой матери*)

Денежки — добрый товаръ —
 Вы поселяйтесь на жительство

Гдѣ не достанетъ правительство,
 И поживайте, какъ — *царръ!*

ЗАЦѢПИНЪ.

Прочь! гнушаюсь вашихъ узъ!..
 Проклинаю процвѣтающій,
 Все-берущій, все-хватаящій,
 Все-ворующій союзъ!..

Ушли, полны негодованья,
 Жидаы-банкиры... Леонидъ,

*) Англія.

Съ послѣднимъ словомъ увѣщанья
Передъ Зацѣпнымъ стоять.

Леонидъ.

Явленье — строго говоря —
Не ново съ русскими великими умами:

Съ Ивана Грознаго царя
До переписки Гоголя съ друзьями,
Самобичующій протестъ —
Россійскихъ гражданъ достоянье!
Его, какъ ржа желѣзо, ѣсть
Душевной немощи сознанье;
Забыта истина одна,

Что рыцарская честь въ Россіи невозможна...

Мы искалѣчены безбожно
И развѣ наша въ томъ вина?

*Пауза. Ораторъ всматривается въ лицо За-
цѣпы, наблюдая впечатлѣніе своей рѣчи. За-
цѣпинъ закрываетъ глаза.*

Русской души не понять иновѣрцу...

Пусть онъ бичуетъ себя, господа!
Дайте излиться прекрасному сердцу!
Нѣтъ въ покояньѣ стыда.

Что за нелѣпость — крестьянинъ не сѣченый?

Нечѣмъ тутъ хвастать, а лучше молчать:

Темныя пятна души изувѣченной

Русскому глупо скрывать.

Неисчислимы орудья клеймящія!

Если кого не коснулись они,

Это — не Руси сыны настоящіе,

Это — уроды! Куда ни взгляни,

Все подъ гребенку подстрижено,

Сбито съ прямого пути,

Неотразимо обижено...
 Гдѣ же спасенье найти?
 Гдѣ? «Въ милліонахъ!» такъ жизнь подсказала,
 Геній достигнуть помогъ...
 Горе одно: онъ убить идеала
 Въ сердцѣ прекрасномъ не могъ...
 О, роковая судьбъ неизбежность!
 Въ практикѣ — строгій дѣлецъ,
 Голубь въ душѣ — благородство и нѣжность!..
 Вотъ его драма... Уснулъ наконецъ.

*Пауза. Ораторъ снова всматривается въ лицо
Защиты, сидящаго съ закрытыми глазами, и
продолжаетъ развязнымъ тономъ.*

Ужъ лучше бить, чѣмъ битымъ быть,
 Ужъ лучше ѣсть арбузы, чѣмъ солону...
 Созналъ ты эту аксіому?
 Такъ, стало, не о чемъ тужить!
 Знай свой шестокъ и дань плати культурѣ!
 На западѣ — Мишле, Эдгардъ Кинэ,
 Овсянниковъ — въ родной своей странѣ —
 Явленья, вѣрныя натурѣ!
 И то ужъ хорошо, что выигралъ ты бой...
 Толпа идетъ избитою тропой;
 Рабы довольны, если сыты;
 Но намъ даны иные аппетиты...
 О, Господи! Удвой желудокъ мой!
 Утрой гортань! учетвери мой разумъ —
 Дай ножницы такія изобрѣсть,
 Чтобъ цѣлый міръ остричь вплотную разомъ —
 Вотъ русская незыблемая честь!..

*Защитникъ кидается къ Леониду съ кулаками,
его удерживаютъ.*

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Дай венгерскаго старѣйшаго!
 Дружно тостъ провозгласимъ:
 «За философа новѣйшаго!»
 Вы — мальчишки передъ нимъ!
 Ничего не будетъ новаго,
 Если завтра у него
 На спинѣ туза бубноваго
 Мы увидимъ... ничего!..
 Но гораздо вѣроятнѣе,
 Что его карьера ждетъ
 Деликатнѣе, опрятнѣе...
 Милліоны наживетъ!

САВВА — *хлопоча, между тѣмъ,
 около Зацѣпы, говоритъ
 вполголоса.*

Опомнись, Гриша! что съ тобой?
 Себя клеймишь, друзей порочишь,
 Нехорошо! Уйди домой
 И тамъ бѣснуйся, сколько хочешь.
 Или ты выгоднымъ нашель
 Пустить молву между врагами,
 Что состоянье пріобрѣлъ
 Ты незаконными путями?
 Опомнись! У тебя есть сынъ,
 Услышитъ...

ЗАЦѢПИНЪ.

У меня нѣтъ сына...

Бросаетъ Савва телеграмму.

САВВА — читаетъ.

«Сегодня умеръ Константинъ».
Такъ вотъ разгадка! вотъ причина!
Недаромъ онъ съ утра ходилъ
Угрюмъ и золь, въ хандрѣ глубокой;
Недаромъ такъ безумно пилъ...
Ударъ, дѣйствительно, жестокий!..

Гриша — образчикъ широкихъ натуръ —
Смолоду въ крайности дерзко бросался,
То милліоновъ желалъ, самодуръ,
То въ монастырь запереться собирался.
И богомолецъ, и ротмистръ лихой,
И хлѣбосоль — предводитель дворянства,
Сталъ онъ современемъ тузъ откупной —
Эксплуаторъ народнаго пьянства,
Откупъ рѣшили; герой не хотѣлъ
Праздно сидѣть на своемъ капиталѣ,
И провалился — по новости дѣлъ...
Многіе такъ провалились вначалѣ.
Бывшій гусаръ, зарядивъ пистолеть,
Дерзко на биржѣ сыгралъ на остатки —
Вывезло счастье! Увѣровалъ свѣтъ
Въ геній Зацѣпы... Постигнувъ порядки
Новой эпохи, и онъ не дремалъ!
Счастливо, нѣтъ ли, на биржѣ играя,
Давнія связи Зацѣпа скрѣплялъ,
Ловко услуги свои предлагая:
Деньги «свободныя» взять у друзей
И возвратить съ дивидендомъ высокимъ —
Чудное средство для скрѣпы связей!
Гриша прослылъ финансистомъ глубокимъ.

Стали къ нему, какъ ручьи въ океанъ,
Тайныя нити успѣха стекаться.
Мысль озарила — неси къ нему планъ,
А безъ Зацѣпы не смѣй и соваться...

Слухъ по столицѣ пронесся одинъ —
Сдѣлано слишкомъ ужъ дерзкое дѣло!
Входитъ къ Зацѣпѣ единственный сынъ.
«Правда ли?» «Правда ли?» юноша смѣло
Сыплеть вопросы — и нѣтъ имъ конца;
Вспыхнула ссора, Зацѣпа взбѣсился.
Чтобъ не встрѣчать и случайно отца,
Сынъ непокорный въ Москву удалился.
Тамъ онъ оканчивалъ курсъ, голодалъ,
Письма и деньги отцу возвращая.
Втайнѣ Зацѣпа о немъ тосковалъ...
Вдругъ телеграмма пришла роковая!
«Раненъ твой сынъ». Черезъ сутки письмомъ
Другъ объяснилъ и причину дуэли:
«Воромъ отца обозвали при немъ...»
Черныя мысли отцомъ овладѣли.
Утромъ онъ къ сыну поѣхать хотѣлъ,
Но и другая пришла телеграмма...
Какъ ни крѣпился старикъ — не стерпѣлъ,
И разыгралась во-очію драма...

Князь острилъ, бурлилъ Зацѣпа,
Леонидъ не уходилъ,
Онъ посматривалъ свирѣпо,
Да съ азартомъ соду пилъ.
Савва — честь ему и слава! —
«Сядемъ въ горку!» вдругъ сказалъ.

Столь раскрыть — пошла забава,
 Что ни ставка — капиталъ!
 Разсчиталъ недурно Савва:
 И Зацѣпинъ къ нимъ подсталъ.

ВСТУПЛЕНИЕ.

къ пѣснямъ 1876—77 годовъ.

Нѣтъ! не поможетъ мнѣ аптека,
 Ни мудрость опытныхъ врачей:
 Зачѣмъ же мучить человѣка?
 О, небо! смерть пошли скорѣй!

Друзья притворно безмятежны,
 Угрюмъ мой вѣрный черный пѣсъ,
 Глаза жены сурово-нѣжны:
 Сейчасъ я пытку перенесъ.

Пока недугъ молчить, не гложетъ,
 Я тѣшусь странною мечтой,
 Что потолокъ спуститься можетъ
 На грудь могильною плитой.

Легко бы съ жизнью я разстался,
 Безъ долгихъ мукъ... Прости, покой!
 Какъ ураганъ, недугъ промчался:
 Не ложе — иглы подо мной.

Борюсь съ мучительнымъ недугомъ,
 Борюсь — до скрежета зубовъ...
 О, муза, ты была мнѣ другомъ,
 Приди на мой послѣдній зовъ!

Ужъ я знавалъ такія грозы!
 Ты силу чудную дала.
 Въ колючій тернъ вплетая розы,
 Ты пытку вынести помогла.

Могучей силой вдохновенья
 Страданья тѣла побѣди,
 Любви, негодованья, мщенья
 Зажги огонь въ моей груди!

Крылатыхъ грёзъ толпой воздушной
 Воображенье насели,
 И отъ моей могилы душею
 Надгробный камень отвали!

*
 * *

Ночь съ 8-го на 9-е января.

Дни идутъ... все такъ же воздухъ душеньъ,
 Дряхлый міръ — на роковомъ пути...
 Человѣкъ — до ужаса бездушеньъ,
 Слабому спасенья не найти!

Но... молчи! во гнѣвѣ справедливомъ
 Ни людей, ни вѣка не кляни:
 Волю давъ лирическимъ порывамъ,
 Изойдешь слезами въ наши дни...

СВЯТЕЛЯМЪ.

СВЯТЕЛЬ знанья на ниву народную!
 Почву ты, что ли, находишь бесплодную?
 Худы-ль твои сѣмена?
 Робокъ-ли сердцемъ ты? слабъ ли ты силами?
 Трудъ награждается всходами хилыми,
 Добраго мало зерна!
 Гдѣ-жъ вы, умѣлые, съ бодрыми лицами?
 Гдѣ же вы, съ полными жита кошницами?
 Трудъ засѣвающихъ робко, крупницами,
 Двиньте впередъ!
 Сѣйте разумное, доброе, вѣчное,
 Сѣйте! Спасибо вамъ скажетъ сердечное
 Русскій народъ...

МОЛЕБЕНЬ.

ХОЛОДНО, голодно, въ нашемъ селеніи;
 Утро печальное — сырость, туманъ;
 Колоколь глухо гудить въ отдаленіи,
 Въ церковь зоветъ прихожанъ.
 Что-то суровое, строгое, властное
 Слышится въ звонѣ глухомъ;
 Въ церкви провелъ я то утро ненастное —
 И не забуду о немъ.
 Все населеніе, старо и молодо,
 Съ плачемъ поклоны кладѣтъ:
 О прекращеніи лютаго голода
 Молится жарко народъ.

ДРУЗЬЯМЪ.

Я примирился съ судьбой неизбѣжною;
Нѣтъ ни охоты, ни силы терпѣть
Невыносимую муку кромѣшную!
Жадно желаю скорѣй умереть.
Вамъ же — не праздно, друзья благородные,
Жить, и въ такую могилу сойти,
Чтобы широкіе ланги народныя
Къ ней проторили пути...

МУЗЪ.

О, муза! наша пѣсня спѣта.
Приди, закрой глаза поэта
На вѣчный сонъ небытія,
Сестра народа — и моя!

*
* *

Скоро стану добычею тлѣнья.
Тяжело умирать, хорошо умереть;
Ничьего не прошу сожалѣнья,
Да и некому будетъ жалѣть.

Я дворянскому нашему роду
Блеска лирой моею не стяжалъ;
Я настолько же чуждымъ народу
Умираю, какъ жить начиналъ.

Узы дружбы, союзовъ сердечныхъ —
 Все порвалось: мнѣ съ дѣтства судьба
 Посылала враговъ долговѣчныхъ,
 А друзей уносила борьба.

Пѣсни вѣщія ихъ не допѣты;
 Пали жертвою злобы, измѣнъ,
 Въ цвѣтѣ лѣтъ; на меня ихъ портреты
 Укоризненно смотрятъ со стѣнъ...

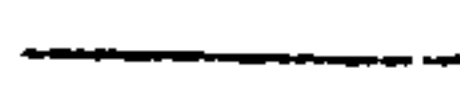

З — НЪ.

I.

Двѣсти ужъ дней,
 Двѣсти ночей
 Муки мои продолжаются;
 Ночью и днемъ
 Въ сердцѣ твоємъ
 Стоны мои отзываются.
 Двѣсти ужъ дней,
 Двѣсти ночей!
 Темные зимніе дни,
 Ясные зимнія ночи...
 З — на! закрой утомленные очи!
 З — на! усни!

4-го декабря, ночь.

II.

Ты еще на жизнь имѣешь право,
 Быстро я иду къ закату дней.

Я умру — моя померкнетъ слава,
Не дивись — и не тужи о ней!

Знай, дитя: ей долгимъ, яркимъ свѣтомъ
Не горѣть на имени моемъ:
Мнѣ борьба мѣшала быть поэтомъ,
Пѣсни мнѣ мѣшали быть бойцомъ.

Кто, служа великимъ цѣлямъ вѣка,
Жизнь свою всецѣло отдаетъ
На борьбу за брата-человѣка,
Только тотъ себя переживетъ...

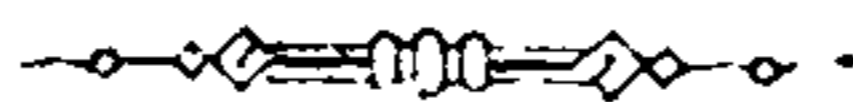
ПРИГОВОРЪ.

«**В**ы въ своей землѣ благословенной
Паріи — не знаете васъ народъ,
Свѣтскій кругъ, бездушный и надменный,
Васъ презрѣньемъ хладнымъ обдаетъ.

И звучитъ безцѣльно ваша лира:
Вы пѣвцами темной стороны —
На любовь, на уваженье міра
Не стяжавшей права — рождены!..» —

Камень въ сердце русское бросая,
Такъ о васъ весь Западъ говоритъ.
Заступись, страна моя родная!
Дай отпоръ!.. Но родина молчитъ...

Ночь съ 7-го на 8-е января.

МАТЬ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПОЭМЫ.

Е. О. Лихачевой.

I.

Въ насмѣшливомъ и дерзкомъ нашемъ вѣкѣ
 Великое, святое слово: мать —
 Но я привыкъ обычай презирать.
 Я не боюсь насмѣшливости модной.
 Таковую музу мнѣ дала судьба:
 Она поеть по прихоти свободной,
 Или молчить, какъ гордая раба.
 Я много лѣтъ среди трудовъ и лѣни
 Съ постыднымъ малодушьемъ убѣгалъ
 Плѣнительной, многострадальной тѣни,
 Для памяти священной... Часъ насталь!..
 Мнѣ любить блескъ, гремушки и литагры;
 Удѣлъ толпы — не узнавать друзей;
 Она несетъ хвалы, вѣнцы и лавры
 Лишь тѣмъ, чей бичъ хлесталь ее больнѣй;
 Вѣнецъ, толпой немыслящею свитый,
 Ожжетъ чело страдальцы забытой —
 Я не ищу ей поздняго вѣнца.
 Но я хочу, чтобъ свѣтъ души высокой
 Сіялъ для васъ, средь полночи глубокой,
 Подобно ей насчастливыя сердца!...

Быть можетъ, я преступно поступаю,
 Тревожа сонъ твой, мать моя? прости!
 Но я всю жизнь за женщину страдаю,

Къ свободѣ ей заказаны пути;
 Позорный плѣнъ, весь ужасъ женской доли,
 Ей для борьбы оставилъ мало силъ,
 Но ты ей дашь урокъ желѣзной воли...
 Благослови, родная: часъ пробилъ!
 Въ груди кипятъ рыдающіе звуки,
 Пора, пора имъ ввѣрить мысль мою!
 Твою любовь, твои святыя муки,
 Твою борьбу — подвижница, пою!..

II.

Я отрокомъ покинулъ отчій домъ
 (За славой я въ столицу торопился).
 Въ шестнадцать лѣтъ я жилъ своимъ трудомъ
 И между тѣмъ урывками учился.
 Лѣтъ двадцати, съ усталой головой,
 Ни живъ, ни мертвъ (я голодалъ по-долгу),
 Но горделивъ — пріѣхалъ я домой.
 Я посѣтилъ деревню, нивы, Волгу —

Всѣ тѣ же вы — и нивы, и народъ...
 И та же все — рѣка моя родная...
 Замѣтилъ я новинку: пароходъ!
 Но лишь на мигъ мелькнула жизнь живая.
 Кипѣла ты — зубчатымъ колесомъ
 Прорытая — дорога водяная,
 А берега дремали крѣпкимъ сномъ.
 Дремало все: расшивы, коноводки,
 Дремалъ бурлакъ на днѣ завозной лодки...
 Проснется онъ — и Волга оживетъ!
 Я дождался тягучихъ, мѣрныхъ звуковъ...
 Приду-ль сюда еще послушать внуковъ,

Гдѣ слышу васъ, отцы и сыновья?
Ужъ не на то-ль дана мнѣ жизнь моя?

Охваченъ вдругъ дремотою и лѣнью,
Въ полдневный зной вошелъ я въ старый садъ;
Въ немъ семь ключей сверкаютъ и гремятъ.
Внимая ихъ порывистому пѣнью,
Вершины липъ таинственно шумятъ.
Я ихъ люблю: подъ ихъ зеленой сѣнью,
Тиха, какъ ночь, и легкая, какъ тѣнь,
Ты, мать моя, бродила каждый день.

У той плиты, гдѣ ты лежишь, родная,
Припомнилъ я, волнуясь и мечтая,
Что могъ еще увидѣться съ тобой,
И опоздалъ! и жизни трудовой
Я преданъ былъ, и страсти, и невгодамъ,
Захлеснуть былъ я невскою волной...
Я радъ, что ты не подъ семейнымъ сводомъ
Погребена — тамъ душно, солнца нѣтъ;
Не будетъ тамъ лежать и твой поэтъ...

.....
.....
.....
.....

И наконецъ вошелъ я въ старый домъ.
Въ немъ новый полъ, въ немъ новые порядки;
Но мало я заботился о томъ.
Я разобралъ, хранимые отцомъ,
Твоихъ работъ, твоихъ бумагъ остатки
И надъ однимъ задумался письмомъ.
Оно съ гербомъ, оно съ бордюромъ узкимъ,
Исписанъ листъ то польскимъ, то французскимъ
Порывистымъ и страстнымъ языкомъ.

Припоминаль я что-то долго, смутно:
 Ужь не его-ль, вздыхая поминутно,
 Читала ты въ младенчествѣ моемъ
 Одна, въ саду? Не зная ни о чемъ,
 Я въ немъ тогда источникъ горя видѣль
 Моей родной, — я съечь его былъ радъ,
 И я теперь его возненавидѣль.
 Глухая ночь! Иду поспѣшно въ садъ...
 Ищу ее, обнять желаю страстно...
 Гдѣ ты? прими сыновнѣй мой привѣтъ!
 Но вторить мнѣ лишь эхо безучастно...
 Я зарыдалъ; увы! ея ужь нѣтъ!

Луна взошла и садъ осеребрила.
 Подъ сводомъ липъ недвижно я стояль,
 Которыхъ сѣнь родная такъ любила.
 Я ждалъ ее — и не напрасно ждалъ...
 Она идетъ; то медленны, то скоры
 Ея шаги, письмо въ ея рукѣ...
 Она идетъ... Внимательные взоры
 По немъ скользятъ въ тревогѣ и тоскѣ.
 «Ты вновь со мной!» невольно восклицаю,
 «Ты вновь со мной...» кружится голова...
 Чу, тихій плачь, чу, шопоть! Я внимаю —
 Слова письма — знакомыя слова!

III.

П И С Ь М О.

Варшава, 1824 годъ.

«Какую ночь я нынче провела!
 О, дочь моя! что сдѣлала ты съ нами?»

Кому, кому судьбу ты отдала?
 Какой странѣ родную предпочла?
 Приснилось мнѣ: затравленная псами,
 Занесена ты русскими снѣгами.
 Была зима, была глухая ночь,
 пылалъ костеръ, зажженный дикарями,
 И у костра, съ закрытыми глазами,
 Лежала ты, моя родная дочь!

Дремучій лѣсъ, чернѣя полукругомъ,
 Ревѣлъ, какъ звѣрь... ночь долгая была,
 Стонала ты, какъ стонетъ рабъ за плугомъ.
 И, наконецъ, застыла — умерла!..

О, сколько сновъ... о, сколько мыслей черныхъ:
 Я знаю, Богъ караетъ непокорныхъ,
 Я вѣрю снамъ, и плачу, какъ дитя...
 Позоръ, позоръ! мы — басня всей Варшавы!
 Ты, чьей руки М. М. искалъ, какъ славы,
 Въ кого Н. Н. влюбился не шутя,
 Ты увлеклась армейскимъ офицеромъ!
 Ты увлеклась красивымъ дикаремъ!
 Не спорю, онъ приличенъ по манерамъ,
 Природный умъ я замѣчала въ немъ,
 Но нравъ его, привычки, воспитанье...
 Умѣетъ ли онъ имя подписать?
 Прости! Кипитъ въ груди негодованье—
 Я не могу, я не должна молчать!

.....

Твоей красѣ (сурова тамъ природа)
 Ужъ никогда вполнѣ не расцвѣсти;
 Твоей косы не станетъ на полгода;
 Тамъ свой девизъ: «любить и бить»... прости.

.....
 Какая жизнь! Полотна, тальки, куры
 Съ несчастныхъ бабъ; сосѣди — дикари,
 А жены ихъ — безграмотныя дуры...
 Сегодня пиръ... псари, псари, псари!
 Пой, дочь моя! средь самаго разгара
 Твоихъ руладъ, не выдержавъ удара,
 Валится рабъ... Засмѣйся! всѣмъ смѣшно...

.....

 Въ послѣдній разъ, какъ мать, тебя цѣлую —
 Я поощрять бѣглянку не должна;
 Рѣшай сама, бери судьбу любую:
 Вернись въ семью, будь родинѣ вѣрна —
 Или, отцомъ на вѣки проклятая
 И навсегда потерянная мной,
 Останься тамъ — отступницею края
 И москаля презрѣнною рабой».

.....
 Очнулся я. Ключи немолчные гремѣли
 И птички раннія на старыхъ липахъ пѣли.
 Въ рукѣ моей письмо... но нѣтъ моей родной!
 Смятенный, я поникъ уныло головой.
 Природа чуткимъ сномъ была еще объята,
 Луна глядѣла въ прудъ; на стеблѣ роковомъ
 Стояли лопухи недвижно надъ прудомъ.
 Такъ узники глядятъ изъ оконъ каземата.

.....

Я книги перебралъ, которыя съ собой
Родная привезла когда-то издалека,
Замѣтки на поляхъ случайныя читалъ:
Въ нихъ жилъ пытливый умъ, вникающій глубоко.
И снова плакалъ я, и думалъ надъ письмомъ,
И вновь его прочелъ внимательно съ начала,
И кроткая душа, терзаемая въ немъ,
Впервые предо мной въ красѣ своей предстала...
И неразлучною осталась ты съ тѣхъ поръ,
О, мать-страдалица! съ своимъ печальнымъ сыномъ!
Тебя, твоихъ слѣдовъ искалъ повсюду взоръ,
Досугъ мой преданъ былъ прошедшаго картинамъ.

Та блѣдная рука, ласкавшая меня,
Когда у догоравшаго огня
Въ младенчествѣ я сиживалъ съ тобою,
Мнѣ въ сумерки мерещилась порою,
И голосъ твой мнѣ слышался впотьмахъ,
Исполненный мелодіи и ласки,
Которымъ ты мнѣ сказывала сказки
О рыцаряхъ, монахахъ, короляхъ.

Потомъ, когда читалъ я Данта и Шекспира,
Казалось, я встрѣчалъ знакомыя черты:
То образы изъ ихъ живого міра
Въ моемъ умѣ напечатлѣла ты.
И сталъ я понимать, гдѣ мысль моя блуждала,
Гдѣ ты душой, страдалица, жила,
Когда кругомъ насилье ликовало,
И стая псовъ на псарнѣ завывала,
И вьюга въ окна била и мела...

.....
.....

.....

.....

Незримой лѣстницей съ недавнихъ юныхъ дней
 Я къ дѣтству нисходилъ, ту жизнь припоминая,
 Когда еще была ты нянею моею
 И ангеломъ-хранителемъ, родная.

Въ иномъ краю, не менѣе несчастномъ,
 Но менѣе суровомъ, рождена.
 На сѣверѣ угрюмомъ и ненастномъ
 Въ осьмнадцать лѣтъ ужъ ты была одна.
 Тотъ разлюбилъ, кому судьба вручила,
 Съ кѣмъ въ чуждый край доврѣчиво пошла;
 Ужъ онъ не твой; но ты не разлюбила,
 Ты разлюбить до гроба не могла...

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

Ты на письмо молчаньемъ отвѣчала,
 Своимъ путемъ безстрашно ты пошла.

.....

.....

Гремѣлъ рояль и голосъ твой печальный
 Звучалъ, какъ вопль души многострадальной,
 Но ты была ровна и весела:
 «Несчастлива я, терзаемая другомъ,
 Но предъ тобой, о женщина-раба!

Передъ рабомъ, согнувшимся надъ плугомъ,
 Моя судьба — завидная судьба!
 Несчастлива ты, о родина! я знаю:
 Весь край въ крови, весь заревомъ объять...
 Но край, гдѣ я люблю и умираю,
 Несчастнѣе, несчастнѣе стократъ!..»

Хаосъ! мечусь въ безпамятствѣ, въ бреду!
 Хаосъ! едва мерцаетъ умъ поэта,
 Но юности священнаго обѣта
 Не совершивъ, въ могилу не сойду!
 Поймутъ иль нѣтъ, но будетъ пѣсня спѣта.

Я опоздалъ; я медленно и ровно
 Завѣтный трудъ не въ силахъ совершить;
 Но я дерзну въ картинѣ малословной
 Твою судьбу, родная, совмѣстить.

И я смогу!.. Поможетъ мнѣ искусство,
 Поможетъ смерть — я скоро нуженъ ей...
 Мала слеза — но въ ней избытокъ чувства;
 Чтò океанъ безбрежный передъ ней!..

.....

Такъ двадцать лѣтъ подвижничества цѣпи
 Влачила ты! пока твой часъ пробилъ.
 И не вотще среди безводной степи
 Струился ключъ — онъ жаждущихъ поилъ.
 И не вотще любовь твоя сіяла:
 Какъ въ небесахъ ни много черныхъ тучъ,
 Но если ночь сдаваться утру стала,
 Все-жъ, наконецъ, проглянетъ солнца лучъ!

И вспыхнулъ день! Онъ твой: ты побѣдила!
У ногъ твоихъ — дѣтей твоихъ отецъ.
Семья давно вины твои простила,
Лобзаетъ рабъ торновый твой вѣнецъ...
Но... двадцать лѣтъ!.. Какъ сладко, умирая,
Вздохнула ты... Какъ тихо умерла!
О, сколько силъ явила ты, родная!
Какимъ путемъ къ побѣдѣ ты пришла!..

Душа твоя — она горитъ алмазомъ,
Раздробленнымъ на тысячи крупицъ
Въ величѣ дѣлъ, неуловимыхъ глазомъ.
Я понялъ ихъ — я палъ предъ ними ницъ,
Я ихъ пою (даруй мнѣ силы, небо!..)
Обречена на скромную борьбу,
Ты не могла голодному дать хлѣба,
Ты не могла свободы дать рабу.

Но лишній разъ не сжало чувство страха
Его души — ты тó дала рабамъ —
Но лишній разъ изъ трепета и праха
Онъ поднялъ взоръ бодрѣе къ небесамъ...
Быть можетъ, даръ бѣднѣе капли въ морѣ,
Но — двадцать лѣтъ! Но тысячамъ сердецъ,
Чей идеаль — убавленное горе,
Границы зла открыты наконецъ!

Твой властелинъ наслѣдственные нравы
То покидалъ, то бурно проявлялъ;
Но если онъ въ безумныя забавы,
Въ недобрый часъ, дѣтей не посвящалъ;
Но если онъ разнузданной свободы
До роковой черты не доводилъ, —

На стражѣ ты надъ нимъ стояла годы,
Покуда мракъ въ душѣ его царилъ...

И если я легко стяхнулъ съ годами
Съ души моей тлетворные слѣды
Поправшей все разумное ногами.
Гордившейся невѣжествомъ среды,
И если я наполнилъ жизнь борьбою
За идеаль борьбы и красоты,
И носить пѣснь, слагаемая мною,
Живой любви глубокія черты —
О, мать моя, подвигнуть я тобою!
Во мнѣ спасла живую душу ты!

И счастливъ я! ужъ ты ушла изъ міра,
Но будешь жить ты въ памяти людской,
Пока въ ней жить моя способна лира.
Пройдутъ года — поклонникъ вѣрный мой
Ей посвятить досугъ уединенный,
Прочтеть рассказъ и о твоей судьбѣ;
И посѣтивъ поэта правъ забвенный,
Вздохнувъ о немъ, вздохнетъ и о тебѣ.

9 февраля 1877.

З И Н Ъ.

Пододвинь перо, бумагу, книги,
Милый другъ! Легенду я слыхалъ.
Пали съ плечъ подвижника вериги,
И подвижникъ мертвый палъ!

Помогай же мнѣ трудиться, Зина!
Трудъ всегда меня животворилъ.
Вотъ еще красивая картина —
Запиши, пока я не забылъ!

Да не плачь украдкой! — Вѣрь надеждѣ,
Смѣйся, пой, какъ пѣла ты весной,
Повторяй друзьямъ моимъ, какъ прежде,
Каждый стихъ, записанный тобой.

Говори, что ты довольна другомъ:
Въ торжествѣ одержанныхъ побѣдъ
Надъ своимъ мучителемъ-недугомъ,
Позабылъ о смерти твой поэтъ!

13-го февраля 1877.

ПОЭТУ.

Любовь и Трудъ — подъ грудями развалинъ!
Куда ни глянь — предательство, вражда,
А ты молчишь — бездѣйственъ и печаленъ,
И медленно сгораешь со стыда,
И небу шлешь укоръ за даръ счастливый:
Зачѣмъ тебя вѣнчало имъ оно,
Когда душѣ мечтательно-пугливой
Рѣшимости бороться не дано?

Февраль 1877.

БАЮШКИ-БАЮ.

1877 г., марта 3-го.

Неповѣдимое страданье,
Неутолимая тоска...

Влечеть, какъ жертву на закланье,
Недуга черная рука.

Гдѣ ты, о, муза! Пой, какъ прежде!
«Нѣтъ больше пѣсенъ, мракъ въ очахъ,
Сказать: умремъ! конецъ надеждѣ!
Я прибрела на костыляхъ!»

Костыль ли, заступъ ли могильный
Стучить... смолкаетъ... и затихъ...

И нѣтъ ея, моей всеильной,
И измѣнилъ поэту стихъ.

Но передъ ночью непробудной
Я не одинъ... Чу! голосъ чудный!

То голосъ матери родной:

«Пора съ полуденнаго зноя,
Пора, пора подъ сѣнь покоя;
Усни, усни, касатикъ мой!

Прійми трудовъ вѣнецъ желанный!
Ужъ ты не рабъ — ты царь вѣнчанный,
Ни что не властно надъ тобой!

«Не страшень гробъ, я съ нимъ знакома;
Не бойся молніи и грома,
Не бойся цѣпи и бича,
Не бойся яда и меча,
Ни беззаконья, ни закона,
Ни урагана, ни грозы,

Ни человѣческаго стона,
Ни человѣческой слезы.

«Уси, страдалецъ терпѣливый!
Свободной, гордой и счастливой
Увидишь родину свою...
Баю-баю-баю-баю!

Еще вчера людская злоба
Тебѣ обиду нанесла;
Всему конецъ, не бойся гроба!
Не будешь знать ты больше зла!
Не бойся клеветы, родимый:
Ты заплатилъ ей дань живой;
Не бойся стужи нестерпимой:
Я схороню тебя весной.

«Не бойся горькаго забвенья:
Ужъ я держу въ рукѣ моей
Вѣнецъ любви, вѣнецъ прощенья,
Даръ кроткой родины твоей...
Уступить свѣту мракъ упрямый,
Услышишь пѣсенку свою
Надъ Волгой, надъ Окой, надъ Камой...
Баю-баю-баю-баю!..»

ОТЪВЗЖАЮЩЕМУ.

Д а же вполголоса мы не пѣвали,
Мы — горемыки-пѣвцы!
Подъ берегами мы ведро прождали,
Словно лѣнтяи пловцы.

Старость приходит — недуги да горе;
 Жизнь бесполезно прошла;
 Хоть на прощанье въ открытое море,
 Въ море царящаго зла,
 Прямо и смѣло направить бы лодку.
 Сунься-ко! сдѣлаешь шагъ
 А на второмъ
 Другъ моей юности (нынѣ мой врагъ!)
 Я не дивлюсь, что отчизну любезную
 Счелъ ты за лучшее кинуть:
 Жить для нея — надо силу желѣзную,
 Волю желѣзную — сгинуть.

*
* *

ЧЕРНЫЙ день! какъ нищій просить хлѣба,
 Смерти, смерти я прошу у неба.
 Я прошу ея у докторовъ,
 У друзей, враговъ и цензоровъ.
 Я взываю къ русскому народу:
 Коли можешь, выручай!
 Окуни меня въ живую воду,
 Или мертвой въ мѣру дай.

*
* *

ВЕЛИКОЕ чувство! у каждахъ дверей,
 Въ какой сторонѣ ни заѣдемъ,
 Мы слышимъ, какъ дѣти зовутъ матерей
 Далекихъ, но рвущихся къ дѣтямъ.

Великое чувство! Его до конца
Мы живо въ душѣ сохраняемъ,
Мы любимъ сестру, и жену, и отца,
Но въ мукахъ мы мать вспоминаемъ!

М. Е. САЛТЫКОВУ,

ПРИ ОТЪѢЗДѢ ЗА ГРАНИЦУ.

Р нашей родинѣ унылой
Въ чужомъ краю не позабудь
И возвратись, собравшись съ силой,
На оный путь — журнальный путь...

На путь, гдѣ шагу мы не ступимъ
Безъ сдѣлокъ съ совѣстью своею,
Но гдѣ мы снисхожденье купимъ
Трудомъ у мыслящихъ людей.

Трудомъ и безкорыстной цѣлью...
Да! будемъ лучше рисковать,
Чѣмъ безопасному бездѣлью
Остатокъ жизни отдавать.

ОТ РЫ В О К Ъ.

Я сбросила мертвящія оковы
Друзей, семьи, родного очага,
Ушла туда, гдѣ чтуть пути Христовы,
Гдѣ стерегутъ оплошнаго врага.

Въ бездѣйствіи застала я дружины;
 Окончивъ день, безпечно шли ко сну
 И женщины, и дѣти, и мужчины,
 Лишь межъ собой вожди вели войну...

Слова... слова... красивые рассказы
 О подвигахъ... но гдѣ же ихъ дѣла?
 Иль нѣтъ людей, идущихъ дальше фразы?
 А я сюда всю душу принесла!..

СТАРОСТЬ.

Просить отдыха слабое тѣло,
 Душу тайная жажда томить.
 Горько ты, стариковское дѣло!
 Жизнь смѣется, — въ глаза говорить:

Не лелѣй никакихъ упованій,
 Передъ разумомъ сердце смири,
 Въ созерцаньи безмѣрныхъ страданій
 И въ сознаньи безсилья — умри!..

ТЫ НЕ ЗАБЫТА...

Я была вчера еще полезна
 Ближнему — теперь ужъ не могу!
 Смерть одна желанна и любезна —
 Пулю я не даромъ берегу...

Вотъ и все, что ты намъ завѣщала;
 Да еще узнали мы потомъ,
 Что давно ты бѣднымъ отдавала,
 Что добыть умѣла ты трудомъ.

Попъ трусливъ — боится, не хоронить:
 Убѣдить его мы не могли;
 Мы въ оврагъ, гдѣ только вѣтеръ стонетъ,
 На рукахъ покойницу снесли.

Схоронивъ, мы камень обтесали,
 Утвердили прямо на гробу,
 И на камнѣ четко написали
 Жизнь, и смерть, и всю твою судьбу.

И твои останки людямъ милы,
 И укоръ, и поученье въ нихъ...
 Нужны намъ великія могилы,
 Если нѣтъ величія въ живыхъ.

3 ноября 1877 г.

 ОСЕНЬ.

ДРЕЖДЕ — праздникъ деревенскій,
 Нынче — осень голодна;
 Нѣтъ конца печали женской,
 Не до пива и вина.
 Съ воскресенья почтой бредитъ
 Православный нашъ народъ,
 По субботамъ въ городъ ѣдетъ,
 Ходитъ, проситъ, узнаетъ:

Кто убить, кто ранень лѣтомъ,
 Кто пропаль, кого нашли?
 По какимъ по лазаретамъ
 Уцѣлѣвшихъ развезли?
 Такъ ли жутко!.. Сводъ небесный
 Темень въ полдень, какъ въ ночи;
 Не сидится въ хатѣ тѣсной,
 Не ложится на печи.
 Сытъ, согрѣлся, слава Богу,
 Только спать бы! нѣтъ, не спишь —
 Такъ и тянетъ на дорогу,
 Ни за что не улежишь.
 И бойка-жь у насъ дорога!
 Такъ увѣчныхъ возятъ много,
 Что за нами, на бугрѣ,
 Какъ проносятся вагоны,
 Человѣческіе стоны
 Ясно слышны на зарѣ.

7 ноября 1877 г.

МУЖЪ И ЖЕНА.

Глашенька! пустошь Ивашево —
 Третъ состоянія нашего:
 Не продавай ее, ангельчикъ мой!
 Выдай обратно задатокъ...
 Слезы, нервическій хохоть, припадокъ:
 «Я задолжала — и срокъ за спиной...»
 — Глаша, не плачь! я — хозяинъ плохой,
 Дѣлай что хочешь со мной.
 Сердце мое, исходящее кровью,

Всевыносящей любовью
 Полно, другъ мой!

Глаша! волнуетъ и мучить
Чувство ревнивое душу мою.
Этотъ учитель, что Петиньку учить...
«Такъ! муженька узнаю!
О, если-бъ зналъ ты, какъ золь ты и гадокъ!»
Слезы, нервическiй хохоть, припадокъ...
— Знаю, прости! Я — ревнивецъ большой!
Дѣлай что хочешь со мной.
Сердце мое, исходящее кровью,
Всевыносящей любовью
 Полно, другъ мой!

— Глаша! какъ часто ты нынче гуляешь:
Ты хоть сегодня останься со мной.
Много скопилось работы — ты знаешь,
Чтобъ одолѣть ее, нуженъ покой!
Слезы, нервическiй хохоть, припадокъ...
Глаша, иди! Я — безумецъ, я гадокъ,
Я — эгоистъ безсердечный и злой,
Дѣлай что хочешь со мной.
Сердце мое, исходящее кровью,
Всевыносящей любовью
 Полно, другъ мой!

9 ноября.

С О Н Ъ.

Мнѣ снилось: на утесѣ стоя,
 Я въ море броситься хотѣлъ;
 Вдругъ ангелъ свѣта и покоя
 Мнѣ пѣсню чудную запѣлъ:
 «Дождись весны! Приду я рано,
 Скажу: будь снова человѣкъ!
 Сниму съ главы покровъ тумана
 И сонъ съ отяжелѣлыхъ вѣкъ;
 И музѣ возвращу я голосъ,
 И вновь блаженные часы
 Ты обрѣтешь, собирая колосъ
 Съ своей несжатой полосы».

12 ноября.

*
* *

О, Муза! я у двери гроба!
 Пускай я много виновать,
 Пусть увеличитъ во сто кратъ
 Мои вины людская злоба —
 Не плачь! завиденъ жребій нашъ,
 Не наругаются надъ нами:
 Межъ мной и честными сердцами
 Порваться долго ты не дашь
 Живому, кровному союзу!
 Не рускій — взглянетъ безъ любви
 На эту блѣдную, въ крови,
 Кнудомъ иссѣченную Музу...

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ГОВОРУНЪ.

ЗАПИСКИ ПЕТЕРБУРГСКАГО ЖИТЕЛЯ А. Ө. БЪЛОПЯТКИНА.

ГЛАВА I.

Двѣ строчки точекъ.—Раздумье.—Эфиръ и канцелярія.— Нѣсколько авто-
біографическихъ свѣдѣній.— Нѣчто о супругѣ моей, Агафѣ Леонардо-
внѣ.—Вступленіе.—О Санктпетербургѣ.—Пріятности столичной жизни.—
Шарманщикъ и шарманка.—Литература.—Иллюстрированныя изданія.—
Большой театр.—Дѣвица «Жизель».—Люція Гранъ.—«Русланъ и Люд-
мила».—Египетская магія.—Московскіе цигане.—Груша, Матрена и я.—
О томъ, какая исторія случилась съ Гостиннымъ дворомъ.—Заключеніе.

I.

Да, новый годъ!
.
. Я преданъ сокрушенію,
Не пьется мнѣ, друзья:
Міръ ближе къ разрушенію,
Къ могилѣ ближе я.
Льдомъ жизненнаго холода
Не сковало еще,—
Въ васъ сердце, други, молодо,
Свѣжо и горячо.
Еще вамъ свѣтъ корыстію
Разсудка не растлилъ
И жизни черной кистію

Злой рокъ не зачернилъ.
За счастьемъ безбоязненно
Пока вы мчитесь вдаль,
И гостей непріязненной
Не ходитъ къ вамъ печаль.
Увы!.. она пробудится:
Часъ близокъ роковой!
И съ вами то же сбудется,
Что сталося со мной:
Въ дни возраста цвѣтущаго
Я также былъ готовъ
Взять грудью у грядущаго
И славу и любовь,
Кипѣлъ чудесной силою
И рвался все къ тому,
Чего душой остылою
Теперь и не пойму.
Въ житейскихъ тревоженіяхъ
Терпѣлъ и стыдъ, и зло,
И видѣлъ въ сновидѣніяхъ
Въ вѣнкѣ свое чело.
Любилъ — и имя чудное
Въ отчаяннѣ твердилъ, —
То было время трудное:
Насилу пережилъ!

II.

Когда восторгъ лирическій
Въ себѣ я пробужу,
Я вамъ біографическій
Портретъ свой напишу.
Тогда вы все узнаете, —

Какъ глупъ я прежде былъ,
Мечталъ, какъ вы мечтаете,
Душой въ эфирѣ жилъ,
Бѣжать хотѣлъ въ Швейцарію, —
И какъ родитель мой
Съ эaira въ канцелярію
Столкнулъ меня клюкой.
Какъ гордъ преуморительно
Я въ новомъ былъ кругу,
И какъ потомъ почтительно
Сталъ гнуть себя въ дугу.
Какъ прежде чѣмъ освоился
Со службой, все краснѣлъ,
А послѣ успокоился,
Окрѣпъ и потолстѣлъ.
Какъ гнаться сталъ за деньгами,
Изрядно нажился,
Дѣтьми и деревеньками,
И домомъ завелся...

III.

Но счастье скоротечное
Измѣнчиво и зло!
Друзья мои сердечные,
Не вѣчно мнѣ везло!
Терплю бѣду великую
Съ семейной стороны:
Я взялъ тигрицу дикую
Во образѣ жены...
Но что впередъ печалиться?
Покуда погожу...
Навѣрно всякій сжалится,

Какъ все перескажу.
 Большой портретъ къ изданію
 Списать съ себя велю
 И въ Великобританію
 Гравировать пошлю.
 Какъ скоро онъ воротится,
 Явлюсь на судъ людской,
 Безъ галстука, какъ водится,
 Съ небритой бородой.

IV.

Чтобъ дни мои смиренныя
 Въ несчастьи коротать,
 Записки современныя
 Рѣшился я писать.
 Дворянство и купечество
 И всѣхъ другихъ чиновъ
 И званій человѣчество
 Я видѣлъ безъ очковъ.
 Какъ міръ земной вращается,
 Гдѣ тихо, гдѣ содомъ, —
 Все мною замѣчается,
 Сужу я обо всемъ.
 Болтать мнѣ утѣшительно,
 И публику прошу
 Все слушать снисходительно,
 Чтò я ей расскажу.

V.

Столица наша чудная
 Богата черезъ край;

Житье въ ней нищимъ трудное,
Милліонерамъ — рай.
Здѣсь всюду наслажденія
Для сердца и очей,
Здѣсь все безъ исключенія
Возможно для людей:
При деньгахъ вдвое вырости,
Чертовски разжирѣть,
Отъ голода и сырости
Безъ денегъ умереть
(Гдѣ розы, тамъ и терніи —
Таковъ законъ судьбы!
Бѣднякъ живи въ губерніи:
Тамъ дешевы грибы).
Съ большими здѣсь и съ малыми
Въ одномъ дому живешь,
И рядомъ съ генералами
По Невскому идешь.
Захочешь позабавиться, —
Берешь газетный листъ;
Задумаешь прославиться, —
На то есть журналистъ:
Хвалы онъ всѣмъ славнѣйшія
Печатно раздаетъ,
И какъ — душа добрѣйшая —
Недорого беретъ!
Чего-бъ здѣсь не увидѣли,
Чего бы не нашли?
Портные, сочинители,
Купцы со всей земли,
Наилучшіе сапожники,
Актеры, повара,
Съ шарманками художники

Такіе, что — ура!..
 Я въ нихъ влюбленъ рѣшительно
 И здѣсь ихъ воспою...

VI.

Поютъ преуморительно
 Они галиматью.
 Прикрывъ одеждой шкурочку
 Для смѣха и красы,
 Съ мартышками мазурочку
 Выплясываютъ псы,
 И самъ въ минуту пьяную,
 По страсти иль нуждѣ,
 Шарманщикъ съ обезьяною
 Танцуетъ *надеде*.
 Все скачетъ, все волнуется,
 Какъ будто маскарадъ,
 А русскій людъ любитъся:
 «Какъ нѣмцы-то хитрятъ!»
 Да, сильны ихъ познанія,
 Ихъ ловкость мудрена...
 Дѣйствительно, Германія
 Ученая страна!

(Захочешь продолженія
 Описанныхъ чудесъ, —
 Ступай на представленіе
 Прославленныхъ піесъ).

VII.

Придетъ охота страстная
 За чтеніе засѣсть —

На то у насъ прекрасная
Литература есть.
Цѣпями съ модой скованный,
Измѣнчивъ человѣкъ —
Насталъ *иллюстрированный*
Въ литературѣ вѣкъ.
Съ тѣхъ поръ, какъ шутка съ «Нашими»
Пошла и удалась,
Тьма книгъ съ полтипажами
Въ столицѣ развелась.
Увидишь тутъ Суворова
(Извѣстный былъ герой),
Исторію котораго
Состряпалъ Полевой.
Одѣтаго какъ барина,
Во всей его красѣ,
Увидишь тутъ Булгарина,
Въ бекешѣ, въ картузѣ.
Различныхъ тутъ по званію
Увидишь ты гулякъ
И цѣлую компанію
Салопницъ и бродягъ.
Рисунки чудно слажены,
Въ нихъ каждый штрихъ хорошъ,
Иные и раскрашены:
Ну, нехотя возьмешь!
Изданья тоже славныя, —
Бумага такъ бѣла, —
Но часто презабавныя
Выходятъ тутъ дѣла.
Чѣмъ книга нашпигована, —
Постигнуть нѣтъ ума:
Въ ней все иллюминировано,

А въ текстѣ — мракъ и тьма!
 Въ рисункахъ отличаются
 Клотъ, Тиммъ и Нетельгорстъ,
 Всѣ ими восхищаются...
 Художественный пёрстъ!

VIII.

Когда бѣда случилася
 И хочешь, чтобъ въ груди
 Веселье пробудилося, —
 Въ Большой театръ иди.
 Тамъ ножки разлетаются,
 Такъ зала тамъ блеститъ,
 Такъ платья развѣваются, —
 Величественный видъ!..
 Охъ!.. много съ трубкой зрительной
 Тутъ можно увидать!
 Ее бы «подозрительной»
 Приличнѣй называть.
 Недавно тамъ поставили
 Чудесную «Жизель»,
 И въ ней плясать заставили
 Приѣзжую мамзель.
 Прекрасно! восхитительно!
 Вивать, дѣвица Гранъ!
 Въ партерѣ всѣ рѣшительно
 Кричали: «се шарманъ!»
 Во мнѣ зажглася зà-ново
 Поэзіей душа...
 А впрочемъ, Андреянова
 Тутъ тоже хороша!

IX.

Въ душѣ моей остылую,
Лишенную всѣхъ силъ,
«Русланомъ и Людмилою»
Жизнь Глинка разбудилъ.
Поэма музыкальная
Исполнена красотъ,
Но самое печальное
Либретто: уши рветъ!
Отмѣнно мнѣ понравилась
Полкана голова:
Едва въ театрѣ уставилась
И горломъ здоровà!
Искусно всѣмъ украшена —
Отъ глазъ и до усовъ.
Какъ слышалъ я, посажено
Въ ней нѣсколько пѣвцовъ —
(Должно быть, для политики,
Чтобъ пѣть ея слова);
Не скажутъ тотъ и критики:
«Пустая голова...»

X.

Извелъ бы десть бумаги я,
Чтобъ только описать,
Какую Боско магію
Умѣетъ представлять.
Ломалъ онъ вещи цѣлыя
На мелкіе куски,
Вставлялъ середки бѣлыя

Въ пунцовые платки,
Богъ-вѣсть куда забрасывалъ
И кольца, и перстни,
И такъ смѣшно рассказывалъ,
Гдѣ явятся они.
Ну, словомъ: Боско рублики,
Какъ фокусникъ и враль,
Выманивалъ у публики
Такъ ловко, что не жаль!

XI.

Взамѣнъ его пріѣхали
Цыганы изъ Москвы, —
Скажите, не потѣха ли?
Не знаю, какъ-то вы,
А я, когда ихъ слушаю,
Дыханье затая,
Чуть самъ невольно съ *Грушею*
Не гаркну «Соловья».
Разъ собственной персоною,
Забывъ лѣта и классъ,
Я съ пляшущей *Матреною*
Пустился-было въ плясъ!

XII.

Проѣхавъ мимо нашего
Гостинаго двора,
Я чуть, задѣтый заживо,
Не закричалъ: ура!
Бывало, день колотишься
На службѣ такъ и сякъ,

А чуть домой воротисься,
Поѣшь — и день изсякъ:
Нѣтъ входа въ лавки русскія!
Берешь жену и дочь
И ѣдешь во французскія, —
Гдѣ грабятъ день и ночь.
Теперь — о, восхищеніе
Для сердца и для глазъ! —
Въ Гостиномъ освѣщеніе:
Проводятъ въ лавки газъ!
Ликуй, все человѣчество!
Рѣшилось, въ пользу дамъ,
Россійское купечество
Сидѣть по вечерамъ, —
И газъ распространяется
Скорѣхонько съ тѣхъ поръ:
Ну, точно просвѣщается,
У насъ Гостиный дворъ!

Рука не разгибается,
Не вяжутся слова:
Умаялся!.. Кончается
Здѣсь первая глава...

ГЛАВА II.

Нѣтъ счастья подь луной.—Романсъ.—Безъ трехъ въ червахъ.—Страш-
ный обѣтъ.—Путешествіе въ департаментъ.—Свѣтлое Воскресеніе.—Патрі-
архальная жизнь.—Великій постъ.—Петербургскія новости.—Рубини.—
Его концерты.—Оперы: Отелло, Лючія и пр.—Листъ.—Конское риста-
лице Сулье.—Арабы.—Скачущія мамзели.—Нѣкоторыя любопытныя и
достоверныя извѣстія о китѣ.—О погодѣ.—О печальномъ расположеніи
духа, въ которомъ находился г-нъ Бѣлопяткинъ, и о причинахъ того.—
Звѣздочка.—Банкъ.—Путешествіе по Невскому проспекту въ двѣнадца-
томъ часу ночи.—Предсмертный приютъ.—Биллиардъ.—Заключеніе.—Чи-
татели.—Критики.—Баронъ Брамбеусъ, комета и г-нъ Бѣлопяткинъ.

I.

.....
.....

Недаромъ люди плакали,
Роптали на судьбу.

Сочувствуя ихъ ропоту

Растерзанной душой,

Я самъ узналъ по опыту —

Нѣтъ счастья подь луной!

Какой предосторожности

Въ поступкахъ ни держись,

Формально нѣтъ возможности

Отъ жребія спастись.

Будь баринъ по сословію,

Приказчикъ, землемѣръ,

Заставятъ плакать кровію —

Я самъ тому примѣръ!

II.

На-дняхъ у экзекутора,

Чтобъ скуку разогнать,

Рублишка по полутора
Засѣли мы играть.
Довольно флегматически
Тянулся преферансъ,
Вдругъ въ залѣ поэтическій
Послышался романсъ;
Согрѣтъ одушевленіемъ,
Былъ голосъ такъ хорошъ,
Я слушалъ съ восхищеніемъ,
Забылъ весь міръ... и что-жь?
Ошибкою малѣйшею
Застигнутый врасплохъ,
Въ червяхъ игру сквернѣйшую
Сыгралъ — и былъ безъ трехъ!
Хотя въ душѣ нотацію
Себѣ я прочиталъ,
Но тутъ же консольяцію
Сосѣдъ съ меня взыскалъ.
Другіе два пріятели
Огромные кресты
На бѣднаго мечтателя
Черкнули за висты.
Въ тотъ вечеръ ужъ малинника
Въ глаза я не видалъ:
Сто тридцать два полтинника
Съ походомъ проигралъ!..
Охъ, пылкія движенія
Чувствительной души!
Отъ васъ мнѣ нѣтъ спасенія,
Въ убытокъ — барыши!
Процѣтый восхитительно,
Сгубилъ меня романсъ,
Впередъ играть рѣшительно

Не буду въ преферансъ!
Пусть съ нимъ кто хочетъ водится,
Я — правилами строгъ:
Въ немъ взятки брать приходится! —
Избави меня Богъ!
Занятемъ этимъ втянешься,
Пожалуй, въ грѣхъ такой,
Что, чортъ возьми! останешься
По службѣ безъ одной!

III.

То-ль дѣло, какъ ранѣхонько
Пробудисься, зѣвнешь —
На цыпочкахъ, тихохонько
Изъ спальни улизнешь
(Пока еще пронзительно
Жена себѣ храпитъ),
Побрѣешься рачительно,
Приличный примешь видъ;
Смиривъ свою амбицію,
За лѣнностью слуги,
Почистишь амуницію
И даже сапоги.
Жилетку и такъ далѣе
Надѣнешь, застегнешь,
Прицѣпишь всѣ регалии,
Стаканъ чайку хлебнешь!
Дѣла, какія-бъ ни были,
Захватишь, и какъ мышъ,
Согнувшись въ три погибели,
На службу побѣжишь...
Начальнику почтеніе,

Товарищамъ поклонъ
И вмигъ за отношеніе —
Ничѣмъ не развлечѣнъ!
Молчанія степеннаго
День цѣлый не прервешь,
Лишь кстати подчиненнаго
Прилично распечешь,
Да развѣ снисходительно
Подшутить генераль.
Тогда мы всѣ рѣшительно
Хохочемъ на поваль!
(Ужъ такъ издавна водится
Да такъ и должно быть:
Намъ, право, не приходится
Предъ старшими мудрить!)
Его превосходительство —
Добрѣйшій генераль,
Онъ много покровительства
Мнѣ въ службѣ оказалъ...

IV.

Я съ часъ предъ умывальникомъ
Мучительный провелъ,
Когда съ своимъ начальникомъ
Христосоваться шелъ;
Умылся такъ рачительно,
Чуть кожу не содральъ;
За то какъ снисходительно
Меня онъ лобызалъ!
Даль слово мной заботиться,
Жаль руку горячо
А я его, какъ водится,

И въ брюхо, и въ плечо!
Вотъ жизнь патріархальная,
Вотъ служба безъ химеръ.
О, юность либеральная!
Бери съ меня примѣръ!..

V.

Я въ постъ, какъ бы на станціи
Задержанный, скучаль,
Да, къ счастью, изъ Франціи
Рубини прискакаль,
Отъ чувства безотчетнаго
Вдругъ всякій присмирѣль
Какъ въ залѣ Благороднаго
Собранья онъ зашѣль.
На голову курчавую,
Во всѣхъ концахъ земли
Увѣнчанную славою,
Всѣ взоры навели
И звуки изумрудные
Впивали жадно въ грудь.
То были звуки чудные:
Онъ пѣль не какъ-нибудь!
Высокое художество
И выразить нѣтъ словъ!
Я слышалъ въ жизни множество
Отличнѣйшихъ пѣвцовъ—
Съѣзжаются на старости
Сюда со всѣхъ сторонъ,
Ревутъ, какъ волки въ ярости,
А все не то, что онъ!
Начнетъ въ четыре голоса,

Зальется какъ рѣка,
 А кончитъ тоньше волоса,
 Нѣжнѣе вѣтерка.
 По свѣту благодарному
 Объ немъ не даромъ гуль:
 Мнѣ даже, титулярному,
 Онъ сердце шевельнулъ!

VI.

Идешь ли въ канцелярію,
 Уходишь ли отъ дѣлъ,
 Поешь невольно арію,
 Которую онъ пѣлъ.
 Выходитъ безтолковица,
 А думаешь, что такъ:
 Другой пріостановится
 И скажетъ: «вотъ дуракъ!»
Отелло, мавра дикаго,
 Такъ чудно онъ сыгралъ,
 Что имъ однимъ великаго
 Названіе стяжалъ!
 Когда игралась *Лючія*,
 Я пролилъ рѣки слезъ:
 На верхъ благополучія
 Пѣвецъ меня вознесъ.

VII.

(Какъ все по службѣ сдѣлаю, —
 Нарочно поспѣшу, —
 О Листъ книгу цѣлую
 Тогда вамъ напишу).

VIII.

Какъ всѣ, страстей игралище,
Покинувъ кучу дѣлъ,
На конское ристалище
Намедни я смотрѣлъ.
Шталмейстера турецкаго
Заслуга велика:
Верхомъ онъ молодецкаго
Танцуетъ трепака.
Арабы взоры радуютъ
Отважностью своей,
Изрядно также падаютъ
Мамзели съ лошадей.
Ристалище престранное
По новости своей,
А впрочемъ, балаганная
Ихъ шутки веселѣй.
Начальникъ представленія,
Сулье, красивъ и прямъ,
Приводитъ въ восхищеніе
Въ особенности дамъ.
Донынѣ свѣтъ штукмейстера
Такого не видалъ:
Достоинства шталмейстера
Не даромъ онъ стяжалъ!

IX.

Прилежно я окидывалъ
Заморскаго кита.
Не мало въ жизни видывалъ

Я разнаго скота,
Но страшнаго, по совѣсти,
Такого не видалъ,
Однажды только въ повѣсти
Брамбеуса читалъ.
Такой звѣрокъ — сокровище!
Аршиновъ сто длина,
Усищи у чудовища
Какъ будто два бревна,
Хвостъ длинный удивительно,
Башка — что цѣлый домъ;
Возможно все рѣшительно
Въ немъ дѣлать и на немъ:
Плясать безъ затрудненія
На брюхѣ контрадансъ,
А въ брюхѣ безъ стѣсненія
Сражаться въ преферансъ!
Столь грузное животное
Къ намъ трудно было ввезть;
За то весьма доходное,
Да и не просить ѣсть.
Деруть за разсмотрѣніе
Полтинникъ, четвертакъ,
А взглянешь — наслажденіе
Почувствуешь въ пятакъ!

X.

Вотъ май... Всѣ разъѣзжаются
По дачамъ отдохнуть...
Больные собираются
Къ водамъ, въ далекій путь.
Лишь я одинъ, тревогою

Измученный, грущу,
Душевныхъ ранъ не трогаю
И сердца не лечу.
Извѣдалъ ужъ не мало я
Житейской суеты...
Ахъ, молодость удалая!
Куда исчезла ты?
Бывало, лѣто красное
Мнѣ счастье несло:
На сердцѣ радость ясная,
Безоблачно чело!
Свѣтила мнѣ незримая
Звѣзда издалека,
Грудь, страстью шевелимая,
Вздымалась, какъ рѣка.
Тогда за что ни схватишься —
Все съ жаромъ; хоть порой
И дорого заплатишься,
За то живешь душой!
Бывало, заиграешься —
Огромный ставишь кушъ,
Дадуть — не отгибаешься,
Какъ будто триста душъ!
Не мысля о гибели,
Радъ самъ себя на *не*,
Согнувши въ три гибели,
Пустить, на зло судьбѣ.
До тла пропонируешься,
Повѣся носъ уйдешь,
На всѣхъ день цѣлый дуешься,
А тамъ — опять за то-жъ.
Бывало, за хорошенькой
Версть десять пробѣжишь,

Пристукиваешь ноженькой,
Да въ уши ей жужжишь:
«Куда идти изволите,
Куда вы, ангель мой?
Что пальцы вы мозолите,
«Поѣдемте со мной!..»
Теперь... увы! — безжизненно
На цѣлый міръ глядишь,
Живешь безукоризненно —
Страстями не кипишь.
Забывши и поэзію,
И карты, и дебошъ,
Поутру ѣшь магnezію,
Микстуру на ночь пьешь,
Нейдуть на разумъ граціи...

ХІ.

Кончаю, скромень, тихъ,
У Лерхе въ рестораціи
Остатокъ дней моихъ,
Изъ службы въ билліардную
Прямёхонько иду.
Игру тамъ не азартную,
Но скромную веду.
Тамъ члены все отличные,
Хохочутъ и острятъ,
Исторіи различныя
Другъ другу говорятъ.
Никто тамъ не заносится,
Играемъ чередой,
И геній Тюри носится
Надъ каждой головой...

XII.

Здѣсь будетъ заключеніе
Второй моей главы.
Итакъ, мое почтеніе,
Читатель добрый. Вы —
Цѣнитель снисходительный,
Я знаю васъ давно.
А, впрочемъ, мнѣ рѣшительно
Повѣрьте, все равно.
За опыты въ піитикѣ
Я не прошу похвалъ.
Пускай иные критики
Отхлещутъ на-поваль —
Ей-Богу, не посѣтую!
Свое я получилъ:
Брамбеусъ самъ съ кометою
За умъ меня сравнилъ.

ГЛАВА III.

(Безъ оглавленія, 1845).

Мотивы итальянскіе
Мнѣ не даютъ заснуть,
И страсти африканскія
Волнують кровь и грудь:
Все грезятся балкончики
И искры черныхъ глазъ
Сверкаютъ какъ червончики
Въ день по сту тысячъ разъ.

Отбою нѣтъ отъ думушки:
Эхъ! жизнь моя!.. увы!..
Зачѣмъ женили, кумушки,
Меня такъ рано вы?
На свѣтѣ много водится
Красавицъ — и какихъ!
А намъ любить приходится
Курносыхъ и рябыхъ.
Что за красотка «Боржія!..»
Мѣнялся весь въ лицѣ
И даже (не топоръ же я!)
Заплакалъ при концѣ;
Во всемъ талантъ, гармонія...
Видалъ не много лицъ
Такихъ, какъ у Альбони, я —
Пѣвица изъ пѣвицъ,
Въ умѣ производящая
Содомъ и кутерьму,
Такъ много говорящая
И сердцу, и уму;
Высокая и бѣлая,
Красива и ловка
И ужъ заматерѣлая —
Не скажешь, что жидка!
Избытки даже лишніе
Замѣтны въ ней души,
И верхнія, и нижнія —
Всѣ ноты хороши!..

Чтобъ только пѣть какъ Гарція
И удивлять весь свѣтъ —
Не пожалѣлъ бы гарница я
Серебряныхъ монеть.

На мигъ заботы вѣчныя
Смолкають, не томятъ,
И струны всѣ сердечныя
Въ груди дрожать, звучать —
Звучать въ отвѣтъ чудесницѣ.
Могуча и легка,
Душа какъ бы по лѣстницѣ
Восходитъ въ облака.
А міра тревоженія —
Служебный весь содомъ,
Начальникъ отдѣленія
Съ запуганнымъ лицомъ,
Скучнѣйшія нотаціи
Ревнующей жены,
Червонцы, ассигнаціи
И самые чины —
Все въ мелочь и ничтожество
Тотчасъ обращено, —
Чего бы ужъ художество
И дѣлать не должно!
Подобныя влеченія
Въ невѣдомый предѣлъ
Ввергають въ упущенія
Житейскихъ нашихъ дѣлъ.
Отъ итальянской аріи,
Исполненной красотъ,
Къ занятьямъ канцеляріи
Трудненокъ переходъ;
Спокойствіе смѣняется
Тревогою души,
И вовсе страсть теряется
Сколачивать гроши.
Но лишь предосторожности

Во время стоить взять, —
Какъ не найти возможности
Всему противостать?
На то и волю твердую
Даль человѣку Богъ,
Чтобъ кстати душу гордую
Воздерживать онъ могъ...
Вотъ мнѣ ничто рѣшительно
Не помѣшаетъ спать,
Ни счетъ вести рачительно,
Ни даже... взятки брать —
(Не то, чтобы съ просителей,
А въ картахъ... что сорвешь
Съ столичныхъ нашихъ жителей?
Голь продувная сплошь!)
А все же я признаюся,
Что Гарціей порой
Такъ сильно восхищаюся,
Что слезы лью рѣкой.
Растрогаетъ татарина!
Такъ хорошо поетъ,
Что даже у Фиглярина
Ругательствъ не стаетъ;
Глаза большіе, черные
И столько въ нихъ огня...
Жаль — силы стихотворныя
Слабеньки у меня;
А будь-ка краснорѣчіе!..
Но про меня и такъ
Трубитъ давно злорѣчіе,
Что будто я дуракъ.
Молчу! Гдѣ намъ подобные
Предметы воспѣвать:

Мы дураки, способные
Взятченки только брать!
Надъ нами сочинители
Смѣются въ повѣстяхъ...
А чѣмъ мы ихъ обидѣли?
Будь я въ большихъ чинахъ,
Тотчасъ благоразуміе
Внушилъ бы имъ, ей-ей!
Давай намъ остроуміе,
Но трогать насъ не смѣй!
Чѣмъ хуже я профессора,
Художника, врача?
Коллежскаго ассесора
Трудами получа,
Я никому не здравствую,
Не безызвѣстно вамъ,
Что я давно участвую
Въ литературѣ самъ;
Но никогда рѣшительно
(И Богъ храни впередъ!)
Не нападалъ презрительно
И на простой народъ!
Безъ вздоровъ сатирическихъ
Идетъ лишь Полевой
Въ піесахъ драматическихъ
Дорогою прямой.
Въ насъ страсти благородныя
Умѣетъ возбуждать,
И лица взявъ почетныя,
Умѣетъ уважать;
Всѣмъ похвалы горячія,
Почтенье... а писцы
И мелкіе подъячіе —

Глупцы и подлецы,
 Съ уродливыми рожами...
 И тутъ ошибки нѣтъ
 (Не все же вѣдь хорошими
 Людьми наполненъ свѣтъ)...

ЧИНОВНИКЪ.

Какъ человекъ разумной середины,
 Онъ многого въ сей жизни не желалъ:
 Передъ обѣдомъ пилъ настойку изъ рябины
 И чихиремъ обѣдъ свой запивалъ.
 У Кинчерфа *) заказывалъ одежду,
 И съ давнихъ поръ (простительная страсть)
 Питалъ въ душѣ далекую надежду
 Въ коллежскіе ассесоры попасть, —
 Затѣмъ, что былъ онъ крови не боярской
 И не хотѣлъ, чтобъ въ жизни кто-нибудь
 Дѣтей его породой семинарской
 Осмѣлился надменно попрекнуть.
 Былъ съ виду простъ, держалъ себя сугуло,
 Смиренно все судьбѣ предоставлялъ,
 Предъ старшими подскакивалъ со стула
 И въ робость безотчетную впадалъ,
 Съ начальникомъ ни по какимъ причинамъ, —
 Гдѣ-бъ ни было, не вмѣшивался въ споръ,
 И было въ немъ все соразмѣрно съ чиномъ —
 Походка, взглядъ, усмѣшка, разговоръ.

*) Тогдашній портной средней руки.

Внимательнымъ, уступчиво-смирненнымъ
 Быль при родныхъ, при тѣщѣ, при женѣ,
 Но поддержать умѣль предъ подчиненнымъ
 Достоинство чиновника вполнѣ;
 Могъ и распечь при случаѣ (распечь-то
 Мы, впрочемъ, всѣ большіе мастера),
 Имѣль даже значительное нѣчто
 Въ бровяхъ...

Теперь тяжелая пора!

Съ тѣхъ поръ, какъ сталъ пытливостью разсудка
 Тревожно-безпокойнаго — нашъ вѣкъ
 Задерживать развитіе желудка, —
 Уже не тотъ и русскій человѣкъ.
 Выводятся раскормленные туши,
 Какъ ни ѣдимъ геройски, какъ ни пьемъ,
 И хоть теперь мы также бьемъ баклуши,
 Но въ толщину отъ нихъ уже нейдёмъ.
 И въ наши дни, читатель мой любезный,
 Лишь гдѣ-нибудь въ коснѣющей глуши
 Найдете вы, по благодати небесной,
 Приличное вмѣстилище души.

Но мой герой — хоть онъ и шелъ за вѣкомъ —
 Больныхъ вліяній вѣка избѣжалъ
 И былъ такимъ, какъ должно, человѣкомъ:
 Ни тощъ, ни толстъ. Торжественно лежалъ
 Мясистый, двухъ-этажный подбородокъ
 Въ воротничкахъ, — но промежутокъ былъ
 Межъ головой и грудью такъ коротокъ,
 Что параличъ — увы! — ему грозилъ.
 Спина была — ужъ сказано — горбата
 И на ногахъ (шепну вамъ на ушко —

Кривыхъ немножко — нянька виновата!)
 Качалось солидное брюшко...
 Сиротъ и вдовъ онъ не былъ благодѣтель,
 Но нищимъ иногда давалъ гроши,
 И называлъ святую добродѣтель
 Первѣйшимъ украшеніемъ души.
 О ней твердилъ въ семействѣ безпрерывно,
 Но не во всемъ ей слѣдовалъ подѣ-часъ,
 И извинялъ грѣшки свои наивно
 Женой, дѣтьми, какъ многіе изъ насъ.

По службѣ велъ дѣла свои примѣрно
 И не бывалъ за взятки подѣ судомъ,
 Но (на жену, какъ водится) въ Галерной
 Купилъ давно пяти-этажный домъ.
 И радовалъ родительскую душу
 Сей прочный домъ — спокойствія залогъ —
 И на Оому, Ванюшу и Оеклушу
 Безъ сладкихъ слезъ онъ посмотрѣть не могъ.

Видъ нищеты, разительнаго блеска
 Смущалъ его — приличье онъ любилъ.
 Отъ всякихъ словъ, произносимыхъ рѣзко,
 Онъ вздрагивалъ и тотчасъ уходилъ.
 Къ писателямъ враждой — не безпричинной —
 Пылалъ... блѣднѣлъ и трясся самъ не свой,
 Когда изъ нихъ какой-нибудь безчинный
 Ласкаемъ былъ чиновною рукой.
 За лишнее считалъ ихъ въ мѣрѣ бремя,
 Звалъ книги побасенками: «Читать
 «Не то ли же, что праздно тратить время?
 «А праздность всѣхъ пороковъ нашихъ мать» —
 Такъ говорилъ, ко благу подчиненныхъ

(Мысль глубока, хоть и весьма стара),
И изо всѣхъ открытій современныхъ
Зналь только *консоляцію*...

Пора

Мнѣ вамъ сказать, что, какъ чиновникъ дѣльный
И совершенно русскій человекъ,
Онъ зараженъ былъ страстью той смертельно,
Которой всѣ заражены въ нашъ вѣкъ,
Которая пустить успѣла корни
Въ обширномъ русскомъ царствѣ глубоко,
Съ тѣхъ поръ, какъ вистъ въ потѣху нашей дворни
Мы отдали... «Пріятно и легко
«Бѣгутъ часы за преферансомъ; право,
«Кто выдумалъ — былъ малый съ головой!»
Такъ иногда, прищурившись лукаво,
Говаривалъ почтенный нашъ герой.
И выше онъ не вѣдалъ наслажденій...
Какъ онъ игралъ?.. Серьезная статья!
Рѣшить вопросъ сумѣлъ бы развѣ геній,
Но, такъ и быть, попробую и я.
Когда обѣдъ оканчивался чинный,
Крестясь, гостямъ хозяинъ руки жалъ
И, приказавъ поставить столъ въ гостиной,
Съ улыбкой добродушной замѣчалъ:
«Что, господа, сразиться бы не дурно?
«Жизнь коротка, а намъ не десять лѣтъ!»
Надъ нимъ несло тогда дыханье бурно
И — вдохновенъ — онъ забывалъ весь свѣтъ,
Жену, дѣтей; единой преданъ страсти,
Молчалъ какъ жрецъ, бровями шевеля,
И для него тогда въ четыре масти
Сливалось все — и небо, и земля!

Внѣ картъ не зналъ, не слышалъ и не видѣлъ
Онъ ничего,—но помнилъ каждый призь...
Прижимистыхъ и робкихъ ненавидѣлъ,
Но къ храбрецамъ, готовымъ на ремизъ,
Исполненъ былъ глубокаго почтенья.
При трехъ тузахъ, при дамѣ самъ-четверть
Козырной—въ вистъ ходилъ безъ опасенья.
Въ несчастѣ былъ какъ многіе, нетвердъ,—
Ощипанной подобенъ куропаткѣ,
Угрюмъ, сердитъ, ворчалъ повѣся носъ,
А въ счастіи любилъ при каждой взяткѣ
Пристукивать и говорилъ: «а что-съ?»
Острилъ, какъ всѣ остриять или острили,
И замѣчалъ, при выходѣ съ бубенъ,
«Ну, Петръ Кузмичъ! не даромъ вы служили
«Пятнадцать лѣтъ — вы знаете законъ!»
Валетовъ, дамъ красивыхъ, но холодныхъ,
Пушилъ слегка, какъ всѣ; но никогда
Насчетъ, тузовъ и прочихъ картъ почетныхъ
Не говорилъ ни слова...

Господа!

Быть можетъ, здѣсь надменно вы зѣвнете,
И повѣсть благодѣтельную мою
Въ подробностяхъ излишнихъ упрекнете...
Отвѣтъ готовъ: не пустяки пою!

Пою, что Русь и тѣшитъ, и чаруетъ,
Что наши дни—какъ средніе вѣка
Крестовые походы—знаменуетъ,
Чѣмъ наша жизнь полна, и глубока;
(Я не шучу—смотрите въ оба глаза)—
Чѣмъ отъ «Москвы родной» до Иртыша,

Отъ «финскихъ скаль» до «грознаго Кавказа»
Волнуется славянская душа!!.

Притомъ, я самъ страсть эту уважаю, —
Я ею самъ восторженно киплю,
И хоть весьма несчастно прикупаю,
Но вечеровъ безъ картъ я не терплю.
И гдѣ ихъ нѣтъ, постыдно засыпаю...

Чтò-жъ дѣлать намъ?.. Блаженные отцы
И дѣды наши пировать любили,
Весной садили лукъ да огурцы,
Волковъ и зайцевъ осенью травили,
Ихъ увлекаль, ихъ страсти шевелиль
Паратый песь, статистый иноходець;
Ихъ за столомъ и трогаль и смѣшилъ
Какой-нибудь наряженный уродець.
Они сидѣть любили за столомъ
И было имъ и любо и доступно
Перепивать другъ друга, и потомъ,
Повздоривши по-русски, дружелюбно
Вдругъ утихать и засыпать рядкомъ.
Но мы забавъ отцовъ не понимаемъ
(Хоть мало — все-жъ мы ихъ переросли),
Чтò-жъ дѣлать намъ!.. играть! и мы играемъ
И благо, что занятіе нашли —
Сидѣть грѣшно и вредно сложа руки...

Въ недѣлю разъ, пресытившись игрой,
Въ театръ Александринскій, ради скуки,
Являлся нашъ почтеннѣйшій герой.
Удвоенной цѣной за бенефисы
Отечественный геній поощряль,

Но званіе актера и актрисы
Постыднымъ по преданію считалъ
Любилъ пальбу, кровавые сюжеты,
Гдѣ при концѣ карается порокъ...
И, слушая скоромные куплеты,
Толкалъ жену легонько подъ бочекъ.

Любилъ шепнуть въ антрактѣ полной дамѣ —
(Всему научить хитрый Петербургъ) —
Что страсти и движенье нужны въ драмѣ
И что Шекспиръ — великій драматургъ, —
Но, впрочемъ, не былъ твердо въ томъ увѣренъ
И черезъ часъ другое подтверждалъ.
По службѣ бывъ всегда благонамѣренъ,
Онъ прочее другимъ предоставлялъ.
За то, когда являлася сатира,
Гдѣ авторъ — тунеядецъ и нахаль —
Честь общества и украшенье міра —
Чиновниковъ — за взятки порицалъ,
Свирѣпствовалъ онъ, не жалѣя груди,
Дивился, какъ допущена въ печать,
И какъ благонамѣренные люди
Не совѣстятся видѣть и читать.
Съ досады пилъ (сильна была досада!)
Въ удвоенномъ количествѣ чихирь,
И говорилъ, что авторовъ бы надо
За дерзости подобныя — въ Сибирь!

ОТРЫВОКЪ.

Родился я въ губерніи
Далекой и степной,
И рано встрѣтилъ терніи
Въ юдоли сей земной.
Мнѣ будущность счастливую
Отецъ приготовлялъ,
Но жизнь трудолюбивую
Самъ въ бѣдности скончалъ!
Не мытый, не приглаженный,
Бѣжалъ я босикомъ,
Какъ въ церковь гробъ некрашенный
Везли большимъ селомъ;
Я слезы непритворныя
Руками утиралъ,
И волосенки черныя
Мнѣ вѣтеръ развѣвалъ...
Запомнилъ я сердитую
Улыбку мертвеца
И мать мою, убитую
Кончиною отца.
Я помню, какъ шепталися,
Какъ въ церковь гробъ несли,
Какъ съ мертвымъ цѣловалися,
Какъ бросили земли,
Какъ сами мы лопатушкой
Сравняли бугорокъ...
Намъ дядя съ бѣдной матушкой
Даль въ домѣ уголокъ.
Къ настойкѣ страсть великую

Сей человекъ питаль,
Имѣль наружность дикую
И мнѣ не потакаль...
Онъ часто какъ страшилище,
Пугаль меня собой.
И порѣшилъ въ училище
Отправить съ рукъ долой.
Мать плакала, томилася,
Не ѣла по три дня,
Вздыхала и молилася,
Просила за меня,
Пѣшкомъ идти до Кіева
Хотѣла, но слегла
И съ просьбой: «не губи его!»
Въ могилу перешла.
Миръ праху добродѣтельной!
Старикъ потосковаль;
Но тщетно добродѣтельной
Я перемѣны ждалъ:
Не измѣнилъ рѣшеніе!
Изрядно куликнулъ,
Даль мнѣ благословеніе,
Полтинникъ въ руку ткнулъ;
Влѣпилъ съ нѣмымъ рыданіемъ
Въ уста мнѣ поцѣлуй:
«Учися съ прилежаніемъ.
«Не шляйся! не балуй!»
Сердечно, наставительно
Сказаль въ послѣдній разъ,
Махнулъ рукой рѣшительно —
И кляча поплелась...

НОВОСТИ.

(ГАЗЕТНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ).

Почтеннѣйшая публика! на дняхъ
Случилось въ столицѣ нашей чудо:
Остался нѣкто безъ пяти въ червахъ,
Хоть — знаютъ — всѣ играетъ онъ не худо.
О томъ твердить теперь весь Петербургъ.
«Событіе внѣ всякаго другаго!»
Трагедію какой-то драматургъ,
На пользу поколѣнья молодого,
Сбирается состряпать изъ него...
Разумный трудъ! Заслуги, удалство
Похвально пѣть; но все же не мѣшаетъ
Порою и сознаніе грѣховъ,
Затѣмъ, что прегрѣшеніе отцовъ
Для ихъ дѣтей спасительно бываетъ.
Притомъ, для насъ не стыдно и легко
Въ ошибкахъ сознаваться — ихъ немного,
А доблестей — какъ милостей у Бога!
Изъ чернаго французскаго трико
Жилеты, шелкомъ шитые, недавно
Вошли въ большую моду: въ самомъ дѣлѣ славно!
Почтенный мужъ шестидесяти лѣтъ
Женился на дѣвицѣ въ девятнадцать;
На дняхъ у нихъ парадный былъ обѣдъ;
Не могъ я, къ сожалѣнью, отказаться,
Немножко было грустно. Взоръ ея
Сверкалъ, казалось, скрытыми слезами,
И будто что-то спрашивалъ. Но я
Отвыкъ, къ несчастью, тѣшиться мечтами,

И мнѣ ея не жалко. Этотъ взоръ
 Унылый, длинный, этотъ вздохъ глубокій —
 Кому они? — Бюбезникъ и танцоръ,
 Гремящій саблей, статный и высокій —
 Таковъ былъ пансіонскій идеаль
 Моей дѣвицы... Чтò-жъ! распорядился
 Иначе случай...

Маскарадъ и балъ

Въ собраньѣ былъ и очень долго длился
 Люблю я наши маскарады: въ нихъ,
 Не говоря о прелестяхъ другихъ,
 Образчикъ жизни петербургско-русской,
 Такъ ловко передѣланной съ французской.
 Уныло мы проходимъ жизни путь,
 Могло бы насъ будить одно — искусство,
 Но рѣдко намъ разогрѣваетъ грудь
 Изъ глубины поднявшееся чувство
 Затѣмъ, что наши русскіе пѣвцы
 Всѣмъ хороши, да пѣть не молодцы,
 Затѣмъ, что наши русскіе мотивы
 Какъ наша жизнь, и бѣдны, и сонливы,
 И тяжело однообразье ихъ,
 Какъ видъ степей пустынныхъ и нагихъ.

О, скученъ день и дологъ вечеръ нашъ!
 Однообразны мѣсяцы и годы,
 Обѣды, карты, дребезжанье чашъ,
 Визиты, поздравленья и разводы —
 Вотъ наша жизнь. Ея постылый шумъ
 Съ привычнымъ равнодушьемъ ухо внемлетъ
 И въ дѣйствии пустомъ кипящій умъ
 Суровъ и сухъ, а сердце глухо дремлетъ;

И свыкшись съ положеніемъ такимъ,
 Другого мы какъ будто не хотимъ,
 Возможность исключеній отвергаемъ
 И словно по профессіи зѣваемъ...
 Но — скучны отступленія!

Чудакъ,

Знакомый мнѣ, въ прошедшую субботу
 Сошелъ съ ума... А былъ онъ не дуракъ,
 И тысячь сто въ годъ получалъ доходу,
 Спокойно жилъ, доволенъ и здоровъ,
 Но обошли его по службѣ чиномъ,
 И вдругъ уныль, задумчивъ и суровъ,
 Онъ сталъ страдать славяно-русскимъ сплиномъ;
 И наконецъ, въ одинъ прекрасный день,
 Тайкомъ отъ всѣхъ, одѣвшись наизнанку
 Въ отличія, несвойственныя рангу,
 Пошелъ бродить по улицамъ, какъ тѣнь,
 Да и пропалъ. Нашли на третьи сутки,
 Когда сынкомъ какой-то важной утки
 Ужъ онъ себя въ припадкахъ величалъ
 И въ совершенствѣ кошкою кричалъ,
 Стараясь всѣхъ увѣрить въ то же время,
 Что чинъ большой есть тягостное бремя,
 И служить онъ, ей-ей, не для себя,
 Но только благо общее любя...

Исторія другая, въ томъ же родѣ,
 Съ однимъ примѣрнымъ юношей была:
 Женился онъ для денегъ на уродѣ,
 Она — для денегъ за него пошла,
 И что-жь? — о срамъ! о горе! — *оказалось*,
 Что имъ обоимъ *только показалось*;

Она была какъ нищяя бѣдна,
 И бѣдень былъ онъ такъ же, какъ она.
 Не вынесъ онъ нежданнаго удара
 И впалъ въ хандру; въ чахоткѣ слегъ въ постель,
 И не прожить ему пяти недѣль.
 А нѣжный тесть, равнодушно глядя
 На муки завербованнаго зятя
 И положенье дочери родной,
 Винить во всемъ «натуришку гнилую»
 И думать: «для дочери другой
 Я женишка покрѣпче завербую».

Собачка у старухи Хвастуновой
 Пропала, а у скряги Сурмина
 Бѣжала гувернантка — ищетъ новой.
 О томъ и о другомъ извѣщена
 Столица чрезъ извѣстную газету;
 Явилось тотчасъ разныхъ свойствъ и лѣтъ
 Тьма гувернантокъ, а собаки нѣтъ.

Почтенный и любимый господинъ,
 Прославившійся ёмкостью желудка,
 Безмѣрнымъ истребленьемъ всякихъ винъ
 И изступленной тупостью разсудка,
 Обѣлся и скончался... Былъ на дняхъ
 Весь городъ на его похоронахъ.
 О доблестяхъ покойника, рыдая,
 Какой-то другъ три рѣчи произнесъ,
 И было много толковъ, много слезъ,
 Потомъ была пирушка — и большая!
 На голову обжоры не похожъ,
 Былъ полонъ погребъ дорогихъ бутылокъ,
 И длился до заутрени кутежъ...

При дребезгѣ ножей, бокаловъ, вилокъ,
Припоминали добрыя дѣла
Покойника, хоть ихъ, признаться, было
Весьма немного; но обычай милый
Святая Русь донынѣ сберегла:
Ко всякому почтенью за могилой —
Вѣдь мертвый намъ не можетъ сдѣлать зла!
Считается напомнить неприличнымъ,
Что тамъ-то онъ ограбилъ сироту,
А вотъ тогда-то пойманъ былъ съ поличнымъ;
За то добра малѣйшую черту
Тотчасъ съ большой горячностью подхватятъ
И разовьютъ, такъ истинно скорбя,
Какъ будто тѣмъ скончавшемуся платятъ
За то, что ихъ избавилъ отъ себя!
Поговоривъ — нечаянно напьются,
Напившись — слезами обольются,
И въ эпитафіи напишутъ: «человѣкъ
Онъ былъ такой, какіе нынѣ рѣдки!»
И такъ у насъ идетъ изъ вѣка въ вѣкъ,
И съ нами такъ поступятъ наши дѣтки...

Литературный вечеръ былъ; на немъ
Происходило чтенье. Важно, чинно
Сидѣли сочинители кружкомъ
И наслаждались мудростью невинной
Отставшей знаменитости. Потомъ
Одинъ весьма достойный сочинитель
Тетрадищу поспѣшно развернулъ,
И три часа — о, извергъ, о, мучитель!
Читалъ, читалъ и — даже самъ зѣвнулъ,
Не говоря о жертвахъ благосклонныхъ,
Съ четвертой же страницы усыплѣнныхъ.

Ихъ разбудилъ восторженный поэтъ;
 Онъ съ мѣста всталъ торжественно и строго,
 Глаза горять, въ рукахъ тетради нѣтъ,
 Но въ головѣ такъ много, много, много...
 Рѣкой лились гремучіе стихи,
 Руками онъ махалъ, какъ изступленный...
 Слыхалъ я въ жизни много чепухи
 И много дичи видѣлъ во вселенной,
 А потому я не былъ удивленъ...
 Цѣнителей толпа рукоплескала,
 Младой поэтъ отвѣсилъ имъ поклонъ
 И все прочелъ торжественно сначала.
 Затѣмъ какъ разъ и къ дѣлу приступить
 Пришла пора. Къ несчастью, ѣсть и пить
 Въ тотъ вечеръ я не чувствовалъ желанья
 И вонъ ушелъ тихонько изъ собранья.
 А пили долго, говорятъ потомъ
 И говорили горячо о томъ,
 Что движемся мы быстро съ каждымъ часомъ
 И дурно, къ сожалѣнью, въ насъ одно,
 Что небрежемъ отечественнымъ квасомъ
 И любимъ иностранное вино.

На петербургскихъ барынь и дѣвицъ
 Напалъ недугъ свирѣпый и великій:
 Вскружился міръ чиновницъ полудикій
 И міръ ручныхъ, но недоступныхъ львицъ.
 Почто сія на лицахъ всѣхъ забота?
 Почто сей шумъ, волненіе умовъ?
 Отъ Невскаго до Козьяго болота,
 Отъ Козьяго болота до Песковъ,
 Отъ пестрой и роскошной Милліонной
 До Выборгской унылой стороны,

Чѣмъ занять умъ мужей неугомонно?
Чѣмъ души женъ и дѣвъ потрясены??
Всѣ женщины, отъ пресловутой Ольги
Васильевны, купчихи въ сорокъ лѣтъ,
До той, которую воспѣлъ поэтъ,
(Его ужъ нѣтъ), — помѣшаны на полькѣ!
Предчувствіе явленія ея
Въ атмосферѣ носилося заранѣ.
Она теперь у всѣхъ на первомъ планѣ
И въ жизни нашей главная статья;
О ней и межъ великими мужами
Нередко пренья, жаркій споръ кипитъ,
И старецъ, убѣленный сѣдинами,
О ней съ одушевленьемъ говорить!
Она въ одной сорочкѣ гонитъ съ ложа
Во тьмѣ ночной прелестныхъ нашихъ дѣвъ,
И дѣва пляшетъ, общій сонъ тревожа,
А горничная, барышню раздѣвъ,
Въ своей коморкѣ производитъ то же.
Достойнѣйшій сынъ вѣка своего,
Пустѣйшій франтъ, исполненъ гордой силой,
Ей преданъ безъ границъ, — и для него
Средины нѣтъ межъ полькой и могилой!
Проникнувшись великостью труда
И важностью предпринятаго дѣла,
Какъ гладіаторъ въ древніе года
Съ ней борется онъ ревностно и смѣло...
Когда-бъ вы не были, читатель мой,
Аристократъ, и побывать въ танцклассѣ
У Кессенихъ рѣшились со мной,
Оттуда вы вернулись бы въ экстазѣ,
Съ утѣшенной и бодрою душой.
О, юношество милое! Тебя ли

За хилость и недвижность упрекнуть?
 Не умерли въ тебѣ и не увяли
 Младья силы, не зачахла грудь,
 И сила тамъ кипить твоя просторно,
 Гдѣ все тебѣ по сѣрдцу и покорно,
 И, гордое могуществомъ своимъ,
 Довольно ты своею скромной долей:
 Твоимъ порывамъ, смѣлымъ и живымъ,
 Такое нужно поприще — не болѣ,
 И тратишь ты среди такихъ тревогъ
 Души всю силу и всю силу ногъ...

*
* *

Стишки! стишки! давно-ль и я былъ геній?
 Мечталъ... не спалъ... пописывалъ стишки!
 О, вы, источникъ столькихъ наслажденій,
 Мои литературные грѣшки!
 Какъ дѣльно, какъ благоразумно-мило
 На васъ я годы лучшіе убилъ!
 Въ моей душѣ не много силы было,
 А я и ту бесплодно расточилъ!
 Увы!.. стиховъ слагатели молодые,
 Съ кѣмъ я дѣлилъ и трудъ мой, и досугъ,
 Вы, люди милые, поэты преплохіе,
 Вамъ измѣнилъ вашъ недостойный другъ!..
 И вы... какъ много васъ ужъ — слава небу! — сгибло...
 Того хандра, того жена зашибла,
 Тотъ самъ колотитъ бѣдную жену.
 И спину гнетъ другой... а въ старину?
 Какъ гордо мы на будущность смотрѣли!

Какъ ревностно бездѣйствовали мы!
 «Избранники небесъ», мы пѣли, пѣли,
 И пѣснями пересоздать умы,
 Перевернуть дѣйствительность хотѣли,
 И мнилось намъ, что трудъ нашъ — не пустой,
 Не дѣтскій бредъ, что съ нами самъ Всевышній,
 И близокъ часъ блаженно-роковой,
 Когда нашъ трудъ благословить нашъ ближній!
 А между тѣмъ дѣйствительность была
 По-прежнему безвыходно пошла,
 Не убыло ни горя, ни пороковъ —
 Смѣшонъ и дикъ былъ пѣтушиный бой
 Непонимающихъ толпы пророковъ
 Съ невнемлющей пророчествамъ толпой!
 И «ближній нашъ» все тѣмъ же глазомъ видѣлъ,
 Все такъ же близоруко понималъ,
 Любилъ корыстно, пошло ненавидѣлъ,
 Безславно и бессмысленно страдалъ;
 Пустыхъ страстей пустой и праздный грохотъ
 По-прежнему движенье замѣнялъ,
 И не смолкалъ тотъ сатанинскій хохотъ,
 Который въ сѣнь холодную могилъ
 Отцовъ и дѣдовъ нашихъ проводилъ!..

*
* *

Такъ, служба! самъ ты въ той войнѣ
 Дрался — тебѣ и книги въ руки,
 Да дай сказать словцо и мнѣ:
 Мы сами видывали штуки.
 — Какъ затесался къ намъ французъ,

Да увидалъ, что проку мало,
 Пришелъ онъ, помнишь ты, въ конфузъ
 И на попятный тотчасъ драго.
 Поймали мы одну семью,
 Отца да мать съ тремя щенками:
 Тотчасъ ухлопали мусью,
 Не изъ фюзей — кулаками!
 Жена давай вопить, стонать;
 Рветъ волоса, — глядимъ да тужимъ!
 Жаль стало: топорищемъ хватъ —
 И протянулась рядомъ съ мужемъ!
 Глядь: дѣти! Нѣтъ на нихъ лица:
 Ломають руки, воють, скачуть,
 Лепечуть — не поймешь слова —
 И въ голосъ, бѣдненькія, плачуть.
 Слеза прошибла насъ, ей-ей!
 Какъ быть? Мы долго толковали,
 Пришибли бѣдныхъ поскорѣй,
 Да вмѣстѣ всѣхъ и закопали...
 — Такъ вотъ что, служба! вѣрь же мнѣ:
 Мы не сидѣли, сложа руки,
 И хоть не бились на войнѣ,
 А сами дѣлывали штуки!

МОЕ РАЗОЧАРОВАНИЕ.

Говорятъ, что счастье наше скользко, —
 Самъ, увы! я то же испыталъ!
 На границѣ Юрьевецъ-Повольска
 Въ собственномъ селѣ я проживалъ.
 Недостатокъ внѣшняго движенія

Замѣнивъ работой головы,
Принималъ я въ лѣто, безъ сомнѣнья,
Десятинъ до двадцати травы;
Я лежалъ съ утра до поздней ночи
При волшебномъ плескѣ ручейка,
И мечталъ, поднявши къ небу очи,
Созерцая гордо облака.
Вереницей чудной и безпечной
Предо мной толпился рядъ идей,
И виталъ я въ сферѣ безконечной,
Презирая мелкій трудъ людей.
Я лежалъ, гнушаясь ихъ тревогой,
Не нуждаясь, къ счастью, ни въ чемъ,
Но за то широкою дорогой
Въ сферѣ мысли шелъ богатыремъ;
Гордый духъ мой росъ и расширялся,
Много тайнъ я совмѣщалъ въ груди
И повѣдать міру собирался,
Но любовь сказала: погоди!
Я давно въ созданье идеала
Погруженъ былъ страстною душой:
Я желалъ, чтобъ женщина предстала
Въ видѣ мудрой Кліи предо мной,
Чтобъ и свѣтъ, и танцы, и наряды,
И балы не нужны были ей;
Чтобъ она на все бросала взгляды,
Добытые мыслию своею;
Чтобъ она не плакала напрасно,
Не смѣялась втунѣ никогда,
Говоря восторженно и страстно,
Вдохновенно дѣйствуя всегда;
Чтобъ она не въ рюмки и подносы,
Не въ дѣла презрѣнной суеты, —

Чтобъ она въ великіе вопросы
Погружала мысли и мечты...
И нашель, казалось, я такую.
Молода она еще была
И свою натуру молодую
Радостно развитью предала.
Я читалъ ей Гегеля, Жанъ-Поля,
Демосѣена, Галича, Руссо,
Глинку, Ричардсона, Декандоля,
Волтера, Шекспира, Шамиссо,
Байрона, Мильтона, Соутэя,
Шиллинга, Клопштока, Дидеро...
Въ комъ жила великая идея,
Кто любилъ науку и добро;
Всѣхъ она казалось, понимала,
Слушала безъ скуки и тоски,
И сама ужъ на ночь начинала
Тацита читать, надѣвъ очки.
Правда, легче два десятка кегель
Разомъ сбить ей было, чѣмъ понять,
Какъ великъ и плодотворенъ Гегель;
Но умѣлъ я вразумлять и ждать!
Видѣлъ я: не пропадетъ терпѣнье;
Даже мать красавицы моей,
Бросивши варенье и соленье,
Философскихъ набралась идей.
Такъ мы шли въ развитіѣ нашемъ дружно,
О высокомъ вѣчно говоря...
Но не то ей въ жизни было нужно!
Разъ, увы! въ началѣ сентября,
Прискакалъ я поутру къ невѣстѣ.
Нѣтъ ее ни въ залѣ, ни въ саду.
Гдѣ-жъ она? «Она на кухнѣ вмѣстѣ

Съ маменькой» — и я туда иду.
Тутъ предстала страшная картина...
Разомъ столько горя и тоски!
Растерзавъ на клочья Ламартина,
На бумагу клала пирожки
И сажала въ печь моя невѣста!!
Я смотрѣть безъ ужаса не могъ,
Какъ она рукой мѣсила тѣсто,
Какъ потомъ отвѣдала пирогъ.
Я не вѣрилъ зрѣнію и слуху,
Думалъ я, не перестать-ли жить?
А у ней еще достало духу
Мнѣ пирогъ проклятый предложить.
Вотъ онѣ — великія идеи!
Вотъ они — развитія плоды!
Гдѣ же вы, поэзіи затѣи?
Что изъ васъ, усилія и труды?
Я рыдалъ. Сконфузилися обѣ,
Видимо перепугались вдругъ;
Я ушелъ въ невыразимой злобѣ,
Объявивъ, что больше имъ не другъ.
Съ той поры, я вѣрю: счастье скользко,
Я безъ слезъ не проживаю дня;
Отъ Москвы до Юрьевецъ-Повольска
Нѣтъ лица несчастнѣе меня!

ДѢЛОВОЙ РАЗГОВОРЪ.

Журналистъ — *выходя утромъ въ свой кабинетъ и садясь къ рабочему столу.*

Вотъ почва новая. Какая груда дѣлъ!
 Куда дѣваться мнѣ отъ писемъ и посылокъ!
 Въ провинціи народъ взыскателенъ и пылокъ:
 Чуть къ первому числу съ журналомъ не поспѣлъ,
 Завалятъ письмами — тоска и разоренье!
 Тотъ дѣлаетъ упрекъ, тому дай объясненье,
 А тотъ съ угрозами... досадная статья!
 Посылки также вздоръ, ихъ ненавижу я!
 Плохія повѣсти, а чаще риѳмотворство!..
 Я, кажется, стихамъ не дѣлаю потворства —
 Въ нихъ толку не ищи... Какая польза въ томъ,
 Чтò чувствовалъ поэтъ то дома, то на балѣ?..
 Я положителенъ и въ жизни, и въ журналѣ;
 Девизъ мой: интересъ существенный во всемъ!
 И какъ ихъ различать? Хорошихъ нѣтъ эстетикъ,
 А практикъ я плохой — я больше теоретикъ...

Слуга — *входитъ и докладываетъ.*

Помѣщикъ Свистуновъ, пріѣзжій изъ Уфы.

Журналистъ.

Проси его, проси: сегодня принимаю...

Слуга уходитъ.

Всю жизнь я раздѣлилъ на ровныя графы,

Какъ счетную тетрадь, и только отмѣчаю,
 Куда который часъ и какъ употреблень...
 Въ ротъ капли не беру и ѣмъ одинъ бульонъ...

Подписчикъ — *входя.*

Семь лѣтъ подписчикомъ и данникомъ покорнымъ
 Я вашимъ былъ — и нынѣ состою.
 Пылая къ вамъ почтеньемъ непритворнымъ
 (Простите, батюшка, докучливость мою),
 Священнымъ долгомъ счелъ, прибывъ въ столицу нашу,
 Сначала облетѣть ее во всѣ концы,
 Кунстъ-камеру взглянуть, потомъ особу вашу...
 А тамъ опять домой... чай, ждутъ мои птенцы!..

Журналистъ — *отрывисто и
шутливо.*

Садитесь; очень радъ. Какъ розы среди терній,
 Какъ свѣтлый ручеекъ во глубинѣ степей —
 Цвѣтисто говоря — такъ жители губерній
 Пріятны намъ всегда. Вы щедростью своей
 Поддерживая насъ, конечно, заслужили,
 Чтобъ полное мы къ вамъ почтеніе хранили, —
 И если въ микроскопъ разсматривать меня
 Охота вамъ придетъ, — я долженъ согласиться!

Подписчикъ.

Поздненько, батюшка, мнѣ оптикѣ учиться!
 Мнѣ стукнетъ шестьдесятъ черезъ четыре дня!

Журналистъ.

Да я, вѣдь, пошутилъ. А говоря прямѣе,
 Какъ дѣло всякое со стороны виднѣе,

То и доволенъ я, что завернули вы...
Трудами нашихъ рукъ и нашей головы
Мы жертвуемъ для васъ, журналы издавая...

Подписчикъ — *перебивая, съ поклономъ.*

И благодарность вамъ, почтеннѣйшій, большая...

Журналистъ.

Мы пишемъ день и ночь; торопимся, спѣшимъ
Романъ перевести, театръ, литературу
За мѣсяць обзрѣть, исправить корректуру —
Все къ первому числу... И еле мы дышимъ,
Оттиснувъ, наконецъ, и выдавъ книжку нашу...
Но какова она?.. Которыя статьи
Охотно вы прочли въ кругу своей семьи?
Какія усыпить успѣли милость вашу?
Не знаемъ ничего, и знать намъ мудрено.
Конечно, судятъ насъ собратья аккуратно;
Но замѣчать они умѣютъ только пятна,
И въ безпристрастїи ихъ упрекнуть грѣшно!
Купаясь въ мелочной и тягостной борьбѣ,
Которая порой близка бываетъ къ дракѣ,
Увы! не знаемъ мы цѣны самимъ себѣ,
И ощупью бредемъ въ какомъ-то полумракѣ!
Кто-жъ можетъ этотъ путь тернистый освѣтить?
Кто на дурное намъ беззлобиво укажетъ?
Кто за хорошее намъ благодарность скажетъ,
Умѣя покарать, умѣя и простить?

Подписчикъ.

Конечно, публика...

ЖУРНАЛИСТЪ.

Къ тому и рѣчь веду я.
 Какъ умный человѣкъ и какъ подписчикъ мой,
 Вы представителемъ явились предо мной
 Всей нашей публики; и васъ теперь спрошу я:
 Довольны ли вы тѣмъ, что производимъ мы?
 Интересуютъ ли читателей умы
 Словесность, Критика, Хозяйство, Смѣсь, Науки?..
 Чтò любить публика? къ чему не горяча?

ПОДПИСЧИКЪ.

Благодаря всевластной силѣ скуки
 И рьяности чтецовъ, читаются съ плеча,
 За исключеніемъ Наукъ и Домоводства,
 Всѣ ваши рубрики...

ЖУРНАЛИСТЪ.

О, стыдъ! о, готтентотство!
 Ужель еще читать не начали Наукъ?

ПОДПИСЧИКЪ.

Давно бы начали, но, батюшка, «Науки»
 Такъ пишутся у васъ, что просто вонь изъ рукъ!
 Охотно ставлю вамъ семью свою въ поруки:
 Изряднымъ надѣленъ достаткомъ — сыновей
 Я дома воспиталъ, а дочекъ въ пансіонѣ;
 Страсть къ чтенью развита у всѣхъ моихъ дѣтей;
 Засядемъ вечеромъ съ журналомъ на балконѣ,
 Читаемъ, и летятъ скорехонько часы...
 Не спитъ моя жена; а какъ довольны дѣти!

Но чуть въ «Науки» я — повѣсятъ всѣ носы,
 Какъ будто ихъ поймалъ волшебникъ лютый въ сѣти!
 Стараюсь убѣждать, доказываю имъ,
 Что съ пользою теперь мы время посвятимъ
 Не басенкѣ пустой, а дѣльному трактату,
 И дѣти вѣрятъ мнѣ... поближе къ нимъ подсяду!
 Читаю, горячусь... Но такова статья,
 Что черезъ часъ и самъ спать начинаю я!
 Ну, что вы скажете?..

Журналистъ.

Еще бы малымъ дѣтямъ
 Читать вы начали ученые статьи!..

Подписчикъ.

Нѣтъ, дѣти, батюшка, не малы ужъ мои,
 И въ нашей публикѣ ученѣй врядъ ли встрѣтимъ:
 Держалъ учителей, три года жилъ въ Москвѣ...
 Прислушивался я частехонько къ молвѣ
 И слышалъ все одно: быть можетъ, и прекрасно,
 Да только тяжело, снотворно и неясно!»
 Имѣйте, батюшка, слова мои въ виду!..
 Притомъ, какіе вы трактуете предметы?
 «Проказы домовыхъ, пословицы, примѣты,
 «О роли пѣтуха въ языческомъ быту,
 «Значенье кочерги, исторія ухвата»...
 Нѣтъ, батюшка, такихъ статейкъ намъ не надо!

Журналистъ.

Но ежели вопросъ насъ къ истинѣ ведетъ
 Ученый помышлять обязанъ ли о скукѣ?

Подписчикъ.

Не спору, батюшка, полезно все въ наукѣ,
И ваша кочерга съ достоинствомъ займетъ
Въ учебномъ сборникѣ достойныя страницы...
Но если дилетантъ-читатель предпочтетъ
Ученой кочергѣ пустыя небылицы,
Ужели онъ не правъ?

Журналистъ.

Да вы противъ наукъ?

Подписчикъ.

Напротивъ, батюшка, и ихъ всегдашній другъ!
И въ вашемъ, и въ другихъ журналахъ, хоть не часто,
Случалось мнѣ встрѣчать ученые статьи —
Я самъ, жена моя, домашніе мои
Читали жадно ихъ, какъ повѣсти... Нѣтъ, за сто
Изрядныхъ повѣстей, повѣрьте, не отдамъ
Одной такой статьи: какое снисхожденье
Къ невинной публикѣ: какое изложенье!
Не путешествуя, по дальнимъ городамъ
Съ туристомъ я блуждалъ; талантливый ученый
Вопросъ мнѣ разъяснилъ мудреный...
Вотъ этакихъ статей побольше надо намъ!

Журналистъ — *со вздохомъ*.

Ахъ, рады бы и мы всегда такимъ статьямъ,
Да гдѣ ихъ доставать? Таланты такъ лѣнны,
Что ежели статью въ журналѣ въ годъ прочли вы
Съ извѣстнымъ именемъ — благополучный годъ!

Но часто журналистъ и по три года ждётъ
Объщанной статьи; а въ публикѣ толкуютъ,
Что шарлатанить онъ...

Подписчикъ.

Куда какъ негодуютъ,
Что общаній вы не держите своихъ!

Журналистъ — *махнувъ рукой.*

Мы нынче и давать ужъ перестали ихъ!

Подписчикъ.

Но прихотливъ талантъ — въ немъ возбудить охоту
Полезно иногда — скупитесь, видно, вы?

Журналистъ.

Помилуйте! платить готовы мы безъ счету!
Кто только прогремитъ, по милости молвы,
Тому на перехватъ и деньги, и вниманье...
Охъ, дорогонько мнѣ пришлось соревнованье!
Набили цѣну такъ въ послѣдніе года,
Что наши барыши не годны никуда!
Богъ знаетъ, изъ чего стараемся, хлопчемъ?
«Извѣстности» теперь такъ дорого берутъ,
Что сбавилъ цѣну я своимъ чернорабочимъ...
Романы, напимѣръ... Повѣрьте, приведутъ
Мою и безъ того тщедушную особу!
Къ сухоткѣ злой они, а можетъ, и ко гробу!
Спасеніе въ одномъ — почаще переводъ
Печатай и конецъ...

Подписчикъ.

По мнѣ, такъ переводы
 Пора бы выводить рѣшительно изъ моды,
 А много перевести романа два-три въ годъ...
 Не спорю: хороши французскіе романы,
 И въ аглицкихъ меня плѣняетъ здравый умъ...
 Но мы читаемъ ихъ, какъ дѣти, наобумъ:
 Насъ авторы ведутъ въ невѣдомыя страны:
 Народности чужой неясныя черты
 Намъ трудно понимать, не зная той среды,
 Въ которой романистъ рисуется, какъ дома...
 То-ль дѣло русскій быть и русское житье?
 Природа русская?.. Жизнь русская знакома
 Такъ каждому изъ насъ, такъ любимъ мы ее,
 Что какъ ни даровитъ романъ вашъ переводный,
 Мы слабую ему статейку предпочтемъ;
 Въ которой намъ дохнетъ картиною народной,
 И русской грустію, и русскимъ удалствомъ,
 Гдѣ развернется намъ знакомая природа,
 Знакомыя черты знакомаго народа...

Журналистъ.

Вы судите умно. Все къ свѣдѣнью приму.
 Теперь же вамъ вопросъ послѣдній предлагаю:
 Сужденье ваше знать о «Критикѣ» желаю...

Подписчикъ.

Позвольте умолчать.

Журналистъ.

Скажите, почему?

Подписчикъ.

Сегодня поводъ вамъ своей свободной рѣчью
Я подаю, сударь мой, и такъ къ противорѣчью,
И если мнѣніе о «Критикѣ» скажу,
Названіе глупца, пожалуй, заслужу.

Журналистъ.

Напротивъ, никогда! Вѣдь, нѣтъ о вкусахъ спора!
Прошу васъ, и клянусь, что яблокомъ раздора
Не будетъ никакой строжайшій приговоръ.

Подписчикъ.

Ну, если такъ, я радъ! Полезно разговоръ
О чемъ бы онъ ни шелъ, доведеть до окончанья.
Я вашей «Критики» любитель небольшой:
Не то, чтобъ были въ ней невѣрны замѣчанья,
Но многословіемъ, надутой пустотой,
Самодовольствіемъ, задоромъ и педантствомъ
Смущаетъ насъ она... а пуще шарлатантствомъ!
Ну, что хорошаго? Какъ только лѣтній жаръ
Немного поспадеть и осенью суровой
Повѣтъ надъ селомъ, надъ полемъ и дубровой,
Межъ вами, такъ и жди, поднимется базаръ!
Забывъ достоинство своей журнальной чести,
Изъ зависти, вражды, досады, мелкой мести,
Спѣшите вы послать врагамъ своимъ стрѣлу;
Враги стремительно бросаютъ вамъ перчатку —
И бурей роковой къ извѣстному числу
Все разрѣшается... Ошибку, опечатку
Съ восторгомъ подхвативъ, готовы цѣлый томъ

О ней вы сочинить... А публика? Мы ждемъ,
Когда окончится промышленная стычка,
Критическій отдѣлъ наполнившая весь
И даже, наконецъ, забравшаяся въ «Смѣсь»,
И думаемъ свое: «несчастливая привычка,
Ошибка грустная испытанныхъ умовъ,
Къ чему ты приведешь?..» О, выразить нѣтъ словъ,
Какъ сами вы себя раняете жестоко,
Какъ оскорбляете вы публику глубоко —
И все, вѣдь, изъ чего?.. Шумливая толпа
Газетныхъ писуновъ, журнальныхъ ратоборцевъ,
Напрасно мыслишь ты, что публика слѣпа!..
Я вѣрю вамъ, когда бездарныхъ стихотворцевъ
Преслѣдуете вы, трактуя свысока
О римѣ, о стихѣ, о формахъ языка,
Во имя Пушкина, Жуковскаго и Гете,
Доказывая имъ, что хуже въ цѣломъ свѣтѣ
Не писывалъ никто, и что рубить дрова
Полезнѣй, чѣмъ низать — «слова, слова, слова!»
(Привычка водится за всѣмъ ученымъ міромъ
Сужденье подкрѣпить то Данте, то Шекспиромъ).
Я вѣрю вамъ, когда озлобленнымъ перомъ
Вонзаетесь порой въ нелѣпые романы,
Пигмеямъ нанося рѣшительныя раны,
Въ надеждѣ щегольнуть и собственнымъ умомъ;
Когда неловкій стихъ или хромую фразу,
Вдобавокъ исказивъ и, на потѣху глазу,
Косыми буквами поставивъ мнѣ на видъ,
Кричите вы: «и вотъ что авторъ говорить!
Гдѣ мысль, гдѣ логика, гдѣ истинное чувство?
Тутъ попоранъ здравый смыслъ, поругано искусство!
О, муза русская! осиротѣла ты!..»
Горячность ваша мнѣ хотя и непонятна

(Вы знаете, что есть и въ самомъ солнцѣ пятна),
 Но вѣрить я готовъ, что чувство правоты
 Внушило вамъ и жолчь, и ѣдкіе сарказмы
 (Хотя противное видали и не разъ мы!).
 Я также вѣрилъ вамъ, сочувствовалъ душой,
 Когда въ своихъ статьяхъ, приличныхъ и достойныхъ,
 Вы отзывались съ разумной похвалой
 О Пушкинѣ и о другихъ покойныхъ.
 Языкъ краснорѣчивъ, манера хороша:
 Кто страстно такъ любилъ, тотъ понималъ искусство,
 Въ томъ былъ глубокой умъ, горѣло ярко чувство,
 Свѣтилася прекрасная душа!..
 Когда авторитетъ, давно шумѣвшій ложно,
 Вы разрушаете — вамъ также вѣрить можно;
 Когда вы хвалите ученые труды,
 Успѣхъ которыхъ вамъ не сдѣлаетъ бѣды,
 Я тоже вѣрю вамъ (хоть страсть къ литературѣ
 Васъ въ равновѣсіи не держитъ никогда:
 То вдругъ расходитесь, подобно грозной бурѣ,
 То такъ расхвалитесь, что новая бѣда).
 Но иначе смотрѣть, иную думать думу
 Привыкъ я, господа, прислушиваясь къ шуму,
 Который иногда затѣявъ межъ собой,
 Вы разрѣшаетесь осеннею грозой:
 Госка меня беретъ, по тѣлу дрожь проходить,
 Когда одинъ журналъ, къ другому подходя,
 О совѣсти своей журнальной рѣчь заводитъ...

ЖУРНАЛИСТЪ.

Ужели, мой журналъ внимательно слѣдя
 И въ немъ открыли вы уловки самохвальства?

Подписчикъ.

О, какъ же, батюшка, и даже до нахальства!

Журналистъ — *вскакивая*.

Но гдѣ-жь? Помилуйте! еще подобныхъ словъ
Я сроду не слыхалъ...

Подписчикъ.

Ужъ будто?

Слуга — *докладываетъ*.

Хрипуновъ!

Журналистъ.

А! нужный человѣкъ!

Подписчикъ — *вставая*.

Такъ, значитъ, до свиданья?
Оно и хорошо, а то разгорячась,
До грубости свои довелъ я замѣчанья
И засидѣлся самъ — прощайте! третій часъ!
Простите, что мои сужденья были жестки
(А можетъ, скажете, что даже просто плоски);
Но льстить не мастеръ я и спину гнуть въ кольцо...
Не думайте, что мы трудовъ не цѣнимъ вашихъ:
Нѣтъ, дѣльный журналистъ — полезное лицо!
Въ васъ благодѣтелей мы часто видимъ нашихъ,
Мы благодарны вамъ за честные труды,
Которыхъ видимы полезныя плоды —
Вы развиваете охоту къ просвѣщенью,

Вы примиряете насъ съ собственною лѣнью,
И вамъ всегда открытъ охотно нашъ карманъ, —
Насъ опытъ научилъ, что безъ статей журнальныхъ
Осеннихъ вечеровъ, дождливыхъ и печальныхъ,
Намъ нѣкуда дѣвать! Невѣжества туманъ
Разсѣялся давно; смягчило время нравы;
Разгульные пиры и грубыя забавы
Время невѣжества смѣнило чередой
Стремленье къ знанію, искусствамъ благороднымъ,
И рѣдкій дворянинъ, конечно, молодой,
Теперь не предпочтетъ собакамъ превосходнымъ
Журналъ вашъ... для чего-жъ грошовый интересъ
Надъ правдою беретъ въ васъ часто перевѣсъ?
Къ чему хвастливый тонъ, осеніе раздоры,
Зацѣпки, выходки, улики, жолчь и споры?
Къ чему самихъ себя такъ глупо унижать!
Повѣрьте, публика пойметъ и безъ навѣта,
Что хорошо у васъ, что худо у сосѣда,
Да, право, и труда большого нѣтъ понять!
Повѣрьте, все пойдетъ и тихо, и прекрасно,
Когда вы станете трудиться, господа,
Самостоятельно, разумно и согласно —
И процвѣтете всѣ на многіе года!..
Прощайте! надоѣлъ я вамъ своимъ болтаньемъ;
Но если рѣчь мою почтили вы вниманьемъ,
Готовъ я забрести, пожалуй, и опять...

Журналистъ.

Весьма обяжете... Прощайте! буду ждать!

СТАРИКИ.

Н еизбѣжныя напасти,
 Бремя лѣтъ, трудовъ и зла
 Унесли изъ нашей страсти
 Много свѣта и тепла.

Сердце — времени послушно —
 Бьется ровной чередой,
 Разстаемся равнодушно,
 Не торопимся домой.

Что́ таиться другъ отъ друга?
 Посѣдѣлъ я — видишь ты;
 И въ тебѣ, моя подруга,
 Нѣту прежней красоты.

Что́-жъ осталось въ жизни нашей?
 Ты молчишь... печальна ты...
 Не случилось ли съ Парашей —
 Сохрани Господь — бѣды?..

ПЕРЕДЪ ЗЕРКАЛОМЪ.

Ш ляпа, перчатки, портфейль,
 Форменный фракъ со звѣздою,
 Нѣсколько впалая грудь,
 Правый високъ съ сѣдиною.

Не до одышки я толстъ,
 Не до мизерности тонокъ,
 Слогъ у меня дѣловой,
 Голосъ пріятень и звонокъ...

Только прибавить бы лба,
 Но — никакими судьбамп!
 Волосы глупо торчатъ
 Тотчасъ почти надъ бровями.

При несомнѣнномъ умѣ,
 Соображеніи быстромъ,
 Мнѣ далеко не пойти —
 Быть не могу я министромъ.

Да, представительный лобъ
 Необходимъ въ этомъ санѣ.
 Вотъ Дикобразовъ Прокопъ...
 Счастье, подумаешь, дряни!

Случай вывозить слѣпой
 Эту фигуру медвѣжью:
 Лобъ у него небольшой,
 Но дополняется плѣшью...

.....

ПРИЗНАНІЯ ТРУЖЕНИКА.

До моей громадной толщинѣ
Люди ложно судятъ обо мнѣ.
Помню, разъ, четыре господина
Говорили: «вотъ идетъ скотина!
Видно нѣтъ заботы никакой —
Съ каждымъ годомъ прѣтъ его горой!»
Я совсѣмъ не такъ благополученъ,
Какъ румянъ и шаровидно тученъ;
Дочитавъ рассказъ мой до конца,
Содрогнутся многія сердца!
Для поддержки брэнной плоти нуженъ
Мнѣ обѣдъ достаточный и ужинъ;
И чтобъ къ нимъ себя готовить
Долженъ я — гулять, гулять, гулять!
Чуть проснусь, не выпивъ чашки чаю,
«Одѣвай!» команду Минаю
(Адски глупъ и копотливъ Минай,
Да за то повязывать мнѣ шею
Допускать его я не робѣю:
Преданъ мнѣ безмѣрно негодяй)...
Какъ пройду я первыя ступени,
Подогнутся слабыя колѣни;
Стукотня ужасная въ вискахъ,
Поть на лбу и слезы на глазахъ,
Словно кто свиститъ и дуетъ въ ухо,
И, какъ волны въ бурю, ходитъ брюхо!
Отошедши нѣсколько шаговъ,
Я совсѣмъ разбитъ и нездоровъ;
Сѣлъ бы въ грязь, такъ жутко и такъ тяжело,

Да грозить чудовище-кондрашка
И твердить какъ Вѣчному Жиду,
Все: «иди, иди, иди!..» Иду...

Кажется, я очень авантаженъ,
Хорошо одѣтъ и напомаженъ,
Трость въ рукѣ и шляпа на бекрень...
А терплю насмѣшки цѣлый день!
Изъ кареты высунется дама
И въ лицо мнѣ засмѣется прямо,
Крикнетъ школьникъ съ хохотомъ: «ура!
Посмотрите: катится гора!..»
А дуракъ лакей, за мной шагая,
Уваженъе къ барину теряя,
Такъ и прыснетъ!.. Праздный балагуръ
Срисовать въ альбомъ карикатуръ
Норовить, рекомендуя дамамъ:
Любоваться «симъ гиппопотамомъ!»
Кучера по-своему острять:
«Этому» — мерзавцы говорятъ —
«Еслибъ въ брюхо и попало дышло,
Такъ насквозь оно бы, чай, не вышло?..»
Такъ, извнѣ насмѣшками язвимъ,
Изнутри изжогою палимъ,
Я бреду... Пальто, бурнусы, шляпки,
Смѣхъ мужчинъ и дамъ нарядныхъ тряпки,
Экипажи, вывѣски, друзья —
Ничего не замѣчаю я!..
Наконецъ... Счастливая минута!..
Скоро пять — невѣдомо откуда
Силы вдругъ возьмутся... Какъ зефиръ,
Я лечу домой, или въ трактиръ,
Или въ клубъ... Теперь я живъ и молодъ,

Я легкокъ; я ощущаю голодъ!
Ахъ, повѣрьте, счастье не въ томъ,
Чтобъ блистать чинами и умомъ:
Наше счастье бродитъ межъ холмами
Въ бурой шкурѣ, съ дюжими рогами!
Впрочемъ, мнѣ распространяться лѣнь...
Дней моихъ хранительная сѣнь,
Здравствуй, клубъ! Почти еще ребенокъ,
Въ первый разъ, и сухощавъ, и тонокъ,
По твоимъ ступенямъ я всходилъ:
Ты меня взлелѣялъ и вскормилъ!
Честь тебѣ, твоимъ здоровымъ блюдамъ!..
Если кто тебя помянетъ худомъ,
Не сердись, не уличай во лжи:
На меня безмолвно укажи!
Уголокъ спокойный и отрадный!
Сколько разъ, въ часъ бури беспощадной,
Думалъ я, дремля у камелька:
«Жизнь моя пріятна и легка.
Кто-нибудь теперь отъ стужи стонетъ,
Кто-нибудь въ сердитомъ морѣ тонетъ,
Кто-нибудь дрожить... а надо мной
Вѣтерокъ не пролетитъ сквозной...
Сколькихъ ты пригрѣлъ и успокоилъ
И въ объемѣ, какъ меня, утроилъ!
Для какого множества людей
Замѣнилъ семейство и друзей!..»

.....

ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ ЮНЯ.

1854 года.

Великихъ зрѣлищъ, міровыхъ судебъ
Поставлены мы зрителями нынѣ:
Исконные, кровавые враги,
Соединясь, идутъ противъ Россіи.
Пожаръ войны полміра обхватилъ
И заревомъ зловѣщимъ освѣтились
Дѣянія державъ миролюбивыхъ...
Обращены въ позорище вражды
Моря и суша... Медленно и глухо
Къ намъ двинулись громады кораблей,
Хвастливо предрекая нашу гибель,
И наконецъ приблизились; стоятъ
Предъ укрѣпленной русскою твердыней...
И нынѣ въ урнѣ роковой лежатъ
Два жребія... и наступаетъ время,
Когда Рѣшитель мира и войны
Исторгнетъ ихъ всеильною рукой
И свѣту потрясенному покажетъ.

Въ день появленія соединеннаго
флота вблизи Кронштадта.

*
* *

БЕЗВѢСТЕНЪ Я. Я вами не стяжалъ
 Ни почестей, ни денегъ, ни похвалъ,
 Стихи мои — плодъ жизни несчастливой,
 У отдыха похищенныхъ часовъ,
 Сокрытыхъ слезъ и думы боязливой!
 Но вами я не восхвалялъ глупцовъ,
 Но съ подлостью не заключалъ союза:
 Нѣтъ! свой вѣнецъ терновый приняла,
 Не дрогнувъ, обезславленная Муза
 И.

*
* *

Чуть-чуть не говоря: «ты суцая ничтожность!»
 Стиховъ моихъ печатный судія.
 Совѣтуетъ большую осторожность
 Въ употребленьи буквы «я».
 Винюсь: ты правъ, усердный мой цѣнитель
 И общихъ мѣсть присяжный расточитель, —
 Противъ твоей я публики грѣшу,
 Но только я не для нея пишу.
 Увы! писать для публики, для свѣта, —
 Удѣлъ не русскаго поэта...
 Друзья мои по тяжкому труду,
 По Музѣ гордой и несчастной,

Кипящей злобою безгласной!
Мою тоску, мою бѣду
Пою для васъ... Не правда ли, отрадно
Несчастному несчастье въ другомъ?
Кто боленъ самъ, тотъ весело и жадно
Внимаетъ вѣсти о больномъ...

ИЗЪ АВТОБІОГРАФІИ

ГЕНЕРАЛЬ-ЛЕЙТЕНАНТА

ФЕДОРА ИЛАРИОНОВИЧА РУДОМЕТОВА II-го,

УВОЛЕННАГО ВЪ ЧИСЛѢ ПРОЧИХЪ ВЪ 1857 ГОДУ.

Увилъ ты, точно, на вѣку
Сто-сорокъ-два медвѣдя,
Но прочиталъ-ли хоть строку
Ты въ жизни, милый Федя? —
— О, нѣтъ! за множествомъ хлопотъ,
Разводовъ и парадовъ,
По милости игры, охотъ,
Баловъ и маскарадовъ,
Я книги въ руки не биралъ,
Но близокъ съ просвѣщенемъ:
Я очень долго управлялъ
Учебнымъ учрежденемъ.
Въ тѣ времена всего важнѣй
Порядокъ былъ — до книгъ ли? —
Мы брили молодыхъ людей
И, какъ барановъ, стригли!

За то студентъ не бунтоваль,
Хоть былъ съ осанкой хватской;
Тогда законъ не разбиралъ —
Военный или статскій;
Дабы соединить съ умомъ
Проворство и сноровку,
Пофилософствуй, а потомъ
Иди на маршировку!..

Случилось также мнѣ попасть
Въ начальники цензуры,
Конечно, не за тѣмъ, чтобъ красть:
Что взять съ литературы?
А такъ, порядокъ водворить...
Довольно было писку;
Умѣлъ я разомъ сократить
Журнальную подписку.
Пятнадцать цензоровъ смѣнилъ
(Все были либералы),
Лицеямъ, школамъ воспретилъ
Выписывать журналы.
«Не успокоюсь, не поправъ
Писателей свирѣпость!
Узнайте-жь мой ужасный нравъ,
И мощь мою — и крѣпость!»
Я восклицалъ. Я ихъ застигъ,
Какъ ураганъ въ пустынѣ,
И гибли, гибли сотни книгъ,
Какъ мухи въ керосинѣ!
Мать не встрѣчала прописей
Для дочери-дѣвчонки,
И лопнули въ пятнадцать дней
Всѣ книжныя лавчонки!...
Потомъ, когда обширный край

Мнѣ ввѣрили по праву,
 Девизъ: «Блюди — и усмирай!»
 Я оправдалъ на славу...

.....

НА ОБЪДЪ

ВЪ ЧЕСТЬ МАРТЫНОВА.

Со славою прошелъ ты полдороги,
 Полпоприща ты доблестно свершилъ!
 Мы молимъ одного: чтобъ даровали боги
 Тебѣ надолго крѣпость силъ!
 Чтобъ въ старости, бывшее вспоминая,
 Могли мы повторять, смѣясь:
 «А помнишь ли, гурьба какая
 «На этотъ праздникъ собралась?
 «Тутъ не было ни почестей народныхъ,
 «Ни громкихъ хвалъ, — однимъ онъ дорогъ былъ:
 «Свободную семью людей свободныхъ
 «Мартыновъ вокругъ себя въ тотъ день соединилъ!
 «И чѣмъ же, чѣмъ? Ни подкупа, ни лести
 «Тутъ и слѣда никто не могъ бы отыскать!»
 Мы знаемъ всѣ: ты стоишь бѣльшей части,
 Но мы даемъ, что можемъ дать!

ПАПАША.

Я давно замѣчалъ этотъ сѣренькій домъ!..
 Въ немъ живутъ двѣ почтенныя дамы,
 Тишина въ немъ глубокая днемъ,
 Сторы спущены, заперты рамы.
 А вечерней порой иногда
 Здѣсь движенье веселое слышно:
 Приѣзжаютъ сюда господа
 И дѣвицы, одѣтыя пышно.
 Вотъ и нынче карета стоитъ,
 Въ ней какой-то мужчина сидитъ;
 Свищетъ онъ, поджидая кого-то,
 Да на окна глядитъ иногда.
 Наконецъ, отворились ворота
 И, нарядна, мпла, молода,
 Вышла женщина ..

«Здравствуй, Наташа!

Я ужъ думалъ — не будетъ конца!»
 — «Вотъ тебѣ деньги, папаша?»
 Дѣвушка сѣла, цѣлуетъ отца.
 Дверцы захлопнулись, скрылась карета,
 И постепенно затихъ ея шумъ.
 «Вотъ тебѣ деньги!» Я думалъ: чтò-жъ это?
 Дикая мысль поразила мой умъ.
 Мысль эта сердце мучительно сжала.
 Прочь, ненавистная, прочь!
 Чтò же, однако, меня испугало?
 Мать, продающая дочь,
 Не ужасаетъ насъ... такъ почему же?
 Нѣтъ, не повѣрю я!.. извергъ, злодѣй!

Хуже убійства, предательства хуже...
Хуже-то хуже, да легче, вѣрный,
Да и понятнѣй. Въ нашъ вѣкъ утонченный
Изверги водятся только въ лѣсахъ.
Это не извергъ, а фатъ современный —
Фатъ устарѣлый, безъ мѣста, въ долгахъ.
Что-жь ему дѣлать? Другого закона,
Кромѣ дендизма, онъ въ жизни не зналъ,
Жилъ человѣкомъ хорошаго тона
И умереть имъ желалъ:
Поздно привыкъ онъ ложиться,
Поздно привыкъ онъ вставать,
Кушая кофе, помадиться, бриться,
Ногти точить и усы завивать,
Часъ или два передъ тонкимъ обѣдомъ
Невскій проспектъ шлифовать.
Смолоду былъ онъ лихимъ сердцеѣдомъ;
Долго ли денегъ достать?
Съ шикомъ одѣлся, приставилъ лорнетку
Къ лѣвому глазу, прищурилъ другой,
Мигомъ плѣнилъ пожилую кокетку
И полилось ему счастье рѣкой.
Сладки трофеи нетрудной побѣды —
Кровныя лошади, поваръ французъ...
Боже! какіе давалъ онъ обѣды —
Роскошь, изящество, вкусъ!
Подлая сволочь глотала ихъ жадно.
Подлая сволочь?.. о, нѣтъ!
Все, что богато, чиновно, парадно,
Кушало съ чувствомъ и толкомъ обѣдъ.
Мы за здоровье хозяина пили,
Мы цѣловались съ нимъ...
Правда, что слухи до насъ доходили...

Чтѣ намъ до слуховъ — и вѣрить ли имъ?
 Старый газетчикъ въ порывѣ усердія,
 Такъ отзывался о немъ:
 «Другъ справедливости, жрецъ милосердія!»
 То вдругъ облаялъ потомъ, —
 Вѣрь, чему хочешь! Мы въ немъ не замѣтили
 Подлости явной: въ игрѣ онъ платилъ!
 Муза! воспой же его добродѣтели!
 Вспомни, онъ набоженъ былъ;
 Вспомни, онъ руку свою тороватую
 Вѣчно раскрытой держалъ,
 Даже Жуковскому чтѣ-то на статую
 По добротѣ своей далъ!

Счастье, однако, на свѣтѣ не прочно —
 Хуже да хуже съ годами дѣла.
 Силь ему много отпущено, точно,
 Да красота измѣнять начала.
 Онъ ужъ купилъ три таинственныхъ банки:
 Это — для губъ, для лица и бровей;
 Учетверилъ благородство осанки
 И величавость походки своей;
 Ходить по Невскому съ палкой, съ лорнетомъ
 Сорокалѣтній герой,
 Ходить зимою, весною и лѣтомъ,
 Ходить и думаетъ: «Чортъ же съ тобой,
 «Городъ проклятый! Я строснѣ, какъ тополь,
 «Счастье найду по другимъ городамъ!»
 И, разсердясь, покидаетъ Петрополь...

Можетъ быть, вѣдомо вамъ,
 Что за границей мѣстами есть воды,
 Гдѣ собирается множество дамъ —
 Милыхъ поклонницъ свободы,
 Дамъ и отчасти дѣвицъ;

Ежели дамъ, то въ замужствѣ несчастныхъ,
 Разнаго возраста лицъ,
 Но одинаково страстныхъ,
 Словомъ, такихъ, у которыхъ талантъ
 Жалкою славой прославится въ свѣтѣ
 И за которыхъ Жоржъ-Сандъ
 Передъ мыслителемъ русскимъ въ отвѣтъ.
 Что привлекаетъ ихъ въ городъ такой,
 Славный не столько водами,
 Сколько азартной игрой
 И... но вы знаете сами...
 Трудно рѣшить. Говорятъ,
 Годы терпѣнья и плѣна,
 Тяжкихъ обидъ и досадъ
 Вдругъ выкупаютъ измѣна;
 Ежели такъ, то цѣлительность водъ
 Не подлежить никакому сомнѣнью.
 Бурно ихъ жизнь тамъ идетъ,
 Вся отдана наслажденью;
 Оригиналенъ нарядъ, —
 Дома одѣты, а въ люди
 Полураздѣться спѣшать:
 Голыя спины и голыя груди!
 (Впрочемъ, не къ каждой изъ дамъ
 Эти идутъ укоризны:
 Такъ, напримѣръ, только лечатся тамъ
 Скромныя дочери нашей отчизны...)
 Нашъ благородный герой
 Тамъ свои сѣти раскинулъ,
 Тамъ онъ блисталъ еще годикъ-другой,
 Но и оттудова сгинулъ.
 Лѣтъ черезъ восемь потомъ
 Онъ воротился въ Петрополь,

Все еще строень, какъ тополь,
 Но уже нѣсколько хромъ,
 То-есть, не хромъ, а немножно
 Стала шалить его лѣвая ножка —
 Вовсе не гнулась! Шагаль
 Ею онъ, словно полѣномъ,
 То вдругъ внезапно болталъ
 Въ воздухѣ правымъ колѣномъ.
 Бѣлый платочекъ въ рукѣ,
 Грусть на челѣ горделивомъ,
 Волосы съ бурымъ отливомъ —
 И ни кровинки въ щекѣ!

Плохо!..

А вкусы такъ пошлы и грубы,
 Дай имъ красавчика, кровь съ молокомъ...
 Волкъ, у котораго выпали зубы,
 Бѣшено взвыль; оглядѣлся кругомъ
 Да и рѣшился... Трудами питаться
 Нѣтъ ни умѣнья, ни силъ;
 Въ бѣдности гнусной открыто признаться
 Передъ друзьями, которыхъ кормилъ,
 И удалиться съ роскошнаго пира —
 Нѣтъ! добровольно герой
 Санктпетербургскаго моднаго міра
 Не достигаетъ развязки такой.
 Молодъ — такъ дѣло женитьбой поправить,
 Старъ — такъ игорный притонъ заведетъ,
 Вексель фальшивый составитъ,
 Въ легкую службу поидетъ...
 Славная служба! Нашъ старый красавецъ
 Чуть не пошелъ-было этой тропой,
 Да не годился... Вотъ этотъ мерзавецъ —
 Подъ руку съ дочерью! Весь завитой,

Кольца, лорнетка, цѣпочка вдоль груди...

Плюньте въ лицо ему, честные люди!

Или уйдите хоть прочь!

Легче простить за поджогъ, за покражу —

Это отецъ, развращающій дочь

И выводящій ее на продажу!..

«Знаемъ мы, знаемъ — да дѣла намъ нѣтъ,

«Очень горячъ ты, любезный поэтъ!»

Музыка въ родѣ шарманки

Однообразно гудить;

Сонно поютъ испитыя цыганки,

Глупый цыганъ каблуками стучить.

Около русой Наташи

Пять молодыхъ усачей

Пьютъ за здоровье папашаи.

Кажется, весело ей:

Смотрить спокойно, наивно смѣется...

Пусть же смѣется всегда!

Пусть никогда не проснется!

Если-жъ проснется, что будетъ тогда?

Ножъ ли ухватить, застонетъ ли тяжко

И упадетъ безъ дыханья, бѣдняжка,

Сломлена ужасомъ, горемъ, стыдомъ?

Кто ее знаетъ! Не дай только Боже

Быть никому въ ея кожѣ, —

Звать обнищалаго фата отцомъ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАВЛЯ

или

«НЕ ВЪ СВОИ САНИ НЕ САДИСЬ».

О, свѣтскія забавы!
 Пришлось вамъ поклониться,
 Литературной славы
 Рѣшился я добиться.

Не долго думаль думу,
 Досталь два автографа,
 И вышелъ не безъ шуму
 На путь библиографа.

Шекспировскихъ твореній
 Составиль полный списокъ,
 Безъ важныхъ упущеній
 И безъ большихъ описокъ.

Всего-то двѣ ошибки
 Открыли журналисты,
 Какъ ихъ умы ни гибки,
 Какъ перья ни рѣчисты:

Какую-то Заиру
 Позднѣйшаго поэта
 Я приписаль Шекспиру,
 Да пропустиль Гамлета.

- Посыпались нападки!
 Я пробоваль сначала
 Свалить на опечатки,
 Но вышло толку мало.

Тогда я хватъ брошюру!
И тутъ остался съ носомъ:
На всю литературу
Сочли ее доносомъ!

Открыли перестрѣлку,
Въ своихъ мансардахъ сидя,
Попаль я въ передѣлку!
Такъ заяцъ, пса увидя,

Потерянный, метнется
Къ тому, къ другому краю
И разомъ попадется
Во всю собачью стаю!..

Дней сто не прекращали
Журнальной адской бани,
И даже тѣхъ ругали,
Кто мало сыпаль брани!

Увы! въ родную сферу
Съ стыдомъ я возвратился;
Испортилъ я карьеру,
А славы не добился!..

ДРУЖЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА МОСКВЫ СЪ ПЕТЕРБУРГОМЪ.

1.

МОСКОВСКОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ.

На дальнемъ сѣверѣ, въ гиперборейскомъ краѣ,
Гдѣ солнце тусклое, показываясь въ маѣ,
Скрывается опять до лѣта въ сентябрѣ —
Столица новая возникла при Петрѣ.

Возникнувъ, съ помощью чухонскаго народа,
Изъ топей и болотъ въ какихъ-нибудь два года,
Она до нашихъ дней съ Россіей не срослась:
Въ употребленіи тамъ гнусный рижскій квасъ;
Съ нѣмецкимъ языкомъ тамъ перемѣшанъ русскій,
И надъ обоими господствуетъ французскій,
А рѣчи истинно-народный оборотъ
Тамъ рѣдокъ столько же, какъ честный патріотъ.

Да, патріота тамъ наищешься со свѣчкой:
Подбиться къ сильному, прикинуться овечкой,
Мѣстечка теплаго добиться, и потомъ
Безбожно торговать и честью, и умомъ —
Таковъ тамъ человѣкъ! — Но впрочемъ, безъ сомнѣнья,
Спѣшу оговорить, найдутся исключенья.
Забота Промысла о людяхъ такова,
Что если гдѣ растеть негодная трава,
Тамъ есть и добрая: вотъ, на примѣръ, Жуковскій —
Хоть въ Петербургѣ жилъ, но былъ съ душой московской.

Театры и дворцы, Нева и корабли,
Несущіе туда со всѣхъ концовъ земли
Затѣи роскоши, — музеи просвѣщенья,
Музеи древностей — «всѣ признаки ученья»
Въ томъ городѣ найдешь, нѣтъ одного: души!
Тамъ высохъ человѣкъ, погрязнувъ въ барыши;
Улыбка на устахъ, а на умѣ коварность:
Святого ничего — одна утилитарность!

Итакъ, друзья мои! клянупу тщеславный градъ!
Рыдаю и клянупу... Прогрессу онъ не радъ.
Въ то время, какъ Москва надеждами пылаеть,
Онъ погружается по прежнему въ развратъ
И противъ гласности стишонки сочиняеть!..

2.

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ПОСЛАНИЕ.

Ты знаешь градъ, заслуженный и древній,
 Который совмѣстилъ въ свои концы
 Хоромы, хижины, посады и деревни,
 И храмы Божіи, и царскіе дворцы?
 Тотъ мудрый градъ, гдѣ смѣлый провозвѣстникъ
 Московскихъ думъ и англійскихъ началъ,
 Какъ водопадъ бушуетъ «Русскій Вѣстникъ»,
 Гдѣ «Атеней», какъ ручеекъ, журчалъ.

Ты знаешь градъ? — Туда, туда съ тобой
 Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!

Ученый говоритъ: «тотъ градъ славнѣе Рима»;
 Прозаикъ «сердцемъ родины» зоветъ:
 Поэтъ гласитъ: «Россіи дочь любима»,
 И «матушкою» чествуетъ народъ.

Не даромъ, нѣтъ! Невольно брызжутъ слезы,
 При имени заслугъ, какія онъ свершилъ:
 Въ двѣнадцатомъ году такіе тамъ морозы
 Стояли, что французъ досель ихъ не забылъ.

Ты знаешь градъ? — Туда, туда съ тобой
 Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!

Достойный градъ! Тамъ Мининъ и Пожарскій
 Торжественно стоятъ на площади.

Тамъ уцѣлѣлъ остатокъ древне-барскій
 У cadaго патриція въ груди.

Въ купечествѣ, въ сословіи дворянскомъ

Тамъ безкорыстіе, готовность выше мѣръ:

Въ послѣдней ли войнѣ, въ вопросѣ ли крестьянскомъ

Мы не одинъ найдемъ тому примѣръ...

Ты знаешь градъ? Туда, туда — съ тобой
 Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!

Волшебный градъ! Тамъ люди въ дѣлѣ тихи,
Но говорятъ, волнуются за двухъ;
Тамъ отъ Кремля, съ Арбата и съ Плющихи —
Отвсюду вѣетъ чисто-русскій духъ;
Все взоры веселить, все сердце умиляетъ,
На выспренній настраиываетъ ладъ —
Царь-колоколъ лежитъ, царь-пушка не стрѣляетъ,
И сорокъ-сороковъ безъ умолку гудятъ.

Волшебный градъ! Туда, туда съ тобой
Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!

Правдивый градъ! Тамъ процвѣтаетъ гласность,
Тамъ принялись науки сѣмена,
Тамъ въ головахъ у всѣхъ такая ясность;
Что комара не примутъ за слона.
Тамъ, не въ примѣръ столицѣ нашей Невской,
Подмѣтятъ все — оцѣнятъ, разберутъ:
Анаѳемѣ тамъ преданъ Чернышевскій,
И Кокорева умъ нашель себѣ приютъ!

Правдивый градъ! Туда, туда съ тобой
Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!

Мудреный градъ! По приговору сейма,
Тамъ судятся и люди, и статьи;
Ученый Бабсть стихами Розенгейма
Тамъ подкрѣпляетъ мнѣнія свои;
Тамъ сомнѣвается почтеннѣйшій Киттары,
Ужъ точно ли не нужно сѣчь дѣтей;
Тамъ въ Хомяковѣ чехи и мадьяры
Нашли пѣвца народности своей.

Мудреный градъ! Туда, туда съ тобой
Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!

Разумный градъ! Тамъ Павловъ Соллогуба,
Байборода Крылова обличилъ,

Тамъ *** былъ пораженъ сугубо,
 Тамъ самъ себя Чичеринъ поразилъ.
 Тамъ, что ни мужъ — то жаркій другъ прогресса,
 И лишь не вдругъ могли уразумѣть:
 Чтò на пути къ нему вѣрнѣе — пресса
 Или умно направленная плеть?

Разумный градъ! Туда, туда съ тобой
 Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!
 Серьезный градъ! Науку безъ обмана,
 Безъ гаерства искусство любятъ тамъ;
 Тамъ область празднословнаго романа
 Мужчина передалъ въ распоряженъе дамъ.
 И чтò романъ! Тамъ поражаютъ пьянство,
 Устами Чаннинга о трезвости поютъ;
 Тамъ люди презираютъ балаганство
 И нашъ «Свистокъ» проклятью предають!

Серьезный градъ! Туда, туда съ тобой
 Намъ страшно показаться, милый мой!

ПЕРВЫЙ ШАГЪ ВЪ ЕВРОПУ.

Какъ дядю моего, Ивана Ильича,
 Нечаянно сразилъ ударъ паралича,
 Въ его наслѣдственномъ имѣннн Корсунскомъ —
 Я памятникъ ему воздвигнулъ сгоряча,
 А души заложилъ въ Совѣтъ Опекунскомъ.

Мои домашніе, особенно жена,
 Пристали: «жизнь для насъ на родинѣ скучна!»
 Кто: «ангелъ!» кто: «злодѣй! вези насъ за границу!»

Я крикнулъ старосту Ивана Кузьмина,
Имѣнье сдалъ ему и — укатилъ въ столицу.

Въ столицѣ, получивъ немедленно паспортъ,
Я сѣлъ на пароходъ и уронилъ за бортъ
Горячую слезу, невольный даръ отчизнѣ...
«Утѣшься», прошепталъ насъ увлекавшій чортъ:
«Отраду ты найдешь въ нѣмецкой дешевизнѣ» —

И я утѣшился... И тутъ ужъ не долга
Развязка мрачная: минули мы берега
Священной родины, минули Свинемюнде,
Пріѣхали въ Берлинъ — и обрѣли врага
Въ Луизѣ-Августѣ-Фернандѣ-Кунигундѣ.

Такъ горничная тварь въ гостинницѣ звалась.
Но я предупредить обязанъ прежде васъ,
Что Лидія — моя дрожайшая супруга —
Ужасно горяча: какъ будто родилась
Подъ небомъ Африки; въ ней дышутъ страсти юга!

Въ отечествѣ она не знала имъ узды:
Покорно ей вручивъ правленія бразды,
Я скоро подчинилъ ей волю и разумокъ
(Въ сочельникъ крошки въ ротъ не бралъ я до звѣзды;
Хоть голоду терпѣть не можетъ мой желудокъ).

И всякъ за мною вслѣдъ во всемъ ей потакалъ,
Противорѣчіемъ никто не раздражалъ
Изъ опасенья слезъ, трагическихъ истерикъ...
Въ гостинницѣ едва я умываться сталъ,
Вдругъ слышу: Лидія бушуетъ, словно Терекъ.

Я бросился туда. Вот что случилось съ ней:
 О, ужасъ! о, позоръ! Въ небрежности своей
 Луиза, Лидію съ дороги раздѣвая,
 Царапнула слегка булавкой шею ей,
 А Лидія моя, не долго размышляя...

Но что тутъ говорить? Тутъ нужны не слова,
 Тутъ громы нужны бы... Недвижна, чуть жива,
 Стояла Лидія въ какой-то думѣ новой;
 Растрепана коса, поникла голова:
 «На натискъ пламенный ей былъ отпоръ суровый!..»

Слова моей жены: «о, другъ, Иванъ Ильичъ!»
 Мнѣ вспомнились тогда: «здѣсь грубость, мракъ и дичь!
 Здѣсь жить я не могу — вези меня въ Европу!»
 Ахъ, лучше-бъ душечка, въ деревнѣ дѣвокъ стричь,
 Да надирать виски безгласному холопу!

О Т Р Ы В К И.

НА ПСАРНѢ.

Ты, старина, здѣсь живешь, какъ въ аду;
 Воля придетъ, чай, бѣжишь безъ оглядки?
 — Нашто мнѣ воля? куда я пойду?
 Нѣту ни батьки, ни матки,
 Нѣту никѣмъ никого,
 Хлѣбъ добывать не умѣю,
 Только и знаю кричать: «го-го-го!»
 Горе косому злодѣю!..»

*
* *

Явно родственны съ землей,
 Въ тайномъ бракѣ съ «Вѣстью»,
 Земства модною броней
 Прикрываясь съ честью,
 Снова ловятъ мужиковъ
 Въ крѣпостныя сѣти
 — — — скихъ орловъ
 Доблестныя дѣти...

ПѢСНЯ ОБЪ «АРГУСЪ».

Я полагаю, съ либеральнаго
 Есть направленья барышъ —
 Больше, чѣмъ съ мѣста квартальнаго;
 Чтд-жъ оказалось — шишъ!
 Богъ меня свелъ съ нигилистами;
 Сами лѣнятся писать,
 Платятъ все деньгами чистыми.
 Пробовалъ я убѣждать:
 «Мнѣ бы хотъ десять копѣчекъ
 Съ пренумеранта извлечь:
 Вѣдь даровыхъ-то статейчекъ
 Много... куда ихъ беречь?
 Нужно во всемъ безпристрастїе:
 Вы ихъ смѣшайте, друзья,
 Да и берите на счастье...
 Вѣрьте, любая статья
 Встрѣтитъ горячихъ хвалителей,

Каждую будутъ бранить...»
Тщетно! моихъ разорителей
Я не успѣлъ убѣдить!
Часто, взбираясь на лѣсенку,
Гдѣ мой редакторъ живетъ,
Слышалъ я грозную пѣсенку,
Вотъ вамъ ея переводъ:
«Изъ уваженья къ читателю,
Изъ уваженья къ себѣ,
Нѣтъ снисхожденья издателю —
Гибель, несчастный тебѣ!..»
— Но не хочу я погибели!
(Я ему): другъ-нигилистъ!
Лучше хотѣлъ бы я прибыли. —
Онъ же пускается въ свистъ.

Выслушавъ эти нелѣпости,
Я отъ него убѣгалъ,
И по мосткамъ противъ крѣпости
Обыкновенно гулялъ.
Тамъ я бродилъ въ меланхоліи,
Тамъ я любилъ размышлять,
Что не могу уже болѣе
«Аргуса» я издавать.
Чинъ мой оставя въ забвеніи
И не щадя сѣдины,
Эти великіе геніи
Снять съ меня рады штаны!
Лучше идти въ переписчики,
Чѣмъ убиваться въ накладъ.
Бросишь изданье — подписчики
Скажутъ: дай деньги назадъ!
Что же мнѣ дѣлать, несчастному?

Благо, хоть совѣсть чиста:
Либерализму опасному
Въ сѣти попалъ я спроста...
Такъ по мосткамъ противъ крѣпости
Я въ размышленьи гулялъ.
Полный нежданной свирѣпости,
Ледъ на мостки набѣжалъ:
Съ трескомъ они разскочилися,
Насъ по Невѣ понесло;
Всѣ пѣшеходы смутились,
Каждому плохо пришло!
Словно близъ дома питейнаго,
Крики носились кругомъ.
Смотримъ — нѣтъ моста Литейнаго!
Весь разнесло его льдомъ.
Вотъ, погоняемый льдинами,
Мчится на насъ плашкоутъ:
Ропоть прошелъ межъ мужчинами,
Женщины волосы рвутъ!
Тутъ человѣкъ либеральнаго
Образа мыслей, и тотъ
Звалъ на защиту квартальнаго...
Я лишь былъ хладенъ, какъ ледъ!
Что тутъ борьба со стихіею,
Если подорванъ кредитъ,
Если надъ собственной выею
Мечъ Дамоклесовъ виситъ?..
Общее было смятеніе,
Я же на льдинѣ стоялъ,
Я умолялъ Провидѣніе,
Чтобъ запретили журналъ...
Вышло-бъ судебъ покровительство:
Честь бы и деньги я спасъ;

Но не умѣетъ правительство
Въ пору быть строгимъ у насъ...
Нѣтъ, не оттуда желанное
Мнѣ избавленье пришло.—
Чудо свершилось нежданное:
На небѣ стало свѣтло.
Вижу, на льдинѣ сверкающей,
Вижу, является вдругъ
Мертвыя души скупающій
Чичиковъ! — *Здравствуй, мой другъ!*
Ты пріими покупателя!
Онъ прокричалъ — и исчезъ!..
Благославляя Создателя,
Мокрый я на берегъ влѣзъ...

Всю эту бурю ужасную
Вѣкъ сохраню я въ душѣ —
Мысль получивши прекрасную,
Я же теперь въ барышѣ!
Нѣтъ рокового изданія!
Самая мысль о немъ — прочь!
Поздно, въ трактирѣ «Германія»,
Въ ту же ужасную ночь,
Грѣясь, сушась, за бутылкою,
Сбылъ я подписчиковъ, сбылъ,
Сбылъ ихъ совсѣмъ — съ пересылкою,
Сбылъ — и барышъ получилъ!..
Словно змѣею укушенный,
Впрочемъ, легокъ и счастливъ,
Я убѣжалъ изъ Конюшенной,
Этотъ пассажъ совершивъ.
Чудилось мнѣ, что нахальные
Мчатся подписчики вслѣдъ:

«Дай намъ статьи либеральныя!»
Хоромъ кричатъ: — «дармоѣдъ!»
И вѣдь какіе подписчики!
Ихъ и продать-то не жаль:
Аптекаря, переписчики! —
Словомъ, ужасная шваль!
Знай, что такая компанія
Будеть (и всѣ въ куражѣ!..),
Не начиналъ бы изданія:
Аристократъ я въ душѣ.
Впрочемъ, средь бабьихъ передниковъ
И неуклюжихъ лаптей —
Трое дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ,
Двое армянскихъ князей!
Публика все чрезвычайная,
Даже чиновниковъ нѣтъ.
Охтенка — чтица случайная
(Втѣрь сѣ за сливки билетъ).
Дьяконъ какой-то, съ разсрочкою
(Басомъ, разбойникъ, кричитъ),
Стражъ департаментскій съ дочкою —
Все догоняетъ, шумитъ!
Съ хохотомъ, съ грохотомъ, съ гиканьемъ
Мчатся густою толпой,
Визгами, свистомъ и шиканьемъ
Слухъ надрывается мой.
Вѣрите-ль? даже квартальные,
Взявшіе даромъ билетъ,
«Дай намъ статьи либеральныя!»
Хоромъ кричатъ. Я въ отвѣтъ:
«Полноте, други любезные,
Либерализмъ вамъ не въ прокъ!» —
Самъ же въ ворота желѣзныя

Прыгъ — и защелкнулъ замокъ!
 — Ну! отвязались, ракалии...
 Тутъ я въ квартиру нырнулъ
 И, покуривши регалии,
 Благополучно заснулъ.

Жаль мнѣ редактора бѣднаго!
 Долго онъ будетъ грустить,
 Что направленія вреднаго
 Нѣгдѣ ему проводить.
 Встрѣтились мы: я почтительно
 Шляпу ему приподнялъ,
 Онъ улыбнулся язвительно
 И засвисталъ, засвисталъ!

ПРИТЧА О «КИСЕЛѢ».

Жиль-быль за тридевять земель,
 Въ какомъ-то царствѣ тридесятѣмъ,
 И просвѣщенномъ и богатомъ,
 Вельможа, именемъ — Кисель.
 За книгой съ дѣтства, кромѣ скуки,
 Онъ ничего не ощущалъ,
 Китайской грамотой — науки,
 Искусство — бреднямъ считалъ;
 За то въ войнѣ, на полѣ брани
 Подобныхъ не было ему:
 Онъ несъ съ народовъ дикихъ дани
 Пашѣ — владыкѣ своему.
 Сломивъ рога крамолѣ внѣшней

Пожаромъ, казнями, мечомъ,
Онъ дѣйствовалъ еще успѣшнѣй
Въ борьбѣ со внутреннимъ врагомъ:
Не только чуждые народы, —
Свои дрожали передъ нимъ!
Но измѣнили старцу годы —
Заботы, дальнѣе походы,
Военной славы громъ и дымъ
Израненному мужу въ тягость:
Сложилъ онъ бранныя дѣла,
И краемъ правящая благодать
Гражданскій постъ ему дала.
Подъ солнцемъ сѣвера и юга,
Уставъ отъ крови и побѣдъ,
Кисель любилъ въ часы досуга
Театръ, особенно балетъ.
Чего же лучше? Свѣжъ онъ чувствомъ,
Онъ только удрученъ войной —
Итакъ, да править онъ искусствомъ,
Вкушая въ старости покой!

Съ обычной стойкостью и рвеньемъ,
Кисель вступилъ на новый постъ:
Присматривалъ за поведеньемъ,
Вниманье обращалъ на ростъ,
Высокомѣрнымъ задалъ гонку,
Покорныхъ, тихихъ отличилъ,
Остригъ актёровъ подъ гребенку,
Актрисамъ стричься воспретилъ;
Сталъ роли раздавать по чину
И — какъ онъ былъ благочестивъ,
То женщинѣ играть мужчину
Не позволялъ, сообразивъ,
Что это вовсе неприлично:

— Еще начать бы позволять,
Чтобы роль женщины публично
Мужчина началъ исполнять!

Чтобы актёры были гибки,
Онъ ихъ училъ маршировать,
Чтобъ знали роли безъ ошибки,
Затѣялъ экзаменовать;
Иной придетъ поздненько съ пира, —
Къ нему экзаминаторъ шастъ,
Разбудить: «Монологъ изъ Лира
Читай!» Досада и напасть!

Приѣхалъ разъ въ театръ вельможа
И видитъ: зала вся пуста,
Одна директорская ложа
Его особой занята.
Еще случилось то же дважды —
И понялъ нашъ Кисель тогда,
Что въ публикѣ къ театру жажды
Не остается и слѣда.
Самъ ханъ, шутя, сказалъ однажды:
«Театръ не годенъ никуда!
Въ оркестрѣ врутъ и врутъ на сценѣ,
Совсѣмъ меня не веселя,
Съ тѣхъ поръ, какъ далъ я Мельпоменѣ
И Терпсихорѣ — *Киселя!*»

Кисель глубоко огорчился,
Удвоилъ трудъ — не ѣлъ, не спалъ;
Но какъ начальникъ ни трудился,
Театръ ни къ чорту не годился.
Тогда онъ истину созналъ:

«Справлялся я съ военной бурей,
Но мнѣ театръ не по плечу;
За красоту балетныхъ гурій
Продать я совѣсть не хочу!
Мнѣ о душѣ подумать надо,
И такъ довольно я грѣшилъ!»
(Кисель побаивался ада,
И въ рай, конечно, норовилъ).
Мысль эту изложивъ круглѣе,
Передаеть секретарю:
Дабы переписалъ крупнѣе,
Для поднесенья визирю.
Заплакалъ секретарь; печали
Не могъ, бѣдняга, превозмочь!
Бѣжить къ кассиру: «мы пропали!»
(Они съ кассиромъ вмѣстѣ крали)
И съ нимъ бесѣдуетъ всю ночь.
На утро въ трупѣ гуль раздался,
Что депутація нужна
Просить, чтобы Кисель остался,
Что ужъ собирается она.
«Да кто-жъ идетъ? съ какой же стати?»
Кричатъ строптивые: — «Давно
Мы жаждемъ этой благодати!»
— Тсс! Тсс! упроятъ неравно! —
И все пошло путемъ извѣстнымъ:
Начнетъ дуракъ или подлець,
А вслѣдъ за глупымъ и безчестнымъ
Пойдетъ и честный наконецъ.
Тоть говоритъ: до пенсіона
Мнѣ остается семь недѣль;
Тоть говоритъ: во время оно
Мою сестру крестилъ Кисель,

Тоть говоритъ: жена больная,
Тоть говоритъ: семья большая —
Такъ, другъ по дружкѣ, вся артель,
Благословивъ сначала небо,
Что онъ уходитъ, наконецъ,
Пошла съ дарами соли-хлѣба
Просить: «останься, нашъ отецъ!»
Впереди шли вдовицы преклонныя,
Прослужившія лѣта законныя,
Сѣдовласыя, еле ползущія,
Пенсіономъ полвѣка живущія;
Дальше причетъ трагедіи: вѣстники,
Щитоносцы, тираны, кудесники,
Двадцать-шесть благородныхъ отцовъ,
Девять первыхъ любовниковъ;
Восемьсотъ театральныхъ чиновниковъ,
По три въ рядъ выступали съ боковъ
Съ многочисленнымъ штабомъ:
Съ сиротами безпечными,
Съ бѣдняками увѣчными,
Прищемленными трапомъ.
Шли гимнъ представители пѣнія,
Стройно шествовалъ кор-де-балетъ;
Въ бѣлыхъ платьицахъ, съ крыльями генія
Корифейки младенческихъ лѣтъ,
Довершая эффектъ депутаціи,
Преклонялись съ простертой рукой,
И, исполнены женственной граціи,
Въ очи старца глядѣли съ мольбой...

Кто устоитъ передъ слезами
Дѣтей, теряющихъ отца?
Кисель растрогался мольбами:

«Я вашъ, о дѣти! до конца!
Я полагалъ, что я не нуженъ,
Я мнилъ, что даже вреденъ я;
Но вами я обезоруженъ!
Идемъ же, милые друзья,
Идемъ до гробового часу
Путемъ прогресса и добра...»
Актёры скорчили гримасу,
Но тутъ же крикнули: ура!
«Противостать возможно ядрамъ,
Но вашимъ просьбамъ — никогда!»

И снова править онъ театромъ,
И мечется туда-сюда;
То острижетъ до кожи труппу,
То космы разрѣшить носить.
А самъ не ѣсть ни щей, ни супу,
Не можетъ винъ заморскихъ пить.
Въ піесахъ, ради высшихъ цѣлей,
Внѣ брака допустилъ любовь,
И капельдинерамъ съ шинелей
Доходы предоставилъ вновь;
Смирившись съ авторомъ «Гамлета»
Завестъ знакомство пожелалъ,
Но Богъ — британскаго поэта
Къ нему откушать не прислалъ.
Укоротилъ балету платья,
Мужчиной женщину одѣлъ,
Но позднія мѣропріятія
Не помогли — театръ пустѣлъ!
Спились таланты при Ликургѣ,
Имъ было нечего играть:
Ни въ комикѣ, ни въ драматургѣ

Охоты не было писать;
Танцорки какъ ни горячились,
Не получали похвалы:
Онѣ не то, чтобы лѣнились,
Но вѣчно были тяжелы.
Въ партерѣ явно негодуютъ,
Свѣтъ Божій Киселю не милъ,
Груститъ: «Чиновники воруютъ,
«И съ трупой справиться нѣтъ силъ!
«Вчера статуя командора
«Ни съ мѣста! Только мелеть вздоръ —
«Мертвецки пьянаго актера
«Въ нее поставилъ режиссёръ!
«За то случился фактъ печальный
«Назадъ тому четыре дня:
«Съ фронтона крыши театральной
«Ушло три бронзовыхъ коня!»

Кисель до гроба сценой правилъ,
Сгубилъ театръ — хоть закрывай!
Свой сѣдины обезславилъ,
Да не попасть ему и въ рай.
Искусство въ государствѣ пало,
Къ великой грусти визиря,
И только денегъ прибывало
У молодца-секретаря:
Изрядный капиталъ составилъ,
Домъ нажилъ въ восемь этажей,
И на воротахъ львовъ поставилъ,
Сбѣжавшихъ переливъ коней...

Мораль: хоть крѣпостныя стѣны
И очень трудно разрушать,

Однако, храмомъ Мельпомены
Труднѣй безъ знанья управлять.
Есть и другому поученью
Тутъ мѣсто: если хочешь въ рай,
Путеводителемъ къ спасенью
Секретаря не избирай.

*
* *

Сыны «народнаго бича»,
Съ тѣхъ поръ, какъ мы себя сознали,
Жизнь какъ изгнанники влача,
По свѣту долго мы блуждали;
Не разъ, горячею слезой
И потомъ оросивъ дорогу,
На рубежѣ земли родной
Мы робко становили ногу;
Ужъ виденъ былъ домашній кровъ,
Мы сладкій отдыхъ предвкушали:
Но снова насъ грѣхи отцовъ
Отъ милыхъ мѣсть нещадно гнали,
И, зарыдавъ, мы далѣ шли,
Въ пыли, въ крови; скитались годы
И дань постыдную несли
Съ надеждой на алтарь свободы.
И вотъ насталъ желанный часъ,
Свободу громко возвѣстившій,
И показалось намъ, что съ насъ
Проклятье снялъ народъ ожившій;
И мы на родину пришли,
Гдѣ былъ весь родъ нашъ ненавидимъ,

Но тамъ все то же мы нашли —
Какъ прежде, мракъ и голодъ видимъ.
Смутясь, потушили мы взоръ —
«Нѣтъ! часъ не прѣбилъ примиренья!»
И снова бродимъ мы съ тѣхъ поръ
Безъ родины и безъ прощенья!

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

1.

СЛЕЗЫ И НЕРВЫ.

О, слезы женскія, съ придачей,
Нервическихъ, тяжелыхъ драмъ!
Вы долго были мнѣ задачей,
Я долго слѣпо вѣрилъ вамъ,
И много вынесъ мукъ мятежныхъ;
Теперь я знаю, наконецъ:
Не слабости созданій нѣжныхъ —
Вы ихъ могущества вѣнецъ.
Вѣрнѣе закаленной стали
Вы поражаете сердца;
Не знаю, сколько въ васъ печали,
Но деспотизму нѣтъ конца!
Когда, бывало, предо мною
Зальется милая моя,
Наружно ласковость удвою,
Но внутренно озлобленъ я.
Пока она дрожить и стонеть,
Лукавлю праздною душой:
Языкъ лисить, а глазъ шпионить —
И открываетъ... Боже мой!

Зачѣмъ не могъ я прежде видѣть?
Ее не стоило любить,
Ее не стоить ненавидѣть,
О ней не стоить говорить...
Скажи «спасибо» близорукой,
Всеукрашающей любви
И съ головы, съ ревнивой мукой,
Волосъ сѣдѣющихъ не рви!
Чѣмъ ты былъ пьянъ — виномъ поддѣльнымъ
Иль настоящимъ — все равно;
Жалѣй о томъ, что сномъ смертельнымъ
Не усыпляетъ насъ оно!

Кто ей теперь флаконъ подноситъ,
Застигнуть сценой роковой?
Кто у нея прощенья просить,
Вины не зная за собой?
Кто самъ трясется въ лихорадкѣ,
Когда она къ окну бѣжитъ
Въ преувеличенномъ припадкѣ
И «ты свободенъ» говоритъ?
Кто боязливо наблюдаетъ,
Сосредоточенъ и сердитъ,
Какъ буйство нервное стихаетъ
И переходитъ въ аппетитъ?
Кто ночи трудныя проводитъ,
Одинъ, ревнивый и больной,
А утромъ съ ней по лавкамъ бродитъ,
Нарядъ торгуя дорогой?
Кто говорить: «прекрасны оба» —
На нѣжный спросъ: «который взять?»
Межъ тѣмъ, какъ закипаетъ злоба,

И къ чорту хочется послать
Француженку съ нахальнымъ носомъ,
Съ ея коварнымъ: «с'est joli!»
И даже милую съ вопросомъ...
Кто молча достаетъ рубли,
Спѣша скорѣй покончить муку,
И, увидавъ себя въ трюмо,
Въ лицѣ своемъ читаетъ скуку
И рабства темное клеймо?

2.

МОЛОДЫЯ ЛОШАДИ.

ВЧЕРАШНІЯ СЦЕНЫ.

Лошади бойко по рельсамъ катили
Полный, громадный вагонъ.
Съ рельсовъ сошелъ неожиданно онъ...
Лошади рьяны и молоды были —
Дружно рванулись... опять и опять —
Не поддается вагонъ ни на пядь.
Съ часъ они силы свои напрягали,
Надорвались и — упали...
«Бѣдныя!» кто-то сказалъ изъ окна.
«Глупыя!» кто-то замѣтилъ съ балкона...
О, поскорѣе на рельсы... Страшна
Тяжесть сошедшаго съ рельсовъ вагона!

3.

НА ПОКОСЪ.

Сынъ съ отцомъ косили въ полѣ,
Дѣдъ траву сушилъ.

«Десять лѣтъ, какъ вы на волѣ,
Что же, братцы, хорошо ли?»

Я у нихъ спросилъ.

— «Заживили поясицы»,

Отвѣчалъ отецъ.

«Кабы больше намъ землицы,

Молвилъ молодець:

«Я работалъ бы прилежно

И поменьше пилъ».

«Неуѣжно, да улежно»,

Дѣдушка рѣшилъ...

4.

ЧЕЛОВѢКЪ СОРОКОВЫХЪ ГОДОВЪ.

... Пришелъ я къ крайнему предѣлу...

Я добръ, я честенъ; я служить

Не соглашусь дурному дѣлу,

За добрымъ — радъ не ѣсть, не пить;

Но иногда пройти сторонкой

Въ вопросѣ грозномъ и живомъ,

Но понижать мой голосъ звонкій

Передъ вліятельнымъ лицомъ —

Увы! вошло въ мою натуру!..

Не отъ рожденья я таковъ,

Но я прошелъ черезъ цензуру

Незабываемыхъ годовъ.
На всѣхъ, рожденныхъ въ двадцать-пятомъ
Году и около того —
Отяготѣль жестокой фатумъ:
Не выйти намъ изъ-подъ него.
Я не продамъ за деньги мнѣнья,
Безъ крайней нужды не солгу...
Но — гибнуть жертвой убѣжденья
Я не могу... я не могу...

5.

КЪ ПОРТРЕТУ **.

Твои права на славу очень хрупки,
И если вычестъ изъ заслугъ
Ошибки юности и позднихъ лѣтъ уступки, —
Пиши пропало, милый другъ.

6.

БУКИНИСТЪ И БИБЛИОГРАФЪ.

Отрывокъ.

Букинистъ.

А вотъ еще издание. Страсть
Какъ грязно! Впрочемъ, ваша власть —
Взять или не взять. Мнѣ все равно!
Найти купца не мудрено.
Одно замѣтилъ я давно,
Что, какъ зазубрина на плугѣ,
На книгѣ каждое пятно
Нѣмой свидѣтель о заслугѣ.

БИБЛИОГРАФЪ.

Ай, Гумбольдтъ! сказано умно.

БУКИНИСТЪ.

А публика, небось, не цѣнить!
Она тогда свой судъ измѣнить,
Когда пойметъ, что изъ огня
Попало ей черезъ меня
Двѣ-три хорошихъ книги въ руки.

БИБЛИОГРАФЪ.

Цѣна?..

7.

КЪ ПОРТРЕТУ ***.

Развѣнчанъ нами сей кумиръ
Съ его бездѣйственной, фразистою любовью.
Умны мы стали: вѣрить мѣръ
Лишь доблести, запечатлѣнной кровью.

8.

ПРАЗДНОМУ.

Что сидишь ты, сложа руки?
Ты окончилъ курсъ науки,
Любишь русскій край.

Остроумно, интересно
Говоришь ты, мыслишь честно —
Что же? Начинай!
Иль тебѣ все мелко, низко!

Или ждешь труда безъ риска?
Времена не тѣ.

.....

9.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ НЕНАПИСАННОЙ ПОЭМЫ.

Безъ роду, везъ племени.

Имени и роду
Богу не скажу.
Надо — воеводу
Словомъ ублажу.

«Кто ты?» — Я-то? житель! —
Опустилъ кулакъ:
«Кто ты?» — Сочинитель!
Подлинно, что такъ.

Мѣткое, какъ пуля,
Слово подъ конецъ:
«Кто ты?» — Бородуля. —
Прыснулъ! «Молодецъ!»

Я давай Богъ ноги...
«Съ Богомъ! ничего!
Наберемъ въ острѣгѣ
Помнящихъ родство».

Третій годъ на волѣ,
Третій годъ въ пути,

Сбился въ снѣжномъ полѣ —
Некуда идти!

Ночи дольше-дольше,
Незамѣтно дней;
Снѣгу больше-больше,
Не видать людей, —

Степью рыщутъ волки,
Съ голоду легки,
Стонутъ, какъ на Волгѣ
Лѣтомъ бурлаки.

.....

10.

Ни стыда, ни состраданья!
Кудри въ мелкихъ завиткахъ,
Станъ, волнующійся гибко,
И на чувственныхъ губахъ
Сладострастная улыбка.

11.

ЭПИТАФІЯ.

Зимой игралъ въ картишки
Въ уѣздномъ городишкѣ,
А лѣтомъ жилъ на волѣ,
Травилъ зайчишекъ груды,
И умеръ пьяный въ полѣ
Отъ водки и простуды.

12.

Онъ не былъ злобенъ и коваренъ,
 Но былъ мучительно ревнивъ,
 Но былъ въ любви неблагодаренъ
 И въ дружбѣ нерадивъ.

13.

Скоро — примѣты мои хороши! —
 Скоро покину обитель печали:
 Вѣчные спутники русской души —
 Ненависть, страхъ — замолчали...

14.

Усталъ я, усталъ я; мнѣ время уснуть!
 О, Русь! ты несчастна — я знаю;
 Но все-жъ, озирая мой пройденный путь,
 Я къ лучшему шагъ замѣчаю.

15.

ПОДРАЖАНІЕ ШИЛЛЕРУ.

I.

СУЩНОСТЬ.

Если въ душѣ твоей ясны
 Типы добра и любви,
 Въ мірѣ всѣ темы прекрасны,
 Музу смѣлѣе зови.

Муза тебя посѣтила:
 Смутно блуждаетъ твой взоръ!
 Въ первомъ наитіи сила!
 Брось начатой разговоръ.

 II.

ФОРМА.

Формѣ дай щедрую дань
 Временемъ; важенъ въ поэмѣ
 Стилъ, отвѣчающій темѣ.
 Стихъ, какъ монету, чекань —
 Строго, отчетливо честно;
 Правилу слѣдуй упорно:
 Чтобы словамъ было тѣсно,
 Мыслямъ — просторно.

 16.

ПѢСНЯ.

Всюду съ Музой проникающій,
 Въ домъ заброшенный пустой,
 Я попалъ. Какъ звѣрь рыкающій,
 Кто-то пѣлъ тамъ за стѣной:

Сборщикъ, надсмотрщикъ, подрядчикъ,

 Я подлецамъ не потатчикъ:
 Вышить, такъ вышью одинъ.

Слѣдственный пристава и сдатчикъ!..
 Оединька, откупа сынъ!..
 Я подлецамъ не потатчикъ:
 Выпить, такъ выпью одинъ.

Прасоль, помѣщикъ, закладчикъ!..
 Ф...—родитель и сынъ!
 Я подлецамъ не потатчикъ:
 Выпить, такъ выпью одинъ!..

Съ ними не пить, не дружиться,
 Съ ними честной гражданинъ
 Долженъ бороться и биться!..
 Выпить, такъ выпью одинъ!..

Или негоденъ я къ бою?
 Сбился я съ толку съ собой:
 Горе мое отъ запою,
 Или отъ горя запой?

ЗАТВОРНИЦА.

С о н ъ.

I.

Я посѣтилъ заброшенный нашъ садъ;
 Онъ все темнѣй, прохладнѣй съ каждымъ годомъ,
 Въ немъ семь ключей сверкаютъ и гремятъ,
 Вершины липъ таинственно шумятъ.
 Я ихъ люблю: подъ ихъ зеленымъ сводомъ
 Тиха, какъ ночь, и легкая, какъ тѣнь,
 Ты, мать моя, бродила каждый день.

II.

Я былъ тогда ребенкомъ: долго, долго,
Не думалъ я, родная, ни о чемъ;
Не ты, не садъ, — меня манила Волга,
Я съ кручи тамъ катался кубаремъ.
И лишь зимой въ морозы и метели
Я помню, мы безвыходно сидѣли
Самъ-другъ съ тобой въ разрушенномъ дому
(Угрюмый домъ, похожій на тюрьму).

III.

Я проклиналъ докучные морозы,
Я проклиналъ томительные дни,
А ты лила невѣдомыя слезы —
Я лишь позднѣй узналъ, о чемъ они.
Плачь, громко плачь!.. Хоть словомъ укоризны
Безсмѣнный гнетъ страданья разрѣши,
Изгнанница, лишенная отчизны!
Затворница, забытая въ глуши!

IV.

Въ другомъ краю, не менѣе несчастномъ.
Но менѣе суровомъ, рождена,
На сѣверѣ угрюмомъ и ненастномъ
Въ осьмнадцать лѣтъ ужъ ты была одна.
Тотъ разлюбилъ, кому судьбу вручила,
Съ кѣмъ въ чуждый край довѣрчиво пошла,
Ужъ онъ не твой, но ты не разлюбила,
Ты разлюбить до гроба не могла...

V.

Зоветь семья: «Твоей-ли вынести груди
Суровый гнетъ неволи и зимы,
Гдѣ за-одно съ природой стонуть люди?
Вернись скорѣй, — давно простили мы».
Грозить отецъ: «На горе ты бѣжала!
Припомнишь насъ!..» Ты гордо замолчала,
И у тебя — ни друга съ той поры,
Ни родины, ни брата, ни сестры.

VI.

А новый край? Ты, чистая, святая,
Ты, кроткая, съ мечтательнымъ умомъ,
О, что кругомъ ты видѣла, родная...
Какъ ты была подавлена!.. Какъ громъ
Гремѣлъ рояль — и голосъ твой печальный,
Звучалъ, какъ вопль души многострадальной,
Твой первенецъ наследовалъ потомъ.

VII.

«Несчастлива я, обманутая другомъ,
Но предъ тобой, о, женщина-раба!
Передъ рабомъ, согнувшимся надъ плугомъ
Моя судьба — завидная судьба.
Несчастлива ты, о, родина! я знаю —
Весь край въ плѣну, весь трепетомъ объять,
Но край, гдѣ я люблю и умираю,
Тотъ бѣдный край несчастнѣй во сто кратъ».

VIII.

Такъ пѣла ты, такъ плакала, родная,
Въ своей тюрьмѣ, судьбѣ не уступая,
Чужимъ скорбямъ безсильная помочь,
А надъ тобой уже висѣла ночь.
И ничего судьба не уступила —
Ты деспота покорствомъ не смягчила,
Ты въ сыновьяхъ опоры и друзей
Не дождалась... Миръ памяти твоей!

ЭПИЛОГЪ.

Ты умерла — тюрьма освободилась,
И снилось мнѣ — я поселился въ ней;
Въ груди моей чуть слышно сердце билось,
Я разомкнуть не въ силахъ былъ очей;
Но умъ кипѣлъ! съ невѣдомою силой
И не вотще я звалъ твой образъ милый:
Незримо ты витаешь надо мной
И мнѣ поешь съ любовью несказанной:
«То не тюрьма, а рай обѣтованный —
Забвеніе, желанное тобой».

28 января 1877.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВЪ ХРОНОЛОГИЧЕСКОМЪ ПОРЯДКѢ

1873—1877 гг.

ТОМЪ II.

1873.

	СТР.
1. Кому на Руси жить хорошо:	
Прологъ	1
Первая часть:	
I. Попъ	14
II. Сельская ярмонка	29
III. Пьяная ночь	43
IV. Счастливые	58
V. Помѣщикъ	83
Послѣдышъ — изъ второй части	102
Крестьянка — изъ третьей части:	
Прологъ	146
I. До замужества	160
II. Пѣсня	167
III. Савелій, богатырь святорусскій	175
IV. Демушка	189
V. Волчица	202
VI. Трудный годъ	212
VII. Губернаторша	220
VIII. Бабья притча	230
Пиръ на весь мѣръ — изъ четвертой части	234
I. Горькое время — горькія пѣсни:	
Веселая	240
Про холопа примѣрнаго, Якова вѣрнаго	243

	СТР.
II. Странники и богомольцы	250
О двухъ великихъ грѣшникахъ	257
III. Старое, и новое	261
Крестьянскій грѣхъ	262
Голодная	265
IV. Доброе время — добрыя пѣсни	275
Соленая	279
Бурлакъ	286
Русь	287
V. «Удалась мнѣ пѣсенка»	288
2. Дѣтство. — Неоконченныя записки	289
3. Наканунѣ свѣтлаго праздника. — Изъ стихотвореній, посвященныхъ русскимъ дѣтямъ	294

1874.

4. Утро	298
5. Надъ чѣмъ мы смѣемся	299
6. Поэту — Памяти Шиллера	300
7. Ночлеги:	
I. На постояломъ дворѣ	301
II. На погорѣломъ мѣстѣ	306
III. У Трофима	308
8. Три элегіи	311
9. Уныніе	314
10. Элегія	320
11. Горе стараго Наума	322

1875.

12. Современники:	
I. Юбиляры и триумфаторы	334
II. Герои времени	350

1876.

13. Вступленіе къ пѣснямъ 1876—77 годовъ	409
14. Дни идутъ... все такъ же воздухъ душень	410
15. Святелямъ	411
16. Молебень	—
17. Пророкъ. Изъ Барбье	412
18. Друзьямъ	413
19. Музѣ	—
20. Скоро стану добычею тлѣнья	—

	СТР.
21. Зинѣ:	
I. Двѣсти ужъ дней	414
II. Ты еще на жизнь имѣешь право	—
1877.	
22. Приговоръ	415
23. Мать. — Отрывки изъ поэмы	416
24. З—нѣ: Пододвинь перо, бумагу, книги!	426
25. Поэту	427
26. Баюшки-баю	428
27. Отъѣзжающему	429
28. Черный день! какъ нищій просить хлѣба	430
29. Великое чувство! у каждахъ дверей	—
30. М. Е. Салтыкову. — При отъѣздѣ за-границу	431
31. Отрывокъ: Я сбросила мертвящія оковы	—
32. Старость	432
33. Ты не забыта	—
34. Осень	433
35. Мужъ и жена	434
36. Сонъ	436
37. О, Муза, я у двери гроба	—

ПРИЛОЖЕНІЕ.

1842—1877 гг.

1842.

1. Говорунъ. Записки петербургскаго жителя Бѣлопяткина.	439
---	-----

1844.

2. Чиновникъ	465
3. Отрывокъ: Родился я въ губерніи	472

1845.

4. Новости. — Газетный фельетонъ	474
5. Стишки! стишки!	481

	СТР.
1846.	
6. Такъ служба!	482
1851.	
7. Мое разочарованіе	483
8. Дѣловой разговоръ	487
1852.	
9. Старики	500
1853.	
10. Передъ зеркаломъ	—
1854.	
11. Признанія труженника	502
12. Четырнадцатое іюня 1854 года	505
1856.	
13. Безвѣстенъ я	506
14. Чуть-чуть не говоря	—
1857.	
15. Изъ автобіографіи генераль-лейтенанта Ѳедора Иларіо- новича Рудометова 2-го	507
1859.	
16. На обѣдѣ въ честь Мартынова	509
1860.	
17. Папаша	510
18. Литературная травля	516
19. Дружеская переписка Москвы съ Петербургомъ	517
1861.	
20. Первый шагъ въ Европу	521

1863.

21. На псарнѣ	523
22. Явно родственны съ землей	524
23. Пѣсня объ «Аргусѣ»	—

1865.

24. Притча о «Киселѣ»	529
---------------------------------	-----

1871.

25. Сыны «народнаго бича»	536
-------------------------------------	-----

1876—1877.

26. Изъ записной книжки:

1) Слезы и нервы	537
2) Молодые лошади	539
3) На покосѣ	540
4) Человѣкъ 40-хъ годовъ	—
5) Къ портрету ***	541
6) Букинистъ и библиографъ	—
7) Къ портрету ***	542
8) Праздному	—
9) Безъ роду, безъ племени. Отрывокъ	543
10) Ни стыда, ни состраданія	544
11) Эпитафія	—
12) Онъ не былъ злобенъ и коваренъ	545
13) Скоро — примѣты мои хороши	—
14) Усталъ я, усталъ я; мнѣ время уснуть!	—
15) Подраженіе Шиллеру	—
16) Пѣсня: Всюду съ Музой проникающій	546
27. Затворница	547

I.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ *).

I. Чиновничество.

Говорунъ, 42. Чиновникъ, 44. Пьяница, 45. Отрадно видѣть, что находитъ, 45. Колыбельная пѣсня, 46. Воръ, 50. Маша, 51. Застѣнчивость, 52. Ахъ, были счастливые годы, 53. Въ больницѣ, 55. Утренняя прогулка, 58. — (Всего 11 стихотвореній).

II. Крестьянскій бытъ.

Въ дорогѣ; Огородникъ; Тройка; Такъ служба! (всѣ 46 года). Извозчикъ; Вино, 48. Проводы; Гробокъ; Ванька, 50. Въ деревнѣ; Изъ путевыхъ записокъ графа Гаранскаго, 53. Власъ; Свадьба; Несжатая полоса, 54. Забытая деревня, 56. Размышленія у параднаго подѣзда; Пѣсня Еремушкѣ; Ночь, 58. Знахарка; Деревенскія новости; Дума, 60. Крестьянскія дѣти; Коробейники; Похороны; Плачъ дѣтей; Свобода, 61. Литература съ трескучими фразами, 62. Морозъ Красный носъ; Калистратъ; Кумушки; Въ полномъ разгарѣ страда деревенская; Что думаетъ старуха; На псарнѣ, 63. Орина мать солдатская; Притча о Ермолаѣ, 64. Пѣсни, 66. Эй, Иванъ!; Дядюшка Яковъ; Пчелы; Генераль Топтыгинъ; Выборъ; Пѣсня о трудѣ; Съ работы, 67. Дѣдушка Мазай и зайцы; Соловьи; 70. Кому на Руси жить хорошо, 73. Молебень, 76. — (Всего 47 стих.).

III. Помѣщичій бытъ, богачи.

Родился я въ губерніи, 44. Современная ода, 45. Секретъ; Псовая охота, 46. Нравственный человѣкъ, 47. Мое разочарованіе, 51. Передъ зеркаломъ; Филантропъ, 53. Признанія труженика, 54. Княгиня; Самодовольныхъ болтуновъ, 56. Размышленія у параднаго подѣзда, 58. Папаша; Первый шагъ въ Европу, 60. Дешевая покупка, 62. Явно родственны съ землей, 63. Притча о Ки-

*) Настоящій указатель имѣетъ цѣлю по возможности сгруппировать содержаніе поэзіи Некрасова по ея главнымъ темамъ (годы, поставленные при каждомъ стихотвореніи, указываютъ его эпоху). Точное разграниченіе въ этомъ случаѣ, конечно, невозможно, такъ какъ многія изъ стихотвореній могутъ быть отнесены къ нѣсколькимъ разрядамъ, а потому мы предлагаемъ только приблизительное раздѣленіе Некрасовской поэзіи на ея группы. Цифры, при стихотвореніяхъ, обозначаютъ года, подъ которыми можно отыскать ихъ въ оглавленіи.

сель, 65. Медвѣжья охота; Еще тройка, 67. Недавнее время, 71. Послѣдышь, 72. Юбиляры; Герои времени, 75. Надъ чѣмъ мы смѣемся, 74.— (Всего 24 стих.).

IV. Родина и Петербургъ.

Говорунъ, 42. Новости, 45. Родина; Новый годъ, 52. На родинѣ, 55. Несчастные, 56. Тишина, 57. Въ столицахъ шумъ, 58. Утренняя прогулка; До сумерекъ; Сумерки, 59. Дружеская переписка Москвы съ Петербургомъ, 60. Свобода, 61. Пожарище; Благодареніе Господу Богу, 63. Желѣзная дорога, Возвращеніе; Опять она, родная сторона, 64. Крещенскіе морозы; Кому холодно; Газетная, 65. Балетъ, 66. Гимнъ, 66. Душно! безъ счастья и воли; Дома лучше; Наконецъ, не горитъ уже лѣсъ, 68. Наканунъ Свѣтлаго праздника; Кому на Руси жить хорошо, 73. Утро, 74. Дни идутъ, 76.— (Всего 30 стих.).

V. Историческія.

Великихъ зрѣлищъ, міровыхъ судебъ: Четырнадцатое іюня 1854 г., 54. Тишина; Изъ біографіи ген. Рудометова, 57; Дѣдушка; Страшный годъ, 70. Русскія женщины, 71—72. Молодые лошади, 76. Осень, 77.— (Всего 10 стих.).

VI. Историко-литературныя.

Дѣловой разговоръ, 51. Блаженъ незлобивый поэтъ, 52. Памяти Асенковой; Памяти Бѣлинскаго, 53. Тургеневу, 55.—До сумерекъ, 50. Литературная травля, 60. 20-е ноября 1861 г., Суровъ ты былъ, 64. Пѣсня объ Аргусѣ, 63. Пѣсни о свободномъ словѣ, 65. Судъ, 67. Не рыдай такъ безумно надъ нимъ, 68. Поэту, 74. Пророкъ; Дѣтелямъ; Къ портрету (двѣ пьесы). 76. Приговоръ, 77. М. Е. Салтыкову.—(Всего 20 стих.).

VII. Автобіографическія.

Стишки! стишки! 45. Подражаніе Лермонтову, 46. Я за то глубоко презираю себя, 47. Поражена потерей невозвратной, 48. Муза, 51. Послѣднія элегіи, 53. Я сегодня такъ грустно настроенъ, 54. Праздникъ жизни — молодости годы, 55. Безвѣстенъ я; Чуть-чуть не говоря...; Поэтъ и гражданинъ, Замокни, Муза мести и печали, 56. Одинокій, потерянный; Что ты, сердце мое; Демону; На Волгѣ; Рыцарь на часъ, 60. Что ни годъ уменьшаются силы, 61. Стихи мои, свидѣтели живые, 62. Надрывается сердце отъ муки,

63. Сестрѣ, 63. Ликуеть врагъ; Гимнъ, 66. Неизвѣстному другу, 67. Уныніе, 74. Вступленіе къ пѣснямъ, 76. Зинѣ; Скоро стану добычею тлѣнья; Скоро — примѣты мои хороши; Музѣ; Друзьямъ, 76. Изъ поэмы «Мать»; Баюшки-баю, 77.—(Всего 33 стих.).

VIII. Женщинѣ.

Когда изъ мрака заблужденья; Пускай мечтатели осмѣяны давно, 45. Ты всегда хороша несравненно; Если мучимый страстью мятежной; Ёду ли ночью по улицѣ темной, 47. Я посѣтилъ твое кладбище, 49. Я не люблю ироніи твоей; Буря (50 и 53); Мы съ тобой безтолковые люди; Маша, 51. Старики; О, письма женщины намъ милой; Влюбленному; Прекрасная партія, 52. Да, наша жизнь текла мятежно, 53. Такъ это шутка? милая моя, 54. Давно, отвергнутый тобой; Гдѣ твое личико смуглое; Саша; Письма, 55. Тяжелый крестъ...; Какъ ты кротка; Гадающей невѣстѣ; Княгиня; Тяжелый годъ; 1-я часть Несчастливыхъ; Прости, не помни дней паденья, 56. Убогая и нарядная, 57. Рыцарь на часъ, 60. Первый шагъ въ Европу, 66. Дешевая покупка, 62. Морозъ, 63. Катерина, 64. Пѣсня изъ Медвѣжьей охоты, 67. Мать, 68. Русскія женщины, 72. Крестьянка, 73. Три элегіи, 74. З—нѣ, три пьесы: Слезы и нервы, 76. Изъ поэмы: «Мать»; Горяція письма; Я сбросила мертвяція оковы, 77.—(Всего 46 стих.).

IX. Дѣти.

Школьникъ, 56. Сумерки, 59. Крестьянскія дѣти; Плачъ дѣтей, 61. Кумушки, 63. Желѣзная дорога, 64. Дядюшка Яковъ и пр., 67. Дѣдушка Мазай и зайцы; Соловьи, 70. Дѣтство; Наканунѣ свѣтлаго праздника, 73.—(Всего 13 стих.).

X. Природа.

Передъ дождемъ, 46. За городомъ, 53. Тишина, 57. Надрывается сердце отъ муки; Зеленый шумъ, 63, и—разсѣяно во многихъ большихъ поэмахъ.

II.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

	т.	стр.
Ахъ, были счастливые годы, см. изъ Гейне	I	66
Ахъ, что изгнанье, заточенье	II	311

	Т.	СТР.
Балетъ	I	392
Баюшки-баю	II	428
Безвѣстенъ я	—	506
Безъ роду, безъ племени	—	543
Благодареніе Господу Богу	I	290
Блаженъ незлобивый поэтъ	—	52
Букинисть и Библиографъ	II	541
Буря	I	88
Бьется сердце безпокойное	II	313
Бѣлинскому, см. Памяти пріятеля	I	73
Ванька, см. На улицѣ	I	45
Великихъ зрѣлицъ, міровыхъ судебъ	II	505
Великое чувство	—	430
Вино	I	36
Власъ	—	93
Влюбленному	—	65
Внимая ужасамъ войны	—	97
Возвращеніе	—	342
Воръ, см. На улицѣ	I	44
Вступленіе къ пѣснямъ 1876—1877 годовъ	II	409
Всюду съ Музой проникающій	—	546
Въ больницѣ	I	99
Въ деревнѣ	—	70
Въ дорогѣ	—	6
Въ невѣдомой глуши	—	24
Въ полномъ разгарѣ страда деревенская	—	286
Въ столицахъ шумъ	—	196
Выборъ	—	413
Гадающей невѣстѣ	—	147
Газетная	—	360
Газетный фельетонъ	II	474
Гдѣ твое личико смуглое	I	128
Генераль Топтыгинъ	—	434
Герой времени	II	350
Гимнъ	I	411
Говорунъ	II	439
Горе стараго Наума	—	322
Горящія письма	I	127
Гробокъ, см. На улицѣ	—	46

	т.	стр.
Давно, отвергнутый тобою	I	98
Даже въ полголоса мы не пѣвали	II	429
Да, наша жизнь текла мятежно	I	77
Двадцатое ноября 1861 года	—	277
Демону	—	214
Деревенскія новости	—	234
Дешевая покупка	—	279
Дни идутъ	II	410
Дома лучше	I	477
До сумерекъ, см. о погодѣ	—	202
Дружеская переписка Москвѣ съ Петербургомъ	II	517
Друзьямъ	—	413
Дума	I	238
Душа мрачна, см. Послѣднія элегіи	—	68
Душно! безъ счастья и воли	—	471
Дѣдушка, поэма	—	472
Дѣдушка Мазай и Зайцы	—	490
Дѣловой разговоръ	II	487
Дѣтство	—	289
Дядюшка Яковъ	I	429
Если, мучимый страстью мятежной	—	32
Еще тройка	—	467
Желѣзная дорога	—	344
Забытая деревня	—	135
За городомъ	—	87
Замолкни, Муза мести и печали	—	128
Застѣнчивость	—	54
Затворница	II	547
Зеленый шумъ	I	283
Зимой игралъ въ картишки	II	544
Зинѣ: Двѣсти ужъ дней	—	414
» Пододвинь перо, бумагу, книги	—	426
» Ты еще на жизнь имѣешь право	—	414
Знахарка	I	215
Извозчикъ	—	39
Изъ автобіографіи генерала Рудометова 2-го	II	507
Изъ Гейне, см. Ахъ, были счастливые годы	I	66
Изъ Гейне, см. Душно! безъ счастья и воли	—	471

	Т.	СТР.
Изъ записной книжки	II	543
Имени и роду, см. Безъ роду, безъ племени	—	543
Какъ ты кротка, какъ ты послушна	I	131
Калистрать	—	288
Катерина	—	407
Княгиня	—	129
Княгиня Волконская	—	554
Княгиня Трубецкая	—	523
Когда изъ мрака заблужденья	—	2
Колыбельная пѣсня	—	9
Кому на Руси жить хорошо	II	1
Кому холодно, кому жарко	I	355
Коробейники	—	253
Крестьянка	II	146
Крестьянскія дѣти	I	241
Крещенскіе морозы	—	350
Кузнецъ	—	601
Кумушки	II	337
Къ портрету **	—	541
Къ портрету ***	—	542
Ликуеть врагъ	I	405
Литераторы	—	378
Литература съ трескучими фразами	—	282
Литературная травля	II	516
Мать.—Отрывки изъ поэмы	—	416
Мать. Она была исполнена печали	I	469
Маша	—	49
Медвѣжья охота	—	444
Мое разочарованіе	II	483
Молебенъ	—	411
Молодые	I	408
Молодые лошади	II	539
Морозъ красный-носъ	I	296
Мужъ и жена	II	434
Муза	I	47
Музъ	II	413
Мы съ тобой безтолковые люди	I	47

	Т.	СТР.
Наборщики	I	372
На Волгѣ	—	217
Надрывается сердце отъ муки	—	287
Надъ чѣмъ мы смѣемся	II	299
Наканунѣ Свѣтлаго праздника	—	294
Наконецъ не горить уже лѣсъ	I	472
На обѣдѣ въ честь Мартынова	II	509
На погорѣломъ мѣстѣ	—	306
На покосѣ	—	540
На постояломъ дворѣ	—	301
На псарнѣ	—	523
На родинѣ	I	126
На улицѣ	—	45
Начало поэмы: Опять она, родная сторона	—	343
Недавнее время	—	498
Неизвѣстному другу	—	411
Не рыдай такъ безумно надъ нимъ	—	470
Несжатая полоса	—	91
Несчастные	—	148
Ни стыда, ни состраданья	II	544
Новости.—Газетный фельетонъ	—	474
Новый годъ	I	51
Ночлеги	II	401
Ночь. Успѣли мы всѣмъ насладиться	I	197
Нравственный человѣкъ	—	30
Огородникъ	—	11
Одинокій, потерянный	—	212
Онъ не былъ злобенъ и коваренъ	II	545
О, Муза! я у двери гроба	—	436
О, письма женщины намъ милой	I	65
О погодѣ	—	197
Опять она, родная сторона, см. Начало поэмы	—	343
Орина, мать солдатская	—	292
Осень	II	433
Осторожность	I	387
Отрадно видѣть, что находить	—	4
Отрывокъ изъ поэмы: «Безъ роду, безъ племени»	II	543
Отрывки изъ путевыхъ записокъ графа Гаранскаго	I	84
Отъѣзжающему	II	429
Памяти—ой (Асенковой)	I	74
Памяти Добролюбова	—	340

	Т.	СТР.
Памяти пріятеля, см. Бѣлинскому	I	73
Палаша	II	510
Первый шагъ въ Европу	—	521
Передъ дождемъ	I	11
Передъ зеркаломъ'	II	500
Письма. Плачь, горько плачь!	I	126
Плачь дѣтей	—	240
Подражаніе Лермонтову, см. Колыбельная пѣсня . . .	—	9
Подражаніе Лермонтову. Въ невѣдомой глуши	—	24
Подражаніе Шиллеру	II	545
Пожарище	I	289
Поражена потерей невозвратной	—	42
Послѣднія элегіи	—	67
Послѣдышь	II	102
Похороны	I	250
Поэту. Памяти Шиллера	II	300
Поэту: Любовь и трудъ	—	427
Поэту	I	378
Поэтъ и гражданинъ	I	136
Праздникъ жизни — молодости годы	—	124
Праздному	II	542
Прекрасная партія	I	56
Приговоръ	II	415
Признанія труженика	—	502
Притча о Ермолаѣ трудящемся	I	341
Притча о Киселѣ	II	529
Проводы, см. На улицѣ	I	45
Пропала книга	—	390
Пророкъ	II	412
Прости!	I	133
Прощай! завидую тебѣ, см. Тургеневу	—	125
Псовая охота	—	16
Публика	—	381
Пускай мечтатели осмѣяны давно	—	5
Путевыя записки гр. Гаранскаго, см. Отрывки	—	84
Пчелы	—	433
Пышна въ разливѣ гордая рѣка, см. Послѣднія элегіи .	—	69
Пьяница	—	4
Пѣсни	—	406
Пѣсни о свободномъ словѣ	—	371
Пѣсня: съ Музой проникающей	II	546
Пѣсня Еремушкѣ	I	193

	Т.	СТР.
Пѣсня изъ «Медвѣжьей охоты	I	466
Пѣсня объ Аргусѣ	II	524
Пѣсня о трудѣ	I	464
•		
Разбиты всѣ привязанности	II	313
Размышленія у параднаго подъѣзда	I	189
Разсылный	—	371
Родился я въ губерніи.—Отрывокъ	II	472
Родина	I	25
Русскія женщины	—	523
Рыцарь на часъ	—	226
Салтыкову, М.	II	431
Самодовольныхъ болтуновъ	I	132
Саша	—	103
Свадьба	—	96
Сватъ и женихъ	—	408
Свобода	—	278
Секретъ	—	27
Сестрѣ (Аннѣ Алексѣевнѣ Буткевичъ). Посвященіе	—	296
Скоро—примѣты мои хороши	II	545
Скоро стану добычею тлѣнья	—	413
Слезы и нервы	—	537
Современная ода	I	1
Современники	II	334
Соловьи	I	496
Сонъ	II	436
Старики	—	500
Старость	—	432
Стихи мои! свидѣтели живые	I	282
Стихотворенія, посвященныя русскимъ дѣтямъ	—	429
» » » »	—	490
» » » »	II	294
Стишки! стишки!	—	481
Страшный годъ	I	489
Судъ	—	416
Сумерки, см. О погодѣ	—	209
Суровъ ты былъ	—	340
Съ работы	—	442
Сыны народнаго бича	II	536
Святелямъ	—	411

	Т.	СТР.
Такъ, служба	II	482
Такъ это шутка? Милая моя	I	89
Тишина	—	178
Три элегии	II	311
Тройка	I	14
Тургеневу	—	125
Ты всегда хороша несравненно	—	35
Ты не забыта	II	432
Тяжелый годъ	I	178
Тяжелый крестъ	—	146
Убогая и нарядная	I	185
У людей-то въ дому	—	406
Уныніе	II	314
Усталъ я, усталъ	—	545
Утренняя прогулка, см. О погодѣ	I	197
Утро	II	298
У Трофима	—	308
Фельетонная букашка	I	379
Филантропъ	—	78
Человѣкъ сороковыхъ годовъ	II	540
Черный день! какъ нищій просить хлѣба	—	430
Четырнадцатое іюня 1854 года	—	505
Чиновникъ	—	465
Что думаетъ старуха, когда ей не спится	I	285
Что ни годъ—уменьшаются силы	—	240
Что ты, сердце мое, расходилося	—	213
Чуть-чуть не говоря	II	506
Школьникъ	I	133
Ѣду-ли ночью по улицѣ темной	—	33
Эй, Иванъ!	—	438
Элегія	II	320
Эпитафія	—	544
Юбиляры и триумфаторы	—	334
Явно родственны съ землей	—	524
Я за то глубоко презираю себя	I	35

	Т.	СТР.
Я не люблю ироніи твоей	I	44
Я покинулъ кладбище унылое, см. Двадцатое ноября .	—	277
Я посѣтилъ твое кладбище	—	43
Я рано всталъ, см. Послѣднія элегіи	—	68
Я сегодня такъ грустно настроенъ	—	92
Я сбросила мертвящія оковы	II	431

